

ПРИЛОЖЕНИЕ К БЮЛЛЕТЕНЮ «НОВЫЕ КНИГИ ЗА РУБЕЖОМ»

Рассылается по специальному списку

КАРЛ МАРЗАНИ

**МЫ МОЖЕМ БЫТЬ
ДРУЗЬЯМИ**

Ж

14
137

ПО «НОВЫЕ КНИГИ ЗА РУБЕЖОМ»

Рассылается по специальному списку

95
137

КАРЛ МАРЗАНИ

МЫ МОЖЕМ БЫТЬ ДРУЗЬЯМИ

ИСТОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Перевод с английского

55-4468

УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1953

CARL MARZANI

WE CAN BE FRIENDS

New York

1952

2014243118

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

5813-03

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1952 году в Нью-Йорке издательством «Топикэл бук» выпущена книга Карла Марзани «Мы можем быть друзьями».

Автор книги родился в Италии в рабочей семье, вместе с отцом бежал в США от преследований фашистского режима Муссолини. В США Карл Марзани подвергся преследованию за свои убеждения.

Находясь в заключении, он написал книгу «Мы можем быть друзьями», в которой он излагает факты, разоблачающие причины и характер «холодной войны». Автор, отражая мнение прогрессивных кругов США, считает мирное сосуществование двух систем возможным и необходимым, призывает к дружбе народов Соединенных Штатов Америки и Советского Союза.

Книга дается в полном переводе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Минувшее воскресенье я провел за чтением книги Карла Марзани «Мы можем быть друзьями». Просьбу написать к ней предисловие я рассматриваю как большую честь. Еще никто так исчерпывающе, как Марзани, не разоблачал интриг, имеющих целью вовлечь нашу страну в третью мировую войну,— в войну, направленную прежде всего против Советского Союза.

Чтобы разоблачить алчных и двуличных вдохновителей этих интриг, нужен был именно такой человек, как Карл Марзани. Он вырос в бедной рабочей семье, в одном из горнопромышленных районов Пенсильвании. Его отец был итальянец и бежал из Италии в 1923 году, отказавшись присягнуть на верность Муссолини. В юности Марзани работал, чтобы получить образование, затем сражался против Франко в Испании, участвовал во второй мировой войне. Он окончил Уильямс-колледж в Америке и Оксфордский университет в Англии. Одно время преподавал в Нью-Йоркском университете. Много путешествовал по Европе и Азии.

Несколько лет Марзани провел на государственной службе — в государственном департаменте, а также в бюро стратегических служб (ОСС) и в других разведывательных органах. Он намечал объекты для бомбардировки Токио авиацией генерала Дулиттла, служил при Рузвельте и Трумэне под началом крупнейших военных руководителей США в должности помощника начальника отдела в органах разведки США в Америке, Англии и Италии. В 1942 и 1943 годах его работа и «лояльность» проверялись ФБР, Комиссией по делам государственных служащих, разведывательным отделом морского министерства, разведывательным отделом военного министерства и контрразведывательным отделом Бюро стратегических служб. В 1946 году он по собственному желанию ушел с государственной службы и сразу же начал выступать по вопросу о «холодной войне», критикуя внешнюю политику США.

По поручению профсоюза рабочих-электриков он поставил фильм «Пора действовать», который был признан лучшим из

всех просветительных фильмов, когда-либо выпущенных профсоюзными. Фильм был хорошо документирован, люди фигурировали в нем под своими настоящими именами, и когда этот фильм появился на экранах, газеты и некоторые упоминавшиеся в нем тресты сразу же повели против него кампанию, как против «коммунистического» фильма. Несколько месяцев спустя Марзани было предъявлено обвинение в том, что в 1946 году он якобы дал ложное показание по вопросу о своей принадлежности в 1940 году к Коммунистической партии США. На суде правительство выставило против него только «профессиональных свидетелей», один из которых в подобном же случае уже был изобличен в лжесвидетельстве и потом сошел с ума.

Марзани не обвинялся ни в «бунтовществе», ни в измене, ни в лжесвидетельстве, но тем не менее его признали виновным и приговорили к трем годам заключения в федеральной тюрьме. Апелляционный суд отверг девять из одиннадцати предъявленных Марзани обвинений как необоснованные; два обвинения были переданы на рассмотрение Верховного суда Соединенных Штатов, в котором мнения разделились: четыре члена суда сочли обвинения обоснованными, а четверо других с этим не согласились. Но дело Марзани представляло собой столь ясное посягательство на гражданские свободы, что Верховный суд, вопреки обыкновению, назначил это дело к пересмотру. Однако голоса опять разделились поровну, и Марзани посадили в тюрьму. Позднее член конгресса Сэбэт назвал это дело «новым позорным эпизодом, свидетельствующим о подавлении свободы в нашей любимой стране».

Преследование Марзани этим не кончилось. По существующим у нас порядкам приговоренных к трем годам заключения по отбытии одного года можно на известных условиях освободить досрочно. Марзани был заключен в тюрьму в марте 1949 года, но в феврале, а затем в марте и июне 1950 года ему было отказано в досрочном освобождении, несмотря на «хорошее поведение» и несмотря на то, что на свободе его ждала работа, а семья испытывала материальные лишения. Зато член конгресса Парнелл Томас, осужденный за казнокрадство был выпущен на свободу через месяц после того, как получил право на досрочное освобождение. О досрочном освобождении Марзани ходатайствовали тысячи людей, в том числе Альберт Эйнштейн, бывший начальник Бюро стратегических служб генерал Доновэн, Томас Манн, Лоуэлл Томас, Александер Мейкджон и несколько профессоров университета. И все же Марзани не только не выпустили до срока из тюрьмы, но и отобрали у него рукописи трех книг, которые он начал писать в тюрьме, в том числе и рукопись настоящей книги. Одну из этих рукописей Марзани так и не получил обратно.

Американский народ сможет претворить свое несомненное стремление к миру в жизнь, только если он будет хорошо знать, почему возник нынешний кризис и как случилось, что от политики мира, проводившейся Рузвельтом, США перешли к политике «холодной войны». В этой книге читатель найдет неопровержимые доказательства измены Трумэна рузвельтовской политике Нового курса, разоблачение коварных планов Черчилля, направленных против Советского Союза, преступных действий Форрестола, Гарримана, Даллеса, Бирнса и сенатора Ванденберга, а также кровавого заговора, приведшего к возникновению войны в Корее. Эти факты нужно знать, и книга «Мы можем быть друзьями» правдиво их излагает.

Уильям Дюбуа
17 августа 1952 года

ВВЕДЕНИЕ

12 апреля 1945 года умер Франклин Делано Рузвельт.

Это событие повергло в скорбь сотни миллионов людей во всем мире.

В штабе союзных войск в Казерте (Италия) американский часовой смотрел на крупный заголовок в солдатской газете «Старс энд страйпс» и когда я подошел к нему, он грустно покачал головой:

— Не следовало этому случиться сейчас,— сказал он просто.

Он был прав. Не следовало.

Люди во всех странах, в самых отдаленных уголках мира думали так же, как этот солдат. В Англии, Америке, России, на островах Атту и Мальте, на Камчатке и в Париже народные массы испытывали горечь тяжелой утраты.

Инстинктивно они опасались за будущее. Хоть и смутно, они отдавали себе отчет в том, что могущественные силы реакции в Америке уже давно вели непримиримую борьбу против Рузвельта и Нового курса и что смерть Рузвельта наруку этим реакционерам.

Сейчас, в 1952 году, весь мир объят страхом. Развертывается гигантская гонка вооружений, в том числе таких страшных, как атомное и бактериологическое оружие. В Корее день за днем, не переставая, полыхает ужасная, бессмысленная, бесперспективная война. Грозящее взрывом напряженное состояние международных отношений, которое газеты называли «холодной войной», не прекращается. Все упорно ищут ответа на вопрос: как началась эта холодная война?

Трумэн утверждает, что она началась по вине России. Сталин якобы добивается господства над миром, распространения коммунизма, расширения своей империи; русские якобы одурачили Рузвельта, добились от него множества уступок, но сами не уступили ни в чем и все время стремились обмануть его в ответ на его дружественное к ним отношение. Трумэн утверждает, что он пунктуально выполнил все совместные решения, а русские, мол, нарушили свое слово. Он заявляет, что «доктрина Трумэна» (официальное название «холодной войны») была провозглашена только тогда, когда проводившаяся Советами на протяжении двух лет агрессивная политика истощила его терпение, и что, провозгласив в 1947 году эту

доктрину, он показал себя реалистом в отличие от Рузвельта, который вел себя наивно.

Рассуждать именно так стало теперь в Америке обязательным для всех. С таким объяснением согласны демократы, республиканцы и диксикраты. С ним согласны Американская федерация труда и Национальная ассоциация промышленников. Такого мнения придерживаются Джон Рэнкин и Ралф Банч, Эйзенхауэр и Стивенсон, банкир Гарриман и адвокат Даллес и даже гангстер Костелло. Печать и радио превратили это утверждение в символ веры. Оспаривать это — значит не быть настоящим американцем.

Но так ли все это просто в действительности?

Неужели Рузвельт в самом деле был таким простачком? Правда ли, что холодную войну начал Советский Союз?

Я этому не верю. Я считаю, что утверждения Трумэна противоречат фактам, и мое мнение разделяют многие достойные люди, в том числе Самнер Уэллес, который был при Рузвельте заместителем государственного секретаря. Уэллес, которого я считаю одним из сведущих и в то же время самых консервативных наших дипломатов, сказал однажды, касаясь холодной войны, что «в нынешней катастрофе повинны и Соединенные Штаты».

Сын Франклина Делано Рузвельта, Эллиот Рузвельт, выражается резко. Он заявляет, что «Соединенные Штаты и Англия первыми показали бронированный кулак и первыми нарушили совместные решения». Горько досадуя на то, что дело его отца оказалось предано, он утверждает, что «небольшая группа злонамеренных лиц в Лондоне и Вашингтоне стремится возбудить и разжечь воинствующую ненависть к русским».

Это — серьезное и тяжкое обвинение. Я считаю его справедливым потому, что, когда я попытался изобличить государственный департамент в том, что он проводит атомную политику, меня приговорили к тюремному заключению, причем предлог для этого был настолько надуман и фальшив, что Верховный суд Соединенных Штатов дважды оказался в тупике, разбирая мое дело, так как голоса судей делились поровну, четыре против четырех. Четверо судей Верховного суда США признали приговор неправильным, и все-таки мне пришлось расстаться с женой и двумя маленькими детьми и сесть в тюрьму. Я просидел в федеральной тюрьме тридцать месяцев, то есть почти тысячу дней.

Тысяча дней — срок немалый. Желая как-нибудь использовать это время, я стал искать данные по вопросу о причинах возникновения холодной войны. Но найти такие данные было очень трудно, ибо в тюрьме я мог читать только то, что разрешалось тюремной цензурой.

В Соединенных Штатах, в нашем Союзе, который основал Джефферсон, отстоял Линкольн и укрепил Рузвельт, я, поли-

тический заключенный, не мог получать книги, которые я хотел читать. Книги прогрессивных авторов и периодические издания либерального направления, вроде нью-йоркской газеты «Дейли компас» или журнала «Мансли ревью», мне не выдавались. Запрещены были даже книги, консервативные по духу, если в их заголовках имелось страшное слово СССР, Союз Советских Социалистических Республик.

В этих условиях единственными книгами по вопросам внешней политики, которые я мог получать, были книги консервативного направления; единственными доступными мне газетами — консервативные газеты. Но политика США изменилась так круто по сравнению с политикой Рузвельта, что, несмотря на тюремную решетку, несмотря на цензурные рогатки, я, к своему изумлению, мог констатировать очевидный факт: даже эти источники с несомненностью доказывали, что холодную войну начали Соединенные Штаты.

Выйдя из тюрьмы, я получил возможность обратиться к прогрессивным источникам, например к газете «Нэйшнл гардиен», однако большая часть данных, которые я привожу в этой книге, взята из консервативных источников. Многие факты приводятся со слов людей, творивших нашу внешнюю политику, и часто в их же собственных выражениях. Они либо высказывали свое мнение, либо излагали факты. Мнение не является доказательством, но факты составляют основу всякого доказательства. Чтобы доказать какое-нибудь спорное положение, нужны факты и логика. С помощью логики мы вскрываем причинную связь между идеями или между фактами и идеями. Так, например: если надо выбирать между войной и переговорами (идея) и какая-нибудь страна отказывается от переговоров (факт), то значит эта страна хочет войны (логическое заключение).

В этой книге мы пользовались и фактами и логикой. В значительной мере мы прибегали также к цитатам, и нужно, чтобы читатель понял, как и для чего мы это делали. Прежде всего цитаты помогают установить факты. Адмирал Леги назвал свою книгу «Я был там», и он действительно был там, то есть в Ялте. Поэтому, когда он передает высказывания Рузвельта, например, относительно соглашения по вопросу о Польше, мы можем рассматривать это как факт.

Иногда мы цитируем высказывания какого-нибудь человека, потому что он является в данном вопросе специалистом и его суждениям можно верить. В других случаях мы цитируем просто чужое мнение — не для того, чтобы доказать свою правоту, а чтобы показать, что наше мнение разделяют люди авторитетные и здравомыслящие.

Многие цитаты заимствованы из заявлений американских государственных деятелей — инициаторов и сторонников холодной войны: Форрестала, Даллеса, Бирнса, Ванденберга,

Трумэна, Леги, Гарримана. К этой категории можно отнести большинство цитат из газет и журналов. Как правило, все подобные источники являются тенденциозными и не заслуживающими доверия, но подчас они, сами того не желая, выбалтывают правду. Особенно это относится к дневникам, таким, например, как дневники Форрестола, не предназначенным для опубликования, к выступлениям в печати некоторых руководителей холодной войны, ставящих себе целью доказать, что они с давних пор стояли на антисоветских позициях, к таким журналам, как «Форчун», который сообщает крупным бизнесменам вещи, о которых газеты не говорят среднему американцу, или «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», который имеет обыкновение писать обо всем прямо и откровенно, чтобы даже самый занятой или самый тупой бизнесмен мог сразу же понять истинный смысл политики государственного департамента в том или ином вопросе. Заметьте также: когда «Форчун» пишет, что Советский Союз обогнал Соединенные Штаты в технике производства реактивных самолетов, то этому можно верить, ибо обычно этот журнал старается доказать, что в Советском Союзе все плохо.

В некоторых случаях такие обмолвки и признания исходят от людей, стоящих за холодную войну не полностью, а лишь в некоторых отношениях. В пылу полемики они иногда проговариваются об очень важных фактах. К этой категории людей относятся, например, бывший заместитель государственного секретаря Уэллес и бывший военный министр Стимсон. Некоторые из этих людей в 1945 году были против холодной войны, и в их заявлениях можно найти много важных фактов.

Должен особо подчеркнуть здесь, что с их формулировками и выражениями я не согласен. Некоторые цитаты отвратительны по терминологии, но я привожу их целиком для того, чтобы мысль цитируемого автора была выражена полностью. Иначе кто-нибудь мог бы подумать, что я обращаюсь с цитатами так же, как некоторые авторы кинорекламы. Рецензент нью-йоркской газеты «Дейли бла»¹ Джон Доу, посмотрев последнюю голливудскую новинку «Очаровательный шпик», написал: «Очаровательный шпик» — это величайшая неудача нашего кино со времени пятицентовых кинотеатров, яркий образец безвкусицы в киноискусстве и колоссальное оскорбление разума американского народа.

Так пишет рецензент. А в рекламе можно было прочесть:

«ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ШПИК»

«Величайшая удача нашего кино со времени пятицентовых кинотеатров, яркий образец киноискусства... колоссальное...» (Джон Доу, «Нью-Йорк дейли бла»).

¹ «Ежедневная чепуха». Так автор иронически называет нью-йоркскую бульварную газету «Дейли миррор» («Ежедневное зеркало»). — *Прим. ред.*

Оставляю такие методы рыцарям «свободного предпринимательства». Подбирая нужные мне цитаты для исследования причин возникновения холодной войны, я в то же время особенно старался не исказить точку зрения цитируемого автора. Я не требую от читателя, чтобы он принял эти мои слова на веру. Я предлагаю ему очень простой способ проверки. Я использовал, в частности, книгу Шервуда «Рузвельт и Гопкинс», представляющую собой целый клад фактов. Она имеется в продаже в дешевом 25-центовом издании, и ее стоит прочитать. Купите ее, сверьте любую приведенную мною цитату с текстом книги и судите сами, точно ли я цитировал и правильно ли эти цитаты иллюстрируют высказываемые мной положения. В подстрочных примечаниях всюду указаны страницы источников, и читатель может таким образом проверить цитаты из любой книги, газеты или журнала, которые я использовал.

В тюрьме я прочитал много книг, и в этом смысле тюрьма научила меня многому. Время, проведенное в заключении, дало мне много и в смысле знания подлинной жизни. Один из фактов, с которым я столкнулся в тюрьме, имеет прямое отношение к этой книге. В той же тюрьме и даже в том же здании, где находилась моя камера, сидел бывший член конгресса Дж. Парнелл Томас. В свое время он возглавлял антиамериканскую «Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности» — влиятельный орган, сыгравший роль одного из главных инициаторов антикоммунистической «охоты за ведьмами», начавшейся в Америке после войны. Я познакомился с Томасом лично и до некоторой степени узнал образ его мыслей.

В этой же тюрьме отбывали заключение трое людей, которые были осуждены за «неуважение» к конгрессу в лице этого самого Дж. Парнелла Томаса. Эти люди, д-р Джекоб Ауслендер из Объединенного комитета антифашистов-эмигрантов, Ринг Ларднер младший и Лестер Коул из «голливудской десятки», попали в тюрьму за то, что не хотели поклониться Томасу.

Томас и Ауслендер были ярко символическими фигурами. Первый, мелкий политикан из Нью-Джерси, был воплощением трусости, пошлости и невежества. Второй, врач из Вены, культурный, образованный человек, воплощал в себе мужество, мудрость, сострадание к людям. Я спрашивал себя: кто же из них является подлинным представителем Америки — вдохновитель истерии или борец против истерии?

Томас — ничтожество, простое орудие в руках людей, которым он служил. Этот человек и стоявшая за ним «небольшая группа злонамеренных лиц», та самая, которую изобличал сын Рузвельта, умышленно создали в стране военную истерию. Так на мой взгляд произошел переход от политики Рузвельта — политики мира и дружбы между народами —

к доктрине Трумэна, то есть политике разжигания взаимного страха, к политике вооружений. Между той и другой политикой лежит пропасть, бездна человеческих страданий и отчаяния, свидетельством чему могут служить горы изуродованных, обугленных трупов, которыми покрылась сейчас земля Кореи. Эту группу людей я обвиняю в том, что они хладнокровно замышляют агрессию.

Это — серьезное обвинение. Его невозможно, нельзя выдвинуть, с ним нельзя согласиться, не имея на то самых убедительных доказательств. Три года потратил я на то, чтобы собрать эти доказательства, и вот в этой книге я представляю их на суд читателя в форме ответов на следующие вопросы:

1. Кто начал холодную войну?

2. Как перешли Соединенные Штаты от мирной политики Рузвельта к доктрине Трумэна?

3. К каким результатам привела доктрина Трумэна?

4. Как вернуться к политике дружбы между США и СССР?

Как вернуться к политике дружбы — должно быть ясно всякому. Такая политика начинается с переговоров. А вести переговоры можно и не будучи друзьями, так же, как не обязательно быть друзьями рабочим и нанимателям, заключающим коллективный договор.

Читайте и судите сами. Не соглашайтесь сразу ни с чем, все подвергайте проверке. Ищите и находите истину сами и потом выступайте и действуйте в защиту мира. А выступить мы должны, ибо время идет, и его остается немного. Это наш общий долг — долг перед живыми и погибшими.

Карл Марзани

Тюрьма в Данбери, 1949—1950

Исправительная тюрьма в Льюисберге, 1950—1951

Нью-Йорк, 1952

КТО НАЧАЛ ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ

Глава I

ЛОЖЬ ОБ УГРОЗЕ ВОЙНЫ

«Просоветские настроения... по инерции сохранились в слишком большой мере и после войны. Поэтому правительству трудно было перейти к более жестокой дипломатической политике, какая требуется теперь. Вот почему была поднята кампания...»

Сульцбергер, «Нью-Йорк таймс», 21 марта 1946 г.

«Создать военную панику легко...»

«Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» 17 февраля 1951 г.

В начале 1952 года Уинстон Черчилль прибыл в Америку и тотчас же по приезде созвал пресс-конференцию. Под огромными заголовками американские газеты сообщили сенсационную и радостную новость: Черчилль считает, что опасность войны уменьшилась. Впервые за несколько лет Черчилль заявил о наличии «прочной» перспективы мира и высказал убеждение в том, что Советский Союз не хочет войны¹.

Подобное заявление этого врага Советов, который раньше предсказывал войну, действительно заслуживало крупных заголовков.

Спустя две недели в газетах снова появились крупные заголовки: Советский Союз не готовит войну. Источником этой радостной новости был опять видный антисоветский деятель — Герберт Гувер, единственный до сих пор здравствующий бывший президент США. В своем выступлении, передававшемся по всей радио и телевизионной сети США, Гувер сказал:

«В Европе сейчас нет такой тревоги среди населения, какая разжигается в Соединенных Штатах. Ни в одной из европейских стран не объявлено чрезвычайное положение и не принимаются таких мер, какие приняли мы. *В этих странах не распространяются такие военные страхи, не разжигается такой военный психоз, какие исходят из Вашингтона* (курсив мой. — К. М.). Ни одна из европейских стран не проводит таких учений по защите от бомбардировок, какие проводятся в Нью-Йорке.

¹ «Нью-Йорк таймс», 6 января 1952 г.

Недавно я спрашивал у представителей европейских кругов, почему они считают опасность вторжения значительно меньшей, чем она кажется Вашингтону. Из их ответов можно сделать вывод, что в Европе мало кто верит в опасность вторжения русских в близком будущем»¹.

Почему эти заявления вызвали такую сенсацию?

Одна причина самоочевидна. Человечество боится войны. Боится потому, что мир раскололся, что происходит гигантская гонка вооружений, в том числе таких страшных видов, как атомное и бактериологическое оружие. Воцарилась напряженная атмосфера, грозящая взрывом, когда во всех колониях мира развертывается вооруженная борьба, когда бушуют гражданские войны, когда невиданного размаха достигла экономическая война и не прекращается ни на минуту война, ведущаяся оружием пропаганды. Это состояние напряжения американские газеты окрестили холодной войной.

К холодной войне стали как будто причислять и настоящие войны — то, что происходит в Корее, Индокитае, Малайе, то есть фактически все, кроме мировой атомной войны.

И, поскольку люди стремятся во что бы то ни стало избежать новой мировой войны, американский народ с радостью встречает сообщения, сулящие благоприятные перспективы для мира.

Но делалось и делается много других миролюбивых заявлений, однако американские газеты не только не помещают их под крупными шапками, но не находят для них места даже на внутренних полосах. Редакторы американских газет — люди, которые в своем деле собаку съели; крупные заголовки они приберегают только для сенсаций, для необычных, неожиданных событий. Почему заявления Черчилля и Гувера о том, что опасность советской агрессии невелика, газеты сочли достойными опубликования? Почему именно из этих заявлений именно этих людей они сделали сенсацию?

Причина этого весьма показательна: то, что утверждают эти два человека, прямо противоречит официальной позиции Вашингтона. Вашингтон без устали твердит о том, что Советский Союз готовит агрессивную войну. Вашингтон заявляет, что нынешнее напряжение в международных отношениях, холодная война — все это результат агрессивных актов Советского Союза. Вашингтон утверждает, что Советский Союз начал холодную войну в порядке осуществления своего плана — увеличить свое могущество с помощью военной силы.

Президент Трумэн повторял это не раз. Америка, говорит он, старается сохранить мир, «несмотря на продуманную во всех деталях и руководимую Советским Союзом кампанию угроз, саботажа и *прямой агрессии*» (курсив мой. — К. М.).

¹ «Нью-Йорк таймс», 28 января 1952 г.

Советский Союз, по его словам, «намерен попытаться увеличить свое могущество с помощью военных захватов и готов к этому приступить»¹ (курсив мой.— К. М.).

Гувер, напротив, считает, что это неправда. Он обвиняет Вашингтон в разжигании военного психоза не только словом, но и делом. Он указывает, что ни в одной стране, ни в одном городе Европы не проводится таких учений по противозвоздушной обороне, как в Нью-Йорке. В результате вся нация заражена «военным психозом».

Гувер прав. Его слова подтверждает и такой пронизательный наблюдатель жизни американцев, как журналист Уолтер Липпман:

«Массами нашего народа овладело тихое отчаяние. Они пришли к заключению, что и сами они и их дети уже не свободные люди, свободные в американском смысле этого слова, то есть люди, которые могут устраивать свою жизнь, как им хочется. Они чувствуют себя во власти огромного, безликого правительства, мечущегося из стороны в сторону по воле каких-то неосмысленных сил... Мы потрясены и потеряли всякое мужество. Не потому ли, что мы действительно считаем Россию могучей, а нашу страну немощной? Я уверен, что нет. Мы боимся чего-то другого. В нашем столетии одна война ведет за собой другую, а предотвратить войну нам не удавалось ни разу»².

И вот мы видим целый народ в состоянии полуистерии: на детей вешают собачьи бирки; наблюдатели с радарными установками дежурят круглые сутки; городские власти создают запасы труб на случай срочного ремонта водопроводной сети; заранее намечаются дороги для быстрой эвакуации населения; выделяются здания для устройства бомбоубежищ; везде учебные воздушные тревоги — на улицах, в магазинах, в школах, где детей заставляют прятаться под партами. В этой атмосфере нам приходится воспитывать наших детей, и мой пятилетний сын, засыпая, спрашивает: «Мама, когда попадет бомба, это больно?»

При виде того, что творится кругом, у всякого возникает вопрос: неужели все это действительно необходимо? Неужели война неизбежна? Неужели мир невозможен? Неужели Советский Союз действительно стремится к войне?

Люди прогрессивные уже много лет твердят нам, что дружба между СССР и США возможна, что Советский Союз не нуждается в войне и не хочет ее. Такие утверждения теперь называют просоветской пропагандой. Но не считаться с заявлениями Гувера или Черчилля нельзя. Их антисоветские взгляды хорошо известны, и оттого их высказывания становятся

¹ Речь в Вэст-Пойнте, «Нью-Йорк таймс», 21 июля 1952 г.

² «Нью-Йорк геральд трибюн», 17 декабря 1951 г.

более сенсационными. Речи о мире в настоящее время уже стали сенсацией.

Но в заявлении Гувера содержалась другая, еще более важная новость. Эта новость заключена в его словах о том, что правительство США «разжигает военный психоз». То, на что намекал Гувер, а именно, что правительство США умышленно распространяет в стране «военную панику» без всяких к тому реальных оснований, можно назвать величайшим скандалом в послевоенной истории Америки.

Если это верно, значит Вашингтон в действительности не ждал и не ждет военной агрессии со стороны Советского Союза, не верит, что Советский Союз готовится развязать войну. Попросту говоря, это значит, что некоторые члены нашего правительства сознательно обманывают наш народ.

Правда ли, что Вашингтон обманывает нашу страну?

Один очень важный свидетель оставил после себя доказательства того, что правительство систематически обманывает наш народ в вопросе о военных планах Советского Союза. Этот свидетель — бывший министр обороны Джеймс В. Форрестол; доказательства — его дневники. В них содержались такие важные сведения, что, когда Форрестол в 1949 году выбросился из окна военно-морского госпиталя в Бетесде, его дневники были отправлены на хранение в Белый дом. Часть этих секретных дневников уже опубликована, и там можно найти документальные доказательства того, что Вашингтон не верил в агрессивные замыслы Советского Союза.

Не верил в это и сам Форрестол. Так, еще 10 июня 1946 года он писал, что русские, по его мнению, «не выступят этим летом — да и вообще не выступят»¹ (курсив мой. — К. М.).

Так думал не один Форрестол. В его дневниках приводится много заявлений других лиц в этом же духе. Глава американской военной администрации в Германии генерал Клей «...высказал мнение, что русские не хотят войны...» (16 июля 1946 года); генерал Эйзенхауэр «думает, что русские не предпримут шагов к тому, чтобы начать в ближайшее время войну» (21 августа 1946 года); Аверелл Гарриман «сказал, что, по его мнению, русские не станут провоцировать войну в ближайшем будущем...» (15 октября 1946 года)².

На всем протяжении своего дневника, записи в котором прерываются в 1949 году, Форрестол не изменил своей оценки намерений СССР. Так, например, 3 августа 1948 года американский посол в СССР генерал Беделл Смит (до назначения послом он был начальником штаба Эйзенхауэра) представил

¹ «Дневник Форрестола» изданы Уолтером Миллисом, Нью-Йорк, 1951 г., стр. 171.

² Там же, стр. 182, 195, 212

Военному совету доклад; из этого доклада, отмечает Форрестол, Военный совет «вынес впечатление, что русские не хотят войны». 13 ноября 1948 года генерал Клей «высказал мнение, что мы опасаемся русских больше, чем следует», и, по словам Форрестола, «выразил уверенность в том, что они [русские] войны не хотят...»¹.

Форрестол ссылается на людей, занимавших высокие посты в правительстве, и цитирует заявления, которые они делали, руководя американской политикой. Это не суждения, высказанные экспромтом на какой-нибудь пресс-конференции, — нет, это тщательно продуманные заявления, которые делались в узком кругу людей, бывших творцами политики. Эти люди не занимались гаданьем. К их услугам была американская разведка, которая снабжала их такой важной информацией, как, например, сведения о работе советской промышленности и о промышленном потенциале Советского Союза², они ежедневно получали доклады из американских военных и дипломатических источников, а также донесения своих европейских агентов.

Доклады американских генералов и дипломатов недоступны широкой публике, однако в печати иногда проскальзывают намеки на содержание донесений. Что же они сообщали относительно намерений СССР?

Ожидали ли наши дипломаты, что СССР начнет агрессивную войну?

Как явствует из прежде секретных дневников Форрестола, американские послы в СССР Гарриман и Смит в 1946 и 1948 годах сообщали, что они не верят в стремление Советского Союза к войне. Нынешний посол США в СССР Джордж Ф. Кеннан в 1950 году писал: «Вряд ли русские намечают в ближайшем будущем военное нападение на западный мир...»³.

Предшественником Кеннана на посту посла в Москве был адмирал Алан Г. Кэрк; раньше он командовал военно-морскими силами США, участвовавшими во вторжении в Нормандию. В его задачу, как посла, входило разгадать намерения СССР, а как бывший глава военно-морской разведки США (в 1931 году) он, надо полагать, мог высказать авторитетное суждение

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951 г., стр. 469, 527.

² Одним из показателей подготовленности страны к войне является ее военный бюджет. По сведениям Организации Объединенных наций, военный бюджет Соединенных Штатов на 1951 год был самым большим в мире. По подсчетам ООН, военного бюджета США достаточно для оплаты промышленного труда в размере 11 400 000 человеко-лет, а военного бюджета СССР — для оплаты 10 200 000 человеко-лет. Сравнение этих бюджетов в расчете на душу населения показывает, что США тратят на военные нужды в 1,5 раза больше, чем СССР, а в расчете на квадратный километр территории — втрое больше.

³ *Ридерс дайджест*, март 1950 г.

по вопросу о том, готовится ли страна к войне. В декабре 1950 года в американской печати появилось сообщение, что адмирал Кэрк¹ «не видит в Москве никаких признаков того, что Россия в данное время ждет войны... Адмирал Кэрк не обнаруживает симптомов, которые всегда безошибочно свидетельствуют о подготовке к войне и за которыми следят все военные специалисты. Так, например, части Советской Армии попрежнему сохраняют штаты мирного времени. Старшие возрасты в армию не призываются. Никаких необычных передвижений войск или перебросок имущества не отмечается. Никаких спешных мер по строительству бомбоубежищ в России не проводится, гражданское потребление дефицитных материалов не нормируется. Переброска рабочей силы из гражданской промышленности в военную не производится»².

Таким образом, четыре американских посла, сменявшие друг друга, не верили в угрозу советской агрессии. Другие американские дипломаты в Европе, повидимому, сообщали то же самое. Намек на это мы можем найти в следующей телеграмме, отправленной в 1951 году в США опытейшим иностранным корреспондентом Уильямом Стоунмэном.

«Американские дипломаты, находящиеся в странах по ту сторону железного занавеса, на совещании в Париже, кажется, пришли к единодушному заключению о том, что агрессия со стороны СССР или любого из сателлитов СССР в этом году — и в близком будущем вообще — совершенно невероятна.

Они говорят, что, по их мнению, только «грубый промах» со стороны Соединенных Штатов, вроде, например, *нападения Америки на коммунистический Китай, мог бы вызвать нападение России на Европу*»³ (курсив мой. — К. М.).

Очевидно, американские дипломатические представители в Европе сообщили Вашингтону правильную оценку намерений СССР. По их мнению, Советский Союз и не помышлял о том, чтобы начать войну. И Советский Союз, действительно, не начал войны.

А как наши военные руководители? Ожидали ли они войны?

Ожидали ли наши генералы, что СССР начнет агрессивную войну?

И на этот вопрос мы как будто должны ответить «нет». Из дневников Форрестола мы уже знаем, что генералы Эйзенхауэр,

¹ В 1951 году адмирал Кэрк перешел на другую работу. Теперь он помогает сеять в США «военный психоз», о котором говорил Гувер. Он состоит председателем «Американского комитета освобождения народов России». Эта организация действует под идеологическим руководством таких заядлых врагов СССР, как Юджин Лайонс и Айзек Дон-Левин.

² «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

³ «Чикаго трибюн», 7 февраля 1951 г.

Смит и Клей высказывались в правительственных кругах в том смысле, что они не ожидали агрессии со стороны Советского Союза. Генерал Клей заявлял это в 1946, в 1948 году и снова, на этот раз публично, в 1951 году в нью-йоркском отеле «Вальдорф-Астория». Там он еще раз указал на очевидный факт: если бы Советский Союз действительно хотел напасть на Западную Европу, он уже давно бы сделал это¹.

Дневники Форрестола обрываются на 1949 году. С тех пор стало известно достаточно фактов, свидетельствующих о том, что военные руководители США не ожидали возникновения войны. Через год после опубликования приведенных выше наблюдений Кэрка, то есть в 1950 году, его мнение подтвердили наши высшие военные представители в Европе. Руководители Организации Северо-атлантического пакта (НАТО) представили римской сессии совета НАТО доклад по военным вопросам.

Как сообщал корреспондент «Нью-Йорк таймс» Бенджамен Уэллес, в этом докладе указывалось, что вооруженные силы СССР и его союзников после второй мировой войны не выросли и что «нет... никаких серьезных признаков того, что Советский Союз готовится начать военные действия»².

На этой же сессии начальник штаба Эйзенхауэра генерал Грюнгер указал, что судить о намерениях СССР можно на основании того, что его промышленное производство не переведено на военные рельсы³. В 1952 году генерал Грюнгер высказался еще более определенно. Приехав в США для доклада конгрессу, он прямо заявил:

«Я не считаю, что война сейчас неизбежна; я не думаю, что она вообще когда-либо вспыхнет. По-моему, никакой войны и не будет»⁴.

Так говорили наши высшие военные представители в Европе, адмиралы и генералы, служившие под начальством Эйзенхауэра. Ждать войны и готовиться к ней — их прямая обязанность. В силу своей профессии и полученного образования они с особой подозрительностью следят за каждым шагом потенциальных противников США, в данном случае — Советского Союза. И все они утверждали, что Советский Союз развязать войну не собирается.

А как обстоит дело с европейскими народами? Ведь они как будто все время живут под угрозой «агрессии». Опасаются ли они Советского Союза?

¹ Речь на собрании Ассоциации владельцев предприятий пищевой промышленности 14 ноября 1951 г.

² «Нью-Йорк таймс», 23 ноября 1951 г.

³ Там же, 27 ноября 1951 г. (сообщение, подписанное Арниольдо Кортези).

⁴ «Чикаго трибюн», 13 марта 1952 г.

Верят ли европейцы, что СССР хочет развязать войну?

Вопрос этот исключительно важен для народов Европы, поскольку в случае третьей мировой войны их страны стали бы полем сражений. Для Европы это буквально вопрос жизни и смерти. Поэтому мы вправе ожидать от европейцев особенно трезвого отношения к вопросу об угрозе советской агрессии. Больше того, они живут так близко от Советского Союза, что должны, казалось бы, опасаться этой агрессии еще больше, чем Соединенные Штаты. Но дело обстоит не так, а как раз наоборот. Наиболее здравомыслящие европейцы не опасаются советской агрессии. Корреспондент «Чикаго дейли ньюс» Эрнн Хилл писал:

«Европейцы далеко не убеждены в том, что Россия затекает агрессивную войну (курсив мой. — К. М.). Они говорят, что на протяжении последних шести лет Россия могла бы в любой момент завоевать всю Европу... Политику Вашингтона они чаще всего характеризуют как «истерию». Всякого приехавшего в Европу из США поражает контраст между отношением американцев и европейцев к России»¹.

Герберт Гувер в уже цитированной нами речи перечислил восемь причин, по которым европейцы не верят в агрессивные намерения СССР. Первая из них находит полное подтверждение в только что приведенном сообщении Эрнн Хилла. По словам Гувера, осведомленные европейские деятели «говорят, что в любой момент на протяжении прошедших пяти лет русские сухопутные армии могли бы завоевать Европу в течение двух месяцев и, несомненно, смогут сделать это и в ближайшие годы. То обстоятельство, что этого не сделали, по мнению европейских наблюдателей, доказывает, что Кремль понимает, как трудно было бы сделать Западную Европу красной»².

В Англии с этим, новидимому, согласны как правые, так и левые круги. Один из лидеров консервативной партии, министр иностранных дел Антони Иден, заявил:

«Я не верю, что советские руководители жаждут хаоса и разрушений, которые явились бы результатом открытого столкновения с Западом...»³.

Покойный теоретик лейбористской партии Гарольд Ласкн писал:

«Я лично видел Сталина и не могу поверить, что он экспансионист или поджигатель войны. Наоборот, едва ли в наше время кто-нибудь лучше его понимает, что Россия нуждается прежде всего в мире»⁴ (курсив мой. — К. М.).

¹ «Чикаго дейли ньюс», 26 октября 1951 г.

² «Нью-Йорк таймс», 28 января 1952 г.

³ Лекция в Колумбийском университете 11 января 1952 г.

⁴ «Дейли компас», 28 декабря 1949 г.

Германский пастор Нимеллер (сейчас он епископ), вернувшись из поездки в Москву, заявил, что он не слышал «...в России никаких или почти никаких разговоров о войне»¹.

Корреспондент консервативной французской газеты «Франсуа» Мишель Гордэ, который в 1950 году тоже побывал в Москве, писал потом, что не видел там никаких признаков «подготовки СССР к мобилизации или военной агрессии». Наоборот, подчеркивал он, «советский народ в настоящее время отдает все свои силы восстановлению разрушенного» и никоим образом, «ни психологически, ни физически, ни морально», не подготовлен к «агрессивной войне»².

Преобладающий в Европе взгляд на этот вопрос изложил один из самых авторитетных политических обозревателей, Морис Бёв-Мери, пишущий под псевдонимом Сириус во французской газете «Монд». Близкая к правительственным кругам, эта газета подобна в общем американской «Нью-Йорк таймс». Сириус пишет:

«Хотя только слепец или лицемер мог бы отрицать, что Советский Союз пользуется всяким случаем, чтобы умножить число своих сторонников и усилить свое международное влияние, необходимо отметить в то же время, что он не напал ни на Грецию, после того, как генерал Маркос потерпел поражение, ни на Западный Берлин во время «воздушного моста», ни на Иран, несмотря на то, что его северная граница была совершенно открыта; не вторгся в Чехословакию, где игра была уже выиграна, или в Югославию, несмотря на ее сенсационную измену. Более чем вероятно, что и в Корее ничего не произошло бы, если бы американцы двумя годами раньше не эвакуировали оттуда свои войска, предоставив Ли Сын Ману беспрепятственно угрожать и бряцать оружием. Но подобно дурачку из французской сказки европейцы в страхе перед войной готовы сами броситься ей навстречу»³.

Подобные взгляды высказываются в Европе так часто и открыто, что Вашингтону сообщалось о них, вероятно, уже тысячу раз. И из дневников Форрестола 1946—1949 годов, и из сообщений, которые непрерывно поступали в Вашингтон в последний период, с несомненностью явствует, что официальные круги США имели правильное представление о намерениях Советского Союза и никогда не верили своим собственным страшным сказкам об угрозе военной агрессии со стороны СССР. Умышленно разжигая «военный психоз», как его назвал Гувер, официальные вашингтонские круги вели психологическую войну против нас, против американского народа. Военные страхи распространяются искусственно, для того чтобы запугать американский народ. Как это делается? Для чего?

¹ «Нью-Йорк таймс», 20 февраля 1952 г.

² Мишель Гордэ, Виза в Москву, Нью-Йорк, 1952, стр. 408—409.

³ «Монд», 11 июня 1952 г.

Распространение военных страхов

Для современного человечества главным источником информации все еще служат газеты. Радио, кино и телевидение пользуются большой популярностью и оказывают на людей большое влияние, но в деле систематического распространения идей и подробного изложения фактов ежедневной газете попрежнему принадлежит первое место.

Американские газеты охотно взяли на себя задачу разжигания «военного психоза». Они не только отводят большое место заявлениям врагов СССР и загоняют куда-нибудь на невидное место всякое сообщение, благоприятное для СССР, но и публикуют всякие слухи и злобные сплетни, выдавая их за факты. Это относится не только к дешевой, бульварной прессе, но и к таким солидным газетам, как «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн». Если какой-нибудь журналист пытался разоблачить лживый характер этой кампании запугивания войной, очень быстро оказывалось, что в его услугах больше не нуждаются. Бывает иногда, что какой-нибудь редактор поциничнее или посмелее выболтает правду, и тогда мы читаем, например, такие заявления: «Создать военную панику легко...»¹ и «Исходящие из Пентагона зловещие предостережения являются в большой мере пропагандистскими выдумками»². Редактор газеты «Аризона дейли стар» однажды заявил: «Люди, создающие у нас общественное мнение, своими истощенными воплями хотят втравить нас в катастрофическую войну»³.

Разжигание военных страхов диктовалось прежде всего стремлением заглушить в американском народе дружественные чувства и добрую волю по отношению к Советскому Союзу. Это делалось умышленно, что подтвердил ведущий иностранный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер, писавший в начале 1946 года, что, по мнению американских дипломатов, «просоветские настроения, культивировавшиеся во время войны, чтобы обеспечить поддержку для Великой коалиции, по инерции сохранялись в слишком большой мере и после войны. Поэтому правительству трудно было перейти к более жестокой дипломатической политике, какая требуется теперь. Вот почему — полагают эти наблюдатели — была поднята кампания с целью добиться соответствующего поворота в общественном мнении...»⁴.

Иными словами, дружественное отношение к России, которое культивировал Рузвельт, теперь надо было вытравить. Почему?

Для чего нужна была эта кампания ненависти? Что это за «более жесткая дипломатическая политика», ради которой

¹ «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 17 февраля 1951 г.

² «Уолл-стрит джорнэл», 17 марта 1951 г.

³ Письмо в «Нью-Йорк таймс», 31 октября 1951 г.

⁴ «Нью-Йорк таймс», 21 марта 1946 г.

требовалось начать враждебную пропаганду против своего же союзника? Уже в этом мы видим первое косвенное указание по поводу того, кто начал холодную войну. Вопрос этот мы рассмотрим подробно ниже; теперь же для нас важно выяснить, как, каким образом правительство втайне от своего народа организует кампанию ненависти против другой страны. Как это делается?

Государственный департамент выпускает анонимные комюнике, газеты печатают огромные аншлаги, пишутся передовицы, комментаторы бряцают оружием. Член конгресса от штата Небраска Говард Баффет в 1948 году вскрыл технику этого дела на одном конкретном примере, а именно — когда правительство США потребовало от конгресса огромных военных ассигнований.

В письме к своим избирателям Баффет рассказал, как весной 1948 года, чтобы добиться утверждения конгрессом программы вооружений, был пущен слух о том, что «через тридцать дней мы будем воевать с Россией». В то же время адмирал Хилленкетер в неофициальной беседе с некоторыми членами конгресса заявил совершенно противоположное. По словам Баффета, адмирал Хилленкетер, который был тогда начальником Центрального разведывательного Управления, «заявил о полном отсутствии каких-либо признаков того, что Россия в недалеком будущем собирается начать наступательную войну»¹.

Характерно, что Баффет, зная об этом инциденте, молчал три года и только в 1951 году рассказал о нем американскому народу. Характерно также, что такие люди, как Герберт Гувер, годами молчали, а тем временем кампания по разжиганию «военного психоза» разворачивалась. Не менее характерно и то, что некоторые заправилы «большого бизнеса» начинают теперь выступать с разоблачениями подоплеки этой военной истерии. Почему же правда начинает всплывать только теперь, а не два, не три, не четыре года тому назад?

Почему теперь всплывает правда?

Те самые органы деловых кругов, которые помогали распространению военной истерии, теперь выступают с разоблачениями. Как это могло произойти?

Если подготовка к войне приносит выгоды компании «Дженерал электрик» — а это действительно так, — то почему же председатель правления этой компании Филипп Рид добивается ее замедления? Почему он заявляет, что намеченный ранее предел перевооружения «чересчур высок и приближается чересчур быстро»?

¹ Заявление члена конгресса Говарда Баффета, «Вашингтон рипорт», 13 сентября 1951 г.

Вот послушайте, что он говорит:

«Мое личное, тщательно продуманное мнение таково, что намеченный ныне предел программы перевооружения *чересчур высок и приближается чересчур быстро...* (курсив мой.— К. М.). Мы, люди, не принадлежащие к военным кругам (которые всегда склонны предъявлять завышенные требования) и не являющиеся членами наших законодательных органов (а из прошлого опыта видно, что члены конгресса гораздо меньше боятся новой инфляции, чем политических последствий их отказа голосовать за огромные военные расходы),— мы должны выступить и высказать свою точку зрения...»¹.

Филипп Д. Рид принадлежит к воротилам американского бизнеса. Его компания «Дженерал электрик» контролируется Морганом, а группа Моргана — величайшая сила в американском бизнесе. Рид выступает от имени американского финансового капитала.

По существу Филипп Рид в данном случае хотел предупредить своих собратьев — монополистов о том, что программа вооружений осуществляется слишком быстро. В основе аргументации Рида лежит нынешнее международное положение. Западноевропейские государства одно за другим приближаются к банкротству, так как программа вооружения оказалась для них непосильным бременем. Во всех этих странах, начиная с Англии, тяжесть налогов и инфляции начинает вызывать возмущение населения.

Такие опытные руководители американского бизнеса, как Рид, понимают, что вся программа вооружений западных стран находится под угрозой. Он говорит:

«Я убежден, что если страны Атлантического пакта начнут выполнять программу оборонного производства в том объеме и в таких темпах, как это недавно было запланировано, то *это приведет к серьезным экономическим и политическим потрясениям*»² (курсив мой.— К. М.).

Точку зрения Рида поддерживают весьма влиятельные круги. Два месяца спустя Торговая палата США отразила ее в своем докладе:

«...Некоторые утверждают, что он [СССР] не намерен... развязать в скором времени мировую войну или агрессию мирового масштаба...

Нам не следует заставлять Западную Европу принять программу вооружений, которая может подорвать моральное состояние гражданского населения и привести к росту в этих странах коммунистических партий...

Если мы зайдем в этом вопросе слишком далеко и будем проводить программу вооружений слишком быстро, *мы можем*

¹ «Нью-Йорк таймс», 5 декабря 1951 г.

² Там же.

проиграть в политическом отношении столько же, сколько выиграем в военном отношении»¹ (курсив мой.— К. М.).

Герберт Гувер в своей речи уже обращал внимание на последствия, которые может иметь слишком быстрый темп вооружения для американской экономики; он говорил, что «самое важное явление, наблюдающееся сейчас в Соединенных Штатах, это *опасное перенапряжение* (курсив мой.— К. М.), которое создадут в экономике страны ее гигантские расходы»².

Надо оговориться, что эти крупные бизнесмены вовсе не хотят прекращения холодной войны. Они не хотят разоружения, ни полного, ни частичного. Нет, они хотят только несколько замедлить темп вооружений. И они обладают такой силой и влиянием, что выполнение программы вооружений было действительно задержано и момент достижения максимального уровня производства перенесен с 1954 на 1955 год. Маркис Чайлдс сообщал из Вашингтона:

«Президент Трумэн... принял на себя ответственность за коренные изменения, которые он внес в первоначальный план, составленный советом начальников штабов.

В результате этих изменений намеченный срок приведения страны в боевую готовность переносится с 1954 на 1955 год»³.

Такие люди, как Гувер и Рид, играют в настоящее время важную роль потому, что они добиваются пересмотра нашей внешней политики. Их нельзя объявить полоумными или «красными». В ходе этого пересмотра правда о советско-американских взаимоотношениях может окончательно всплыть наружу.

Правде стоит только просочиться, а потом она может хлынуть потоком. В уже цитированном сообщении Чайлдса говорилось:

«Если правительство возьмет на себя инициативу сокращения расходов, это будет опасным прецедентом. Конгресс может вдохновиться этим примером и начать сокращать расходы и в дальнейшем. Если уж решено, что 1954 год не будет таким опасным, то, может быть, не будет опасным и 1955 год».

Сокращение расходов — это не только опасный прецедент. Чтобы добиться этого сокращения, «большому бизнесу» пришлось начать борьбу с той самой истерией, которую он сам поощрял разжигать. Ему пришлось сказать правду: Советский Союз не хочет войны и не готовит ее.

Вот почему Гувер выступает с такими речами, вот почему Рид заявляет, что «по имеющимся данным, Россия не развяжет новую войну в недалеком будущем»⁴, вот почему президент компании «Нэйшнл стил» Эрнст Т. Уэйр пишет, что, прожив несколько недель в Париже и Лондоне и «беседуя там с пред-

¹ Доклад о коммунизме Торговой палаты, март 1952 г.

² «Нью-Йорк таймс», 28 января 1952 г.

³ «Нью-Йорк пост», 21 января 1952 г.

⁴ «Нью-Йорк таймс», 5 декабря 1951 г.

ставителями деловых кругов», он не встретил «ни одного человека, который верил бы, что Россия развяжет войну теперь, через несколько лет... или когда-либо вообще»¹.

Когда выступают такие люди, газеты и журналы «большого бизнеса» им вторят. И вот мы начинаем встречать передовые статьи, предупреждающие насчет «депрессии и политической деморализации»², которые возникают в результате наших огромных военных расходов, предостережения о том, что «военные приготовления, ведущиеся в США на случай войны, которую в действительности русские не начнут, если только на них не нападут, рассчитаны на то, чтобы автоматически свергнуть нас всех в катастрофу...»³ (курсив мой.— К. М.).

Этот же журнал прямо заявил:

«Россия не собирается начинать войну против Соединенных Штатов»⁴.

В свете этих фактов всякие основания для холодной войны отпадают. Зная эти факты, мы можем начать искать ответ на основной вопрос современной внешней политики: кто начал холодную войну?

Кто начал холодную войну?

По официальной вашингтонской версии, холодную войну начал Советский Союз, но мы уже знаем, что Вашингтон нередко прибегает к фальсификации фактов, а потому вправе поставить под сомнение заявления Ачесона, Даллеса, Гарримана и многих других официальных представителей США о том, что инициатором холодной войны был Советский Союз. Почему мы должны им верить?

Самнер Уэллес и Эллиот Рузвельт им не верят. Заместитель государственного секретаря при Рузвельте и сын Рузвельта — важные свидетели. Их слова стоит здесь привести. Эллиот Рузвельт писал:

«...Соединенные Штаты и Великобритания первыми показали бронированный кулак и первыми нарушили совместные решения.

Следует также отметить, что в свистопляске, начавшейся во всем мире вслед за окончанием военных действий, мы перестали играть крайне важную роль арбитра между Великобританией и Советским Союзом, интересы которых в области безопасности в настоящее время приходят в столкновение. Вместо урегулирования этих разногласий в качестве третьей стороны, как всегда старался делать отец, мы предпочли занять при-

¹ Заявление о нашем международном положении 5 января 1951 г.

² «Детройт ньюс», 10 октября 1951 г.

³ «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 2 ноября 1951 г.

⁴ Там же, 1 февраля 1952 г.

страстную позицию. Хуже того, мы не просто стали на сторону Англии, мы пристроились у нее в хвосте...»¹.

Эллиот Рузвельт писал это в 1946 году, когда холодная война только еще начиналась. Примерно в это же время Самнер Уэллес писал:

«...В западных странах появилась тенденция сваливать всю вину за трагический провал мирного урегулирования на советское правительство. Мне казалось бы более правильным признать, что *в нынешней катастрофе повинно и правительство Соединенных Штатов*»² (курсив мой.— К. М.).

Кроме Уэллеса, есть и другие люди, не верящие утверждениям Вашингтона.

Американский промышленник Роберт Р. Янг в 1947 году решительно опроверг версию о том, будто холодную войну начал Советский Союз. Он писал:

«...Россия не проявила ни малейшей агрессивности... пока мы, начав проявлять интерес к пограничным с ней государствам, Польше и Маньчжурии, не стали осыпать ее незаслуженными оскорблениями, нарушающими дипломатический этикет. *Все меры, которые она принимала, были контрмерами*»³ (курсив мой.— К. М.).

Янг считает, что СССР, выступая против американской политики, занимает оборонительную позицию. Американский историк и социолог профессор Гарри Элмер Барнс находит, что Россия ведет себя чрезвычайно сдержанно.

«Если бы Россия проводила политику, в такой же мере затрагивающую интересы США, в какой политика США и, особенно, политика Трумэна по отношению к Греции и Турции, затрагивает интересы России, то Соединенные Штаты уже ответили бы на такую политику объявлением войны»⁴.

Известный в штатах Среднего Запада промышленник Дж. Ф. Линкольн поддерживает точку зрения Барнса. В конце 1951 года он писал:

«...Если бы хоть небольшую часть тех агрессивных актов, которые в настоящее время совершаем мы, Россия совершила в Западном полушарии, мы бы не потерпели этого и немедленно начали бы против нее войну. И все же мы рассчитываем, что коммунистический мир будет мириться с нашими нападениями и покорно склоняться перед нашими угрозами. При нашем нынешнем правительстве мы нападаем на своих недавних союзников Китай и Россию и вооружаем своих врагов Японию

¹ Эллиот Рузвельт, Его глазами, М., Издательство иностранной литературы, 1947, стр. 250. (Прим. ред.)

² Самнер Уэллес, Куда мы идем? Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 110.

³ «Сатердей ревью оф литерачур», 8 марта 1947 г.

⁴ Цитируется по книге Джерома Дэвиса «Мир, война и вы», Нью-Йорк, 1952, стр. 90. Это самая свежая книга по вопросу о мире; написал ее кванкер, очень умный и опытный человек.

и Германию, с которыми всего шесть лет назад мы вели борьбу не на жизнь, а на смерть»¹.

Памятуя о политике лжи, проводимой Вашингтоном и разоблаченной в «Дневниках Форрестола», нам следует очень внимательно и вдумчиво изучать факты. Факты, касающиеся начала холодной войны, читатель найдет в дальнейших главах.

Наши государственные руководители обманывали нас, утверждая, будто Советский Союз замышляет военную агрессию. Не обманывают ли они нас и тогда, когда говорят, что холодную войну начал Советский Союз?

Важнейшим фактом является наша политика в вопросе об атомной энергии. Значение этой политики совершенно очевидно. Провал попыток достигнуть соглашения о контроле над атомной энергией развязал нынешнюю гонку вооружений. Этот вопрос в некоторых отношениях чрезвычайно прост, ибо выбор здесь совершенно ясен. Это хорошо показал один из видных представителей нынешнего поколения американцев, человек, много думавший над этой проблемой и изложивший свои соображения в докладе Трумэну. Это — Генри Л. Стимсон, занимавший посты государственного секретаря при президенте Герберте Гувере и военного министра при президентах Уильяме Говарде Тафте, Франклине Д. Рузвельте и Гарри С. Трумэне. Его соображениями мы и воспользуемся как доказательствами в следующей главе.

¹ Письмо в кливлендскую газету «Плейн дилер», 7 октября 1951 г.

Глава 2

МОНОПОЛИЯ НА АТОМНУЮ БОМБУ

«Годы, которые пройдут до тех пор, пока какая-либо держава сможет... на нас напасть, используя оружие массового уничтожения, будут для нас годами больших возможностей».

Министр обороны Джеймс Форрестол, 8 декабря 1947 года

«...пройдет пять-десять лет, пока они [русские] смогут производить ее [бомбу]...»

Генерал Уолтер Смит, 24 сентября 1948 года

«Мы располагаем данными о том, что несколько недель назад в СССР произошел атомный взрыв».

Президент Гарри Трумэн, 24 сентября 1949 года

В Соединенных Штатах имеется один документ по вопросу об американо-советских отношениях, который представляет большую опасность. Во внешнеполитических делах редко бывает, чтобы какой-нибудь один документ представлял такую опасность для правительства, но этот документ действительно опасен. Это — меморандум, написанный военным министром США специально для президента Трумэна. Он долго являлся совершенно секретным документом и стал известным лишь в результате необычайного стечения обстоятельств.

Значение этого документа невозможно переоценить. Реакционеры давно это поняли и отчаянно пытаются скрыть его, чтобы народ о нем забыл. О нем никогда не говорят; для того, чтобы его утаить, две очень важные книги были выпущены в свет с заведомым искажением истины; из этих книг было изъято всякое упоминание об этом документе. Речь идет о «Дневниках Форрестола» и о книге «Г-н президент» (в значительной степени содержащей выдержки из дневников президента Трумэна).

Как мы убедимся в дальнейшем, сам факт умолчания об этом документе служит объективным доказательством наших слов.

Этот документ представляет собой меморандум по вопросу об атомной политике в отношении России, написанный 11 сентября 1945 года, то есть спустя 9 дней после официальной ка-

питуляции Японии. Тогда атмосфера холодной войны только еще создавалась, и этот меморандум служит решающим доказательством того, кто именно несет ответственность за холодную войну.

Прежде чем полностью привести здесь текст меморандума, следует сказать несколько слов о самом Стимсоне. В тот период он достиг вершины своей карьеры, не имеющей себе равной в Соединенных Штатах, если не считать самого президента. За период с 1911 по 1945 год Стимсон был членом четырех кабинетов как республиканских, так и демократических, занимая в них посты государственного секретаря или военного министра.

По профессии он был адвокатом по делам трестов, по партийной принадлежности — республиканцем и являлся специалистом по вопросам внешней политики. В области же атомной энергии он был, пожалуй, самым авторитетным человеком в составе правительства, если не считать самого президента Рузвельта.

С самого начала осуществления программы работ по атомной энергии Стимсон входил в состав руководящего комитета, определявшего политику в этой области, а с 1943 года он нес прямую ответственность перед президентом за руководство всеми мероприятиями в области атомной энергии. Стимсон был также главным советником президента Рузвельта по вопросам военного использования атомной энергии.

Стимсон стоял за то, чтобы сбросить атомную бомбу на Японию, но хранить секрет ее производства в тайне. Затем он изменил свое мнение, но это произошло не сразу, а постепенно. В своих мемуарах он излагает ход своих мыслей по вопросу о монополии США на атомную бомбу. И чем больше он размышлял о последствиях монополии США, тем больше его разбирали сомнения.

Возвратившись из Потсдама, он отправился в Адирондакские горы и там в течение трех недель занимался этой проблемой. «В тиши Адирондакских гор, — писал он в своих мемуарах, — я продолжал размышлять об атоме и о России. Дважды из Вашингтона ко мне приезжал Макклой, и я беседовал по секретному телефону с Гаррисоном и Г. Х. Банди»¹.

Из этого явствует, что Макклой, Гаррисон и Банди были советниками Стимсона. Все трое — крупные бизнесмены: Джон Дж. Макклой — адвокат по делам трестов, бывший председатель Международного банка реконструкции и развития, директор железнодорожной компании «Юнион Пэсифик рейлрод», участник влиятельной уолл-стритской фирмы «Милбэнк, Туид, Хоуп, Хедли энд Макклой»; Джорж Л. Гаррисон — директор

¹ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 641. (Не путать с Х. Банди.)

нью-йоркского федерального резервного банка, председатель страховой компании «Нью-Йорк лайф иншуренс», директор многих других крупных компаний; Гарвей Х. Банди — адвокат по делам трестов, участник крупной фирмы «Чоат, Холл энд Стьюарт», помощник военного министра при Гувере.

Все они такие же пронизательные, трезвые и консервативно настроенные люди, как и сам Стимсон, который во многих вопросах, как, например, в вопросе о профсоюзах, был даже реакционером. Форрестол пишет, что Стимсон в 1946 году «выражал серьезную тревогу по поводу положения с профсоюзами и заявил, что этим «заговором» против государственных интересов придется заняться всерьез... Он сказал также, что для ликвидации этого заговора можно найти соответствующие прецеденты как в наших законах, так и в старом английском обычном праве»¹.

Если эти представители крупного капитала пришли к выводу, что Соединенные Штаты не должны стремиться сохранить монополию на атомную бомбу, это служит веским доказательством того, что подобная монополия не отвечала интересам Соединенных Штатов. В результате бесед со своими советниками Стимсон изменил свою первоначальную точку зрения. В мемуарах говорится:

«Размышляя над положением, которое создалось бы в мире в результате конкуренции в области атомных исследований, Стимсон изменил свое первоначальное мнение и 11 сентября направил президенту меморандум, в котором настаивал на немедленных и прямых переговорах с русскими...»² (курсив мой.— К. М.).

Меморандум Стимсона был так тщательно продуман и сформулирован, что его следует привести здесь полностью. Кроме того, это важнейший документ для изучения истории холодной войны. Вот его полный текст:

«Президенту,
Белый Дом.

Меморандум президенту
11 сентября 1945 года

По вопросу о намечаемых мерах контроля над атомными бомбами.

Появление атомной бомбы вызвало во всем цивилизованном мире большой военный и, пожалуй, еще больший политический интерес. В международной атмосфере, и без того исключительно чутко реагирующей на силу, создание этого оружия глубоко

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 200.

² Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 641.

повлияло на политическое мнение во всех районах земного шара.

Во многих кругах оно рассматривается как серьезное препятствие росту русского влияния на континенте. Мы можем быть уверены, что советскому правительству это известно и советские политические и военные руководители будут испытывать большое искушение как можно скорее приобрести это оружие. Англия уже фактически является нашим партнером по работе над атомным оружием. Следовательно, если Советский Союз не будет добровольно привлечен к участию на основе сотрудничества и доверия, то мы будем иметь англо-саксонский блок, противостоящий Советскому Союзу в обладании этим оружием. Такое положение почти неизбежно вызовет в СССР лихорадочную деятельность, направленную на создание этой бомбы, и это фактически приведет к тайной гонке вооружений, которая примет отчаянный характер. По некоторым данным, такая гонка, возможно, уже началась.

Если мы считаем — а я думаю, мы должны так считать, — что цивилизация требует от нас достижения удовлетворительного международного соглашения относительно контроля над этой новой силой, то вопрос состоит в том, до каких пор мы сможем использовать свое временное превосходство в надежде добиться осуществления своих ближайших целей на мирных совещаниях.

Овладеет ли Россия необходимыми ей секретами производства, скажем, минимум в четыре года или максимум в двадцать лет, это не имеет существенного значения для мира и цивилизации; важно добиться того, чтобы, овладев этими секретами, она добровольно стала готовым к сотрудничеству партнером миролюбивых наций мира. Правда, если мы обратимся к ней сейчас, как я хочу предложить, может случиться, что, рассчитывая на ее добропорядочность, мы дадим ей возможность начать производить бомбы несколько раньше, чем она могла бы в противном случае.

Короче говоря, я считаю, что проблема наших удовлетворительных отношений с Россией не только связана с проблемами атомной бомбы, но фактически подчинена им. Если бы не задача установления контроля над этой бомбой, то эти отношения, хотя и крайне важные, не требовали бы столь срочного урегулирования. Установить отношения взаимного доверия между Россией и нами можно было бы и постепенно, с течением времени. Но с изобретением бомбы это стало срочной необходимостью. *Эти отношения могут оказаться непоправимо испорченными — все зависит от того, как мы подойдем к решению вопроса о бомбе с Россией. Ибо, если мы не обратимся к ней сейчас, а лишь будем продолжать вести с ней переговоры, довольно явно держа за спиной это оружие, её подозрительность и ее недоверие к нашим целям и мотивам возрастут*

(курсив Стимсона)¹. Это заставит ее приложить все усилия для разрешения данной проблемы. Если будет принято решение в таком духе, то гораздо менее вероятно, что мы когда-либо придем к такому соглашению, в котором мы будем крайне нуждаться в будущем. Это, по-моему, сопряжено с большим риском, чем другой исход, поскольку наша цель должна состоять в том, чтобы добиться наилучшего взаимного международного соглашения — такого, которое даст хоть какое-то основание надеяться, что его будут соблюдать и что оно спасет цивилизацию не на 5 или 20 лет, а навсегда.

Главный урок, который я вынес из своей долгой жизни, состоит в том, что человека можно сделать достойным доверия, только доверяя ему, и что самый верный способ сделать его недостойным доверия — не доверять ему и проявлять свое недоверие на деле.

Одно дело, если бы атомная бомба была обычным, хотя и более сокрушительным видом оружия, который мы использовали бы в своих международных отношениях. В этом случае мы могли бы следовать старому обычаю: хранить его в тайне, обеспечить военное превосходство в наших национальных интересах и надеяться на то, что все государства из соображений осторожности запретят использование в будущем этого оружия, как мы поступили с отравляющими веществами. Но я думаю, что бомба представляет собой лишь первый шаг в приобретении человеком новой власти над силами природы — силами слишком революционными и опасными, чтобы к ним можно было подходить со старыми представлениями. Я считаю, что это изобретение венчает собой соревнование между ростом находящихся в распоряжении человека технических возможностей производить разрушения и его психологической способностью власти над собой и власти над коллективом — его моральной силой. А в таком случае метод нашего подхода к русским имеет величайшее значение для прогресса человечества.

Поскольку в центре проблемы стоит Россия, любые предложения насчет мер контроля над этим видом оружия должны быть адресованы прежде всего России. Мое мнение таково, что Советский Союз скорее искренне откликнется на прямое и откровенное обращение Соединенных Штатов по этому поводу, чем если это будет сделано в порядке какого-то общего международного плана или если это обращение последует за целым рядом явных или скрытых угроз или полуугроз в ходе наших мирных переговоров.

¹ Эти фразы не были подчеркнуты в оригинале меморандума, но Стимсон подчеркнул их в 1947 году, когда писал свои мемуары. (Банди, писавший книгу, лишь выражал мнение Стимсона.) В то время Стимсон считал это место и еще одно, также выделенное курсивом, составляющими суть всего меморандума.

Я мыслю себе это обращение к Советам как прямое предложение — после обсуждения с англичанами, — выражающее нашу готовность достигнуть с русскими договоренности в целях контроля и ограничения использования атомной бомбы как орудия войны и, насколько это возможно, направления и поощрения развития атомной энергии для мирных и гуманитарных целей.

Такое предложение может конкретно привести к предложению с нашей стороны прекратить дальнейшее усовершенствование и производство бомбы как оружия войны при условии, что русские и англичане согласятся сделать то же самое. Наше предложение может также предусматривать, что мы будем готовы конфисковать бомбы, имеющиеся сейчас в Соединенных Штатах, при условии, что русские и англичане договорятся с нами о том, чтобы ни при каких условиях не использовать бомбы в качестве оружия войны, если только все три правительства не решат применить их. Мы должны также рассмотреть вопрос о включении в это соглашение договоренности с Соединенным Королевством и Советами об обмене данными о дальнейших открытиях с тем, чтобы атомная энергия могла использоваться в будущем на взаимно удовлетворительной основе для коммерческих или гуманитарных целей.

Я бы обратился с таким предложением, как только это позволит наши политические соображения.

Я особенно подчеркиваю, помимо всяких соображений, как исключительно важно, чтобы эта мера в отношении России носила характер предложения Соединенных Штатов, поддержанного Великобританией, но именно предложения Соединенных Штатов. Действия любой группы стран, в том числе многих малых стран, не проявивших своей потенциальной силы или ответственности в этой войне, по-моему, не встретят серьезного отношения со стороны Советов (курсив Стимсона). Общие разговоры, которые возникнут по поводу такого предложения, если его вынести на совещание наций, едва ли будут благоприятно встречены Советами. Я повторяю, что считаю это самым важным пунктом своей программы.

После того как страны-победительницы договорятся об этом, будет достаточно времени, чтобы привлечь Францию и Китай к участию в соглашении и, наконец, чтобы включить это соглашение в сферу компетенции Организации Объединенных наций. Использование этой бомбы было воспринято всем миром как результат инициативы и производственной мощности Соединенных Штатов, и я думаю, что это будет служить для Советов самым сильным стимулом для принятия нашего предложения; с другой стороны, я весьма скептически отношусь к возможности добиться каких бы то ни было реальных результатов путем международного обсуждения. Я настаиваю

на этом способе действий как на самом реальном средстве добиться принятия этой важнейшей меры в истории мира.

Генри Л. Стимсон
военный министр»¹.

Таков этот меморандум.

Он исходит из реальной действительности и из определенной политической линии.

Основной факт современной действительности заключается в том, что в результате второй мировой войны Соединенные Штаты и Советский Союз стали двумя самыми могучими державами. Теперь не может быть никакой иной мировой войны, кроме войны, в которой эти две державы будут выступать друг против друга. Это не означает, что весь остальной мир можно сбросить со счетов, что он не имеет значения. Отнюдь нет. Но это означает, что вопрос войны или мира решается сейчас именно этими двумя странами. Если США и СССР будут друзьями, то войны быть не может. Если они будут врагами, то война будет возможна в любое время.

Политическая линия, на которой был основан меморандум Стимсона, — это линия президента Рузвельта, линия расширения сферы соглашения и сокращения сферы конфликтов путем переговоров и компромиссов. Как заявил президент Рузвельт конгрессу по возвращении с Ялтинской конференции 1 марта 1945 года, «конференция представляла собой успешную попытку трех руководящих государств найти общую почву для мира... Я уверен, что конгресс и американский народ будут рассматривать результаты этой конференции как начало обеспечения вечного мира...»

Политика президента Рузвельта в отношении Советского Союза заключалась в том, чтобы «найти общую почву для мира». Такую политику проводило наше правительство до дня его смерти, 12 апреля 1945 года. Меморандум Стимсона был целиком основан на этой политике, из нее же он исходил и в своих предостережениях. Отвергнув предложение Стимсона и не вняв его предостережениям, Трумэн полностью отошел от политики Рузвельта. Вот почему этот меморандум политически так опасен.

1. Стимсон вначале указывает, что некоторые рассматривают бомбу как орудие политики силы, как своего рода «противовес» советскому влиянию, иными словами, как нечто такое, чем можно пригрозить СССР. Он отмечает, что Советский Союз это понимает и что это может привести лишь к «тайной гонке вооружений, которая примет отчаянный характер».

¹ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 642—646.

Именно это и происходит сейчас.

2. Далее Стимсон предупреждает, что «если мы не обратимся к ней [России] сейчас, а лишь будем продолжать вести с ней переговоры, довольно явно держа за спиной это оружие, ее подозрительность и ее недоверие к нашим целям и мотивам возрастут». Советский Союз будет всеми силами стараться создать бомбу, и нам будет гораздо труднее добиться соглашения, в котором «мы будем крайне нуждаться в будущем».

Наши отношения с Россией могут оказаться «непоправимо испорченными». Это весьма сильное выражение, но разве оно неприменимо к холодной войне? Разве в обстановке нынешней холодной войны это предостережение не звучит пророчески?

3. И, наконец, Стимсон отмечает с поразительной дальновидностью, что бомба «представляет собой лишь первый шаг в приобретении человеком новой власти над силами природы — силами слишком революционными и опасными, чтобы к ним можно было подходить со старыми представлениями», и выступает со столь же серьезным и трезвым, сколь и тщательно продуманным предостережением, что «метод нашего подхода к русским имеет величайшее значение для прогресса человечества».

Этот подход должен быть «прямым и откровенным», предупреждает Стимсон, в противном случае наши действия «не встретят серьезного отношения со стороны Советов».

Насколько серьезно отнесся Трумэн к предостережениям и предложениям Стимсона?

Трумэн пренебрег всеми настоятельными предложениями Стимсона. Мало того, он поступил как раз наоборот. И это привело именно к тем последствиям, которые предсказывал Стимсон: к страшной гонке атомного вооружения, которая может закончиться только всеобщей катастрофой. И не удивительно, что такие книги, как «Дневники Форрестола» и «Г-н президент», искажают факты и вводят людей в заблуждение относительно взглядов Стимсона. Для того чтобы доказать это обвинение в преднамеренном извращении взглядов Стимсона, следует внимательнейшим образом рассмотреть его предсказания и предложения.

Содержание меморандума Стимсона

Все предсказания Стимсона сбылись. Это весьма знаменательно, если учитывать, что он был специалистом по вопросам внешней политики и по атомной проблеме; некоторые из его предсказаний поистине удивительны. Так, например, он заявил, что Советский Союз может создать атомную бомбу «минимум в четыре года...» Почти точно четыре года спустя президент Трумэн объявил, что «несколько недель назад в СССР произо-

шел атомный взрыв». (Дата этого сообщения — 24 сентября 1949 года, дата меморандума Стимсона — 11 сентября 1945 года.)

Автор не собирается приписывать Стимсону сверхъестественную проницательность. Стимсон указал время предположительно — минимально четыре года и максимально двадцать лет. Но то обстоятельство, что его минимальное предположение оказалось в таком точном соответствии с действительностью, говорит о его отличном знакомстве с атомным производством. Сравните минимальный срок, предсказанный Стимсоном, со сроком, который указал генерал Уолтер Беделл Смит (посол в Москве), заявивший 24 сентября 1948 года министру Форрестолу:

*«Русские не могут обладать промышленными возможностями (курсив мой. — К. М.) для производства атомной бомбы сейчас, и пройдет лет пять или даже десять прежде, чем они смогут производить бомбы в значительных количествах. Они, возможно, располагают теоретическими знаниями, но не имеют промышленных возможностей для претворения этих знаний в конкретное оружие»*¹.

Недооценка советской промышленной мощи такими людьми, как генерал Смит, непосредственно вытекает из их высокомерного, проникнутого национализмом убеждения в превосходстве США. Эта недооценка лежит и в основе стратегической концепции Форрестола, о которой можно судить по его дневникам:

*«До тех пор, пока мы можем производить больше всех в мире, мы можем господствовать на море и наносить удары на суше атомными бомбами, мы можем идти на некоторый риск, который в противном случае был бы непозволителен... Годы, которые пройдут до тех пор, пока какая-либо держава сможет успешно на нас напасть, используя оружие массового уничтожения, будут для нас годами больших возможностей...»*² (курсив мой. — К. М.).

Занимая пост министра обороны, Форрестол оказывал очень большое влияние на Трумэна. Если бы Трумэн отнесся внимательно к предсказаниям и предложениям Генри Стимсона, то сейчас международная обстановка не была бы чревата такими опасностями.

В чем именно заключались предложения Стимсона?

Приведем их здесь на основании меморандума, разбив их на пункты.

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 496. Заявление генерала Смита о том, что русские, возможно, располагают «знаниями» и что необходимы только соответствующие «промышленные возможности», лишает всяких оснований истерические крики об атомном шпионаже. Подробнее об этом, а также о мнении Джона Фостера Даллеса по этому поводу см. приложение в конце настоящей книги.

² «Дневники Форрестола», стр. 351.

1. В наших переговорах с Советским Союзом мы должны избегать «явных или скрытых угроз или полуугроз», вытекающих из того факта, что мы имеем атомную бомбу.

2. Мы должны обратиться непосредственно к СССР. Стимсон особо предупреждает, что это обращение не должно носить характера международной акции группы стран. Он особенно подчеркивает, что всякое групповое обращение покажет Советам, что американцы не относятся к этому делу серьезно. Это обращение должно носить форму приглашения Советскому Союзу участвовать в качестве партнера «на основе сотрудничества и доверия».

3. Мы должны вести переговоры о соглашении относительно запрещения атомной бомбы как оружия войны.

4. Мы должны предложить «прекратить дальнейшее усовершенствование и производство бомбы как оружия войны при условии, что русские и англичане согласятся сделать то же самое». Мы должны быть готовы «конфисковать бомбы, имеющиеся сейчас в Соединенных Штатах», при условии, что Советские согласятся запретить бомбу.

5. Мы должны обмениваться с СССР данными об атомной энергии в коммерческих и гуманитарных целях.

Вот что предлагал Стимсон. А что сделал Трумэн? Он стал проводить жесткую политику в отношении СССР, предложил создать международную комиссию, до сих пор отказывается запретить атомную бомбу, не прекратил производства бомб (а сделал обратное) и, конечно, не пошел на обмен данными об атомной энергии. По всем пунктам он принял прямо противоположные решения.

Значение меморандума Стимсона

В настоящей книге мы хотим выяснить первопричины холодной войны. В этом смысле меморандум Стимсона имеет колоссальное значение. Поскольку он существует, Трумэн и его советники не могут ссылаться на неведение. Инициатива была в руках Америки, и Стимсон предупреждал, что произойдет, если мы вступим на известный путь. И Трумэн вступил именно на этот путь.

Неправильный подход, предостерегал Стимсон, может «непоправимо испортить» советско-американские отношения. Что он называл неправильным подходом? Он писал, что неправильным подходом было бы действие через посредство международной комиссии. Так, например, создание комиссии Объединенных наций было бы неправильным шагом.

Почему создание комиссии ООН по атомной энергии оказалось неправильным шагом?

На первый взгляд представляется вполне правильным и демократичным, чтобы атомными проблемами занималась ООН.

Но на деле в ООН господствуют Соединенные Штаты. Это стало очевидно еще в 1945 году, и первым наглядным свидетельством господства США был ход обсуждения вопроса о принятии Аргентины в ООН.

Главный политический обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Артур Крок писал, что «на ассамблее США ведут за собой неодолимый блок», который по действиям напоминает «сильный блок на национальных съездах партии»¹.

Дальнейшие проявления господства США в ООН будут описаны в одной из последующих глав, но Советскому Союзу, так же как и Кроку, было ясно, что США располагают в ООН подавляющим большинством голосов. Всякое предложение по вопросу об атомной энергии, исходящее от комиссии ООН, весьма вероятно будет предложением США. Именно так и произошло впоследствии.

Без предварительного обсуждения этого вопроса США и Советским Союзом Россия неизбежно отвергла бы мысль о создании комиссии. Без такого предварительного непосредственного обсуждения Советский Союз считал бы, что США вовсе не заинтересованы в достижении соглашения.

Вот почему Стимсон и писал:

«...Если это обращение будет предпринято в порядке какого-то общего международного плана... с участием многих малых стран, не проявивших... ответственности в этой войне, то это, по-моему, не встретит серьезного отношения со стороны Советов...»

В 1947 году Стимсон считал это самым важным пунктом, а Трумэн намеренно отверг предложение о непосредственном обращении к Советскому Союзу. 15 ноября 1945 года он встретился с премьер-министрами Канады и Великобритании, и они объявили, что «в ближайшее время в рамках Организации Объединенных наций должна быть создана комиссия для подготовки рекомендаций...»².

Вот оно явное, несомненное, сознательное и преднамеренное отклонение того самого предложения, на котором особенно и неоднократно настаивал Стимсон: о непосредственном обращении к СССР, а не через посредство комиссий, комитетов и т. п.

Предложения Трумэна по видимости повышали престиж ООН. На деле же, как показали результаты, эти предложения оказались препятствием в ее работе.

Стимсон был сторонником ООН. Он хотел, чтобы ООН действовала, и он знал, что она сможет действовать только в том случае, если будет исходить из основной идеи Рузвельта — единства большой тройки. Стимсон хотел укрепить ООН. Вот почему он определенно указывал, что после того как в резуль-

¹ «Нью-Йорк таймс», 2 мая 1945 г.

² Там же, 16 ноября 1945 г.

тате непосредственных переговоров между США и СССР будет достигнуто принципиальное соглашение, вся эта проблема может быть детально рассмотрена ООН и включена в ее систему.

Это соответствовало линии, принятой в Тегеране и Ялте. Принцип единства большой тройки должен был лечь в основу прочного мира, в основу Организации Объединенных наций. Такова была линия Рузвельта, и для того чтобы замаскировать отказ от нее, нужно было скрыть и исказить позицию Стимсона.

Пусть читатель вернется к меморандуму Стимсона, изучит его доводы, увидит, как логично, точно и умно он приходит к своему главному выводу — непосредственные переговоры, а не односторонние решения. Учитывая наличие этих рекомендаций Стимсона, поддержанных многими другими знаатоками проблемы, в том числе и учеными-атомниками, нельзя сказать, что творцы американской политики не знали точно, что именно они творят. Меморандум Стимсона — убийственное, неопровержимое обвинение по адресу внешней политики Трумэна. Вот почему его так тщательно замалчивают.

Замалчивание позиции Стимсона

Самыми наглядными примерами такого замалчивания являются книги «Дневники Форрестола» и «Г-н президент».

«Дневники Форрестола», вышедшие в октябре 1951 года, прошли специальную цензуру, которая устранила из них все упоминания о меморандуме Стимсона.

Редактор дневников Уолтер Миллис пишет в предисловии, что «довольно значительные куски были сокращены, перефразированы или в некоторых случаях вовсе опущены на том основании, что они могли бы создать серьезные осложнения в нынешних международных отношениях и что их опубликование поэтому противоречило бы «нашим государственным интересам». Миллис утверждает, что «ничего нечестного в этом сокращении нет».

А теперь обратимся к фактам.

21 сентября 1945 года состоялось заседание кабинета — последнее заседание, на котором присутствовал Стимсон, поскольку в этот день он уходил в отставку. То, что произошло на этом заседании, делает его, пожалуй, самым важным во всей истории Соединенных Штатов. Форрестол делал записи об этом заседании и комментировал его в своем дневнике. Уолтер Миллис кратко излагает записи Форрестола.

Миллис пишет, что это заседание было посвящено исключительно обсуждению вопроса об атомной бомбе и «явно сыграло решающую роль в определении политики США в этой новой и страшной области».

Президент Трумэн поставил вопрос о том, «какую политику должно проводить правительство США в отношении предоставления имеющихся в нашем распоряжении сведений другим странам...». Далее Миллис пишет: «Начав с г-на Стимсона, президент опросил затем всех присутствовавших».

Миллис так и не сообщает, что сказал Стимсон. Вместо этого он прямо пересказывает к изложению того, что сказал Уоллес, и делает это так, чтобы создать определенное впечатление, что Уоллес, занимавший тогда пост министра торговли, был единственным сторонником политики сотрудничества с Советским Союзом. На Уоллеса резко обрушился Форрестол, настаивавший на сохранении так называемого «секрета» и требовавший, чтобы контроль над атомной энергией принадлежал исключительно Соединенным Штатам.

Миллис далее пишет: «...почти все (курсив мой. — К. М.) присутствовавшие по существу полностью соглашались с Форрестолом...»¹.

Таким образом умышленно создавалось впечатление, что несогласен с Форрестолом был один только Уоллес. Но это неверно, поскольку мы знаем, что Стимсон занимал еще более решительную позицию и изложил ее в письменном виде. В этом отношении Миллис определенно вводит читателей в заблуждение, утверждая: «...ясно, что мнения еще вполне не выкристаллизовались...»².

Что касается Стимсона, то это просто неверно. От его меморандума нельзя отмахнуться.

В действительности Стимсон не только изложил свои соображения, но и представил их президенту. На этом роковом заседании кабинета он снова изложил свои взгляды и энергично отстаивал их. Именно этого и следовало ожидать от него в таком важном деле. А о том, что он поступил именно так, прямо сказано на странице 646 его мемуаров, где мы читаем: «Именно с такими взглядами, которые он вновь настоятельно изложил президенту и кабинету в день своей отставки, он оставил свой пост...» (курсив мой. — К. М.).

Уоллес вспоминает об этом заседании кабинета: «Министр Стимсон заявил на заседании кабинета 21 сентября 1945 года, что другие страны почти наверняка будут иметь бомбу к 1950 году (курсив мой. — К. М.). Я ему верил... Творцы нашей высокой политики, ничего не понимая в науке, думали, что мы обладаем секретом, который сможем использовать в мирное время как оружие в международных делах. Они не спрашивали себя, что будет с нашей внешней политикой, когда бомбой будут обладать две страны»³.

¹ «Дневники Форрестола», стр. 95.

² Там же.

³ Речь в клубе «Прери-клуб», в Де Мойне (штат Айова) 29 апреля 1950 г.

«Дневники Форрестола» используют Уоллеса как «мальчишка для битья» вместо Стимсона по той простой причине, что Уоллеса можно критиковать, с ним можно не считаться, так как он-де сторонник Нового курса, а о Стимсоне этого сказать нельзя. К такому же маневру прибег и Трумэн в книге «Г-н президент». Там это сделано более тонко, но она тоже взводит в заблуждение, как может судить сам читатель.

Трумэн затемнил позицию Стимсона

Книга «Г-н президент» написана журналистом Уильямом Хилмэном, но Трумэн совершенно явно сотрудничал с ним. Он беседовал с Хилмэном, предоставил ему свои дневники, заметки и личные документы. В книге говорится, что ее цель — изобразить Трумэна так, как он сам себя изображает.

Трумэн пытается представить себя миролюбивым и добивающимся мира президентом. Значительная часть книги посвящена оправданию его внешней политики, рисует, как он стремился предотвратить войну и как был терпелив, несмотря на провокации со стороны СССР. Если учесть, что Вашингтон, как было сказано выше в этой главе, преднамеренно разжигал «военный психоз», автопортрет Трумэна совершенно не соответствует оригиналу.

Далее, поскольку Трумэн знает, что он отверг меморандум Стимсона, весьма знаменательно его отношение к самому Стимсону. Когда читаешь книгу «Г-н президент», в глаза бросается одно обстоятельство. Единственное упоминание о Стимсоне на протяжении всей книги гласит, что Стимсон в 1949 и 1950 годах поддерживал северо-атлантическую организацию¹. У неискушенного читателя создается впечатление, будто Стимсон одобрял внешнюю политику Трумэна, но это совершенно неверно, учитывая позицию Стимсона в 1945 году: еще в 1947 году, касаясь курса Трумэна, Стимсон «не считал, что этот курс представлял собой именно *ту политику и тот метод* (курсив мой. — К. М.), которые он имел в виду»² в 1945 году. Умолчание о позиции Стимсона в 1945 году затемняет истину.

Это умолчание приобретает особое значение, если иметь в виду то, каким образом оно делается. Приведем факты. В книге есть раздел части третьей, озаглавленной «Дневники, частные мемуары, документы». Этот раздел содержит суть всей книги и получил особенно широкую огласку, потому что в нем

¹ Уильям Хилмэн, Г-н президент, стр. 55.

² Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 647. С 1945 по 1947 год позиция Стимсона в вопросе о контроле над атомной энергией не изменилась, но его позиция по другим вопросам внешней политики претерпела изменения. К данной проблеме это не относится, но изменение имеет довольно важное значение, и о нем говорится в приложении I в конце настоящей книги.

приводится ряд выдержек из дневника Трумэна. Первая запись, приведенная в книге, была сделана в тот день, когда Трумэн вступил в Белый дом, — 12 апреля 1945 года.

Далее следует ряд записей за каждый месяц — за апрель, май, июнь, июль, август и сентябрь, вплоть до 20 сентября 1945 года, кануна вышеупомянутого важнейшего заседания кабинета. Далее пропускается целый год, и со следующей строчки начинается запись от сентября 1946 года. А что это за запись? Выпад против г-на Х, которым, по общему мнению, является Уоллес¹.

О заседании кабинета не сказано ни слова. Это весьма странно, если учесть важное значение этого заседания. К тому же с этим знаменательным днем связаны яркие исторические детали. Это был день рождения Стимсона, он уходил в отставку после долгой и славной государственной деятельности, и в Пентагоне ему устроили торжественные проводы. Безусловно, Трумэн при своей сентиментальности и любви к историческим деталям не мог не откликнуться на это.

Далее, зачем пропускать целый год, чтобы включить запись, представляющую собой выпад против политики сотрудничества с СССР? Создается впечатление, что Трумэн, скрывая предложения Стимсона, вместе с тем стремится оправдаться. Резкий тон этого выпада заставляет предположить, что Трумэн чувствовал себя беспокойно. Если верно то, что сказано в этой главе, то Трумэн действительно должен был чувствовать себя беспокойно. Он взял на себя тяжкую ответственность, не посчитавшись с меморандумом Стимсона.

На заседании кабинета 21 сентября 1945 года была определена наша политика в вопросе об атомной энергии. В «Дневниках Форрестола» говорится: «Идея передачи этого вопроса для урегулирования в Организацию Объединенных наций впоследствии стала основной идеей американской политики»². Миллис приписывает этот результат главным образом Форрестолу. Об этом решении Трумэн объявил 15 ноября. Рассматривая его в сочетании с неуступчивой позицией государственного секретаря Бирнса на лондонском совещании в сентябре 1945 года, Советский Союз понял (как и предупредил Стимсон), что американские предложения несерьезны. Тем не менее Советский Союз не отказался от дальнейших попыток прийти к соглашению. На Московской конференции он согласился на создание комиссии ООН по атомной энергии, что

¹ Уильям Хилмэн, Г-н президент, стр. 128. Почти все газеты, высказывая догадки насчет того, кто такой г-н Х, упоминали Уоллеса. Сам Уоллес по телеграфу запросил Трумэна, имеет ли г-н Х отношение к нему. Трумэн ему не ответил. В записи говорилось, что г-н Х хотел «распустить наши вооруженные силы, выдать России наши атомные секреты». Вульгарно искажая политику сотрудничества с Советским Союзом, Трумэн стремится таким образом дискредитировать ее.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 96.

и было сделано решением Генеральной Ассамблеи ООН 24 января 1946 года.

В марте 1946 года был опубликован доклад Ачесона — Лилиенталя, а 6 июня 1946 года Барнард Барух представил в ООН американский план контроля над атомной энергией. Он стал известен как план Баруха и оказался неприемлемым для Советского Союза.

Больше того, план Баруха был умышленно сделан неприемлемым, а это означает, что его авторы исходили из недобросовестных намерений. Это доказывают сами события.

Питали ли авторы плана Баруха недобросовестные намерения?

Суть плана Баруха состояла в том, что международная комиссия должна обладать правом собственности на все крупные атомные предприятия и должна решать, где строить такие предприятия. Решения должны были приниматься большинством голосов при отсутствии контроля со стороны Совета Безопасности ООН. Иными словами, право вето в данном случае не действовало. Для Советского Союза было немыслимо передать свой суверенитет комиссии, находящейся под контролем США, и против этого условия возражали даже члены комиссии Ачесона — Лилиенталя. Один из членов комиссии, Честер Барнард, проговорился. «Мы с Лилиенталем, — писал он, — *лично просили Баруха не поднимать проблему вето...*»¹ (курсив мой. — К. М.).

Барух отлично понимал, что он делает. Достаточно было одной лишь проблемы вето, чтобы гарантировать отклонение плана Советским Союзом.

План Баруха не оставлял никаких возможностей для компромисса. Даже если бы Советский Союз принял этот план, Соединенные Штаты не согласились бы на уничтожение атомной бомбы и даже на прекращение производства бомб обеими сторонами, как на этом настаивал Стимсон. США сохраняли за собой полную свободу действий.

Это совершенно ясно вытекало из доклада Ачесона — Лилиенталя.

«Весьма знаменательно, что в течение переходного периода такие объекты, как склады бомб и установки для производства (расщепляемых) материалов, будут все время попрежнему находиться в США. Таким образом, если в переходный период выполнение плана будет сорвано, *мы окажемся в благоприятном положении в смысле атомного оружия*»² (курсив мой. — К. М.).

¹ Дартмут Алумни Мэгэзин, февраль 1948 г. Барнард был председателем «Нью-Джерси Белл телефон компани».

² Государственный департамент США, «Доклад о международном контроле над атомной энергией», Вашингтон, 1946.

Иными словами, план Баруха должен был лишь укрепить позиции США в области атомной энергии по сравнению с позициями Советского Союза. К такому же выводу пришел и один из виднейших мировых специалистов по атомной энергии, профессор П. М. С. Блэккетт. Профессор Блэккетт, лауреат Нобелевской премии, был членом консультативного комитета по вопросам атомной энергии при английском правительстве. Он писал: «...претворение в жизнь плана Баруха, несомненно, привело бы к *немедленному сокращению военной мощи России* по сравнению с мощностью Америки, причем это не *компенсировалось бы никаким явным выигрышем*. Ясно, что на первых порах действия плана Баруха этот план определенно нанес бы урон непосредственной безопасности Советского Союза...»¹ (курсив мой. — К. М.).

Это очень выгодно в военном отношении для Америки, но какие были у Баруха основания ожидать, что Советский Союз примет его план? Разумеется, он этого и не ожидал.

Еще один раздел плана Баруха был так явно неприемлем для Советского Союза, что из этого ясно, что Барух намеренно составил свой план так, чтобы обеспечить его отклонение.

План прежде всего предусматривал проведение во всем мире изысканий сырья для атомной энергии. Профессор Блэккетт пишет: «Проведение таких неограниченных изысканий в СССР дало бы инспекторам ООН, а следовательно, и американским начальникам штабов, возможность составить достаточно полную карту объектов в СССР»².

Карта, на которую нанесены объекты, имеет колоссальное значение для стратегических бомбардировок. Это ясно всякому, кто когда-либо работал в области стратегических бомбардировок. В этой связи автор имеет возможность высказать свое личное суждение.

Пишущий эти строки во время войны был помощником начальника отдела в Бюро стратегических служб. Это была независимая разведывательная организация, подчинявшаяся только президенту Рузвельту и Объединенной группе начальников штабов. В ее компетенцию входили весьма широкие функции — от снабжения по воздуху французского движения Сопротивления до подсчета германских потерь. Сам автор много занимался всевозможными военными проблемами — проблемой перевозок и снабжения, определением возможностей противника, вопросами организации армии, вопросами общего военного контроля, оценкой действенности таких новых видов оружия, как радар и ракеты, пропагандой и экономической войной.

Одной из этих военных проблем были стратегические бомбардировки. Автор возглавлял группу специалистов, намечав-

¹ П. М. С. Блэккетт, *Страх, война и бомба*, Нью-Йорк и Торонто, 1948, стр. 152—153. Это одна из лучших книг о проблеме атомного контроля.

² Там же, стр. 152.

ших объекты для знаменитого налета Дулиттла на Японию в 1942 году и лично наметил объекты в Токио, Явата и Иокогама. В 1944 году под его наблюдением издавалась книга, посвященная вопросу о выборе объектов для стратегических бомбардировок, — «Объекты стратегических бомбардировок»; она стала в вооруженных силах США одной из настольных книг. В 1945—1946 годах автор помогал составлять доклады «Юнайтед Стейтс стратегик бомбинг сервей».

Важнейшим фактором стратегических бомбардировок является расположение объектов. Это так очевидно, что и говорить об этом как будто нелепо. Однако это часто упускают из виду. Одним из важнейших оборонительных мероприятий Советского Союза является засекречивание расположения военных заводов. Даже расположение общих промышленных районов имеет большое военное значение, а сохранение военной тайны в Советском Союзе вполне себя оправдало, как об этом свидетельствуют сами нацистские генералы. Один из руководителей германской армии, фельдмаршал фон Рундштедт, говорил о вторжении в Россию: «Как мне стало ясно вскоре после начала наступления, *все то, что писалось о России, было чепухой*. Карты, которые мы получили, были неправильными. Дороги, нанесенные на карту жирной красной чертой, оказывались тропинками, а тропинки оказывались первоклассными магистралями. Даже железных дорог, которые мы собирались использовать, вовсе не существовало. Или же, напротив, на карте в данном районе ничего не значилось, а мы *внезапно наткнулись на город американского типа с фабричными зданиями и всем прочим*»¹ (курсив мой. — К. М.).

Советский Союз тщательно хранит тайну расположения своих военных предприятий. Это одна из причин, в силу которых иностранные дипломаты и военные атташе ограничены в своих передвижениях по Советскому Союзу².

Ожидать, что Советский Союз снабдит «довольно полной картой военных объектов СССР» изыскателей, работающих под руководством США, было бы просто нелепо, и Барух это знал.

Ясно, что предложения Баруха были бы неприемлемы для Советского Союза. Кроме того, план Баруха был основан на целом ряде неправильных оценок возможностей Советского Союза и особенностей атомной проблемы. К такому выводу приходит помощник редактора журнала «Лук» Стефан Уайт, который внимательно следит за исследованиями в области атомной энергии. Он пишет, что план Баруха «был планом, в

¹ Шульман, Поражение на Западе, стр. 66; цитируется по книге Блэкетта «Страх, война и бомба», стр. 153.

² Опубликование дневника генерал-майора Роберта Гроу (военного атташе США в Москве) свидетельствует о том, что он усиленно разыскивал такие объекты («Вашингтон пост», 6 марта 1952 г.). Отис и Феллер признали в американской печати, что их интересовали новые промышленные предприятия.

значительной своей части основанным на неправильных представлениях и ошибках...

План Баруха исходил из того, что урана мало. Его вполне достаточно.

План Баруха исходил из того, что атомные бомбы чрезвычайно трудно производить. Их сравнительно легко производить.

План Баруха исходил из того, что атомные бомбы будут производиться в сравнительно небольших количествах. Они производятся в массовом масштабе.

План Баруха исходил из того, что Соединенные Штаты — единственная страна, *которой известна технология производства бомбы...* Но эта монополия давно уже исчезла, а вместе с ней в значительной мере исчезло и выгодное положение Америки при переговорах¹ (курсив мой. — К. М.).

У Советского Союза не было ни малейшей причины принимать подобный план. Он его и не принял.

Обман американского народа

В марте 1947 года Форрестол писал в своем дневнике, что Организация Объединенных наций не могла заниматься проблемой атомной энергии². Это подчеркивает неискренность американских предложений. Если ООН не могла заниматься этой проблемой, то почему Трумэн использовал эту организацию для представления американских предложений по контролю над атомной энергией?

Учитывая то, что писали Форрестол, Стимсон и Барнард, мы заранее знали, что наши предложения неприемлемы и что план Баруха был лишь маневром дипломатии холодной войны. Профессор Блэккетт подтверждает этот вывод, он пишет: «В конечном счете план Баруха... исторически следует рассматривать как хитроумный ход и весьма значительную победу американской дипломатии. Ибо успех этого на первый взгляд вполне удовлетворительного плана был настолько велик, что во многих странах его восприняли как разумную и великодушную меру, и появилась возможность осуждать Советский Союз, который отклонял этот план, что якобы создавало единственное препятствие к всеобщему миру»³.

С точки зрения Трумэна это и было важно. Но кого ввел в заблуждение этот недобросовестный акт? Во всяком случае,

¹ Журнал «Лук», 3 июня 1952 г.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 258—259.

³ П. М. С. Блэккетт, *Страх, война и бомба*, стр. 158. Профессор Блэккетт далее разъясняет, почему этот план был «удовлетворительным» лишь на первый взгляд. План Баруха потерпел бы крах, даже если бы все его сторонники искренне стремились к его успеху, поскольку он руководствовался нереальной задачей создания такой системы международного контроля, главная цель которого состояла в том, чтобы дать одной стране, США, почти абсолютную гарантию сохранения ее атомной монополии.

не Советский Союз. Советские руководители понимали, в чем тут дело.

Первой жертвой этого «хитроумного хода» был американский народ. Нас заставляли верить, что Советский Союз против мира и атомного контроля. Нас заставляли верить, что Советский Союз хочет войны. Этот тщательно разработанный маневр, который представлял собой план Баруха, был направлен прежде всего против американского народа. Он стал важным средством разжигания «военного психоза», о котором говорил Герберт Гувер.

Теперь, когда мы обращаемся к последним месяцам 1945 года и к 1946 году, нам становится ясна эта картина разжигания истерии. По каждому поводу Соединенные Штаты выдвигали неприемлемые для СССР предложения, поддерживая их угрозой атомной бомбы. Когда Советский Союз вносил контрпредложения, США отказывались рассматривать их, обвиняя Советский Союз в недобросовестности и в планировании агрессивной войны. Таким образом, американский народ был запуган, военный психоз и паника распространялись в стране.

Наши отношения с Советским Союзом зашли в тупик. Такое положение следовало предвидеть, поскольку правительство Трумэна имело предостережение на этот счет от Стимсона. Здесь начинают выявляться некоторые странные обстоятельства. Прежде всего страх перед угрозой войны насаждался для того, чтобы покончить с дружественным отношением американского народа к Советскому Союзу с целью, как говорит Сульцбергер, иметь более прочную позицию при переговорах. Затем путь к этим переговорам был преднамеренно закрыт. Оказалось, что военная паника — это лишь одна из составных частей холодной войны, и мы должны искать более глубокие причины распространения этой паники, чем просто желание иметь более прочные дипломатические позиции.

Для чего же Вашингтон создал «военную истерию»?

Глава 3

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА — ЗАМОРОЖЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

«...приходится расходовать все больше и больше на нужды обороны только для того, чтобы деловая активность не снижалась...»

«Джорнэл оф коммерс», 14 июля 1952 года

«Страх перед угрозой войны вызвать нетрудно, и он служит верным источником получения средств для еще большего производства вооружений...»

«Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 17 февраля 1950 года

«Американский капитализм может оказаться вынужденным прибегнуть к какой-либо форме скрытой фашистской диктатуры».

Х. В. Прентис, отдел по вопросам секретности комиссии по атомной энергии

Политика преднамеренного раздувания военной истерии ведет Америку к бедствию. Бедствие — даже не слишком сильное слово для характеристики нынешнего положения. Генри Форд II сказал: «Перед нами только два пути — один к войне, другой к катастрофе»¹.

Президент «Дженерал моторс» Чарлз Вильсон, соглашаясь с редакционной статьей в «Детройт ньюс», говорит: «Либо она [наша страна] будет доведена до нищеты в результате расходов на содержание военной машины... либо... мы встанем на путь войны, как это сделал Гитлер»² (курсив мой. — К. М.).

Совершенно очевидно, что политика, которую такой представитель крупного капитала, как Вильсон, уподобляет политике Гитлера, не может быть правильной. Политика Гитлера привела Германию к краху; современное международное положение весьма опасно для США.

Как могут политические руководители Америки проводить столь гибельную для страны политику? О чем они думают?

«Творцы американской политики полагают, что они нашли магическую формулу почти бесконечного благоденствия. Они начинают сейчас думать, уж не обретен ли ими секрет вечного

¹ «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 25 января 1952 г.

² Речь на собрании Общества содействия развитию искусства правления, 10 октября 1951 г.

движения?.. *Холодная война* — это катализатор. Холодная война — автоматический регулятор: откройте кран — и тотчас же хлынут шумные требования публики увеличить военные расходы; прикройте его — и эти требования прекратятся.

Самоуверенность и заносчивость Трумэна основываются на этой «формуле Трумэна». Благоденствие *эры Трумэна*, как это твердят президенту, может продлиться и значительно дольше 1952 года. *Требования* холодной войны, если удовлетворять их полностью, почти не имеют границ¹.

Это — ясное и вместе с тем цинично откровенное объяснение подлинных причин холодной войны. Но нельзя думать, что демократы имеют монополию на цинизм. Вот что пишут республиканцы в своем крупном экономическом органе «Джорнэл оф коммерс»:

«Выдвижение кандидатом Дуайта Эйзенхауэра в значительной мере устраняет неуверенность в отношении будущих расходов на оборону и оказание помощи другим государствам... Уверенность в том, что при существующих условиях все время будет сохраняться высокий уровень расходов на оборону, никоим образом не является преувеличенной, ибо *это стержень всей экономики*.

В самом деле, только нынешняя гигантская программа обороны сможет с успехом наполнить «пустой карман» *гражданского сектора* экономики. Приходится расходовать все больше и больше на нужды обороны только для того, чтобы деловая активность не снижалась»² (курсив мой.— К. М.).

Эти заявления органов деловых кругов проливают свет на действительные причины холодной войны. Холодная война явилась результатом внутренних потребностей экономики крупного капитала. Это — «автоматический регулятор», кран которого поворачивают по своему желанию те, кто в этом заинтересован.

По мнению представителей крупного капитала, именно вооружение, являющееся результатом холодной войны, заполняя «пустой карман» гражданского сектора экономики, спасает нас от хронической депрессии. Подобные утверждения раскрывают подлинный характер холодной войны, ибо что такое, в сущности, тот «пустой карман», о котором говорят представители деловых кругов?

«Пустой карман» и заработная плата

«Пустой карман», о котором лицемерно твердят представители деловых кругов, — означает пустые карманы американского народа — рабочих, фермеров, учителей, людей свободных профессий; это — резкое сокращение их покупательной способ-

¹ «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 26 мая 1950 г.

² *Джорнэл оф коммерс*, 14 июля 1952 г.

ности по сравнению с нашим колоссально развившимся производством.

С 1939 года объем промышленной продукции увеличился вдвое¹. Поток товаров и материалов наводнил послевоенный рынок.

Что это за «рынок»?

Прежде всего это платежеспособный спрос населения, многих миллионов рабочих, фермеров и других людей, средняя покупательная способность которых не повысилась, а фактически понизилась. Правительственная статистика показывает, что расход на душу населения был наивысшим в 1944 году (1487 долларов в год), затем он с каждым годом понижался и составил 1379 долларов в 1949 году².

Иными словами, в то время как производство расширялось, покупательная способность сокращалась. Средний американец неуклонно залезал в долги. Задолженность по потребительскому кредиту, составлявшая в 1944 году 5 миллиардов, возросла в 1951 году до 20,6 миллиарда³. Рост потребительского кредита служит тревожным признаком депрессии: в 1929 году потребительский кредит составил 6,2 миллиарда.

Народ залезает в долги, а состоятельные люди занимаются накоплением⁴. Товары залеживаются в магазинах и на складах, предприятия начинают закрываться. Если правительство не примет мер, наступит депрессия, как это было в 30-х годах. Американский народ имеет основания опасаться депрессии. Представители крупного капитала пытаются использовать это опасение, утверждая, что лишь гонка вооружений и военная экономика могут предотвратить депрессию. Они пытаются скрыть другую реальную возможность, которую можно противопоставить экономике холодной войны, — мирную программу удовлетворения нужд народа. Таковую программу изложил президент Франклин Рузвельт в своем «Экономическом билле о правах» 11 января 1944 года.

Послевоенная программа Рузвельта

Внешняя и внутренняя политика тесно взаимосвязаны и во многих отношениях определяют одна другую. Пример гитлеровской Германии наглядно показал, что агрессивная внешняя политика означает также наступление на права народа внутри страны.

¹ «Экономический доклад президента за полугодие», июль 1952 г., стр. 2.

² Там же, стр. 149. В 1951 г. этот расход составлял 1458 долларов.

³ Там же, стр. 165. По данным «Федерал резерв бюллетин» (сентябрь 1951 г.), 50 процентов семей, получающих самые низкие доходы, имеют долги.

⁴ 20 процентов всех семейств (наиболее богатые) имеют 93 процента сбережений. («Федерал резерв бюллетин», сентябрь 1951 г.)

Выступая против Гитлера, президент Рузвельт отлично сознавал эту связь между внешней и внутренней политикой и предложил программу, противостоящую фашизму как в той, так и в другой сфере. Наряду с проведением внешней политики, направленной на установление мира и дружбы после войны, Рузвельт намечал также курс внутренней политики — политики роста экономического благосостояния страны.

Рузвельт предполагал заполнить «пустой карман» не с помощью гонки вооружений, а путем повышения уровня жизни народа. Его программа подробно изложена в послании конгрессу 11 января 1944 года. Хотя еще продолжалась война, Рузвельт уже смотрел вперед и думал о мире. Он заявил:

«Мы принимаем, так сказать, второй билль о правах, в соответствии с которым можно создать новую основу безопасности и процветания для всех, независимо от социального положения, расы или вероисповедания.

К этим правам относятся:

право на полезную и хорошо оплачиваемую работу в промышленности, на заводах, фермах или шахтах страны;

право на заработную плату, достаточную для приобретения необходимых продуктов питания, одежды, и право на отдых;

право каждого фермера на производство и продажу продукции и получение дохода, который бы обеспечил ему и его семье приличную жизнь;

право каждого предпринимателя, крупного или мелкого, на торговлю в атмосфере, свободной от нечестной конкуренции, свободной от господства монополий в своей стране и за границей;

право каждой семьи на приличное жилище;

право на достаточное медицинское обслуживание и охрану здоровья;

право на достаточное обеспечение по старости, болезни, при несчастных случаях и безработице;

право на достаточное образование.

Все эти права обеспечивают безопасность. И после того как мы выиграем войну, мы должны быть готовы взяться за осуществление этих прав и идти вперед к новому счастью и процветанию человечества»¹.

Рузвельт был «готов идти вперед».

Реакционеры знали, что это означало. Это означало мобилизацию политической и экономической мощи американского народа. Они не забыли лучшие времена Нового курса, когда профсоюзы организовывали рабочих отраслей промышленности массового производства, когда наблюдалось оживление среди интеллигенции в учебных заведениях, когда возросла

¹ «Нью-Йорк таймс», 12 января 1944 г.

политическая активность населения, когда без всякой боязни обсуждались социальные проблемы и социальные перемены. Реакция не забыла, что культура стала оружием в руках народа, что писатели и художники выражали свое мнение и помогали борьбе народа во всех сферах нашей национальной жизни.

Новый курс был довольно неприятен реакционерам. Послевоенный Новый курс принес им новые огорчения: реакционеры понимали, как понимал это и сам Рузвельт, что предвоенный Новый курс не разрешил проблем, стоящих перед США. К 1940 году, хотя производство вновь достигло уровня 1929 года, в США, по официальным данным, все еще насчитывалось 8 миллионов безработных.

Для того чтобы обеспечить всеобщую занятость в послевоенный период, нужно было бы повысить заработную плату, сократить продолжительность рабочего дня и ограничить прибыли в пределах разумных границ. Вот что подразумевал Рузвельт под «движением вперед».

Послевоенная программа Рузвельта была совершенно ясной: прогрессивная внутренняя политика и мирная внешняя политика. В то время Рузвельт говорил: «пока не будет безопасности у нас в стране, не может быть прочного мира во всем мире»¹.

Послевоенная программа реакционеров была столь же ясной: холодная война за границей и наступление на права народа внутри страны. Это означало наступление на наш жизненный уровень, на наши гражданские свободы и на наши профсоюзы. За всем этим скрывалась погоня за прибылями.

Прибыли крупных корпораций в послевоенной Америке превосходят все, чему мы были свидетелями на протяжении жизни нашего поколения.

Безудержная погоня за прибылями

Золотым годом американского капитализма принято считать 1929 год. В этот год общие прибыли капиталистов до уплаты налогов составили колоссальную сумму — 9,8 миллиарда долларов. Однако во время второй мировой войны общая сумма прибылей возросла более чем в два раза и составила свыше 22 миллиардов долларов в среднем на каждый год войны. Но это было только начало. После войны общая прибыль капиталистов до уплаты налогов в среднем составляла уже 29 миллиардов в год.

Война в Корее принесла капиталистам еще большее увеличение прибылей. За два года войны общая прибыль в сред-

¹ «Нью-Йорк таймс», 12 января 1944 г.

нем поднялась до 43 миллиардов долларов в год¹, что в 4,5 раза превышает прибыли рекордного 1929 года. Только за один год общая сумма прибылей американских капиталистов превысила национальный доход США в 1932 году, то есть была большей, чем весь доход всего народа Соединенных Штатов.

Даже после уплаты налогов прибыли остаются колоссальными. Средняя чистая прибыль всех корпораций во время второй мировой войны составляла 10 миллиардов долларов в год, в послевоенный период — 18 миллиардов, и после начала войны в Корею — 20 миллиардов долларов в год.

Факт наживы на «полицейских мерах» в Корею весьма показателен. Выступая по радио, представитель Американской федерации труда Фрэнк Эдвардс заявил: «...как только начался конфликт в Корею, спекулянты принялись вздувать цены. Шли месяцы. Народу давались обещания, однако никаких действительных мер принято не было. Спекулянты огребали колоссальные прибыли. За последние три месяца 1950 года по сравнению с первыми тремя месяцами предыдущего года прибыли корпораций возросли на 60 процентов. Покупательная способность неуклонно падала, и сбережения трудящихся таяли»².

За первые восемь месяцев 1950 года прибыли корпораций на 8 процентов превысили прибыли 1949 года. Что касается последних четырех месяцев 1950 года, то в течение этого периода прибыли возросли по сравнению с 1949 годом на 45 процентов. Выплаченные за этот период дивиденды на 20 процентов превысили дивиденды 1949 года³, составив за четыре месяца 8 миллиардов долларов.

Прибыли отдельных крупных корпораций невероятно возросли. Так, например, прибыли «Дженерал моторс» в 1950 году превысили прибыли любой другой корпорации в мире за все время существования корпораций; они составили 834 миллиона долларов (после уплаты налогов). По сравнению с 1939 годом прибыли этой компании возросли почти на 500 процентов. «Дженерал моторс» заключила контракты на военные поставки на сумму 3 миллиарда долларов.

Военные заказы дали мощный толчок дальнейшей концентрации финансовой мощи в руках крупных корпораций. За год после начала войны в Корею 50 корпораций получили 64 про-

¹ Все сведения о прибылях взяты из таблицы Б-32 «Экономического доклада президента за полугодие» (июль 1952 г.). Это прибыли до уплаты налогов. Компании утверждают, что эти сведения неверны, поскольку не вся прибыль остается у них. Но рабочие указывают, что вся сумма прибылей до уплаты налогов, это та сумма, которую извлекают компании за счет рабочих, замораживая заработную плату и повышая цены. Кроме того, данные о заработной плате также всегда приводятся до уплаты налогов.

² Цитируется по книге Джерома Дэвиса «Мир, война и вы», стр. 135.

³ «Леттер», издание «Нейшнл сити бэнк», апрель 1951 г.

цента всех военных заказов¹, тогда как во время второй мировой войны такое же количество корпораций получило 57,6 процента военных заказов².

В совсем ином положении находятся мелкие промышленные предприятия. Количество военных заказов, переппадающих на долю этих предприятий, все сокращается. Если в 1950 году они получали 24,5 процента такого рода заказов, то в 1951 году им удалось получить 21 процент, а в 1952 году всего лишь 18,5 процента³.

Не удивительно, что в прессе деловых кругов высказываются опасения, как бы не «разразился мир»⁴, что «привело бы к падению активности на рынках»⁵. В одном из докладов ООН содержится предупреждение о том, что сокращение вооружений было бы сопряжено с серьезным риском спада⁶.

Таким образом, война выгодна монополистическим корпорациям США. Это — непреложный факт, который не может не вызывать тревоги...

Другим непреложным фактом является следующее: то, что выгодно монополистам, приносит жестокие страдания рабочему классу и вообще всему народу.

За период с конца 1945 года до конца 1951 года общая прибыль монополий достигла 202 миллиардов долларов (до уплаты налогов), что составляет в среднем 34 миллиарда долларов в год. Эти средства поступают из единственного источника — они выжимаются из народа Соединенных Штатов.

Расходы на подготовку войны оплачивают трудящиеся

Американцы платят высокие налоги, которые идут на покрытие военных расходов. Они оплачивают их также, как потребители, покупая необходимые им товары по высоким ценам. Наконец, они оплачивают их в процессе производства в результате применения потогонной системы и замораживания заработной платы.

Бремя налогов дает себя знать в каждом американском доме. Средний рабочий уплачивает в качестве налогов 1095 долларов в год, что составляет 31 процент его общего заработка. Это в 32 раза больше, чем в 1939 году. Из бюджета, в который поступают эти высокие налоги, на нужды рабочих расходуется теперь гораздо меньше средств, чем в 1939 году, ко-

¹ «Изучение вопроса о власти монополий», издание юридической комиссии палаты представителей конгресса 82-го созыва, 1951, стр. 1056.

² «Юнайтед Стейтс Сенэт рипорт», документ № 206, 1946, стр. 30.

³ «Уолл-стрит джорнэл», 7 января 1952 г.

⁴ «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 18 апреля 1952 г.

⁵ *Джорнэл оф коммерс*, 10 октября 1951 г.

⁶ Доклад Экономическому и социальному совету ООН, январь 1952 г.

гда налоги были ниже¹. К этому следует добавить воздействие инфляции и высоких цен. Теперь рабочий тратит один доллар на приобретение тех продуктов питания, на которые он в 1939 году тратил 32 цента².

Снижение заработной платы — менее известный факт. В то время как капиталистические прибыли за 1944—1951 годы выросли вдвое, реальная заработная плата рабочих обрабатывающей промышленности упала на 15 процентов³.

Не удивительно, что потребление продовольствия в Соединенных Штатах повсеместно сократилось. По сравнению с 1946 годом потребление продовольствия на душу населения сократилось на 5 процентов, а потребление основных продуктов питания — еще больше⁴.

Сокращение потребления продуктов питания на душу населения за 1946—1951 г.г. (в процентах)

Продукты питания	% сокращения	Продукты питания	% сокращения
Мясо	10,0	Овощи	7,4
Молочные продукты	6,6	Пшеничная мука	14,7
Масло	7,6	Кофе	17,6
Фрукты	13,9		

Огромный рост прибылей капиталистов, с одной стороны, и падение жизненного уровня трудящихся — с другой, наглядно показывают, кому выгодна холодная война. Этот контраст особенно усилился с установлением правительственного контроля над заработной платой с начала войны в Корее.

Замораживание заработной платы

Контроль над заработной платой, известный под названием «замораживание заработной платы», осуществляется так называемым Управлением стабилизации заработной платы, которое было создано в соответствии с законом о производстве на оборону от 1950 и 1952 годов. При определении уровня заработной платы это управление исходило из индекса стоимости жизни, составленного Бюро статистики труда. Предполагается, что этот индекс отражает колебания в стоимости жизни. Если повышается индекс, то растет и заработная плата, и наоборот. На первый взгляд кажется, что это справедливо.

¹ «Что нам нужно», 227 вып. Объединенного профсоюза рабочих электротехнической, радио и машиностроительной промышленности США; диаграмма к стр. 13.

² Там же, диаграмма к стр. 8.

³ «Юнайтед электрик стюард», ежемесячник Объединенного профсоюза рабочих электротехнической, радио- и машиностроительной промышленности США, декабрь 1951 г.

⁴ «Официальные статистические сводки США», 1951, стр. 36 и 916. «Продовольственное положение страны», Министерство сельского хозяйства США, вып. январь — март 1952 г.

В действительности же индекс Бюро статистики труда используется против рабочих, ибо этот индекс исходит из минимального роста стоимости жизни. Вот что пишет на этот счет один из профсоюзных органов: «В индекс Бюро статистики труда не входит стоимость дешевых продуктов питания, одежды, подержанных автомашин и т. п. — всего того, что приобретается рабочими и на что главным образом возросли цены. Этот индекс исходит из цен на более дорогие предметы, которые рабочим не по карману и которые вздорожали меньше всего. В индексе стоимости жизни Бюро статистики труда ни слова не говорится о налогах, которые за последние годы особенно сильно истощают кошельки рабочих»¹.

Доходы промышленников, полученные с одного рабочего в результате замораживания заработной платы, за два года увеличились настолько, насколько они возросли за предыдущие десять лет. Это ярко иллюстрирует следующая таблица:

Прибыли (до уплаты налогов), получаемые промышленниками с одного рабочего

Г о д ы	Сумма (доллары)
1939 до второй мировой войны	410
1944 в период второй мировой войны	933
1949 до войны в Корее	1 116
1951 во время войны в Корее	1 796

Некоторые профсоюзные лидеры, прекрасно осведомленные об этих фактах и всей душой протестующие против политики, выражением которой являются эти факты, тем не менее покорно следуют линии Управления стабилизации заработной платы, так как боятся прослыть «непатриотичными». Эти лидеры сами стали жертвами «военного психоза», о котором говорил Герберт Гувер. В то же время «патриотичные» капиталисты использовали военное чрезвычайное положение для ослабления и подрыва профсоюзов.

«Патриотичные» враги профсоюзов

20 сентября 1950 года в величественном «Юниверсити клуб» в Нью-Йорке происходило совещание. На нем присутствовало 14 человек, в числе которых был Чарлз Вильсон. Последний в то время возглавлял «Дженерал электрик», а через три месяца занял правительственный пост с тем, чтобы осуществить выра-

¹ «Юнайтед электрик стюард», издание Объединенного профсоюза рабочих электротехнической, радио- и машиностроительной промышленности США, декабрь 1951 г. Этот профсоюз проявил инициативу, проанализировав индекс Бюро статистики труда. Профсоюз выдвигает свой индекс стоимости жизни и приводит данные по безработице.

² В основу взяты данные «Сервей оф нейшил бизнес», специальный выпуск «Нейшил инкам», 1951 г.

ботанный на этом совещании план. Журнал Генри Люса «Архитекчуал форум» слегка приоткрывает завесу над тем, что происходило в «Юниверсити клуб».

Основным пунктом повестки дня было обсуждение вопроса о переброске предприятий в районы, где нет профсоюзов, обсуждение программы, известной теперь под названием программы «децентрализации». Рабочие окрестили ее точнее: программа «бегства заводов». Несмотря на осторожные формулировки, из сообщения «Архитекчуал форум» явствует, что эта программа направлена на ослабление профсоюзов. Журнал сообщает, что участники совещания единодушно сошлись на том, что «недавно построенные или намеченные к строительству новые предприятия благодаря росту механизации при обработке материалов сэкономят людскую силу, а следовательно, и деньги. Это будут более мелкие предприятия, предназначенные для того, чтобы увеличить эффективность производства и *воспрепятствовать растущей силе профсоюзов*»¹ (курсив мой.—К.М.).

Чарлз Вильсон уточнил, что именно имелось в данном случае в виду. Он сообщил, что «Дженерал электрик» вновь пускает в ход пять бездействовавших после второй мировой войны заводов. «На этих пяти заводах,— пояснял он,— работает 3 000—3 500 человек. Это небольшие заводы. По существу, *все мы отказываемся от больших предприятий с 20—40 тысячами рабочих*»² (курсив мой.—К.М.).

Программа проста. Перемещайте свой завод в район, где нет профсоюзов и где заработная плата низка. Выгода от этого двойная. Во-первых, низкая заработная плата означает более высокие прибыли. Во-вторых, безработица в районе, где есть профсоюзы, настолько их ослабит, что они станут совершенно недееспособными. Так именно и произошло с профсоюзом текстильщиков, входящим в КПП, который подвергся жестоким преследованиям, несмотря на то, что председатель этого профсоюза Эмиль Рив полностью поддерживал курс на замораживание заработной платы.

Перемещение завода обычно стоит денег. Однако закон о производстве на оборону предусматривает для этой цели правительственные субсидии, которые предоставляются «во имя обороны». Для оплаты затрат по перемещению завода были выпущены так называемые «сертификаты необходимости», обладатели которых получали право на ускоренную амортизацию предприятий, что обеспечивало оплату расходов по строительству заводов за счет предоставления значительных льгот по налогообложению. Эти сертификаты выпустил участник упомянутого выше совещания Чарлз Вильсон, когда он стал во главе Управления мобилизации для обороны. За девять меся-

¹ См. «СИО ньюс», 31 декабря 1951 г.

² «Архитекчуал форум», специальный выпуск, 30 сентября 1950 г.

цев Вильсон выпустил их на сумму в 15 миллиардов долларов, то есть больше, чем за все пять лет второй мировой войны.

Рабочие называют закон о производстве на оборону законом о производстве прибылей.

В описанной выше программе имеется, на первый взгляд, одно существенное упущение: ведь профсоюзы могут отправиться вслед за заводом на новое место и организовать там рабочих на борьбу за увеличение заработной платы. Однако авторы программы позаботились и об этом. Согласно правилам, установленным Управлением стабилизации заработной платы, район с низкой заработной платой должен оставаться таковым и впредь. Заработная плата не может превышать преобладающий там уровень ставок. Замораживание заработной платы явилось существенно важным условием, обеспечившим успех программы «бегства заводов». Этот план, направленный против профсоюзов и обеспечивающий обогащение монополистов, реализуется с помощью правительства, которое его финансирует и поддерживает.

Использование политики замораживания заработной платы и программы «бегства заводов» в целях экономического ослабления профсоюзов одновременно сочетается с проведением в жизнь антирабочих законов, направленных на подрыв профсоюзов.

Сильный удар по профсоюзам был нанесен законом Тафта — Хартли. Этот закон свел на нет закон Вагнера, принятый в период Нового курса. Следует напомнить, что закон Тафта — Хартли был принят в 1947 году, в том самом году, когда были провозглашены доктрина Трумэна и план Маршалла.

Закон Тафта — Хартли был принят под предлогом борьбы с «красной опасностью». Одна из его статей предусматривает предоставление профсоюзными деятелями Национальному управлению по трудовым отношениям свидетельств, подтверждающих, что они не имеют ничего общего с коммунизмом. Некоторое время владельцы предприятий старались показать, что наступление предпринимается только против «левых» профсоюзов. Однако в 1952 году всякая маскировка была отброшена. Так, один из представителей корпораций заявил:

«В теперешних условиях подготовки к обороне различные антикоммунистические или правые профсоюзы мало чем отличаются от любого левого профсоюза, когда они угрожают забастовкой или проводят ее на наших атомных, сталелитейных, авиационных заводах и заводах по производству электронного оборудования, срывая таким образом важное оборонное производство»¹.

Эти слова принадлежат вице-президенту «Дженерал электрик компани» Л. П. Боулвэру, который является одним из дея-

¹ Заявление для печати Л. П. Боулвэра 20 мая 1952 г.

телей «мозгового треста», возглавляющего наступление на рабочий класс.

Крупные монополии готовились начать широкое наступление на профсоюзы.

Поход против профсоюзов

16 апреля 1950 года около 150 крупнейших промышленников страны встретились в Вашингтоне. Организаторами совещания были Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата¹. Совещание было закрытым. Однако несколько фактов сделались достоянием общественности. Так, например, стало известно, что бывшему президенту «Дженерал электрик» и бывшему руководителю Управления мобилизации для обороны Чарлзу Вильсону было поручено возглавить широкую антипрофсоюзную кампанию. О целях этой кампании поведал еженедельник «Ньюс уик», орган крупных монополий.

Один из ведущих сотрудников этого журнала, Генри Хезлит, писал 21 апреля:

«Либо мы снова сможем на законных основаниях срывать забастовки, либо мы должны будем целиком отступить перед все возрастающими требованиями профсоюзов. Другого выхода нет...»

Вскоре после этого сам Вильсон высказался в том же духе на состоявшемся 2 мая 1952 года секретном заседании сенатской комиссии по вопросам валюты и банков. Известный обозреватель Роберт Аллен (статьи которого печатаются во многих газетах) сообщил, что Вильсон рекомендовал покончить с практикой заключения коллективных договоров в масштабе целой отрасли промышленности. Через несколько месяцев глава Национальной ассоциации промышленников Вильям Грид потребовал, чтобы правительство «запретило заключение такого рода договоров»².

Возврат к такой системе, когда на каждом заводе имеется самостоятельный профсоюз, который хозяин легко может прибрать к рукам, означает возврат к эпохе 20-годов, эпохе существования профсоюзов, контролируемых компаниями, и означает, следовательно, ликвидацию всех завоеваний периода Нового курса. Мощное наступление на профсоюзы идет сейчас полным ходом. Его главным оружием является антикоммунистическая истерия — детище холодной войны. Типичным примером этой истерии и фальшивого патриотизма является странное заявление, появившееся в газете «Уолл-стрит джорнэл» от 9 апреля 1952 года, в котором подвергаются нападкам председатели АФТ и КПП: «...Бастуя или угрожая забастовками, Грин и Мэррей и подобные им другие убежденные ан-

¹ «Вашингтон пост», 17 апреля 1952 г.

² «Дейли миррор», 28 июля 1952 г.

тикоммунистические лидеры по существу — мы надеемся непреднамеренно — играют наруку России...»

Монополисты требуют, чтобы профсоюзы подчинились им. Поход капиталистов против профсоюзов является частью общего наступления на гражданские свободы, которое так явно проводится в нашей стране. Не столь явно видно то, что это генеральное наступление задумано монополистами, которые стремятся установить полный контроль над мыслями в США.

Контроль над мыслями

Инициатива нынешнего наступления на американские свободы принадлежит Торговой палате. Доказательством этого служат ее собственные документы — «Доклады о коммунизме»; пять таких докладов были выпущены Палатой для использования их предпринимателями — членами Палаты¹. С 1946 года эти доклады стали программой действий правительства, направленных на уничтожение основных свобод в Америке.

В 1946 году Торговая палата предложила провести чистку правительственных учреждений от «нелояльных элементов». Через год это предложение нашло свое осуществление в приказе президента Трумэна о проверке лояльности.

В январе 1947 года Торговая палата выступила с предложением, чтобы министерство юстиции опубликовало «официальный список организаций, контролируемых коммунистическим фронтом...» Министерство юстиции опубликовало такие списки, и они, согласно решению конгресса, были приложены к закону Маккарэна, предусматривающему создание в США концентрационных лагерей.

В докладе 1947 года выдвигалось также требование, чтобы комиссии конгресса подвергли анализу внешнюю политику США, «которая представляется более просоветской, нежели проамериканской», уделив особое внимание выяснению тех «влияний, которые сказались на принятии таких важных решений, как Потсдамское соглашение и определение курса политики по отношению к Аргентине и Китаю».

Вслед за этим при содействии Маккарти и Маккарэна стали преследовать и запугивать за враждебное отношение к Чан Кай-ши таких людей, как профессор Латтимор, профессор Фэрбэнкс, Джон Картер Винсент и многих других.

В том же году Торговая палата выпустила другой доклад, в котором она предлагала конгрессу «изменить закон Вагнера таким образом, чтобы предприниматели могли более эффективно противодействовать коммунистам в профсоюзном движении». В июне 1947 года конгресс принял закон Тафта — Хартли.

¹ Эти доклады анализировал обозреватель «Дейли компас» И. Ф. Стоун в газете от 13 марта 1952 г.

В 1948 году представители крупных монополий выступили с призывами к «объединенным действиям», преследующим цель лишить коммунистов возможности работать в качестве учителей, радиокомментаторов, библиотекарей, рецензентов книг, работников в области социального обеспечения и т. д. За этим последовала проверка лояльности в университетах и колледжах штатов, появились черные списки с именами работников кино, театра, радио, телевидения и т. д. В отдельных штатах были приняты реакционные законы (такие, как закон Обера в штате Мэриленд, закон Фэйнберга в штате Нью-Йорк и многие другие). По словам члена Верховного суда США Хьюго Блэка, благодаря этим «быстро множющимся законодательным актам становится опасным вообще что-либо подумывать или сказать...»¹.

В 1952 году Торговая палата выпустила свой пятый доклад, который явился сигналом к еще более широкому наступлению на гражданские права. Теперь огонь был открыт не только против коммунистов, но и против всех либералов, именуемых «попутчиками», «одураченными» и «лицами, занимающимися прокоммунистической деятельностью», к каковой была отнесена, в частности, борьба против закона Смита. «Опасность, — говорится в докладе Торговой палаты, — угрожает со стороны лиц и организаций, явно не коммунистических», таких, как КПП и «Американцы — сторонники демократических действий». Намекая на то, что последняя организация участвует в коммунистическом заговоре, Торговая палата спрашивает в своем докладе: «Является ли простой случайностью то обстоятельство, что у нас имеются тысячи так называемых «либералов», которые ведут борьбу на стороне коммунистов?»².

В этом докладе Торговая палата намечает новую линию наступления на профсоюзы — объявление забастовок вне закона. Аргументация начинается с констатации очевидного факта:

«Многие рабочие ведут себя беспокойно в условиях стабилизации заработной платы и других подобных мер контроля». Это естественно: чрезмерная эксплуатация и низкая заработная плата заставляют рабочих ожесточенно бороться. Этого ожесточения, возможно, вполне достаточно для организации забастовок. Хозяева называют это «саботажем». В докладе Торговой палаты по этому поводу говорится: «Мы можем ожидать длительного саботажа, осуществляемого под видом экономических требований...»

Но у хозяев имеется надежное средство — фашизм. В докладе предпринимателям дается совет «самым внимательным образом следить за моральным состоянием и поведением рабочих...»

¹ «Нью-Йорк таймс», 4 марта 1952 г.

² «Дейли компас», 13 марта 1952 г.

Всестороннее наблюдение за каждым рабочим в Германии было «достижением» Гитлера. В Соединенных Штатах точно так же, как это было в Германии, травля «красных» прокладывает путь к концентрационным лагерям и ликвидации профсоюзного движения — путь, ведущий в конечном счете к катастрофе всей нации.

Правительство действует заодно с капиталистами

Капиталисты, орудующие в правительственных органах, проводят линию Торговой палаты. Это наиболее опасное в Соединенных Штатах явление после второй мировой войны.

Джон Смолл, бывший вице-президент «Эмерсон радио», а ныне руководитель Управления вооружений заявил на заседании подкомиссии сената, что готовится закон, в соответствии с которым рабочие, «занимающиеся саботажем или предпринимающие другие преднамеренные действия, рассчитанные на срыв программы национальной обороны, будут увольняться».

Выше уже указывалось, что Торговая палата называет забастовки «саботажем». Выступая на том же заседании, министр труда Тобин подчеркнул, что «забастовки, которые якобы связаны с борьбой за экономические требования, обычно выставляемые профсоюзами, на деле направлены на срыв оборонной программы...»¹.

Таким образом, все забастовки являются «подрывными», так как они «дезорганизуют» производство. В полной мере этот фашистский подход проявился в недавнем наступлении на КПП и другие профсоюзы. 31 марта 1952 года издатель журнала «Бизнес уик» — фирма Макгроу Хилл опубликовала объявление, занимавшее целую газетную полосу. В нем система «закрытого цеха» именовалась «подрывной... из уважения к идеалам нашей страны, которые мы защищаем сейчас, сражаясь в Корее...»

Журнал «Акрон бикон джорнэл» в передовой, направленной против профсоюза рабочих резиновой промышленности, входящего в КПП, писал: «Профсоюз может представлять потенциальную угрозу для безопасности промышленности даже в том случае, если в нем не господствуют или им не руководят коммунисты»².

Хозяева говорят, что любой профсоюз представляет собой опасность для промышленности. Так говорил и Гитлер.

Гнусную роль по отношению к профсоюзам играет возглавляемое Эдгаром Гувером Федеральное бюро расследований. Руководитель ФБР — не новичок в организации борьбы против профсоюзов. Это он проводил позорно известные «пальмеров-

¹ Протоколы заседания сенатской комиссии по вопросам труда и общественного благосостояния от 18 марта 1952 г.

² Цитируется по «Юнайтед электрик стюард», май 1952 г.

ские облавы» в начале 20-х годов. Сегодня под его руководством агенты ФБР проникают в профсоюзы, чтобы подорвать их изнутри.

В декабре 1951 года была разоблачена попытка ФБР развалить профсоюз портовых грузчиков и складских рабочих, возглавляемый Гарри Бриджесом. Сначала было выдвинуто обвинение против Джека Холла, руководителя отделения этого профсоюза на Гавайских островах. Затем ФБР вступило в переговоры с одним профсоюзным работником и пообещало снять обвинение в том случае, если Холл создаст в профсоюзе фракцию, противостоящую Бриджесу. Но агенты ФБР не знали, что в помещении, где они вели переговоры, имелся звукозаписывающий аппарат, установленный профсоюзом, и весь разговор был записан на пленку. Эта запись неопровержимо доказывает, что сегодня ФБР занимается подрывом профсоюзов¹. Агенты ФБР только тем и отличаются от головорезов 30-х годов, что теперь их содержание оплачивается массами налогоплательщиков, а не непосредственно капиталистами.

Гражданские свободы в современной Америке грубо попираются. Об этом наглядно свидетельствует следующий эпизод: 4 июля, в День независимости, один репортер города Мэдисон (штат Висконсин) отправился собирать подписи под одной петицией. Из 212 человек, к которым он обратился с просьбой поставить свою подпись, 211 отказались или просто из страха, или считая, что петиция носит подрывной характер. Что же это была за петиция? Она представляла собой выдержки из «Декларации Независимости»! Только один из 200 осмелился подписать ее!

Путь к фашизму

Сегодня в тюрьмах Америки находятся десятки политических заключенных — мужчин и женщин. Единственное «преступление» этих людей состоит в том, что они высказывали или проповедовали свои взгляды на социальные проблемы. Согласно закону Смита, все это является преступлением, которое квалифицируется как «заговор в целях подстрекательства» к свержению правительства с помощью силы или насилия.

С 1945 года по мере развития холодной войны происходило все усиливающееся наступление на права негритянского населения, отношение к которому всегда служило барометром нашей демократии. Показателем положения негров является степень и характер их занятости. Процент работающих негров-мужчин по отношению ко всем рабочим мужского пола сократился с 9,8 процента в 1944 году до 8,3 процента в 1950 году,

¹ Текст или звукозапись можно получить в Межнациональном профсоюзе портовых грузчиков и складских рабочих (Голден Гейт авеню, 150, Сан-Франциско (Калифорния)).

то есть на 15 процентов. В области квалифицированного и полуквалифицированного труда падение еще более резкое. Оно составляет 21 процент¹. Представитель комиссии по выдаче пособий по безработице в штате Мичиган объяснял это положение следующим образом. Если, по его словам, в 1945 году только 35 процентов предпринимателей в своих заявках относительно рабочей силы указывали «только белых», то в 1949 году число этих предпринимателей составляло уже 50 процентов, а к 1950 году доходило до 80 процентов².

Прямая и косвенная цензура, установленная над информацией, приняла настолько угрожающие размеры, что даже такой консервативно настроенный человек, как Артур Крок из «Нью-Йорк таймс», вынужден был выступить с протестом. Он писал, что «во имя «безопасности» слуги общества и их деятельность все больше и больше изолируются от общества... Подоплека всего этого заключается в том, чтобы попытаться путем замалчивания или искажения скрыть от общественности те или иные факты...»³.

По словам члена Верховного суда США Дугласа, по Америке распространяется «молчание, вызванное страхом». Все больше и больше обзревателей проводят убийственную параллель между нашей страной сегодня и гитлеровской Германией. Сенатор штата Висконсин Честер Демпси писал:

«Мы удивлялись раболепству, с которым терпеливые немцы внимали пропаганде Гитлера и доктора Геббельса. Сейчас мы хуже, чем когда-либо были немцы. У нас полный контроль над мыслями...»⁴.

Уже тот факт, что в нашей стране существует контроль над мыслями, должен заставить нас насторожиться в отношении внешней политики нашего правительства. Нет нужды слишком часто подчеркивать, что внешняя и внутренняя политика тесно связаны. Тот же самый конгресс, который принял антипрофсоюзный закон Тафта — Хартли, одобрил и доктрину Трумэна⁵.

Рузвельт подчеркивал, что внешняя и внутренняя политика тесно связаны между собой. Внешняя политика Рузвельта, направленная на установление после войны дружественных отно-

¹ «Юнайтед электрик» борется за отмену дискриминации при найме рабочей силы», издание «Юнайтед электрик», № 229.

² Данные взяты из петиции «Мы обвиняем в геноциде», направленной в ООН группой американцев — негров и белых, которые выступают в защиту негров от геноцида. Эта сильная, хорошо документированная книга издана Конгрессом борьбы за гражданские права, Нью-Йорк, 1951.

³ «Нью-Йорк таймс», 18 апреля 1952 г.

⁴ Письмо, опубликованное в «Мэдисон капитал таймс», приводится в «Нэйшнл гардиен» 28 ноября 1951 г.

⁵ Верховный суд играет в системе контроля над мыслями главную роль. Он содействует подрыву гражданских свобод. Никогда не следует забывать, что назначение Трумэном Винсона, Кларка и Минтона судьями сильно укрепило позиции реакции.

шений с другими странами, была связана с его политикой экономического прогресса внутри страны. Монополисты очень хорошо видят связь между внутренней и внешней политикой. Вот почему для того, чтобы осуществлять реакционную политику внутри страны, они проводят реакционную внешнюю политику. Такой курс был открыто предложен авторитетным представителем американского капитала Чарлзом Вильсоном в те времена, когда он был еще главой «Дженерал электрик». В 1946 году Вильсон говорил:

«...проблемы Соединенных Штатов могут в основном быть определены в двух словах: за границей — Россия, дома — профсоюзы»¹.

Монополисты видят выход из положения в фашизме. Еще в 1938 году бывший президент Национальной ассоциации промышленников Х. В. Прентис громко заявил то, о чем думали многие. Он заявил:

«Американский капитализм может оказаться вынужденным прибегнуть к какой-либо форме скрытой фашистской диктатуры»².

Пятнадцать лет назад людей, подобных Прентису, обуздывал бдительный народ под руководством прогрессивных деятелей. Сегодня народ в смятении, а обе главные политические партии находятся под контролем таких людей, как Прентис. Прентис еще не сошел со сцены. Он является председателем Национальной ассоциации промышленников, занимает пост директора одного из банков Меллона и является председателем правления компании «Армстронг Корк». Может ли кто-нибудь сомневаться в отношении того, о чем он думает сегодня?

Холодная война устраивает реакционеров вроде Прентиса. В таком случае не ясно ли, что она была вызвана ими? Не ясно ли, что холодную войну начали американские реакционеры?

¹ Речь в Чикагском экономическом клубе 10 октября 1946 г.

² «Нью-Йорк таймс», 29 ноября 1938 г.

Глава 4

МИР КАК ВОТЧИНА УОЛЛ-СТРИТА

«Англичане очень хотели, чтобы Соединенные Штаты в любое время начали войну против России...»

Франклин Делано Рузвельт, март 1945 года

«...Я откровенно заявил, что... он [Черчилль] высказывал сейчас положения той доктрины, которую провозглашали Гитлер и Геббельс и которую они претворяли в жизнь в течение последних четырех лет».

Джозеф Дэвис — Черчиллю, май 1945 года

«Мы [Соединенные Штаты] должны взять на себя ответственность акционера, в руках которого большая часть акций в этой корпорации, известной под названием «мир».

Лео Вельч, казначей «Стандард ойл оф Нью-Джерси», 12 ноября 1946 года

5 марта 1946 года Уинстон Черчилль произнес в Фултоне (штат Миссури) речь, в которой он призывал к англо-американскому военному союзу в целях обороны «западной цивилизации». Черчилль не был в этом оригинален. В свое время такие призывы были главной темой выступлений гитлеровского министра пропаганды доктора Иозефа Геббельса.

В своей речи Черчилль дошел до такого бесстыдства, что употребил выражение «железный занавес», которое придумал и разрекламировал нацист Геббельс. Но выступление Черчилля делало особенно скандальным то обстоятельство, что рядом с ним на трибуне находились президент Трумэн, адмирал Леги и другие высокопоставленные должностные лица США. Когда стало ясно, что речь Черчилля вызвала неблагоприятную реакцию в США, Трумэн быстро отмеживался от нее, заявив, что он не ознакомился с ее текстом заранее. Однако политическим наблюдателям известно, что президент не одобрит какой-либо речи до тех пор, пока не ознакомится с ее содержанием. Позже Трумэн сам признавал, что он действительно знал о том, что должен был сказать Черчилль. Это важное признание, ибо, если оглянуться назад, то станет ясным, что речь Черчилля в Фултоне можно рассматривать как формальное объявление холодной войны Советскому Союзу.

Обвинить Черчилля в развязывании холодной войны было бы легко и просто. Однако это было бы неверно. Британская империя в то время была близка к банкротству и собиралась занять у Соединенных Штатов многие миллиарды. Известно, что никто из тех, кто берет займы, не говорит своему банкиру, что тому нужно делать. Тон задает банкир.

Мощные американские финансовые круги устами банкира Форрестола, банкира Гарримана и банкира Даллеса сформулировали американскую внешнюю политику. Но Черчилль оказался полезным. Он обладал хваткой старого империалиста. Англия за долгие годы накопила богатый многовековой опыт управления империалистическими методами. Черчилль мог выступить и действительно выступил в качестве идеолога и стратега холодной войны. Более того, Черчилль является самым лучшим в мире пропагандистом реакции. Ввиду того, что в то время американский народ все еще был настроен дружелюбно по отношению к Советскому Союзу, Черчилль мог высказать в «частном» порядке то, что не могли открыто сказать государственные деятели США. В сущности, Черчилль явился удобным «подставным лицом» американской реакции. Такая роль вполне устраивала Черчилля.

Роль Черчилля

Черчилль всегда был злейшим, непримиримым врагом социализма и Советского Союза. Необходимость, вызванная войной за спасение страны, заставила Англию стать союзником Советского Союза, но лично Черчилль всегда оставался врагом СССР. Во время войны он думал о послевоенном периоде, заботясь о том, чтобы не иссякал непрерывный поток антисоветской пропаганды, которую он адресовал в наиболее стратегически важные инстанции. Двумя его излюбленными объектами были пресса и американские военные.

Так, например, он сказал журналистке Вирджинии Коулс на другой день после высадки союзных англо-американских войск в Нормандии (6 июня 1944 года):

«Когда эта война кончится, Англии понадобится любой союзник, какого она сможет обрести, чтобы защитить себя от России. Мне надоели эти салонные либералы, которые вечно недовольны внутренними режимами тех или иных стран... Испания готова заключить мир с Англией, и я готов принять его; итальянская монархия дружелюбно относится к Англии, и я хотел бы, чтобы эта монархия была сохранена»¹. Черчилль настойчиво внедрял в сознание американских генералов мысль о неизбежности войны с Россией. По словам генерал-лейтенанта Брертона, Черчилль во время второй мировой войны

¹ Вирджиния Коулс, Нет никаких причин для тревоги, Нью-Йорк, 1949, стр. 77.

имел обыкновение приглашать к себе на обед представителей высшего американского командования и вести «интересные разговоры» о «русской ситуации, о тех возможностях, которые она может предоставить в будущем и об англо-американских отношениях»¹. Главнокомандующий американскими приданными армии авиационными частями генерал Арнольд — «Хэп», как его называли, — присутствовавший на одном из таких частных обедов, сообщил нам подробности черчиллевских застольных бесед. Черчилль сказал Арнольду, что «Россия напоминает ему бессовестного крокодила, который таится в глубинах, выслеживая добычу»². После этого Черчилль перешел к изложению своеобразных поджигательских планов: «Черчилль стал откровенничать... Он сказал, что все еще боится русских и предостерегал нас (американских генералов) по поводу того, что может произойти через двадцать лет. Он сказал, что они размножаются, как мухи, и что мы — Соединенные Штаты и Англия — проявляем слишком большой консерватизм, относясь к ним как к равным»³.

Датой этого «драгоценного» откровения является 7 декабря 1943 года, что уже само по себе говорит о том, насколько честен был Черчилль, когда он в своей фултонской речи намекал на то, что после окончания войны Советский Союз не ответил союзникам дружбой на их дружбу... Подлинные мысли Черчилля раскрыл Джозеф Дэвис, бывший американский посол в Советском Союзе и друг Франклина Рузвельта.

В мае 1945 года Дэвис откровенно заявил Черчиллю, что «слушая его (Черчилля) столь яростные выкрики по поводу угрозы советского господства и распространения коммунизма в Европе, свидетельствующие о неверии в добросовестность советских руководителей, я спрашивал себя, а не желает ли он, премьер-министр, объявить миру, что он и Англия совершили ошибку, когда они не выступили в поддержку Гитлера, ибо, насколько я понял, он высказывал сейчас положения той доктрины, которую провозглашали Гитлер и Геббельс и которую они претворяли в жизнь в течение последних четырех лет»⁴ (курсив мой. — К. М.).

Черчилль рассматривал холодную войну как необходимое средство спасения Британской империи, которой угрожала опасность слева и справа. Угроза слева заключалась в мощном подъеме освободительного движения колониальных народов Азии, Африки и Ближнего Востока. Угрозой справа являлось мощное американское экономическое наступление на позиции Англии, в результате чего британской экономике был нанесен огромный ущерб во всех частях мира. Перед тем как

¹ Люис М. Брертон, Дневники Брертон, Нью-Йорк, 1946, стр. 249.

² Х. Х. Арнольд, Всемирная миссия, Нью-Йорк, 1949, стр. 230.

³ Там же, стр. 474.

⁴ Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 378.

предоставить ленд-лиз, американские монополии в обмен на пушки и самолеты забрали у Англии многие выгодные источники доходов, такие, как аргентинские рынки и часть иракской нефти. После войны ограбление Англии продолжалось¹. Стремясь проникнуть на британские рынки в Африке и в Азии, американцы выдвигают настойчивые требования о предоставлении независимости английским колониям, как это имело место, например, в случае с Индией.

Черчилль считал, что Британская империя сможет поправить свои дела, столкнув лбами Соединенные Штаты и СССР. Расчет в данном случае был следующий: Америке понадобится помощь Англии в ведении холодной войны. Она будет давать займы и оставит Британскую империю в покое. Несомненно, что создание между Соединенными Штатами и Советским Союзом трений и враждебности являлось основной целью английской дипломатии. Некоторые дальновидные американцы понимали это, что явствует, например, из беседы Форрестола с Гарри Гопкинсом об английской политике:

«Гарри сказал, что он скептически относится к Черчиллю, в особенности, когда дело касается англо-американо-русских отношений. Он считал, что для нас жизненно важно, чтобы мы не оказались втянутыми в блок с Англией, направленный против России, блок, который англичане рассматривают как средство осуществления своей европейской политики»².

Это стоит перечитать. Именно так и случилось после смерти Рузвельта. Рузвельт разделял мнение Гопкинса. В дневниках Форрестола приводятся следующие его слова:

«Президент указал на значительные трудности в отношениях с Англией. Он заявил в полушутливой форме, что англичане очень хотели, чтобы *Соединенные Штаты в любое время начали войну против России* и что, по его мнению, следовать британским планам — значит идти к этой цели»³ (курсив мой. — К. М.).

Замечание, что слова Рузвельта были сказаны в полушутливой форме, ничего не меняет. В этой полушутке заключено больше истины, чем в целой библиотеке серьезных томов. Ясно, что Рузвельту игра Черчилля была хорошо известна. Его замечание разоблачает эту игру и предупреждает против такой политики за год до того, как Черчилль открыто провозгласил ее в Фултоне. Но в Фултоне за спиной Черчилля стоял Трумэн.

¹ Интересная деталь, свидетельствующая о грабеже Англии, выясняется из беседы Баруха с Форрестолом. В этой беседе Барух «решительно высказался против продолжения оказания американской помощи в том случае, если США не будут располагать большим количеством фактов и цифр, на основании которых они могли бы излагать свои суждения. Он считает, что как у англичан, так и у французов еще имеются скрытые активы...» («Дневники Форрестола», стр. 311).

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 58.

³ Там же, стр. 36—37.

Те, кто объявляли холодную войну, опирались на мощь атомной бомбы. Как мы видели во второй главе, Трумэн основывал нашу внешнюю политику на нашей монополии на атомную бомбу.

Атомная дипломатия являлась главным инструментом холодной войны. Применение этой дипломатии ясно говорит о том, кто именно начал холодную войну.

Атомная дипломатия Соединенных Штатов

Соединенные Штаты явились первой страной, которая изготовила атомную бомбу. Они первые применили ее и в течение ряда лет были единственной страной, обладавшей этой бомбой. То, каким образом Соединенные Штаты использовали эту монополию, служит трагическим доказательством их намерений. Атомная политика Соединенных Штатов — исключительное в истории явление, поскольку одна страна, и только одна она, осуществляла диктат при решении вопросов, касающихся атомного оружия. Это весьма напоминает опыт в физической лаборатории, где можно непосредственно наблюдать причину и следствие. В мировой политике редко можно установить такую наглядную связь.

Инициатива в атомной политике целиком принадлежала Соединенным Штатам. То, что мы сделали, явилось показателем наших намерений и наших суждений о том, каково должно быть наше отношение к СССР.

Стимсон писал в своем меморандуме:

«Главный урок, который я вынес из своего долгого жизненного опыта, состоит в том, что человека можно сделать достойным доверия, только доверяя ему, и что самый верный способ сделать его недостойным доверия — не доверять ему и проявлять свое недоверие на деле»¹.

Суть провозглашенной на весь мир политики Трумэна сводилась к тому, что мы не доверяем Советскому Союзу и что свои отношения с Россией мы строим не на развитии дружественных отношений, а на угрозах применения силы. Трумэн намеренно отказался от единственно приемлемой атомной политики, которая могла быть совместима с политикой мирного сосуществования с СССР. Решение, которое принял Трумэн, является ясным доказательством того, что он сознательно провозгласил в 1945 году политику, которая явилась существенной частью холодной войны.

Атомный шантаж

Трумэн рассматривал атомную бомбу как средство давления на русских. Он именно это и сказал в то время, когда ждал сообщения о первом испытании атомной бомбы. Согласно сообщению Джонатана Даниэльса, он заявил:

¹ См. Меморандум Стимсона, глава 2.

«Если она взорвется — а я думаю, что это случиться — *у меня, безусловно, будет управа на этих молодчиков русских*»¹ (курсив мой. — К. М.).

Это Трумэн заявил во время Потсдамской конференции, которая окончилась 1 августа 1945 года. Атомная бомба была сброшена на Хиросиму 6 августа 1945 года. После этого американская внешняя политика неизменно основывалась на угрозах, обусловленных нашей монополией на бомбу. Эта наша политика была столь очевидна, что Бирнс, который был в то время государственным секретарем, сделал попытку лицемерно отвлечься от нее. Он писал:

«Как я заявил в Чарльстоне 16 ноября 1945 года, предположение, что мы можем использовать атомную бомбу для дипломатического нажима или как военную угрозу против какой-либо страны, не только само по себе неверно, но оно совершенно незаслуженно бросает тень на американское правительство и американский народ»².

Этому опровержению грош цена, если сопоставить его с фактами американской атомной политики. Атомная бомба была сброшена на Хиросиму. Атомная бомба была сброшена на Нагасаки. Многие известные европейцы и в их числе один англичанин — лауреат Нобелевской премии указывали, что если исходить из результатов, то атомная бомба в расчете на определенный эффект была применена не против Японии, а против Советского Союза. При этом преследовались две цели: во-первых, заставить Японию капитулировать до вступления СССР в дальневосточную войну, а во-вторых, продемонстрировать разрушительное действие атомной бомбы в условиях войны. Только это могло сделать политику запугивания эффективной.

Если эти обвинения справедливы, то применение бомбы является свидетельством того, что в августе 1945 года американское правительство начало холодную войну. По существу, Хиросима тогда была первым открытым актом холодной войны. Посмотрим, что говорят на этот счет факты.

Явилась ли Хиросима первым открытым актом холодной войны?

Существует довольно распространенное мнение, что с военной точки зрения применение бомбы не являлось необходимостью. Япония уже знала, что проиграла войну. В начале июля японский министр иностранных дел Того и японский посол в США Сато обменялись посланиями. Того хотел начать

¹ Джонатан Даниэльс, Независимый человек, Нью-Йорк и Филадельфия, 1950, стр. 266.

² Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 275.

переговоры о заключении мира с Соединенными Штатами через посредство России. В последнем послании Сато констатировалось, что «Япония полностью и окончательно разбита и что единственным оставшимся для нее путем являются быстрые и определенные действия, основанные на признании этого факта...»¹

Важно отметить, что американское правительство знало о содержании этой переписки! Мы раскрыли японский код, и нам их планы были точно известны. Даже Форрестол писал в мае 1947 года, что он сомневается в целесообразности со стратегической точки зрения применения атомной бомбы, так как нам было известно, что положение японцев безнадежно².

С политической точки зрения применение атомной бомбы нанесло нам большой вред. Ученые, которые создали атомную бомбу, энергично протестовали против ее применения в войне с Японией. Эти ученые долго и основательно раздумывали над проблемами атомной войны и ее последствиями. Они создали комиссию, которая должна была высказать их точку зрения военному министру. В соответствии с этим за месяц до испытания бомбы в штате Нью-Мексико комиссия в составе семи ученых, возглавляемая профессором Джеймсом Фрэнком, представила свой доклад.

Этот доклад стал известен как «доклад Фрэнка»; основная цель его заключалась в предупреждении против сбрасывания атомной бомбы в Японии. Авторы доклада проявили поразительную дальновидность, особенно, если вспомнить, что он был написан в июне 1945 года. В докладе говорится:

«Россия и даже союзные государства, которые питают меньше недоверия к нашим действиям и намерениям, а также нейтральные страны, могут быть глубоко потрясены этим актом. *Будет очень трудно убедить мир в том, что можно доверять государству, которое тайно изготовило и применило новое оружие, столь же слепое в своем действии, как и ракетный снаряд, но в тысячу раз более разрушительное...* Демонстрация нового оружия могла бы быть организована так, чтобы она происходила на наших глазах где-нибудь в пустыне или на необитаемом острове... *Мы полагаем, что по этим соображениям применение ядерных бомб в предстоящих военных действиях против Японии нежелательно*»³ (курсив мой.— К. М.).

В докладе особенно подчеркивалось, что, если Соединенные Штаты все же применят бомбу, то этим они «усилят гонку вооружений и поставят под сомнение возможность достиже-

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 74—77. Между прочим, Советский Союз вел себя как лояльный союзник, отказав японцам и немедленно известив нас об их предложении.

² «Дневники Форрестола», стр. 277.

³ Бюллетень ученых-атомников, май 1946 г.

ния международного соглашения о контроле над такого рода оружием в будущем»¹.

Таким образом, как в политическом, так и военном отношении не было оснований сбрасывать бомбу.

С моральной точки зрения применение бомбы не могло быть оправдано.

Так почему же мы все-таки сбросили атомную бомбу?

Почему мы сознательно уничтожили в течение нескольких минут сотни тысяч людей, погибших бесцельно в жестоких мучениях?

Ответы на эти вопросы можно найти в беседе государственного секретаря Бирнса с Форрестолом. Сразу же после успешного испытания бомбы 28 июля Форрестол записал в своем дневнике: «Бирнс сказал, что он *особенно хочет покончить эту историю с Японией до того, как выступят русские...*»² (курсив мой.— К. М.)

Эта мысль затем была выражена Норманом Казинсом и Томасом Финлеттером в статье, написанной ими в 1946 году. (Финлеттер позже стал министром авиации в кабинете Трумэна.) В этой статье говорилось, что при сбрасывании бомбы *«цель заключалась в том, чтобы разбить Японию до того, как Россия начнет с ней войну, или по крайней мере до того, как Россия сможет принять не только символическое участие в войне, прежде чем Япония капитулирует...*

*Если нам не удастся выйти из войны с решающим превосходством сил над Россией, то мы не сможем парализовать русскую экспансию»*³ (курсив мой.— К. М.).

Вот как обстоит дело с этим вопросом, по свидетельству людей осведомленных.

Антисоветская подоплека факта применения атомной бомбы в Японии была тщательно проанализирована профессором П. М. С. Блэкеттом, одним из наиболее известных всему миру физиков, лауреатом Нобелевской премии 1948 года, профессором физики Манчестерского университета в Англии. Профессор Блэкетт руководил атомными исследованиями на ранних стадиях, был сотрудником официального Совещательного комитета по атомной энергии при английском правительстве.

Профессор Блэкетт, тщательно проанализировав вопрос, приходит к выводу, продиктованному здравым смыслом:

«Сбрасывание атомных бомб явилось не столько последним военным актом второй мировой войны, сколько *первой большой*

¹ Там же. Цитируется Блэкеттом, который добавляет: «В целях усиления воздействия доклада комиссии президенту Трумэну была послана... петиция такого же характера, подписанная 64 учеными...»

² «Дневники Форрестола», стр. 78.

³ «Сатердей ревью оф литерачур», 15 июня 1946 г.

*операцией холодной дипломатической войны с Россией, ведущейся сегодня»*¹ (курсив мой.— К. М.).

Эти слова являются обвинительным приговором Трумэн-ской политике атомной силы.

Значение даты

Если Хиросима была первым открытым актом холодной войны, то последующие события говорят о все нараставшем напряжении в американско-советских отношениях.

Атомная бомба была сброшена на Хиросиму в августе. В сентябре произошла первая международная конференция после применения атомной бомбы. Это было совещание министров иностранных дел в Лондоне.

Бирнс сообщает об этой конференции в своей книге «Откровенно говоря»², заголовок которой так же вводит в заблуждение, как и большая часть содержания книги. Книга откровенна в том смысле, что она открыто антисоветская, но она неоткровенна в том смысле, что в ней не высказана вся правда или хотя бы значительная часть правды. В книге нет и намека на то, что Соединенные Штаты были несговорчивы и настроены воинственно. В ней нет ни одного намека на то, что Советский Союз, может быть, в некоторых случаях действительно был прав. В книге высказана всего одна точка зрения по каждому вопросу — точка зрения Бирнса.

Бирнс утверждает, что Соединенные Штаты были дружелюбно настроены в Лондоне в сентябре 1945 года и вовсе не прибегали к атомной дипломатии. Почему Бирнс так настаивает на том, что США были настроены дружелюбно и не прибегали к средствам давления?

Да потому, что если бы было признано, что атомная дипломатия применялась, это означало бы, что холодная война к тому

¹ П. М. С. Блэкетт, *Страх, война и бомба*, Нью-Йорк и Торонто, 1948, стр. 139.

² Джеймс Бирнс, *Откровенно говоря*, Нью-Йорк и Лондон, 1947. Среди книг об американской внешней политике, написанных теми, кто вершит ее судьбы, книга Бирнса является первой, знаменующей собой поворот в этой области. Такие деятели, как Стимсон, Хэлл, Леги, Стеттиниус, Шервуд (автор книги о Гопкинсе), защищая свои позиции, старались приводить и другие точки зрения. Даже в такой явно антисоветской книге, как «Странный союз» генерала Джона Дина, дается представление о том, насколько сложны затронутые в ней проблемы. В более поздних книгах Бирнса, Даллеса, генералов Клея и Смита, Миллиса (о Форрестале) намеренно дается только американская точка зрения, причем в самой вульгарной форме. Авторы скрывают факты, запутывают вопросы, дают сложные проблемы в изложении, напоминающем идиотские детективные истории о полицейских и грабителях. Только человек, располагающий большим количеством свободного времени, сможет обнаружить истину, затерянную в массе тенденциозных словесных извержений.

Сами эти книги были важными орудиями кампании клеветы и истерии, направленной против Советского Союза и породившей «военный психоз».

времени была уже в разгаре и что Советский Союз не мог нести ответственности за нее, так как у него тогда не было атомных бомб.

Таким образом, определение даты начала холодной войны становится решающим фактором в установлении ответственности за нее.

Сторонники холодной войны очень хорошо понимали, какое значение имеет дата начала холодной войны. Сенатор Дуглас из штата Иллинойс, один из наиболее яростных членов конгресса — приверженцев холодной войны, специально выдвигает этот аргумент.

«Трумэн, как и Рузвельт, желал сотрудничества с русскими до тех пор, пока они сами этого хотели, но когда в начале 1946 года стало ясно, что они решили считать нас врагами, у него не было иного выхода, как воспрепятствовать попыткам агрессии со стороны Советов»¹ (курсив мой. — К. М.).

Сам Трумэн приводит тот же довод, только он отодвигает эту дату на 1947 год, чтобы представить дело так, будто Соединенные Штаты начали проводить «жесткую» политику с момента провозглашения доктрины Трумэна, явившейся «ответом» на советскую агрессию. Вот что говорит сам Трумэн:

«Я пытался в течение более двух лет достигнуть понимания с ними [русскими]...»².

Это утверждение стало официальной позицией Вашингтона. Так, например, старейшина вашингтонских корреспондентов Артур Крок пишет:

«После первых двух лет своего пребывания на посту президента, во время которых он в отношениях с Советской Россией исходил из иллюзии президента Рузвельта, что Кремль может явиться послевоенным партнером, желающим сотрудничать в создании прочного и справедливого мира, мистер Трумэн обратился к доктрине превосходства силы...»³ (курсив мой. — К. М.).

Эти небылицы о кротости и терпеливости Соединенных Штатов рушатся, как карточный домик, если учесть, что Бирнс был «жестким» уже в сентябре 1945 года в Лондоне. Самнер Уэллес полностью опровергает Бирнса, заявляя, что лондонское совещание было «одним из наиболее чреватых катастрофическими последствиями международных совещаний нашего времени»⁴, что в значительной степени объясняется тем, что «го-

¹ «Нью-Йорк таймс», 19 февраля 1950 г.

² Уильям Хилмэн, «Г-н президент», Нью-Йорк, 1952, стр. 223.

³ «Нью-Йорк таймс», 25 сентября 1950 г.

Следует, между прочим, отметить, что во времена «иллюзий» Рузвельта Америка была более счастлива и чувствовала себя в большей безопасности, чем в условиях трумэновского «реализма».

⁴ Самнер Уэллес, Куда мы идем? Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 67.

Уэллес был одним из немногих весьма информированных людей, который продолжал писать более или менее объективно и во время холодной войны.

сударственный секретарь Бирнс занял позицию непримиримости»¹.

Уэллес является опытным дипломатом, точным в своих выражениях. «Непримиримость» — сильное слово. Оно означает не только отказ от переговоров, но предполагает безрассудное, высокомерное отношение, выраженное в словах: «а не то вам плохо придется...» Советский министр иностранных дел Молотов, который сталкивался с Бирнсом на этой конференции, указал, что причиной непримиримости Бирнса является монополия на атомную бомбу.

Молотов употребил выражение, очень напоминающее то, которое как-то высказал Стимсон. Стимсон предупреждал, что не нужно щеголять этим оружием. Молотов бросил прямо в лицо Бирнсу обвинение в том, что тот «держит в своем кармане атомную бомбу»². Бирнс самодовольно приводит эту фразу.

Очевидно, не все обстояло прекрасно в сентябре 1945 года. Более того, хотя Потсдамская конференция (которая закончилась 1 августа) была проведена на основе взаимных уступок, переход к жесткой политике был осуществлен вскоре после нее. 6 августа была сброшена атомная бомба. Атомная дипломатия вступила в силу.

Позиция Бирнса находилась в полном соответствии с тем, что сказал Трумэн в Потсдаме в то время, когда произошел взрыв атомной бомбы, с тем, что Трумэн решил в отношении Хиросимы, с тем, что Трумэн предпринял в области атомной политики, приняв план Баруха и отвергнув предложения Стимсона.

Начало холодной войне положила атомная дипломатия

Свидетельства о том, когда именно началась холодная война, исходят от самых различных, но авторитетных людей. Одним из них является адмирал Леги, который прямо заявляет, что в Потсдаме «один фактор изменил многие представления, в том числе и мои собственные... этот фактор — атомная бомба». Леги также без обиняков говорит, что Потсдам «был началом холодной войны»³.

Один выдающийся историк считает началом холодной войны август 1945 года. Это Фредерик Шуман, профессор государственного права в колледже Уильямса, возможно, наиболее

¹ Самнер Уэллес, *Куда мы идем? Нью-Йорк и Лондон*, 1946, стр. 380. Еще одним примером непримиримости Бирнса является его деятельность на посту губернатора Южной Каролины. Он предложил внести изменения в конституцию штата, чтобы санкционировать неповиновение Верховному суду США. Согласно предложению Бирнса, законодательная власть штата может ликвидировать систему общественных школ в случае, если Верховный суд вынесет решение против сегрегации негров в школах.

² Джеймс Бирнс, *Откровенно говоря*, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 266—267.

³ Уильям Леги, *Я был там*, Нью-Йорк, 1950, стр. 429.

крупный из некоммунистически настроенных американских специалистов по вопросам внешней политики, особенно по вопросам, касающимся Советского Союза. Он говорит:

«Трагический тупик в американско-советских отношениях (холодная война) имеет своим главным первоисточником заявление Бирнса от 18 августа 1945 года...»¹.

Третье свидетельство исходит из неожиданного источника — от Джона Фостера Даллеса, представителя республиканской партии и партнера Трумэна в определении внешней политики США.

Даллес принадлежит к числу наиболее ярых врагов Советского Союза в США. История Даллеса крайне неприглядна. Его юридическая фирма «Салливен энд Кромвелл» до войны играла роль респектабельного прикрытия для нацистов, выступая в качестве их юрисконсульта в США. Даллес был республиканским советником Бирнса, автором японского договора, советником Дьюи и Эйзенхауэра; он видит себя будущим государственным секретарем. Этот прожженный реакционер всячески старается поддержать версию Трумэна о том, что холодная война началась в 1947 году. Однако он нечаянно проговаривается и подтверждает сделанное в данной книге указание на то, что начало холодной войны относится к периоду с августа 1945 года до фултонской речи Черчилля в марте 1946 года.

Даллес выдвигает тот же аргумент, что и Трумэн, а именно, что Советский Союз вел себя настолько агрессивно, что к весне 1947 года США были вынуждены принять жесткий курс. Он пишет:

«Советы настолько явно прибегали к тактике угроз, что это обратилось против них. Они надавали нам столько пощечин, что мы, наконец, очнулись от своей послевоенной дремы. Однако переход к бодрствованию был постепенным процессом, и понадобилась Московская сессия Совета министров иностранных дел (март — апрель 1947 года) и вытекавшие из нее обстоятельства, чтобы наши лидеры и народ осознали, что опасность велика и что это требует позитивной политики большого масштаба»².

Здесь Даллес говорит о военной помощи Греции и Турции, о которой Трумэн объявил 12 марта 1947 года, провозгласив свою доктрину.

Однако в другом месте своей книги Даллес делает промах. Он ссылается на Лондонскую конференцию в сентябре

¹ Фредерик Л. Шуман, Дьявол и Джимми Бирнс, Нью-Йорк, 1948, стр. 7. В заявлении Бирнса делались выпады против Польши и против выборов в Болгарии. В нем говорилось, что Соединенные Штаты не признают результаты выборов.

² Джон Фостер Даллес, Война или мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 101.

1945 года, как на дату, когда «...родилась наша послевоенная политика, определяемая словами: «никакого умиротворения»¹.

Такова словесная маскировка холодной войны. Дальше в своей книге Даллес снова делает промах, на этот раз более очевидный. Он начинает одну фразу следующими словами: «После почти пяти лет холодной войны...»² Вырвавшееся у Даллеса замечание «пять лет» явно его изобличает — ведь он писал свою книгу в 1950 году.

Элементы начавшейся холодной войны выявились вскоре после Потсдама, в августе 1945 года. О холодной войне было открыто сказано в Фултоне в марте 1946 года, и она была провозглашена официальной американской политикой с принятием доктрины Трумэна. Даже некоторые из наиболее ревностных сторонников холодной войны признают, что факты говорят сами за себя и что нельзя опровергнуть то обстоятельство, что начало холодной войны относится к августу — сентябрю 1945 года. Поэтому они прибегают к хитрости, заявляя, что Советский Союз начал эту войну еще до смерти Рузвельта. Так, Бирнс пишет:

«Осложнения в отношениях с Советским Союзом начались еще до смерти Рузвельта, в сущности даже до его возвращения из Ялты...»³.

Если бы это было так, то тем самым с Трумэна, Бирнса, Форрестола, Даллеса и других была бы снята всякая ответственность за холодную войну. Они могли бы тогда сказать, что просто отвечали враждебностью на враждебность. Никто бы тогда не смог обвинить их в том, что они изменили внешнюю политику Рузвельта, ибо, если исходить из этого довода, выходит, что сам Рузвельт изменил ее перед смертью.

Этот аргумент ясен. Но вот беда — он не верен.

Изменил ли Рузвельт свою политику дружбы по отношению к Советскому Союзу?

Вся аргументация Бирнса основана на единственном послании, которое Рузвельт написал за час до своей смерти. Это был совет Черчиллю, который собирался выступить в парламенте с речью, касающейся Советского Союза. Рузвельт писал Черчиллю:

«Я бы насколько возможно свел до минимума советскую проблему, потому что отдельные вопросы, связанные с этой проблемой, в той или другой форме возникают ежедневно и, повидимому, большинство из них разрешается, как это было с инцидентом в Берне.

¹ Джон Фостер Даллес, Война или мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 30.

² Там же, стр. 140.

³ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 49.

Однако мы должны быть тверды, и наш курс до сих пор был верен»¹.

Бирнс пишет:

«Это послание *разоблачает легенду* о том, что наши отношения с Советским Союзом начали ухудшаться только после его [Рузвельта] смерти»² (курсив мой.—К. М.).

К несчастью для г-на Бирнса, послание Рузвельта говорит как раз о том, что он был против политики холодной войны. Когда Рузвельт говорит, что «наш курс верен», он имеет в виду курс на дружбу и сотрудничество. В рецензии на книгу Бирнса профессор Шуман пишет:

«Г-н Бирнс сам себя опровергает, ибо он не понимает, что представлял собой этот курс. Курс Франклина Рузвельта состоял в том, чтобы относиться к Советскому Союзу как к равному себе, сводить до минимума трения и регулировать расхождения путем обсуждения и компромисса, что было диаметрально противоположно курсу президента Трумэна...»³.

Однако существуют еще более веские доказательства того, что Рузвельт не изменял своей политики. Они приводятся людьми, которые повседневно общались с ним. Так, например, г-жа Рузвельт указывает, что, хотя после Ялты и были разногласия, ее муж думал, что «он, Сталин и Черчилль, вместе борясь во время войны, достигли взаимопонимания и прониклись уважением друг к другу настолько, чтобы быть в состоянии разрешать те или иные вопросы»⁴.

Секретарь Рузвельта Грейс Тулли также говорит об отношении Рузвельта к Советскому Союзу. Она пишет, что хотя Рузвельт и делал оговорки, «однако в целом создавалось определенное впечатление, что, по его мнению, компромисс, достигнутый в военное время во имя общих целей, может приносить выгоду и в послевоенный период.

То, что так не случилось, может служить доказательством того, что г-н Рузвельт оказался неправ; однако это же может просто говорить о том, что *другие не смогли сделать того, что он мог бы сделать*»⁵ (курсив мой.—К. М.).

Заместитель государственного секретаря при Рузвельте Самнер Уэллес, который постоянно виделся с ним, пишет:

«...Возможность сотрудничества, которая в настоящее время (1946 год) — и это большая трагедия — с каждым днем становится все более отдаленной, составляла самую основу внешней

¹ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 59.

² Там же, стр. 59.

³ Фредерик Л. Шуман, Дьявол и Джимми Бирнс, Нью-Йорк, 1948, стр. 10.

⁴ Элеонора Рузвельт, Я помню это, Нью-Йорк, 1949.

⁵ Грейс Тулли, Франклин Делано Рузвельт, мой хозяин, Нью-Йорк, 1949, стр. 269.

политики, проводимой президентом Рузвельтом *до самого дня его смерти*¹ (курсив мой. — К. М.).

Наконец, существуют показания Гарри Гопкинса. Он был ближе к Рузвельту, чем все другие члены правительства. После смерти Рузвельта он отправился в Москву со специальной миссией, возложенной на него президентом Трумэном. Ему-то уж было бы известно о том, изменилась ли точка зрения Рузвельта или Сталина в отношении сотрудничества. Гопкинс не нашел такого рода перемены. Однако он отмечал, что в Америке существует группа лиц, которая не желает сотрудничать с Россией. Это, сказал он, приведет к катастрофе. В августе 1945 года Гопкинс писал:

«Нам известно, и мы придаем этому большое значение, что не в интересах России, насколько мы можем их предвидеть, создавать большие разногласия с нами в вопросах внешней политики... Я уверен, что они не только не намерены воевать с нами, но что они решили принять участие в международных делах в рамках международной организации и что *они больше всего хотят поддерживать с нами дружественные отношения.*

В Советском Союзе живет 180 миллионов трудолюбивых, гордых людей. Они не являются нецивилизованным народом. Это упорные, решительные люди, которые мыслят и действуют точно так же, как вы и я. Нашу политику по отношению к России не должны определять *люди, которые уже решили*, что с русскими сотрудничать невозможно, что *наши интересы неизбежно должны столкнуться, и это в конечном счете приведет к войне.* С моей точки зрения, *это несостоятельная позиция, и она может привести только к катастрофе*² (курсив мой. — К. М.).

Нет, президент Рузвельт не изменял своей точки зрения в отношении сотрудничества. Его курс остался неизменным до конца — это курс дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Перемена произошла после его смерти. Она выразилась в переходе к политике, создающей трения, напряжение, враждебность, к политике холодной войны.

Кто начал холодную войну?

Холодную войну начало правительство Трумэна при полной поддержке лидеров республиканской партии. Небольшая клика реакционеров резко изменила мирную политику президента Рузвельта. Эта перемена была отмечена Самнером Уэллесом, который пишет:

«Плоды политики Рузвельта стали очевидными в Тегеране и Ялте. Потом *внезапно руководство американской политикой*

¹ Самнер Уэллес, *Куда мы идем?*, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 102.

² Роберт Э. Шервуд, *Рузвельт и Гопкинс*, Нью-Йорк, 1948, стр. 922—923.

перешло в другие руки. Происшедшая в связи с этим резкая перемена в советско-американских отношениях была заметна каждому объективному наблюдателю, который присутствовал при встрече в Потсдаме.

Советское правительство, естественно, знало, что президента Трумэна осаждали советники, дававшие ему противоречивые советы, которых он должен был придерживаться в отношениях с СССР. Оно хорошо знало, что *одна группа советников*, которые открыто осудили то, что они называли рузвельтовской политикой «умиротворения России», указывала, что единственным средством достижения успеха является *тактика сильной руки*»¹ (курсив мой.— К. М.).

Кто были эти советники, призывавшие к «тактике сильной руки»? В качестве их типичных представителей можно назвать двух людей. Один из них — республиканец Джон Фостер Даллес, другой — демократ Аверелл Гарриман. Первый написал внешнеполитическую часть избирательной платформы, с которой Эйзенхауэр выступил на съезде республиканской партии в 1952 году, а второй был выдвинут кандидатом на пост президента на съезде демократической партии в 1952 году.

Джон Фостер Даллес является одним из наиболее хитрых американских реакционеров. Президент Рузвельт никогда не имел с ним ничего общего. Даллес вышел на сцену вскоре после смерти Рузвельта. В то время журналист Уильям Ширер писал:

«Г-н Трумэн и г-н Бирнс — люди, в отношении вопросов внешней политики неопытные, — переняли много идей г-на Даллеса, особенно в отношении России... Нужно с осторожностью подходить к одному из авторитетов (Даллес), который до самого начала войны не видел со стороны нацистов и фашистов никакой опасности для Америки, но который сейчас считает, что опасность столкновения с Россией неизбежна...»².

Ширер мог бы выразиться и резче. Даллес является одним из авторитетов в вопросах международного фашизма. Его юридическая фирма «Салливэн энд Кромвелл» состоит юрисконсультлом нью-йоркского филиала банка Шредера, который тесно связан с лондонским отделением банка Шредера и шредеровским банком в Кёльне в Западной Германии. Банк Шредера был одной из главных опор Гитлера. Журнал «Тайм» в июле 1939 года назвал этот банк «экономической основой оси Рим — Берлин»³. Один из партнеров Даллеса является членом совета директоров этого банка.

Даллес был избран представителем всех нью-йоркских банков, когда он отправился в Берлин с целью заключения сделки, в результате которой гитлеровское правитель-

¹ Самнер Уэллес, *Куда мы идем?*, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 375—376.

² «Нью-Йорк геральд трибюн», 9 июня 1946 г.

³ Ричард Сэсюли, И. Г. Фарбен, Нью-Йорк, 1947, стр. 187.

ство получило миллиард долларов, и с целью предоставления Гитлеру кредита для осуществления его программы вооружения.

В то время как Даллес работал в лагере республиканской партии, в лагере демократической партии работал Аверелл Гарриман. В результате сопоставления этих двух людей, которые оба являются банкирами, оба настроены антисоветски, оба оказывают влияние на правительство и при этом работают в различных партиях для достижения одних и тех же целей, мы видим еще один пример, подчеркивающий иронию положения, пример того, каким образом действует двухпартийная система. Как однажды сказал президент Рузвельт, разница между демократической и республиканской партиями такая же, какая существует между двойниками.

Гарриман был коммивояжером холодной войны. На протяжении всей войны он был неизменным врагом Советов по всем вопросам. Касалось ли дело ленд-лиза, кредитов или займов, репараций или конференции Объединенных наций в Сан-Франциско, Гарриман всегда поддерживал таких людей, как Даллес в их антисоветской политике. Для Гарримана характерна его неприкрытая ненависть к Советскому Союзу. По словам Олфреда Френдли, директора отдела информации администрации по осуществлению плана Маршалла (ЕСА), который работал с Гарриманом, этот «демократ» «считает кремлевских руководителей и вообще всех русских варварами»¹.

Лучшим свидетельством отношения Гарримана к СССР, а также его умонастроения является его заявление Форрестолу, сделанное им в июле 1945 года в Потсдаме:

«Аверелл был настроен очень мрачно в связи с наплывом русских в Европу... Он сказал, что *величайшим преступлением Гитлера* было то, что *в результате его действий для Азии были открыты ворота Восточной Европы...*»² (курсив мой.— К. М.).

Примечательное заявление! Оказывается, величайшим преступлением Гитлера было не то, что он развязал мировую войну, во время которой погибло 20 миллионов солдат и 50 миллионов гражданского населения. Величайшим преступлением Гитлера было не то, что он за семь лет низвел современную культурную нацию к средневековому состоянию, не то, что он посадил миллион немцев в концентрационные лагеря и превратил Европу в тюрьму народов. Величайшим преступлением Гитлера было не то, что он уничтожил 6 миллионов евреев в душегубках и печах, что явилось одним из наиболее хладнокровно рассчитанных злодейских массовых убийств в истории.

Нет,— оказывается, величайшее преступление Гитлера состояло в том, что он потерпел поражение!

Таков логический вывод из замечания Гарримана, но это настолько ужасно, что трудно поверить, что он это имел в виду.

¹ «Нью-Йорк таймс», 2 июля 1950 г.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 79.

Гарриман и Даллес дают прекрасное представление о том, каковы гражданские советники Трумэна. Однако сейчас имеется еще одно влияние, которому подвергается американское правительство и которое нельзя сбрасывать со счетов; это — влияние военных. На чувствительные весы дипломатии ложится тяжелый меч Пентагона.

Влияние военных на американскую политику

Господство военных во внешней политике абсолютно чуждо американским традициям и правительственной структуре. Однако в настоящее время это общепризнанный осведомленными лицами факт. Например, Даллес пишет на этот счет следующее:

«К лучшему это или к худшему, но за последние пять лет военная точка зрения преобладала во многих инстанциях.

Теперь *государственный департамент в области внешней политики* во многом *подчинен* Национальному совету безопасности. Деятельность Национального совета безопасности на протяжении почти всего периода, о котором идет речь, носила преимущественно военный характер...»¹ (курсив мой.— К. М.).

Журналист Говард Смит также обращает внимание на Национальный совет безопасности:

«В конце 1947 года американская внешняя политика в очень значительной степени подпала под контроль организации, носящей название Национальный совет безопасности.

...Эта организация начала свою деятельность скромно, занимаясь накапливанием стратегического сырья и инспектированием национальных военных ресурсов. Постепенно она превратилась в *высшую силу, определяющую американскую внешнюю политику*. Никого уже не удивило, что командующий американскими оккупационными силами в Германии генерал Клей по возвращении домой летом 1948 года отчитывался не перед кабинетом, а перед этим Советом»² (курсив мой.— К. М.).

Далее Смит цитирует Самнера Уэллеса:

«Никакое чрезвычайное положение не может явиться оправданием тому, — говорит Уэллес, — что внешняя политика нашей страны направляется советом, который решает вопросы с военной точки зрения...»³.

О том же в осторожной форме говорит Уолтер Липпман. Он заявляет, что в Пентагоне создалась «очень хорошая и принявшая довольно *серьезные формы* имитация того, что в любой другой стране, кроме нашей, основанной на принципах

¹ Джон Фостер Даллес, *Война или мир*, Нью-Йорк, 1950, стр. 235—236.

² Говард Смит, *Положение Европы*, Нью-Йорк, 1949, стр. 96.

³ Там же, стр. 96.

свободно действующей демократии, было бы названо милитаризмом, а именно, *военный контроль над внешней политикой...*»¹ (курсив мой.— К. М.).

В 1952 году было открыто провозглашено, что мнение военных играет решающую роль в определении американской внешней политики. Газетный обозреватель Маркис Чайлдс писал, что «военные узурпируют функции штатских»², а военный министр Фрэнк Пейс в своей речи, обращенной к слушателям военной академии Вест-Пойнт, расшифровал, что это означает. Он заявил, что сегодня офицер должен учиться тому, чтобы «стать техником, должен уметь вести переговоры, быть дипломатическим атташе, администратором, военным губернатором, ученым и управляющим производства»³. Таков язык военных «строителей империи». В своей речи Пейс апеллировал и к чековой книжке. «Те, кто достигнут успеха,— сказал он,— должны соответствующим образом вознаграждаться деньгами или ответственными постами. Так будет в *новой* армии» (курсив мой.— К. М.). Американская армия, в функции которой входит руководство миром, поистине является «новой», новой с точки зрения американской политической теории и американских традиций.

Говоря об огромном влиянии военных на американскую внешнюю политику, уместно сравнить, как обстоит дело в Советском Союзе. Даллес, основываясь на своем собственном опыте, был вынужден признать истину. Он пишет:

«Руководители Советского Союза являются гражданскими лицами, решениям которых подчиняются военные...

Советское правительство всегда ставило военное ведомство в подчиненное положение.

На протяжении пяти лет... я присутствовал на десяти больших международных совещаниях, которые в среднем продолжались по два месяца... Напротив меня за столом сидели ведущие советские деятели, такие, как Молотов, Вышинский и Громыко, и я никогда не чувствовал, чтобы на них оказывали влияние военные советники или чтобы в их стратегии и тактике преобладали военные соображения»⁴.

Американцы могут только желать, чтобы то же самое можно было сказать о г-не Трумэне. Вместо этого Даллес уныло констатирует на той же странице:

«Что касается нас, то роль военных в выработке курса послевоенной политики чувствуется все более определенно».

Влияние военных и реакционных политиков на нашу внешнюю политику является внешним проявлением доминирующего

¹ «Нью-Йорк геральд трибюн», 20 июня 1950 г.

² «Вашингтон пост», 2 апреля 1952 г.

³ «Нью-Йорк таймс», 21 мая 1952 г.

⁴ Джон Фостер Даллес, *Война или мир*, Нью-Йорк, 1950, стр. 234—235.

в США влияния большого бизнеса — банкиров, монополистов, промышленников и финансистов.

Представители большого бизнеса вошли в правительство сознательно и с определенными намерениями, как это видно из заявления, сделанного в 1946 году одним из них — казначеем «Стандард ойл оф Нью-Джерси», который сказал:

«Как только наша страна начнет разрабатывать свою общую послевоенную внешнюю политику, частные предприятия должны также разрабатывать свою внешнюю политику, начав с самого важного вклада, который они могут сделать — посадить своих людей на правительственные посты»¹.

Руководящий центр реакции

С момента войны американская демократия развивается в направлении, внушающем большие опасения. Военная верхушка, реакционные политики и представители крупного капитала объединились в могущественный центр большого бизнеса, контролирующей всю жизнь страны. Наиболее доверенные люди реакции беспрепятственно переходят с правительственных постов на службу в монополии, в вооруженные силы и обратно.

Наиболее ярким примером является генерал Эйзенхауэр. Генерал американской армии превращается в ректора Колумбийского университета², затем он вновь становится генералом, которому поручается подготовка европейской войны. В настоящее время он выступает в качестве кандидата республиканской партии на пост президента.

Генерал Клей покидает свой пост в Германии и, возвратившись в США, становится президентом компании «Континентал Кэн». Его место в Германии занимает Макклой, крупный юрист, обслуживающий монополии. Банкир Дрейпер, партнер фирмы Форрестола, становится генералом, ведающим вопросами экономического восстановления Германии. Генерал Маршалл становится государственным секретарем. Генерал Смит и адмирал Кэрк назначаются послами в России. Адмирал Морелл становится президентом сталелитейной компании «Джонс энд Лафлин Стил». Банкир Ловетт становится заместителем государственного секретаря, а затем министром обороны. Банкир Гарриман и адвокат-банкир Даллес направляют внешнюю политику. Бирнс покидает государственный департамент, чтобы занять пост директора «Ньюмонт майнинг корпорейшн», контролируемой одним из Морганов. Вице-директор компании

¹ Виктор Перло. Американский империализм, М., Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 163. (Прим. ред.)

² Ректор Колумбийского университета — не столько деятель просвещения, сколько представитель администрации большого бизнеса. В совете попечителей этого университета, являющемся одним из крупнейших в Америке средоточием представителей крупных монополий, господствует влияние Моргана.

«Хаггинс Вестингауз» становится помощником министра авиации, Вильсон из «Дженерал электрик» — руководителем Управления мобилизации для обороны, банкир Сэйерс превращается в адмирала, возглавляющего Центральное разведывательное управление, адмирал Холси становится одним из руководителей Международной телеграфной и телефонной компании. Одновременно он вступает в деловой контакт с бывшим государственным секретарем Стеттиниусом и получает миллион долларов на сделке с «излишками» танкеров; за кулисами этой сделки находится правительственная морская комиссия, которую возглавляет адмирал. Генерал Дулиттл стал вице-президентом нефтяной компании «Шелл юнион ойл», генерал Нельсон делается вице-президентом «Нью-Йорк лайф иншуренс», а президент страховой компании «Пруденшиэл лайф иншуренс» д'Олье становится генералом.

Господство большого бизнеса стало настолько вопиюще явным, что это вызвало протест даже сторонников Трумэна. «Нью-Йорк пост» пишет, что «представители большого бизнеса заняли ключевые позиции в осуществлении программы обороны столь быстро и прочно, как это еще не бывало в истории»¹.

Сенатор-республиканец Хомер Кейпхарт, стремясь защитить свою партию от обвинений в том, что она находится под пятой большого бизнеса, напал на правительство демократов за то, что оно идет на уступки большому бизнесу. Он привел список 150 крупных капиталистов, занимающих правительственные посты, и лиц, связанных с ними; этот список, напечатанный мелким шрифтом, занял шесть страниц в официальном издании конгресса США «Протоколы Конгресса» от 20 мая 1952 года. В состав кабинета президента Трумэна вошло столько крупных монополистов, что он стал напоминать филиал Уолл-стрита. Мы приводим частичный список финансистов, промышленников и крупных адвокатов монополий, которые занимают или занимали руководящие посты в правительственных учреждениях в период правления президента Трумэна:

Министр обороны	Джеймс В. Форрестол	банкир, президент фирмы «Диллон, Рид энд компани»
	Луис Джонсон	крупный адвокат монополий
	Роберт С. Ловетт	банкир, партнер фирмы «Браун бразерс, Гарриман энд компани»
Министр военно-морского флота	Френсис П. Мэтьюз	председатель правления «Секьюрити аксепт корпорейшн»
Военный министр	Уильям Х. Дрейпер (младший)	президент фирмы «Диллон, Рид энд компани»

¹ «Нью-Йорк пост». (Статьи, появившиеся в 1951 году под названием «Вашингтонская золотая лихорадка».)

Министр авиации	Стюарт Сэймингтон	до 1945 года — президент и председатель правления «Эмерсон электрикл мэнюфекчуринг компани» (Сан-Луи)
	Томас К. Финлеттер	юрист уоллстритских корпораций
Заместитель министра авиации	Дж. А. Маккоун	президент калифорнийской судостроительной корпорации
Помощник министра авиации	Е. В. Хиггинс	вице-президент компании «Вестингауз электрик интернейшнл»
Государственный секретарь	Дин Ачесон	адвокат монополий
Помощник государственного секретаря	Дж. В. Перкинс	вице-президент «Мэрк энд компани»
Посол по особым поручениям	Джон Фостер Даллес	адвокат монополий
Министр финансов	Джон В. Снайдер	вице-президент банка «Ферст нейшнл бэнк оф Сан-Луи»
Директор управления взаимной безопасности	В. Аверелл Гарриман	партнер фирмы «Браун бразерс, Гарриман энд компани»

Количество примеров может быть увеличено во много раз — буквально в сотни раз. Они дают ясное представление о руководящем центре реакции, для определения которого Форрестол употребил примечательное выражение. Он назвал его «политико-военной администрацией». А Форрестолу и карты в руки! Он был создателем и душой этой организации, организации, специально созданной для осуществления одной цели — господства американского монополистического капитала над миром. Эта цель была открыто провозглашена стратегами монополий.

Американские монополии и мировое господство

Лео Д. Уэлч — очень крупный представитель большого бизнеса: он казначей компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси», которая является бабушкой всех компаний «Стандард ойл» в различных штатах Америки и самой мощной компанией среди международных нефтяных концернов. После окончания второй мировой войны через его руки прошел миллиард долларов заграничных капиталовложений, и он уже получил от них миллиард прибыли. Являясь представителем верхушки большого бизнеса, Уэлч открыто провозгласил его цели. Он заявляет:

«В своей политике мы будем больше, чем когда-либо, заботиться о безопасности и стабилизации наших заграничных капиталовложений. *Должное уважение к нашим капиталам за*

границей столь же важно, как и уважение к нашим политическим принципам...»¹ (курсив мой.— К. М.).

Уэлч говорил это в ноябре 1946 года, сразу после того, как Трумэн решил применить атомную бомбу в качестве дипломатической угрозы. Целью атомной дипломатии, целью холодной войны является стремление сделать американских монополистов хозяевами мира. Уэлч говорит на этот счет следующее:

«Являясь крупнейшим производителем, крупнейшим источником капитала, крупнейшим организатором всемирного механизма, мы должны задавать тон и взять на себя ответственность *акционера, в руках которого большая часть акций в этой корпорации, известной под названием «мир»...* Это не обязательно на какой-то определенный срок. Это обязательство навечно»² (курсив мой.— К. М.).

Гитлер был куда скромнее. Он говорил о тысячелетней империи. Уэлч же говорит о вечном господстве Уолл-стрита. Уэлч высказывает это эзоповским языком финансиста: «акционер, в руках которого большая часть акций в этой корпорации, известной под названием «мир». Однако существует более старое, но и более точное определение позиций Уэлча: империализм.

Газета «Вашингтон пост» без смущения применяет этот термин, говоря о проблемах, связанных с американской экспансией. В новогодней передовой 1952 года газета писала, что «проблема *нашего империализма* остается прежней», а именно: «мы все еще стоим перед дилеммой — либо отказаться от своих завоеваний в Корее, либо оставить наши войска в этом опасном месте на неопределенное время»³ (курсив мой.— К. М.).

В одной из последующих передовых «Вашингтон пост» указывала, с чем мы, американцы, должны столкнуться, будучи «настоящими» империалистами. Она писала:

«Великая держава, которая хочет быть достойной этого имени, должна привыкнуть к тому, чтобы сидеть на штыках. Именно таким образом англичане довольно сносно поддерживали порядок в XIX веке»⁴.

Это заявление вполне исчерпывающе, и оно общеизвестно. В 1776 году американцы совершили против такого порядка вещей революцию.

В то время как за рубежом американский империализм означает напалмовые и атомные бомбы, дома он означает милитаризованное государство самого худшего типа. На это не-

¹ Речь, произнесенная на Национальном съезде по вопросам торговли 12 ноября 1946 г. Приводится в книге Виктора Перло «Американский империализм» (М., Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 160). (Прим. ред.).

² Там же, стр. 159—160.

³ «Вашингтон пост», 1 января 1952 г.

⁴ Там же, 10 июля 1952 г.

двусмысленно указал другой представитель большого бизнеса — Вирджил Джордан, который заявил на собрании нью-йоркской Ассоциации банкиров, что в настоящее время Соединенные Штаты являются поднимающейся новой империей, наследницей Британской империи. Джордан выступал в качестве председателя Совета Национальной промышленной конференции, которая является ответвлением Национальной ассоциации промышленников.

Воздав хвалу американскому империализму, Джордан расшифровывает, что означает этот империализм:

«Под империализмом понимается безграничное стремление к расширению и сохранению *огромного аппарата, включающего людской состав*, технику и снаряжение не только для национальной обороны, но и для действенного и постоянного поддержания международного авторитета в условиях мира и порядка»¹ (курсив мой. — К. М.).

В том же выступлении он объяснил, что означает этот милитаризм и империализм в нашей повседневной жизни.

«...Нашу имперскую ответственность... необходимо поставить на прочную и широкую основу *внутреннего единства* и процветания, а это требует разумного и смелого переустройства нашей собственной экономической и политической жизни сейчас же после того, как наши ближайшие военные мероприятия будут завершены»².

Выражения Джордана «внутреннее единство» и «смелое переустройство» означают программу контроля Торговой палаты над мыслями, речь о которой шла в третьей главе.

Империализм во внутренней политике проявляется в наступлении на рабочий класс. В области внешней политики это погоня за рынками и за сырьем, экспорт капитала, пользующегося покровительством правительства, борьба за политическое господство над другими странами в целях обеспечения экономической экспансии.

За всем этим стоит применение империалистами силы — тюрьмы внутри страны, напалмовые бомбы за рубежом.

Один генерал, которому пришлось в течение многих лет принимать участие в этой грязной работе, сравнил американский империализм с бандитизмом. Это — генерал-майор Смедли Батлер, который возглавлял корпус морской пехоты США. Вот в каких ярких красках он описал свою деятельность:

«В бандитском арсенале нет такого трюка, который не был бы известен военной шайке. Там есть и свои «наводчики»

¹ Речь, произнесенная на собрании нью-йоркской Ассоциации банкиров 10 декабря 1940 г. Приводится в книге Виктора Перло «Американский империализм» (М., Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 161) (Прим. ред.).

² Там же, стр. 162. (Прим. ред.)

(которые указывают на врагов), и свои «костоломы» (для уничтожения врагов), и свои «башковитые парни» (для планирования военных приготовлений), и свой «большой босс» (сверхнациональный капитализм).

Может показаться странным, что я, человек военный, прибегаю к таким сравнениям. Но к этому меня вынуждает желание быть правдивым. Я провел 33 года и 4 месяца на действительной службе в наиболее мобильной части наших вооруженных сил — в корпусе морской пехоты. Я прошел всю лестницу офицерских чинов, начиная с младшего лейтенанта до генерал-майора. Большую часть всего этого времени мне пришлось выполнять обязанности перворядного «костолома» на службе у большого бизнеса, Уолл-стрита, банкиров. Короче, я был рэкэтиром, гангстером капитализма.

Так, в 1914 году я помогал тому, чтобы Мексика (и особенно Тампико) стала безопасной страной для американских нефтяных трестов. Я помогал превращению Гаити и Кубы в прибыльное место для ребят из «Нейшнл сити бэнк». Я помогал чинить насилия над полдюжиной республик Центральной Америки на пользу Уолл-стрита. Список злодеяний длинен. Я помогал очищению Никарагуа для международного банковского дома «Братья Браун» в 1909—1912 годах. Я «просвещал» Доминиканскую республику во имя интересов американских сахарозаводчиков в 1916 году. В 1927 году я помогал компании «Стандарт ойл» беспрепятственно орудовать в Китае.

В эти годы у меня был, выражаясь языком гангстеров, «замечательный рэкэт». Мне оказывали почести, награждали орденами и чинами. Вспоминая все это, я думаю, что мог бы дать Аль Капонэ несколько полезных советов. Самое большее, на что он был способен, это рэкэт в масштабе трех районов города. Я же действовал на трех континентах¹.

Американский империализм представляет собой реальную, все растущую угрозу миру во всем мире. Его нужно изучать. И лучшим пособием для этого является книга Виктора Перло «Американский империализм». Трудно переоценить значение этой книги. Она необходима каждому мыслящему мужчине и женщине в сегодняшней Америке.

Мы — живые люди

Когда Барух представил в ООН свой план по атомной энергии, он заявил, что выбирать следует между «быстротой и смертью». Он не сказал, что он сам выбрал.

Американский империализм означает смерть.

¹ «Коммон сенс», ноябрь 1935. Цитируется по книге Джерома Дэвиса «Мир, война и вы» (Нью-Йорк, 1952, стр. 67—68).

Мы, живые люди, можем остановить этих реакционеров. Мы можем остановить холодную войну и вернуться к рузвельтовской политике мира и дружбы со всеми народами. Но чтобы сделать это, мы должны представлять себе, что произошло, как и почему это произошло. Мы должны знать и уяснить себе шаг за шагом все то, что привело к превращению рузвельтовской политики мира в трумэнговскую доктрину войны. Этому вопросу посвящается следующая часть книги.

Для американского народа это знание является буквально вопросом жизни и смерти. Знание означает жизнь. В противном случае — атомная катастрофа.

КАК ПЕРЕШЛИ США ОТ МИРНОЙ ПОЛИТИКИ
РУЗВЕЛЬТА К ДОКТРИНЕ ТРУМЭНА

Глава 5

ИСТОКИ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ

«Конгресс не объявлял войны русскому правительству... Однако мы держим в России армию».

Сенатор Уильям Бора, 1919 год

«Воевали ли союзники с Россией? Конечно, нет, но они стреляли в советских граждан без предупреждения...»

Уинстон Черчилль, 1924 год

«Мюнхенское соглашение окончательно убедило Советское правительство в том, что западные державы стремились лишь одним путем оградить Запад от германской агрессии, а именно — повернуть ее на Восток».

Самнер Уэллес, 1946 год

Просто удивительно, как мало в Соединенных Штатах знают о Советском Союзе. В обзоре по этому вопросу, составленном Принстонским университетом и опубликованном в журнале «Сатердей ивнинг пост», читаем:

«Из нашего взрослого населения, исчисляемого приблизительно в 90 миллионов, 63 миллиона думают, что с «уничтожением частной собственности» в России всё без исключения составляет там теперь коллективную собственность. Из каждых трех американцев двое не знают, что русские могут иметь в личной собственности дома, обстановку, автомобили и т. д., а крестьяне — даже индивидуальные участки земли. Установлено также, что около 64 процентов взрослых американцев не знают о том, что в России существует не равная, а дифференцированная оплата труда; 83 процента американских граждан не знают, что большинство русских *не является* членами коммунистической партии. Из каждых девяти американцев семь неизвестно, что большая часть военных материалов, которыми пользовалась Красная Армия в прошлую войну, была русского производства, и... 38 миллионов американцев избирательного возраста вообще не представляют, какая форма правления существует в России»¹.

¹ Эдгар Сноу, Почему мы не понимаем Россию, «Сатердей ивнинг пост», 15 февраля 1947 г.

Представители антисоветского лагеря спекулируют на этом невежестве. Они стараются создать представление об СССР как о какой-то таинственной, непознаваемой стране, действия правительства которой загадочны, скрытны и даже иррациональны. Черчилль называл советскую политику «ребусом в ребусе», а один из главных «экспертов по русским делам» государственного департамента, наш нынешний (1952 год) посол в СССР Джордж Ф. Кеннан, пишет, что «та нервозность, которую Кремль проявляет в международных делах, проистекает из присущего всем русским традиционного и инстинктивного чувства неуверенности...»¹ (курсив мой.— К. М.).

Если Кеннан прав, то есть если опасения и подозрения Советского Союза объясняются его излишней «нервозностью» и ничем не обоснованы, то это означает, что стабильные взаимоотношения с Россией по существу невозможны. Это означает, что шансы на установление мира ничтожны².

Но Кеннан — это один из инициаторов холодной войны. Поэтому к его заявлениям надо подходить с осторожностью. И если опасения СССР справедливы, то это значит, что мы должны проводить такую политику, которая способствовала бы созданию взаимного доверия.

Вспомним вкратце историю взаимоотношений между Западом и СССР в период между двумя мировыми войнами и потом попробуем решить сами, была ли подозрительность СССР только беспричинной «нервозностью».

Истоки подозрительности в период между войнами

Война — будь то горячая или холодная — не диковина для Советского Союза.

Советский Союз родился в самый разгар горячей войны. Не успел он появиться на свет, как на его территорию, без объявления войны, вторглись войска четырнадцати стран, в том числе войска всех великих держав — Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и Соединенных Штатов. Вторжение было предпринято якобы с целью добиться того, чтобы Россия продолжала воевать на стороне союзников против Германии, но в действительности интервенция продолжалась и после разгрома кайзеровской Германии. Соединенные Штаты участвовали в интервенции совместно с Японией. Многие американцы не знают о том, что Соединенные Штаты незаконно вторглись в 1918—1919 годах в Сибирь. Не знают потому,

¹ «Дневники Форрестала», Нью-Йорк, 1951, стр. 136.

² Кеннан заявляет, что эти шансы «гораздо больше», чем один против тысячи («Нью-Йорк таймс», 17 февраля 1952 г.). Насколько именно больше, он не указывает, но уже одно то, что он приводит такое соотношение — один против тысячи, — показывает, что его «надежды» на мир граничат с отчаянием.

что эту страницу истории постарались потом скрыть от американского народа. Но в то время американская интервенция в России вызвала сильнейшие протесты. 5 сентября 1919 года сенатор Уильям Бора говорил в своей речи в сенате:

«Господин президент, мы не находимся в состоянии войны с Россией: конгресс не объявлял войны ни русскому правительству, ни русскому народу. Американский народ не желает воевать с Россией. *И все же... мы держим в России армию; мы снабжаем находящиеся в этой стране вооруженные силы других государств военными материалами и продовольствием... У нас нет ни юридического, ни морального права убивать этих людей. Мы нарушаем непреложный принцип свободы выбора формы правления*»¹ (курсив мой.— К. М.).

Историю вторжения американских войск в Россию во всех подробностях рассказал генерал Уильям С. Грэйвс, командовавший этими войсками, в своей откровенной и смело написанной книге «Американская авантюра в Сибири». Эту книгу, изданную в 1931 году, пресса и научные круги США очень быстро предали забвению.

Командир 8-й дивизии генерал-майор Уильям С. Грэйвс оказался очень честным, глубоко демократических убеждений человеком. Когда он прибыл в Сибирь, ему стало ясно, что все его представления были ошибочны. Он увидел, что «кроважидные» большевики — это простые крестьяне и рабочие, сражавшиеся, чтобы защитить себя и свою страну от помещиков и дворянской знати, призвавших себе на помощь иностранные армии, чтобы снова поработить народ. Белогвардейцы, как называли себя эти враги народа, были злонбы, жестоки и никчёмны. Генерал Грэйвс был возмущен их зверствами.

Япония обманула США и нарушила существовавшее между ними соглашение о том, что каждая страна пошлет в Сибирь только 7 тысяч солдат. Японцы бросили в Сибирь свои войска численностью в 70 тысяч человек. Видя это, генерал Грэйвс начал незаметно вставлять палки в колеса японцам и белогвардейцам, тайно поддерживая Советский Союз. До конца своих дней (Грэйвс умер во время второй мировой войны) генерал Грэйвс оставался горячим поклонником и верным другом Советского Союза.

Поведение генерала Грэйвса не было типичным. Другие командиры действовали с хладнокровной жестокостью. Англичане расстреливали всякого попадавшегося им коммуниста. В Баку они расстреляли группу советских руководящих работников — 26 из 27 бакинских комиссаров. Двадцать седьмой остался неузнанным, и ему удалось скрыться. Это был

¹ Цитируется по книге Альберта Кана «Измена родине», М., Издательство иностранной литературы, 1950, стр. 33. (Прим. ред.)

А. И. Микоян, нынешний министр внешней торговли СССР и член Политбюро¹.

Организатор и вдохновитель интервенции союзников в России Уинстон Черчилль однажды очень откровенно нарисовал картину тех лет. С присущим ему циничным «юмором» он писал:

«Воевали ли союзники с Россией? Конечно, нет, но они стреляли в советских граждан без предупреждения. Они пришли в Россию как захватчики. Они вооружали врагов советского правительства. Они блокировали русские порты и топили русские военные суда. *Стремясь добиться свержения советского правительства, они вели против него интриги.* Но воевать? — «ужасно!» Вмешиваться? — «позор!» Нам безразлично, твердили они, как русские урегулируют свои внутренние дела. Они были беспристрастны, чорт возьми»² (курсив мой.— К. М.).

Интервенция недешево обошлась советскому народу и советскому правительству. За два с половиной года интервенции и гражданской войны в России погибло на полях сражений, от голода и болезней около 7 миллионов мужчин, женщин и детей; материальный ущерб, понесенный Россией, составлял приблизительно 60 миллиардов долларов. Никаких репараций эти четырнадцать стран, участвовавшие в интервенции, разумеется, не уплатили.

Интервенты были разгромлены благодаря главным образом силе и стойкости советского народа, находившего в своей борьбе поддержку со стороны наиболее сознательных рабочих других стран. В Англии были организованы комитеты под названием «Руки прочь от России!»; рабочие отказывались грузить на суда военные материалы, предназначавшиеся для отправки в Россию. В Архангельске, на севере России, среди английских и французских войск вспыхнули мятежи; на Черном море произошло восстание во французском флоте.

Союзные державы были вынуждены отозвать свои войска из России. Но интервенция не могла в дальнейшем не оказать влияния на отношения между СССР и западными державами. Подчеркивая этот факт, известный историк, профессор Фредерик Л. Шуман писал:

«Раны, нанесенные России странами западной демократии в 1918—1921 годах, не только принесли ужасные страдания миллионам ни в чем не повинных людей, но на десятилетия вперед наложили свой отпечаток на международную политику».

¹ Уолтер Дюранти, Сталин и К°, Политбюро, Нью-Йорк, 1949, стр. 34—35.

² Уинстон Черчилль, Мировой кризис. Последствия. Цитируется по книге Альберта Кана «Измена родине», М., Издательство иностранной литературы, 1950, стр. 32—33. (Прим. ред.)

И далее профессор Шуман объяснял это:

«Ни одно решение, которое когда-либо принимали Вашингтон, Лондон и Париж, не было таким роковым, как этот шаг, ибо его *неизгладимые последствия* настолько *отравили отношения между СССР и западными союзниками*, что... единство Объединенных наций накануне так дорого обошедшейся им победы оказалось сильно подорванным. Глубокие раны оставляют страшные рубцы»¹ (курсив мой.— К. М.).

Холодная война 20-х годов

Япония последней оставила территорию Советского Союза, эвакуировав свои войска из Владивостока в 1922 году. Но горячая война уступила место войне холодной. Локарнский договор 1925 года сделал Германию участницей западноевропейской коалиции, главный смысл которой заключался в ее антисоветской направленности. В соседних с Россией странах Восточной Европы были поставлены у власти и всячески поддерживались враждебные СССР правительства; эти страны образовали так называемый «санитарный кордон», который должен был изолировать от Запада «зараженную местность». Не прекращалась экономическая война против Советской России. Советский Союз нигде не мог добиться получения долгосрочных займов, хотя его кредитоспособность на международном рынке оценивалась высоко.

Вскоре последовала серия убийств, налетов и провокаций. В 1923 году в Швейцарии был убит советский полпред в Риме. В 1927 году в один и тот же день подверглись налетам советские представительства в двух различных районах Китая, находившихся во власти двух различных китайских милитаристов. Подозрение, что одна и та же рука направляла милитаристов, подтвердилось, когда спустя месяц после этих налетов английские власти организовали налет на советское торговое представительство в Лондоне. В июне 1927 года в Варшаве был убит советский полпред в Польше².

В течение всего этого периода Соединенные Штаты отказывались признать советское правительство. Дипломатические отношения между Англией и СССР были прерваны, и казалось

¹ Фредерик Л. Шуман, Внутренняя и внешняя политика СССР, Нью-Йорк, 1946, стр. 149.

² Убийце советского полпреда в 1952 году был разрешен въезд в Соединенные Штаты по специальной визе и в порядке особого исключения из закона США об уголовных преступниках. Конгресс Соединенных Штатов принял официальное постановление о разрешении этому человеку въезда в нашу страну в то время, когда американские власти добиваются высылки из страны таких профсоюзных лидеров, как Джим Ластиг из Объединенного профсоюза рабочих электротехнической, радио- и машиностроительной промышленности и Гарри Бриджес из Межнационального профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих, а также других прогрессивно настроенных американцев иностранного происхождения.

столь очевидным, что против Советского Союза готовится война, что в некоторых странах рабочие стали устраивать антивоенные демонстрации.

Горячая война 30-х годов

В 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер, открыто выдвинувший программу войны против Советского Союза. В своей книге «Моя борьба» Гитлер прямо заявил, что планируемая им военная экспансия Германии будет направлена на захват Украины. Он писал:

*«Мы прекращаем извечное германское продвижение на юг и запад и обращаем наши взоры к землям на востоке... Говоря сейчас о землях в Европе, мы можем прежде всего иметь в виду только Россию и ее вассальные пограничные государства...»*¹ (курсив мой.— К. М.).

На другом конце земного шара Япония ясно объявила о своих намерениях в знаменитом меморандуме Танака. Этот меморандум был представлен премьером Танака японскому императору:

*«Чтобы покорить Китай, мы должны сначала захватить Маньчжурию и Монголию... Нам неизбежно придется скрестить мечи с Россией на полях Монголии..., и это является частью нашей программы национального роста... Рано или поздно нам придется воевать с Советской Россией... Придет день, когда мы начнем войну против Америки»*².

В 1934 году Сталин серьезно предостерег тех, кто лелеял планы агрессивной войны.

Некоторые буржуазные политики, — говорил он, — «...думают, что войну надо организовать против СССР... Одна такая война против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу — «нашествие 14 государств»... Вы знаете, чем она кончилась... Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии...»³.

Фашистские государства не вняли предупреждению Сталина. Вскоре после этого Италия напала на Абиссинию, Германия захватила Австрию, Германия и Италия начали совместную интервенцию в Испании, а Япония вторглась в Маньчжурию.

¹ Адольф Гитлер, *Моя борьба*, Бостон, 1943, стр. 654.

² Меморандум премьера Танака японскому императору попал в руки журналистов и был впервые опубликован в «Чайна критик» 24 сентября 1931 г. Цитируется по книге Фредерика Л. Шумана «Внутренняя и внешняя политика СССР» (Нью-Йорк, 1946, стр. 243).

³ И. В. Сталин, *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 432, 433. (Прим. ред.)

Затем, построив в Маньчжурии стратегические железные дороги, Япония в 1937 г. начала атаки против Советского Союза.

Не все помнят, что в период с 1937 по 1939 год между Советским Союзом и Японией имел место целый ряд вооруженных конфликтов, причем в некоторых из них участвовало по нескольку армейских дивизий, оснащенных танками, самолетами и артиллерией. Так, например, в одном из таких сражений японцы потеряли 600 самолетов, 144 артиллерийских орудия и 8 танков¹. Это была горячая война, хоть и небольшого масштаба. В каждом случае Советский Союз одерживал победу, но благоразумно воздерживался от расширения военных действий.

Западные страны оказали предпочтение фашизму

В 30-х годах главными врагами Советского Союза были фашистская Германия и Япония. Всякая помощь этим странам косвенно означала враждебный акт по отношению к Советскому Союзу. И действительно, предоставление западными державами этой помощи в большой мере диктовалось их антисоветскими планами. Это в особенности верно в отношении помощи, оказанной Гитлеру влиятельными финансовыми кругами США, в частности той группой нью-йоркских банков, которая послала Джона Фостера Даллеса в Берлин, чтобы предоставить кредит Гитлеру, о чем уже говорилось в главе 4.

Могущественные капиталистические круги каждой страны поддерживали державы оси часто в ущерб своим собственным национальным интересам. Так было во Франции, так было в Англии, так было и в Соединенных Штатах. Особенно характерно в этом смысле отношение Соединенных Штатов к Японии. Президент Рузвельт знал о том, что действия Японии представляют собой угрозу для Соединенных Штатов и старался эту угрозу предотвратить. Однако в конце 30-х годов, когда Япония начала войну против Китая, американские финансовые круги помогали Японии, в то время как Советский Союз помогал Китаю. Соединенные Штаты отправляли агрессору нефть и железный лом; Советский Союз посылал жертве агрессии самолеты и артиллерию. Один из очевидцев происходившего, генерал Клэр Ченнолт, который издавна поддерживал Чан Кай-ши и был злейшим врагом Советского Союза, пишет:

«Вскоре после того как японцы атаковали Шанхай, китайцы обратились ко всем крупным державам с призывом о помощи. Только Россия откликнулась на этот призыв...

Русские не питали симпатии к генералиссимусу (Чан Кай-ши)... Однако они не стали медлить и не пытались воспользо-

¹ Подробно о военных действиях см. в книге Фредерика Л. Шумана «Внутренняя и внешняя политика СССР» (Нью-Йорк, 1946, стр. 252).

ваться этим случаем, чтобы сыграть на политических противоречиях между различными партиями в Китае...

Русские послали воевать против японцев в Китае четыре эскадрильи истребителей и две эскадрильи бомбардировщиков со всем необходимым снаряжением и персоналом...

Русские предоставили Китаю заем в 20 миллионов долларов, около 400 боевых самолетов в дополнение к упомянутым русским эскадрильям и зенитную артиллерию. Русские организовали авиационные и артиллерийские училища для китайцев и открыли сухопутную линию коммуникаций для подвоза снабжения в Китай... Хотя об этом мало писали, но фактически по этой дороге в Китай доставлялось больше военных материалов, чем по знаменитой бирманской дороге... С начала войны, то есть с лета 1937 и до конца 1942 года, иностранная помощь Китаю поступала в основном из России...»¹ (курсив мой.— К. М.).

Неослабевавшая враждебность западных стран по отношению к Советскому Союзу — ключ ко всей истории международных отношений 30-х годов. Эта враждебность имела классовый характер, она проистекала из ненависти капиталистических правительств к правительству рабочих. Это признает даже такой консервативный по своим убеждениям дипломат, как Самнер Уэллес. Он пишет:

«В эти предвоенные годы представители влиятельных финансовых и торгово-промышленных кругов в странах западной демократии, а также и в Соединенных Штатах были твердо убеждены в том, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией могла быть для них только выгодной. Они считали, что Россия неизбежно потерпела бы в этой войне поражение, а поражение России означало бы и поражение коммунизма»² (курсив мой.— К. М.).

В то время как западные державы проводили профашистскую политику и держали курс на войну, Советский Союз вел титаническую борьбу за коллективную безопасность. В своих проникновенных выступлениях в Лиге наций советский представитель Максим Литвинов апеллировал к совести человечества. Самнер Уэллес, который был при Рузвельте заместителем государственного секретаря, пишет:

«Литвинов более упорно, чем кто бы то ни было, защищал основные принципы Устава Лиги наций...

...Сегодня, оглядываясь назад, нужно признать, что Литвинов был единственным из выдающихся европейских дипломатов, кто в период между первой и второй мировыми войнами последовательно отстаивал правое дело. Именно Литвинов постоянно выдвигал тезис о том, что «мир неделим»... Весь свой большой талант он отдавал тому, чтобы сделать Лигу наций

¹ Клэр Ченнолт, Путь солдата, Нью-Йорк, 1949, стр. 61—62.

² Самнер Уэллес, Время для решения, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 32.

дееспособной организацией. *Мы всегда должны помнить о том, что Советский Союз не покидал Лигу наций. Это великие державы, которые в последние годы существования Лиги играли в ней доминирующую роль, покинули Советский Союз»*¹ (курсив мой.— К. М.).

Факты говорят за себя: Советский Союз стремился к обеспечению коллективной безопасности и, следовательно, мира, западные державы саботировали коллективную безопасность и потому сделали неизбежной войну. Причиной тому, как подчеркивает Самнер Уэллес, была их ненависть к Советскому Союзу.

Нет необходимости рассматривать политику всех стран в течение этого периода. Лучшее представление об этом дает деятельность в 30-х годах двух сил, оказывавших самое большое влияние на европейские дела: Ватикана и английского министерства иностранных дел. Это были организации, которые действовали во всемирном масштабе и которые обладали значительной экономической и политической мощью. Они видели в социализме угрозу своему могуществу и потому были злейшими врагами СССР.

Политика Ватикана и Англии не только сыграла важнейшую, может быть, решающую роль в развитии событий, которые привели ко второй мировой войне, но и явилась потом одним из немаловажных факторов, обусловивших возникновение холодной войны. В то время как роль английского министерства иностранных дел очевидна, роль Ватикана можно понять в полной мере, если учитывать не только его огромное влияние в Европе, но и то большое политическое влияние, каким он пользуется (официально и неофициально) в Соединенных Штатах.

Роль Ватикана в мировой политике

Нужно с особой силой подчеркнуть, что, говоря о Ватикане, мы не будем касаться католицизма как религии; нас интересует только роль Ватикана в мировой политике. Такая оговорка необходима. Есть много выдающихся деятелей католической церкви, которые были убежденными противниками фашизма. Так, например, известно, что во время гражданской войны в Испании все католическое духовенство Баскской провинции выступало против Франко. Из всех католиков-антифашистов самой замечательной личностью был, возможно, священнослужитель, стоявший на самом вершине католической иерархии, а именно архиепископ Каталонии кардинал Видаль-и-Барракер.

Кардинал Видаль-и-Барракер вместе с епископом Викторией был с самого начала противником Франко. Когда Франко с помощью фашистских армий Германии и Италии выиграл граж-

¹ Самнер Уэллес, *Время для решения*, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 31.

данскую войну, кардинал Барракер навсегда покинул Испанию. Он сохранял все свои прерогативы, продолжал исполнять все обязанности, которые возлагал на него сан, участвовал в выборах нынешнего папы — Пия XII, но возвратиться в Испанию наотрез отказался, несмотря на то давление, которое оказывал на него Ватикан. Кардинал Видаль-и-Барракер, так и умер в этом добровольном изгнании — в 1944 году в Швейцарии. На надгробном памятнике кардинала была высечена надпись, которую он составил сам: «Умер в изгнании, ибо не хотел мириться с беззаконием»¹.

В настоящее время многие католические священники участвуют в борьбе за мир. Аббат Булье в качестве французского делегата присутствовал на нескольких всемирных конгрессах сторонников мира. Священник Андреа Качiero участвовал в их работе как делегат от Италии. Французский католический епископ монсиньор Ансель заявил, что в случае «превентивной войны» против России «прямым долгом католиков будет отказ от повиновения правительствам».

«Проповедники превентивной войны, — говорит он, — это военные преступники, и всякий католик, который хочет, чтобы американцы развязали превентивную войну против России, является прямым нарушителем шестой заповеди»².

Эти и сотни других таких же священников, которые действуют в согласии со своими глубокими убеждениями, заслуживают того, чтобы все люди, католики и не католики, воздали им честь и хвалу. Поэтому наша критика направлена отнюдь не против католиков как таковых, или против Ватикана как католического религиозного центра. Наша критика обращена против Ватикана как государства, играющего роль в международной политике.

Официально Ватикан является государством. Он имеет те же самые институты, что и всякая другая держава, за исключением разве армии. Но Ватикан оказывает сильное, часто даже решающее влияние на политику таких стран, имеющих армии, как Испания, Португалия и Италия. Чтобы показать, какой властью пользуется Ватикан в Европе, достаточно привести один простой факт: к западу от Берлина вся Европа представляет собой один солидный католический блок, так как у власти в этих странах стоят клерикальные политические партии, и политические деятели-клерикалы занимают высшие правительственные посты. Именно этот факт служит одним из препят-

¹ Хулио Альварес дель Вайо, Последний оптимист, Нью-Йорк, 1950, стр. 319.

Бывший министр иностранных дел республиканского правительства Испании А. дель Вайо приводит в своей книге волнующий рассказ о том, как премьер-министр республиканской Испании Негрин посетил могилу кардинала и возложил на нее цветы.

² «Кэтолик уоркер», февраль 1952 год. Монсиньор Ансель занимает пост второго епископа Лиона.

ствий к восстановлению единства Германии. В то время как в Западной Германии доминирующее положение занимает католическая церковь, население Восточной Германии является в большинстве протестантским и, взятые вместе, протестантское большинство на Востоке и протестантское меньшинство на Западе составили бы в объединенной Германии большинство всей нации. Протестантская Германия была бы в меньшей степени подвержена влиянию Ватикана¹.

Подобно всякой державе, Ватикан имеет своего главу (папа), кабинет министров (коллегия кардиналов), министра иностранных дел (государственный секретарь папы), официальных послов (папские легаты или нунции), мощную радиостанцию, официальный печатный орган («Оссерваторе романо»); он проводит свою внешнюю политику со всеми ее атрибутами — такими, как дипломатическая почта, дипломатические паспорта и политические договоры (конкордаты с различными странами), политику отличающуюся ни с чем несравнимой систематичностью, последовательностью и упорством.

В Европе уже давно принято проводить различие между Ватиканом — религиозным центром, и Ватиканом — политической силой. В таких католических странах, как Франция и Италия, некоторые политические деятели, хотя и являются католиками, часто выступают против церкви в различных вопросах внутренней и внешней политики. Это явление распространено настолько широко, что получило даже особое название — анти-клерикализм.

Фашизм и внешняя политика Ватикана

Самую примечательную характеристику внешней политики Ватикана дал польский католик, бывший министр иностранных дел Польши полковник Юзеф Бек. Бек сам был политиком полуфашистского, пронацистского толка, однако в 1940 году, после разгрома Польши, он заявил:

«Одним из главных виновников трагедии моей страны является Ватикан. Я слишком поздно понял, что мы проводили внешнюю политику в интересах католической церкви. Мы должны были проводить политику дружбы с Советской Россией, а не политику поддержки Гитлера»².

Ценное признание со стороны человека, который, будучи членом одного из самых деспотических и реакционных правительств в Европе, следовал во всем указаниям Ватикана.

К сожалению, это факт, что для Ватикана ни одно правительство не было плохим, если оно было враждебно коммуниз-

¹ «Католики, тяготеющие к Западу, предпочитают, чтобы Германия оставалась пока расколотой и чтобы у власти оставался католик Аденауэр» (Фердинанд Кун, «Вашингтон пост» от 12 апреля 1952 г.).

² Авро Мэнхэттен, Ватикан в мировой политике, Нью-Йорк, 1949, стр. 277.

му. Ватикан поддержал в час опасности даже Японию, установив с ней дипломатические отношения в марте 1942 года, через три месяца после Пирл-Харбора. А как только Япония была разгромлена, Ватикан стал поддерживать Чан Кай-ши, установив с ним в июле 1946 года дипломатические отношения.

Наиболее ярким примером поддержки Ватиканом реакционных и враждебных коммунизму правительств являются фашистская Италия и нацистская Германия. Политику Ватикана по отношению к этим двум государствам мы можем последовательно проследить по заявлениям католических прелатов — епископов, архиепископов, кардиналов и самого папы.

Ватикан и фашистская Италия

Муссолини пользовался неограниченной поддержкой Ватикана. Покойный папа Пий XI заявил в декабре 1926 года, что «Муссолини — это человек, ниспосланный провидением»¹. Кардинал Мерри дель Валь в том же году сказал, что Муссолини «пользуется видимым покровительством господ»². А в сентябре 1932 года фашизм казался католическим иерархам единственной здоровой формой государственного правления. Кардинал Гаспарри говорил:

*«Фашистское правительство Италии является единственным исключением на общем фоне политической анархии, охватившей правительства, парламенты и школы во всем мире... Муссолини — это человек, который первый ясно увидел выход из мрака нынешнего мирового хаоса. Сейчас он старается поставить огромную государственную машину страны на правильный путь, то есть заставить ее действовать в согласии с нравственными законами господ»*³ (курсив мой. — К. М.).

По словам того же кардинала, правительство США погрязло в «политической анархии». Только Муссолини правил в согласии с «нравственными законами господ». Повидимому, в соответствии с этим законом было произведено неспровоцированное нападение на Эфиопию в 1935 году. Ватикан целиком поддержал этот акт агрессии. Кардинал Шустер говорил: «Итальянский флаг несет с собой в Эфиопию торжество креста господня»⁴. А после того, как эта несчастная страна была покорена, сам папа сказал, что он разделяет «торжество и радость великого и доброго народа по поводу достижения мира [то есть захвата Эфиопии], что, как мы надеемся и хотим, явится важным вкладом в дело установления подлинного мира в Европе и во всем мире»⁵ (речь, произнесенная 12 мая 1936 года).

¹ Авро Мэнхэттен, Ватикан в мировой политике, Нью-Йорк, 1949, стр. 115.

² Там же, стр. 115.

³ Там же, стр. 120.

⁴ Там же, стр. 123.

⁵ Там же, стр. 124.

Итак, согласно смыслу этого заявления, путь к «подлинному миру в Европе» ведет через фашистские захватнические войны. В следующем, 1936 году Муссолини и Гитлер распространили сферу «подлинного мира», придя на помощь мятежникам Франко, выступившим против законно избранного республиканского правительства Испании. Чем дальше развивалась гражданская война, тем откровенней поддерживал Ватикан силы фашизма. В 1938 году 60 итальянских архиепископов и епископов утвердили следующее обращение к Муссолини:

«Духовенство Италии призывает господина благословить тебя и твою деятельность, как создателя империи и фашистского режима. Дуче! Служители Христа воздают тебе почести и присягают тебе в верности»¹.

В 1930 году² папа Пий XI умер и новым папой, находящимся на престоле до сего времени (до 1952 года), стал под именем Пия XII кардинал Пачелли, который руководил до того внешней политикой Ватикана как государственный секретарь папы. Позиция Ватикана по отношению к фашизму не изменилась и после того, как началась вторая мировая война.

Через два дня после вторжения итальянских войск в Грецию папа благословил 200 итальянских офицеров, которые «представляли итальянскую армию», заявив, что ему доставляет наибольшую радость благословлять людей, «верно и с любовью служащих своему дорогому отечеству»³. В феврале 1941 года он принял делегацию германских и итальянских летчиков в военной форме и тоже благословил их.

Ватикан и нацизм

Многие американцы не знают о том, что Ватикан поддерживал Гитлера, поскольку они читали о преследованиях католиков нацистами.

Эти преследования действительно имели место, ибо, как это было и в Испании, десятки тысяч католиков боролись против нацизма.

Но высшее католическое духовенство — особая статья. Оно действовало осторожными методами, но не было никаких сомнений, что оно поддерживало Гитлера. Те, кто больше всего помог Гитлеру пробраться к власти, были католиками (Брюнинг, Гренер, фон Шлейхер, фон Папен). Лидер католической партии центра, монсиньор Каас заявил после беседы с папой:

«Гитлер хорошо знает, как управлять кораблем... Кто будет править, не так важно, лишь бы в стране был порядок. История

¹ Авро Мэнхэттен, Ватикан в мировой политике, Нью-Йорк, 1949, стр. 128.

² В действительности — в 1939 году. — (Прим. ред.)

³ Авро Мэнхэттен, Ватикан в мировой политике, Нью-Йорк, 1949, стр. 128.

последних нескольких лет хорошо показала, что демократическая парламентская система для Германии не годится»¹.

Поддерживавший Гитлера кардинал Фаульгабер также открыто одобрял его философию «тоталитаризма». Он говорил: «В эпоху либерализма провозглашалось, что каждый человек имеет право жить, как ему заблагорассудится, своей собственной жизнью; в настоящее время руководители государства (то есть Гитлер) призывают всех подчинять личные интересы общим интересам. Мы объявляем себя сторонниками этой доктрины и мы радуемся этим переменам в человеческой психологии»² (курсив мой.— К. М.).

Летом 1934 года произошла известная «кровавая чистка», во время которой поплатились головами и такие католические лидеры, как фон Шлейхер.

Ни Ватикан, ни германское католическое духовенство не проронили ни слова протеста.

На протяжении четырех последующих лет Гитлер и католическая церковь вели между собой борьбу за контроль над католической прессой. Церковь постоянно напоминала Гитлеру о том, что она тоже хочет бороться с большевизмом.

В августе 1936 года на съезде епископов Германии в Фульде было составлено пастырское послание, которое должно было быть зачитано во всех католических церквях. Послание гласило:

«...угроза большевизма, нависшая над многими другими странами, требует от нас, чтобы у себя в Германии мы жили в мире и союзе с Гитлером и полностью поддерживали национал-социалистский режим, но это стало невозможным из-за подавления католической прессы, главная задача которой — подготовить германский народ к решающей схватке с большевизмом»³ (курсив мой.— К. М.).

Католическая церковь никогда не делала секрета из того, что ее главной политической целью является крестовый поход против Советской России. В качестве платы за организацию этого крестового похода церковь готова была оказывать поддержку Гитлеру, несмотря на то, что Гитлер стремился к ослаблению церкви в Германии⁴.

В 1937 году кардинал Фаульгабер заявил:

«Весь цивилизованный мир и в особенности католические страны должны объединиться в священном крестовом походе против безбожной России и сокрушить большевизм всюду, где только он существует»⁵.

¹ Авро Мэнхэттен, Ватикан в мировой политике, Нью-Йорк, 1949, стр. 175.

² Там же.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 205.

В 1938 году баварские епископы жаловались:

«Как долго еще государство будет отвергать сотрудничество церкви и ее религиозных орденов в осуществлении нынешней национальной задачи Германии — борьбы с коммунизмом?»¹.

Желание церкви наконец сбылось. Когда Гитлер начал войну с Россией, германские епископы открыто провозгласили:

«Победа над большевизмом была бы равносильна победе учения Христа над язычеством»².

Но война начала развиваться не так, как ожидал Ватикан. После Сталинградской битвы Ватикан понял, что германский фашизм не сможет победить. И тотчас же он предпринял одну за другой попытки заключения мира, чтобы спасти правительства держав оси от окончательного разгрома и положить предел военным успехам СССР. Министр пропаганды нацистской Германии Геббельс 3 марта 1943 года докладывал:

«...Я узнал, что папа намерен вступить с нами в переговоры. Он хочет установить с нами контакт и готов даже отправить в Германию инкогнито одного из своих доверенных кардиналов»³.

Будучи не столь дальновидными, как папа, нацисты отклонили тогда эту идею. Они еще надеялись одержать победу.

Такова была роль Ватикана как опоры фашизма. Таким образом, подозрения Советского Союза по отношению к прокатолическим правительствам вряд ли можно объяснить просто «нервозностью». Что касается некатолических стран, то политика Англии является лучшим критерием для суждения о том, справедливы ли подозрения Советского Союза по отношению к Западу.

В своей деятельности английское министерство иностранных дел, так же как и Ватикан, руководствовалось глубокой, смертельной ненавистью к Советскому Союзу. Пример Черчилля, организовавшего в 1918—1919 годах интервенцию против Советской России, остался руководящим принципом для министерства иностранных дел, неизменно стремившегося к одной цели — уничтожению Советского Союза.

Англия против СССР

Следуя этой политике, английское министерство иностранных дел делало ставку на усиление армий Гитлера и Муссолини для претворения в жизнь своих широковещательных планов войны против России. Даже тогда, когда интересы самой Британской империи оказались под угрозой, английское министерство иностранных дел продолжало попустительствовать фашистам. Захват Италией Эфиопии таил в себе опасность для Бри-

¹ Авро Мэнхэттен, Ватикан в мировой политике, Нью-Йорк, 1949, стр. 206.

² Там же, стр. 207.

³ Льюис П. Локнер, Дневник Геббельса, Нью-Йорк, 1948, стр. 271.

танской империи. Но Англия ничего не предприняла. Во время гражданской войны в Испании фашистские подводные лодки потопили не один десяток английских торговых судов. Англия опять ничего не предприняла. Подобно Ватикану в Германии и Италии, Англия пошла даже на то, чтобы поступиться своим престижем, только бы не подрывать мощь Гитлера и Муссолини. В 1937 году Черчилль и Чемберлен были уверены, что Гитлер осуществит то, что он обещал на протяжении шести лет — нападение на Советский Союз. Поэтому английский премьер-министр Чемберлен предоставил Гитлеру «свободу рук» в «холодной войне» 30-х годов, кульминационным пунктом которой был гнусный акт мюнхенского предательства. В Мюнхене два «союзника» Чехословакии, Англия и Франция, отдали эту страну на растерзание Гитлеру. Самнер Уэллес, который по своему положению в госдепартаменте знал всю подноготную этого дела, так оценивал смысл Мюнхена:

«Мюнхенское соглашение окончательно убедило советское правительство в том, что западные державы стремились лишь одним путем оградить Запад от германской агрессии, а именно — повернуть ее на Восток»¹.

Мюнхен был актом, рассчитанным на то, чтобы дать возможность Гитлеру нанести удар России. Сейчас реакционеры всеми силами стараются скрыть этот факт и преуменьшить роль Мюнхена. Черчилль говорил о Чемберлене после его смерти, что «он действовал совершенно искренне», как подобает «добропорядочному англичанину». Изощренная апология Мюнхена стала рассматриваться как признак хорошего тона в политике, и мы сталкиваемся с ней иногда в самых неожиданных местах. Профессор Колумбийского университета Г. Хайлет в своей книге по истории литературы делает, например, такое замечание:

«Альфред (король Англии) в 878 году вступил в мирные переговоры с датчанами. Это было точь-в-точь Мюнхенское соглашение с целью остановить захватчиков и получить передышку...»².

Мюнхен не был передышкой. Он был актом, поощрявшим нацистов к войне против СССР. В основе политики умиротворения был не страх перед фашизмом, а сообщничество с ним — молчаливое, но совершенно реальное и очевидное. Первой жертвой Мюнхена явилась Чехословакия, но его конечной жертвой должен был стать Советский Союз. Точно так же в настоящее

¹ Самнер Уэллес, *Время для решения*, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 322.

² Гилберт Хайлет, *Классическая традиция*, Нью-Йорк и Лондон, 1949, стр. 39.

Профессор Хайлет, англичанин по национальности, в середине 30-х годов читал лекции в Оксфордском университете. В те дни он проявлял повышенный интерес к политике.

время непосредственными театрами войны являются Индо-Китай, Корея и Бирма, однако в конечном счете действия США направлены против СССР и Китая.

В настоящее время очень важно знать подлинный смысл политики умиротворения. Реакционеры вопят сейчас об «умиротворении» всякий раз, когда заходит речь о переговорах с Советским Союзом. Переговоры и взаимные уступки не есть «умиротворение». Вести политику умиротворения — значит усиливать вашего противника, не требуя от него никакого возмещения. Это значит быть в сговоре с вашим врагом, подобно тому как Чемберлен был в сговоре с Гитлером.

После Мюнхена на Советский Союз стали смотреть как на страну, попавшую в изоляцию, как на легкую добычу. СССР видел, что Англия все время помогает Гитлеру. В марте 1939 года Гитлер захватил остальную часть территории Чехословакии и его войска вступили в Прагу. Всегда готовый к услугам Английский банк незаконно передал Германии хранившееся в его сейфах золото чехословацкого правительства.

Несмотря на все эти акты умиротворения со стороны Англии, Советский Союз даже в марте 1939 года еще старался добиться заключения коллективного пакта против агрессии и предлагал созвать конференцию по этому вопросу. Чемберлен ответил, что эта идея «преждевременна».

Советский Союз счел нужным сделать решительные предупреждения. На XVIII съезде большевистской партии в марте 1939 года один оратор за другим обращались с предупреждениями по адресу Англии. Мануильский сказал:

«План английской реакционной буржуазии состоит в том, чтобы, пожертвовав в угоду германскому фашизму малыми государствами юго-восточной Европы, направить Германию на восток — против СССР...

Но своими разбойничьими планами английская реакционная буржуазия роет себе могилу... Планами нападения на СССР она готовит крушение не только фашизма, но и всей капиталистической системы»¹.

Молотов заявил:

«Никакой враг уже не сможет сломить наш Советский Союз... Для кого мало наших открытых предупреждений, тот узнает об этом в свое, ему положенное время»².

10 марта 1939 года, говоря об «отказе... Англии и Франции от политики коллективной безопасности» и о «переходе их на позицию невмешательства...»³, Сталин заявил: «...политика невмешательства означает попустительство агрессии...»⁴ И далее:

¹ XVIII съезд ВКП(б) 10—21 марта 1939 г., Стенографический отчет, М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1939, стр. 48—49. (Прим. ред.)

² Там же, стр. 4.

³ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 570. (Прим. ред.)

⁴ Там же.

«Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали... Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»¹.

И в заключение Сталин сделал следующее важное предупреждение, которое, можно сказать, сохраняет всю свою силу и по сей день:

«...в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений»².

После этого Советский Союз сделал другой многозначительный шаг. Франция и Англия отвергли и продолжали отвергать политику коллективной безопасности. Советский министр иностранных дел Литвинов в течение нескольких лет боролся за политику коллективной безопасности, и его имя стало синонимом этой политики. Теперь советское правительство освободило Литвинова от его обязанностей, что было ясным указанием на то, что Советский Союз намерен пересмотреть свою политику. Англия оставила без внимания и это, хотя дипломатам всего мира было уже известно, что Германия зондирует почву относительно возможности заключения союза с СССР. Вот что писал об этом в своих мемуарах тогдашний государственный секретарь США Корделл Хэлл:

«Возможность заключения германо-русского пакта мы предвидели давно. Еще 30 ноября 1938 года наша миссия в Бухаресте информировала нас о том, что Германия сделала России секретное предложение заключить пакт о ненападении. Когда 3 мая 1939 года народный комиссар иностранных дел Максим Литвинов был освобожден от должности, мы придали этому факту должное значение...

В июле и августе 1939 года посол в Москве Лоренс Штейнгардт в ряде телеграмм сообщал нам о переговорах между Берлином и Москвой...

Когда через пять дней Берлин объявил о том, что достигнуто соглашение между Германией и Россией, это нас не удивило»³.

Но английский премьер-министр Чемберлен, уверенный в неизбежности нападения нацистов на Россию, попрежнему слепо вел свою страну по губельному пути, что выводило из себя более прозорливых людей, таких как Черчилль и Ллойд-Джордж. Черчилль, в прошлом поддерживавший Гитлера,

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 572. (Прим. ред.)

² Там же, стр. 590.

³ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 655—657.

теперь понял опасность и в мае 1939 года заявил, обращаясь к Чемберлену:

«Если вы готовы стать союзником России в случае войны... то, что вас удерживает от заключения Союза с Россией теперь, когда вы можете именно таким путем предотвратить возникновение войны? Я не могу понять, зачем нужны все эти дипломатические тонкости и промедления...»¹ (курсив мой.— К. М.).

Ллойд-Джордж, который был английским премьер-министром в первую мировую войну, 29 июля 1939 года обрушился на Чемберлена, заявив:

«Переговоры с Россией тянутся вот уже четыре месяца, но никто не знает, в каком положении находится теперь этот вопрос. Мы имеем дело с сильнейшей в военном отношении державой в мире; мы просим ее прийти к нам на помощь; мы договариваемся об условиях соглашения не с врагом, а с дружественным народом, в чьей помощи мы нуждаемся. Мистер Чемберлен вел переговоры с Гитлером лично. Он сам поехал в Германию, чтобы встретиться с ним. Он и лорд Галифакс были также с визитами в Риме. Они приезжали туда, пили там за здоровье Муссолини, жали ему руку, говорили ему комплименты. А кого они послали в Россию? Они не послали туда хотя бы даже второстепенного представителя правительства, они послали простого клерка из министерства иностранных дел. Это оскорбление»².

Ллойд-Джордж говорил о политической миссии, которую министерство иностранных дел направило в СССР. По предложению советского правительства в Москву была направлена также английская военная миссия, она выехала из Англии на тихоходном судне, провела в пути шесть дней и прибыла в Москву спустя семнадцать дней после того, как было сделано это предложение. Она могла бы быть там на другой же день, если бы вылетела самолетом, как это делал Чемберлен, отправляясь на свидания с Гитлером. Когда миссия прибыла, оказалось, что «она не уполномочена договариваться о чем-либо важном»³. Английское правительство не было заинтересовано в союзе с СССР. Проницательный политический наблюдатель И. Дейчер так характеризовал политику Чемберлена по отношению к Советскому Союзу:

«Если Сталин намеревался заключить союз с Англией, то отношение, которое он встретил к себе, было, можно сказать, рассчитано на то, чтобы заставить его отказаться от своего намерения. Если же он, напротив, ставил своей целью договориться с Гитлером и вел переговоры с западными державами

¹ Речь в палате общин 19 мая 1939 г.

² Цитируется по книге Д. Н. Притта «Государственный департамент и холодная война» (Нью-Йорк, 1948, стр. 54). Притт — английский адвокат, бывший член парламента и специалист по вопросам внешней политики.

³ Там же, стр. 55. В своей книге Д. Н. Притт приводит также подробности переговоров.

только для того, чтобы обеспечить себе моральное алиби и получить возможность обвинить потом Англию и Францию в срыве великой, давно провозглашенной антифашистской коалиции, то эти страны добровольно, проявив непонятное рвение, сами позаботились о том, чтобы предоставить ему возможность алиби»¹.

На самом деле в политике Чемберлена не было ничего непонятного. Он просто ожидал, что Гитлер нападет сначала на Советский Союз. Но СССР сделал для себя выводы из поведения Англии и принял необходимые меры. 23 августа 1939 года СССР и Германия подписали пакт о ненападении.

Германо-советский пакт о ненападении

Вопрос о германо-советском пакте снова и снова выносятся на обсуждение в наши дни. Мюнхен забыт, и теперь Советский Союз обвиняют в том, что он поддержал Гитлера, развязавшего вторую мировую войну. Это — антисоветская пропаганда худшего типа.

Выдающиеся историки в Англии и в Америке подвергли анализу события, приведшие к заключению этого пакта. Можно назвать три книги, в которых исчерпывающе освещается этот вопрос. Это книга англичанина Л. Б. Нэмира «Дипломатическая прелюдия» и две книги американского автора Ф. Л. Шумана: «Европа накануне» и «Внутренняя и внешняя политика СССР». Резюмируя свое исследование, Шуман писал:

«Все время неправильно истолковывая германо-советский пакт как «союз» и извращая его подлинный смысл, Даллин и другие антисоветские авторы не могут опровергнуть обоснованную точку зрения людей, считающихся с фактами. Проводившаяся Чемберленом политика, имевшая целью спровоцировать германо-советскую войну в расчете, что западные державы могут остаться нейтральными в этой войне, потерпела провал... Проводившаяся Сталиным политика самообороны в связи с угрозой со стороны английских консерваторов и нацистов увенчалась успехом...»²

Оглядываясь назад, мы теперь можем сказать, что этот пакт был не просто успехом. Он был, возможно, самым блестящим ходом советской дипломатии за все время существования СССР. Его военные и экономические выгоды были очевидны: в результате этого пакта Советский Союз смог оградить себя широкой зоной буферных территорий и получить лишних двадцать месяцев, необходимых для увеличения выпуска продукции. Критики утверждали, что оба эти преимущества не имели

¹ Исаак Дейчер, Сталин, политическая биография, Нью-Йорк и Лондон, 1949, стр. 434.

² Фредерик Л. Шуман, Внутренняя и внешняя политика СССР, Нью-Йорк, 1946, стр. 379.

большого значения — первое потому, что германские армии захватили буферную территорию за каких-нибудь несколько дней, а второе потому, что Гитлер, захватив Францию и объединив промышленные ресурсы Европы, смог добиться получения большей продукции, чем СССР. Эти возражения несостоятельны.

Большое стратегическое значение буферной территории заключалось в том, что благодаря ее наличию утрачивал свое значение фактор внезапности нападения и обороняющаяся сторона получала возможность определить направление главного удара. Не будь этой буферной зоны, Ленинград, возможно, был бы взят немцами. А так он сумел устоять.

В ответ на второе возражение, что Гитлер тоже мог организовать производство военных материалов, мы должны сказать, что он не нуждался в этом. В 1939 году у Гитлера было очень много вооружения. Между тем Советский Союз остро нуждался в оружии, и двадцать месяцев дополнительного производства дали ему возможность накопить резервы, что в дальнейшем и привело к такому резкому изменению обстановки под Сталинградом.

Однако несравненно значительнее всех этих преимуществ были политические и дипломатические преимущества. Пакт опрокинул все политические расчеты Чемберлена. То невероятно пренебрежительное отношение, какое Англия и Франция проявили к Советскому Союзу в Мюнхене, отчасти объяснялось их уверенностью в том, что у СССР нет иного выхода, как поддерживать эти державы. Германо-советский пакт принес им горькое разочарование.

Больше того, они поддерживали агрессивную политику Гитлера в надежде, что он будет воевать с Россией. Как только Гитлер дал понять, что такой войны может и не быть, Англия и Франция вынуждены были выступить против него, пока он не сделался сильнее. Покуда они верили, что Гитлер нападет на СССР, они могли спокойно наблюдать за его усилением, но когда эта сила повернулась против них самих, они не могли дольше терпеть такое положение. Таким образом, германо-советский пакт заставил их переменить свою политику. Западные державы не потому объявили войну Гитлеру, что Англия дала гарантию Польше защищать ее против агрессии, а потому, что он обманул их. В конце концов, правительства этих стран, уже предавшие до того Чехословакию, не постеснялись бы сделать то же самое и с Польшей, если бы Гитлер продолжал и дальше двигаться на Восток.

И, наконец, этот пакт, продемонстрировав перед всем миром, что Советский Союз осуществляет свободу действий, способствовал тому, что возникшая впоследствии англо-американо-советская коалиция оформилась в настоящий, прочный союз. Как Черчилль, так и Рузвельт прекрасно учитывали, что в слу-

чае бесчестного поведения с нашей стороны Советский Союз всегда мог заключить сепаратный мир с Германией.

Многие из приведенных выше фактов были известны в свое время. Но сразу же после того как германо-советский пакт был подписан, против Советского Союза была начата бешеная клеветническая кампания. Были пущены в ход самые гнусные пропагандистские измышления и извращения истины. Оставалось непреложным фактом, однако, что Советский Союз не нарушил никаких договоров, не предал никаких своих союзников. Когда все его миролюбивые демарши были один за другим отвергнуты, он сделал то, что лучше всего отвечало его интересам в условиях тогдашней международной обстановки, чреватой опасностью для него. «В результате англо-французской политики,— писал профессор Шуман,— у Сталина и Молотова не оставалось никакого другого выхода, кроме того, который они в конечном счете избрали»¹.

Чемберленовская политика умиротворения не только позорно провалилась, она оказалась бумерангом. Вместо того чтобы напасть на СССР, немецко-фашистские войска 1 сентября 1939 года напали на Польшу, а потом повернули на Запад. Может быть, «умиротворители» после этого поняли, что были неправы? Ничего подобного. Они были слишком ослеплены своей ненавистью к Советскому Союзу. Их первой реакцией было желание свалить вину за начавшуюся войну с Германией на кого-нибудь другого. Яркую иллюстрацию этого намерения мы находим в дневниках Форрестола. В записи, относящейся к декабрю 1945 года, Форрестол рассказывает о своей беседе с Джозефом П. Кеннеди (который в 1939 году был послом США в Англии). Он пишет:

«Кеннеди считает, что если бы Буллит (Уильям К. Буллит, тогдашний американский посол во Франции) летом 1939 года не убедил Рузвельта, что в польском вопросе Германии нужно дать отпор, то Гитлер начал бы войну против России и потом никогда не пошел бы на конфликт с Англией; *ни Англия, ни Франция не начали бы воевать из-за Польши*, если бы Вашингтон постоянно не нажимал на них: Буллит, говорит он, все время твердил Рузвельту, что немцы не будут воевать, Кеннеди же считал, что будут и что они смогут завоевать всю Европу. *Чемберлен,— говорит он,— заявляет, что Англию толкнула в войну Америка и мировое еврейство*»² (курсив мой.— К. М.).

Здесь Чемберлен, этот «добропорядочный англичанин», проявляет себя как антисемит. Эта его фраза звучит так, будто она выхвачена из какой-нибудь речи Гитлера. Из нее явствует также, что «умиротворители» не хотели воевать из-за Польши; они считали, что эта война им совершенно не нужна.

¹ Фредерик Л. Шуман, Внутренняя и внешняя политика СССР. Нью-Йорк, 1946, стр. 380.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 122—123.

И они приложили потом все силы, чтобы исправить эту «ошибку». Мы имеем в виду период так называемой «странной войны», когда правительства Англии и Франции изо всех сил старались дать другое направление войне, обратить ее против Советского Союза. Это особенно ясно обнаружилось во время советско-финской войны.

До 1917 года Финляндия была частью Российской империи. Правящий класс Финляндии, который в основном составляли выходцы из Швеции, служил русскому царю. К этому классу принадлежал и маршал Маннергейм, дослужившийся при царизме до высокого ранга генерала.

Советско-финская война

После Октябрьской революции Финляндии сразу же была предоставлена независимость без каких бы то ни было условий или оговорок. Соответствующий декрет подписали советский премьер Ленин и комиссар по делам национальностей Сталин. Финский народ решил сделать свою страну республикой и избрал правительство, которое не было коммунистическим, но придерживалось в известной степени левых позиций.

Силы международной реакции быстро выступили на сцену, чтобы разгромить это народное правительство. Хотя Франция и Англия продолжали еще в это время воевать с Германией на французской территории, в Финляндии все три державы стали действовать заодно. Стоявшие в Прибалтике германские войска под командованием генерала фон дер Гольца двинулись на север, чтобы соединиться с английскими и французскими войсками. Координировать их операции было поручено не кому другому, как царскому генералу Маннергейму. К 1918 году германские и английские войска проделали «подготовительную» работу для Маннергейма. Последний заслужил тогда прозвище «Маннергейм-палач», которое дали ему финские рабочие. По его приказу было зверски убито «около 15 тысяч мужчин, женщин и детей», а «73 915 красных мятежников, в том числе 46 тысяч женщин, были захвачены как военнопленные».

Эти цитаты взяты нами из статьи «Финляндия», помещенной на странице 254 тома IX «Британской энциклопедии» издания 1929 года. В позднейших изданиях энциклопедии были выпущены эти цифры, показывающие, как храбро воевал Маннергейм против женщин после того, как с мужчинами справились за него иностранные войска.

Фашистская клика Маннергейма правила Финляндией вплоть до второй мировой войны, ориентируясь в своей внешней политике то на Англию, то на Германию. Но эта внешняя политика все время неизменно оставалась антисоветской. В Финляндии были построены огромные аэродромы, на подступах к Ленинграду была воздвигнута мощная линия укреплений

(линия Маннергейма), и финский генеральный штаб постоянно держал связь как с английским, так и с германским генеральными штабами.

В 1939 году, когда Германия была занята войной на Западе, правительство Советского Союза стало добиваться закрытия возможных подступов для нападения немцев на советскую территорию. Ленинград находился на расстоянии пушечного выстрела от финской границы. СССР предложил отодвинуть эту границу на несколько миль к северу, соглашаясь уступить Финляндии в обмен вдесятеро большую территорию. Финляндия отказалась, и в результате вспыхнула советско-финская война.

И сразу же повторились события 1917 года. Противники, стоявшие друг против друга на Западном фронте, объединились для того, чтобы помочь своему собрату — реакционному правительству на Востоке. Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия, с другой — все посылали Маннергейму большие партии оружия и других военных материалов. Франция и Англия готовились к открытому вмешательству. Они послали Финляндии 280 самолетов, 586 артиллерийских орудий, 5 100 пулеметов, 250 тысяч гранат, больше миллиона снарядов и, кроме того, авиабомбы, санитарные повозки, обувь, обмундирование и всевозможные военные материалы¹.

Они готовили также интервенционистские армии. Англия подготовила 50 тысяч солдат для вторжения в Советский Союз с севера; Франция сформировала в Сирии, под командованием генерала Вейгана, 500-тысячную армию, которая должна была ударить по Советскому Союзу с юга².

Одновременно, как это часто бывало и раньше, против Советского Союза была развернута разнузданная пропагандистская кампания. Газеты, защищавшие Гитлера и Чемберлена, Муссолини и Франко, Дольфуса и Хирохито, начали метать громы и молнии против СССР. Бывший президент США Герберт Гувер, чье имя является символом реакции в Америке, возглавил комитет помощи Финляндии. Ватикан, хранивший молчание, когда фашисты сбрасывали бомбы на Эфиопию, истребляли гражданское население в Бадахосе и Гернике, громили Нанкин, — теперь вдруг почувствовал благородное возмущение и начал проклинать Советский Союз.

Лига наций развила лихорадочную деятельность. Созданные в ее рамках комиссии раньше бесплодно спорили месяцами по поводу Маньчжурии, Эфиопии, Испании и Чехословакии; теперь же понадобилось всего несколько дней, чтобы вынести

¹ Фредерик Л. Шуман, Внутренняя и внешняя политика СССР, Нью-Йорк, 1946, стр. 389.

² Эти цифры были приведены министром авиации в правительстве Блюма Пьером Котом, нынешним депутатом французского парламента. См. его книгу «Триумф предательства» (Чикаго — Нью-Йорк, 1944, стр. 201).

решение об исключении Советского Союза из Лиги наций. Это был беспрецедентный случай: до тех пор, за все время своего существования, включая десятилетний период открыто агрессивных действий фашистских государств, Лига никого не исключила из своего состава. Профессор Шуман писал:

«В свете всего происшедшего исключение СССР было актом пустого лицемерия; в свете будущего, это был безрассудный акт»¹.

В организацию пропагандистской кампании внесло свою лепту и американское правительство. Так, например, Рузвельт в своей знаменитой речи, обращенной к Конгрессу американской молодежи, участники которого стояли под дождем на лужайке перед Белым домом, в резких выражениях нападал на СССР в связи с советско-финской войной.

Прорыв советскими войсками линии Маннергейма положил конец этой войне, а на время — и интригам союзников, преследовавших цель повернуть войну на Восток.

Стоит, кстати, отметить, что через несколько месяцев во Франции и Англии стала остро ощущаться нужда в тех самолетах и военном снаряжении, которые они отправили Финляндии. Франция же, кроме того, отчаянно нуждалась в новых дивизиях. Ее поражение объяснялось отчасти именно отсутствием резервных дивизий. Черчилль рассказывает о том, как он спросил однажды у французского главнокомандующего, какими стратегическими резервами тот располагает. «Никакими», — отвечал Гамелен. — Французские стратегические резервы были сосредоточены в Сирии².

Основания для подозрений

Войска и авиация, которые союзные государства держали в резерве, чтобы нанести удар Советскому Союзу, были существенным основанием для подозрений. Больше того, поскольку действия СССР были направлены против Германии, описанное выше поведение союзников служило для СССР подтверждением того, что союзники хотят повернуть войну против СССР.

То обстоятельство, что действия СССР были направлены против Германии, было ясно всем правительствам. По словам тогдашнего государственного секретаря США Хэлла, советско-финская война показала, что Сталин не доверяет Гитлеру. Хэлл писал, что он «сочувственно относился к усилиям России обезопасить себя от нападения»³ и что, по мнению американского посла в Москве Штейнгардта, Россия начала и завершила вой-

¹ Фредерик Л. Шуман, Внутренняя и внешняя политика СССР, Нью-Йорк, 1946, стр. 389.

² Уинстон Черчилль, Их самое счастливое время, Бостон, 1949, стр. 46.

³ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 701.

ну с Финляндией с тем, чтобы высвободить себе руки для того, чтобы противостоять германской угрозе на Балканах¹. Заместитель государственного секретаря Уэллес констатирует, что вскоре после финской войны он предложил изменить закон об эмбарго на ввоз товаров в Россию, и весной 1940 года США начали отправлять в СССР станки². Хэлл рассказывает также, что в 1940 году Рузвельт и он согласились принять у Советского Союза заказ на постройку для него линкора в Америке³.

В свете всего этого открытые нападки союзников на СССР выглядели очень подозрительно. Было много других признаков, говоривших о попытках повернуть войну против Советского Союза. Так, например, Ватикан развивал лихорадочные усилия, чтобы добиться прекращения войны на Западе на приемлемых для Гитлера условиях. В декабре 1939 года папа предложил свой «мирный план» воюющим сторонам. В январе 1940 года Ватикан обрушился на Советский Союз, критикуя его действия по отношению к Польше, хотя в то же время почти обошел молчанием действия Гитлера в этой стране.

Одновременно через посредничество Ватикана действовали и французские сторонники «умиротворения». Как пишет в своей книге Авро Мэнхэттен, «папский нунций в Париже заверил папу, что если Германия повернет войну на Восток, Франция не вступится». В марте 1940 года посол фашистской Италии в Париже сообщал, что Петэн просил папского нунция информировать «его святейшество» о том, что «есть большие основания надеяться на возможность избежать кровопролития между Францией и Германией». Это было передано Гитлеру, и тот пожелал достоверно узнать, «как далеко действительно могут пойти французы в осуществлении своих намерений». Как рассказывает Уильям Ширер в своей книге «Берлинский дневник», гитлеровский министр иностранных дел фон Риббентроп после нескольких бесед с папским нунцием отправился в Рим. Там он встретился с глазу на глаз с папой, а на следующий день Гитлер послал папе поздравительную телеграмму по случаю первой годовщины избрания его на святой престол⁴. Хотя все эти маневры в конечном счете ни к чему не привели, в Европе распространялись тогда всякого рода слухи.

Наш краткий обзор охватывает двадцать лет. За это время, как мы видели, Советскому Союзу пришлось выдержать целую серию «горячих» и «холодных» войн, следовавших непрерывно одна за другой. С самого первого дня своего существования

¹ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 706.

² Самнер Уэллес, Время для решения, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 170.

³ Корделл Хэлл, Мемуары, стр. 743.

⁴ Большинство этих фактов стало известно на Нюрнбергском процессе. Более подробно о них сообщает Мэнхэттен в своей книге «Ватикан в мировой политике» на стр. 196 и далее.

Советский Союз подвергался атакам на словах и на деле, начиная с авантюристических военных наскоков и кончая политической изоляцией. Для советских руководителей, Сталина и Молотова, на их высокоответственных постах, это был длительный период испытания на «истощение нервов», и они выдержали его. Они знали факты, они знали, насколько реальной была опасность. Их подозрения по отношению к западным странам отнюдь не были внушены излишней «нервозностью», но основывались и основываются на реальных фактах. Они ждали войны, делали все возможное, чтобы ее предотвратить, а когда она все-таки вспыхнула, встретили мужественно и спокойно и это испытание.

22 июня 1941 года гитлеровские войска вторглись в Советский Союз на фронте протяжением в три тысячи миль, нанеся первый удар такой огромной силы, какого не знала вся предшествующая история человечества.

Можно ли говорить, что Советский Союз не чувствовал себя в безопасности потому, что был подвержен излишней «нервозности»?

Глава 6

НЕДОВЕРИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

«Сообщите г-ну Сталину, что мы надеемся открыть второй фронт в этом году».

Заявление Рузвельта Молотову в Белом доме 30 мая 1942 года

«Страшно подумать, что может случиться, если англичане и американцы внезапно предпримут попытку вторжения».

Геббельс в разговоре с Герингом в марте 1943 года

«Старания противников вторжения приведут к тому, что Англия и Америка предоставят возможность Сталину самому ободрать медведя... Сталин будет невысокого мнения о людях, которые вели себя так...»

Генри Л. Стимсон, май 1943 года

В воскресенье 22 июня 1941 года, на рассвете, гитлеровские полчища вторглись в СССР. В тот же день после полудня Черчилль говорил по радио, обращаясь ко всему миру:

«Сегодня в 4 часа утра Гитлер совершил нападение на Россию и вторгся на ее территорию. Все его обычные приемы вероломства были соблюдены со скрупулезной точностью...»

Гитлер — это отвратительное чудовище, ненасытное в своей жажде крови и грабежа... Мы и все остальные цивилизованные народы были так неразумны, неосмотрительны и недалекослышны, что позволили нацистским гангстерам постепенно, год за годом, создавать почти на пустом месте эту страшную военную машину, которая теперь не может стоять без дела, ибо иначе она проржавеет и развалится на куски. Она должна находиться в постоянном движении, перемалывать все новые человеческие жизни... И вот теперь этот кровожадный бандит двинул свои механизированные армии на новые территории, чтобы и их превратить в поле боя, грабежей и опустошений... У нас лишь одна цель и одна единственная неизменная задача. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и весь нацистский режим без остатка... Всякому человеку, всякому государству, которые будут бороться против нацизма, мы окажем поддержку. Всякий человек, всякое государство, которые станут на сторону

Гитлера,— наши враги... Такова политика, которую мы провозглашаем.

Отсюда следует, что мы всеми силами будем помогать России и русскому народу. Мы призовем всех наших друзей и союзников во всех концах мира встать на этот же путь и следовать по этому пути так же, как мы, твердо и неизменно, до конца.

Мы предложили правительству Советской России всякую техническую и экономическую помощь, какую только мы можем предоставить...»

Так заявил Черчилль. Не ставя никаких условий, он обещал предоставить помощь. В скором времени его поддержал Рузвельт, и США начали осуществлять поставки СССР по ленд-лизу.

Это было многообещающее начало. Большинство американцев и англичан приняли обещания Черчилля за чистую монету, рассматривая их как проявление искренности, благородства и горячего сочувствия.

Но советские руководители знали Черчилля. Они не забыли и не могли забыть ни интервенцию, ни те «горячие» и «холодные» войны, которые велись против Советского Союза в период между мировыми войнами. Не могли они также забыть, кто и зачем взрастил Гитлера, не забыли политику мюнхенцев, которые стремились развязать агрессивную войну против СССР. Говоря о том, как «неразумно, неосмотрительно и недальновидно» действовали те, кто позволил Гитлеру создать его военную машину, Черчилль мог сколько угодно намекать, что это якобы была ошибка глупого Чемберлена, но советские руководители прекрасно знали, что эта машина в действительности создавалась обдуманно и с вполне определенными целями, прежде всего с целью агрессии против СССР. Фразеология Черчилля насчет Мюнхена как «безумной политики» могла, быть может, обмануть обывателя. Но советские руководители знали правду и понимали, что ее знает и сам Черчилль.

Нет, Черчилль не изменился. Союз и помощь, которые он предложил СССР, были для Черчилля мерами, которые он считал нужным предпринять в интересах английской обороны и английской политики. Руководители СССР принимали этот союз и эту помощь на таких же основаниях.

Источники недоверия

Недоверие СССР к Англии и Америке реакционеры пробовали использовать как доказательство враждебных намерений СССР по отношению к этим государствам. Они пытались представить дело так, будто западные державы относятся к СССР исключительно дружелюбно и честно, а тот-де отвечает им зло-

бой и ненавистью. Подобное извращение истины стало очень эффективным средством антисоветской пропаганды.

Причины, по которым Советский Союз не доверял Англии и другим западным странам до войны, были изложены нами в предыдущей главе. Во время второй мировой войны это недоверие и разногласия продолжали сохраняться.

Главной причиной, объяснявшей, почему это недоверие продолжало существовать и во время войны, был вопрос об открытии второго фронта. США и Англия дали Советскому Союзу обязательство открыть второй фронт в 1942 году — и потом это обязательство нарушили. Обязательство было совершенно определенное и недвусмысленное, и нарушено оно было преднамеренно. В этой главе мы представим необходимые доказательства, но прежде хотим подчеркнуть, что вопрос о втором фронте был только самым серьезным поводом для возникновения трений между союзниками военного времени. Имели место буквально тысячи других инцидентов, вызывавших разногласия.

Взять, к примеру, Финляндию. С июня 1941 года и вплоть до конца войны Финляндия была союзником Гитлера и воевала на его стороне, а Черчилль заявил: «кто станет на сторону Гитлера — тот наш враг». Между тем Англия впоследствии всячески уклонялась от объявления войны Финляндии, консервативное правительство которой было ей по душе. В третьем томе своих военных мемуаров Черчилль подробно рассказывает о спорах, которые у него возникали с Советским Союзом по этому вопросу. Естественно, что советские руководители высказывали свое недовольство по поводу этой, внушавшей им подозрения, позиции Англии. Черчилль утверждает в своей книге, что не хотел объявлять войну Финляндии потому, что рассчитывал прийти к негласному соглашению с финнами, по которому их страна должна была спокойно переждать, пока шла война, и не сражалась бы на стороне Гитлера. В конце концов Сталин согласился с тем, чтобы такая попытка договориться с Финляндией была сделана, однако Финляндия отклонила предложение. Черчиллю ничего не оставалось, как объявить Финляндии войну. СССР не мог не видеть, что нежелание Черчилля объявлять войну диктовалось его реакционными политическими и идеологическими соображениями.

Что касается Соединенных Штатов, то они так и не объявили войну Финляндии. До высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года они даже не порывали с ней дипломатических отношений. В течение всего периода войны до высадки союзников в Нормандии в Вашингтоне продолжала функционировать финская миссия как центр шпионажа и интриг в пользу нацистов. Некоторые сотрудники американских разведывательных органов находились даже в приятельских отношениях с финскими дипломатическими представителями в Вашингтоне, и

тем не менее их не отстраняли от работы в разведывательных органах. Автору этих строк пришлось работать с одним из таких людей в непосредственной близости в Бюро стратегических служб — американском разведывательном органе военного времени; кстати, человек этот был отъявленным фашистом, который сражался в прошлом на стороне Франко в Испании и на стороне Маннергейма в Финляндии.

Русские, естественно, не могли с одобрением смотреть на такого рода систему охраны безопасности в США, при которой допускалось, чтобы союзная Гитлеру страна в разгар жестокой войны не на жизнь, а на смерть имела в США свой наблюдательный пункт. Вопрос о соблюдении требований безопасности был серьезным источником разногласий между русскими и американцами. Соединенным Штатам не нравилось, что СССР неохотно делится с ними информацией. СССР же не мог полагаться на США, поскольку система охраны безопасности была поставлена у нас так примитивно.

В Соединенных Штатах бывали такие случаи разглашения военных тайн, которые граничили с настоящим предательством. Яркой иллюстрацией является сам начальник штаба армии США, генерал Маршалл, который выболтал на «конфиденциальной» пресс-конференции в Вашингтоне важнейшую тайну. Один присутствовавший на этой пресс-конференции журналист рассказывал потом, что Маршалл «описал многочисленной группе вытаращивших глаза корреспондентов боевое расположение на Западе союзных частей — и наших собственных и русских. Он признал весьма беззаботно, что если бы русские узнали о том, что дислокация их войск разглашена, *они могли бы пойти на что угодно, чуть не на выход из войны!*»¹ (курсив мой.— К. М.).

Для любой страны боевое расписание является важнейшей военной тайной в военное время, ибо в нем указываются номера, типы и дислокация дивизий на фронте — факты, на основании которых противник легко может получить представление о стратегических планах данной страны. Рискованно было разглашать даже боевой порядок наших войск. Но рассказывать о дислокации советских войск группе журналистов, в числе которых были и антисоветски настроенные журналисты, в городе, где имелось множество других антисоветских элементов и в котором функционировала финская дипломатическая миссия, было просто непростительно. Это показывает своего рода высокомерие, которое проявляли американцы по отношению к своим союзникам, как бы желая показать, что Соединенные Штаты стоят выше других стран.

¹ Лайл К. Вильсон, У вашингтонской черты, Нью-Йорк, 1949, стр. 189.

В книге рассказывается о разных случаях из практики вашингтонских журналистов.

Подобные настроения получили такое распространение, что ими прониклись как высшие, так и низшие американские офицеры; они вели себя так, что еще больше возбуждали недоверие русских. Об одном весьма серьезном инциденте, происшедшем по вине сотрудников американского Бюро стратегических служб (ОСС), мне довелось узнать от непосредственных его участников. Речь шла о налете, который совершили американцы на занятый советскими войсками город.

Этим городом был Бухарест, столица Румынии. Русские взяли Бухарест осенью 1944 года после длительных и ожесточенных боев с отступавшими германскими войсками. Тем временем наша авиация дальнего действия бомбила румынские нефтепромыслы в Плоешти.

Командованию американской авиации захотелось узнать о результатах этих налетов по документальным данным противника. Вместо того чтобы обратиться за этой информацией к русским, одному из сотрудников миссии ОСС в Италии пришла идея послать в Бухарест самолет, не предупреждая об этом русских, и попросту забрать нужные документы. Штаб американской авиации и командование ОСС идею одобрили, и в Бухарест на американском бомбардировщике была отправлена специальная миссия. Она приземлилась в Бухаресте через два дня после его взятия советскими войсками, рассчитывая, что у них не будет никаких затруднений и что они договорятся с советским командованием. Выяснилось, однако, что советские действующие войска уже покинули город, продолжая преследование противника, а части второго эшелона и военный комендант еще не прибыли. И вот на двадцать четыре часа Бухарест сделался американской добычей. Миссия ОСС погрузила в самолет около двух тонн документов и вернулась в Италию.

Советские власти не были предупреждены об этой миссии. И то обстоятельство, что она прибыла в Бухарест как раз в момент, когда он временно оставался незанятым советскими частями, советские власти могли расценить как результат деятельности широко разветвленной американской разведки. Откровенная грубость этого акта, представлявшего собой оскорбительное нарушение элементарных дипломатических норм, в достаточной мере убеждала советское правительство в том, что от американцев нельзя ждать ничего хорошего.

Представьте, как бы мы отнеслись к такому факту, если бы в Париж, сразу же после взятия его нашими войсками, нагрянула вдруг советская миссия, забрала тонны две важных документов и скрылась с ними. Какой шум подняли бы американские газеты, как возмущались бы наши радиокомментаторы!

Бухарестский инцидент не получил широкой огласки, но о многих других такого же характера случаях в свое время писали. Генерал Дин, например, рассказывает о двух подобных происшествиях:

«В одном случае наш самолет, возвращавшийся в Италию, совершил вынужденную посадку в Польше, так как израсходовал все горючее. Самолет не получил никаких повреждений; власти аэродрома, на котором он приземлился, встретили экипаж гостеприимно. Русский начальник аэродрома распорядился заправить самолет бензином, но сказал экипажу, что самолет сможет вылететь, когда будет получено разрешение из Москвы. Пилот попросил, чтобы ему и другим членам экипажа разрешили подняться в машину, чтобы взять там кое-какую одежду. Им разрешили это, но как только американцы поднялись на борт, они захлопнули дверь, завели мотор и улетели. В другом случае одного поляка, который был на стороне польского правительства в Лондоне, перерядили в американскую военную форму и перебросили на американском самолете из одного района Польши в другой, а оттуда за границу»¹.

Но самым ярким примером наглого поведения американцев по отношению к русским был так называемый бернский инцидент, вызвавший обмен резкими посланиями между Сталиным и Рузвельтом. В этом случае американцы, проявлявшие такую беспечность в отношении безопасности, под предлогом «обеспечения безопасности» отстранили Советский Союз от участия в важных военных переговорах.

Бернский инцидент

В феврале 1945 года руководители нацистской Германии завязали тайные сношения с союзниками, чтобы договориться об условиях капитуляции на итальянском фронте. В Берне (Швейцария) начались секретные переговоры. Под предлогом «обеспечения безопасности» Советский Союз не пригласили участвовать в этих переговорах. Предлог был, конечно, искусственный, ибо Советский Союз уже знал об этих переговорах. О настоящей причине проговорился потом глава американской военной миссии в Москве генерал Джон Дин, который как раз и рекомендовал не привлекать Советский Союз к участию в этих переговорах.

«Хотя бернский инцидент вызвал серьезное ухудшение наших отношений с Советским Союзом..., он послужил и на пользу. Независимо от существа вопроса этот случай знаменовал собой определенный поворот в политике Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу и давал ему понять, что с нами нельзя не считаться...»² (курсив мой.— К. М.).

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 293.

² Там же, стр. 165.

Ликование Дина при мысли о том, что США могут взять антисоветский курс, было преждевременным. Исход бернского инцидента ясно показал, что Рузвельт не имел намерения становиться на такой путь. Бернский инцидент не знаменовал еще «определенного поворота в политике США».

В это заявление стоит вдуматься. Когда Дин говорит «независимо от существования вопроса», он хочет сказать, что если даже русские были правы, он, Дин, радовался, что у нас произошло столкновение с ними, которое показало им, что они не могут с нами не считаться. Но все дело в том, что если русские были правы, то это означало, что мы не хотим считаться с ними. Дин не только искал осложнений — он создавал их.

Были ли правы русские, когда настаивали на своем участии в переговорах о капитуляции? Несомненно, да. Эти переговоры касались не какого-нибудь одного сражения, вроде Сталинградской битвы, и не какого-нибудь отдельного участка самостоятельного фронта, вроде тунисского. Со стратегической точки зрения, в 1945 году существовал только один германский фронт, включавший три огромных сектора — западный, южный и восточный, все непосредственно связанные друг с другом и зависимые один от другого. То, о чем шла речь во время бернских переговоров, должно было означать начало конца — капитуляцию южного фронта, последующее крушение всей германской обороны. Очевидно, что Советский Союз был самым непосредственным образом заинтересован в этих переговорах. Даже Объединенная группа начальников штабов США усматривала «некоторые основания в советских требованиях»¹.

За всем этим стоял еще более важный политический вопрос — вопрос о сохранении единства союзников. Германский генеральный штаб предпринимал отчаянные попытки расколоть союзные державы и добиться того, чтобы война разделилась на две самостоятельных войны: восточную и западную. Нацисты рассчитывали капитулировать на западе и продолжать войну на востоке, с тем чтобы избежать окончательного разгрома. Воспользовавшись посредничеством шведского правительства, Гиммлер обратился к западным державам с предложением о капитуляции всех германских войск на западе².

Советский Союз опасался сепаратной сделки. В послании к Рузвельту Сталин обвинил союзников в таком намерении. Рузвельт ответил, что никакой подобной сделки не намечается. Сталин возразил, что не верит этому, и выразил предположение, что американское военное командование не информирует Рузвельта. Рузвельт послал тогда Сталину телеграмму, в которой выражал раздражение и обиду по поводу недоверия Советского Союза, а Сталин послал успокаивающий ответ, в котором писал, что никогда не сомневался в честности американского президента. Тем временем нацисты прервали начатые переговоры, и инцидент был исчерпан.

Президент Рузвельт потом специально подчеркивал, что он лично не придает бернскому инциденту большого значения. Как передает У. Леги, Рузвельт говорил, что ему «хотелось

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 164.

² Там же, стр. 166.

свести к минимуму влияние этого злополучного эпизода на наши отношения с Россией». В своей последней телеграмме, которую он послал в день своей смерти, 12 апреля, он писал Гарриману: «Я хочу, чтобы бернское недоразумение рассматривалось, как незначительный инцидент»¹.

Несмотря на это ясное высказывание Рузвельта, реакционеры, подобные Бирнсу и другим, стали использовать бернский инцидент как доказательство советского высокомерия и вероломства, в то время как в действительности этот инцидент служил доказательством высокомерия США.

Но за всеми этими многочисленными, крупными и мелкими инцидентами, являвшимися питательной почвой, на которой выросло недоверие, стояло главное и решающее противоречие, разделявшее союзников во время второй мировой войны, а именно, вопрос об открытии второго фронта. История этого вопроса ясна. Президент Рузвельт обязался открыть второй фронт в 1942 году. Это обязательство было нарушено. Вопрос, как и почему оно было нарушено, имеет огромное значение.

Почему союзники обязались открыть второй фронт

Когда Гитлер напал на Советский Союз, правительства Англии и США были уверены, что сопротивление СССР будет непродолжительным. Штаб американской армии ожидал, что Гитлер возьмет Москву через шесть недель. Таково было официальное предположение разведывательного управления армии США, возглавлявшегося генерал-майором Стронгом². Соединенные Штаты даже отправили в Иран специальную военную комиссию, которая должна была позаботиться об остатках разгромленных частей Красной Армии³.

В это время Англия была очень слаба в военном отношении и опасалась вторжения. В кампании Гитлера на востоке она видела для себя передышку, во время которой рассчитывала укрепить свою военную мощь. Чем дольше войска Гитлера были бы скованы в России, тем больше было бы шансов у Англии на усиление. Поэтому Англия была заинтересована в любой помощи, какая могла быть оказана Советскому Союзу, поскольку это продлило бы срок передышки, какую дало Англии германское вторжение в Россию.

Успешная оборона Москвы в декабре 1941 года не заставила руководителей союзных держав изменить свое мнение. Они

¹ Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 336.

² Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 383.

³ По мнению офицеров разведки военного министерства США... эта кампания могла продлиться лишь от одного до трех месяцев.

⁴ Джером Дэвис, Мир, война и вы, Нью-Йорк, 1952, стр. 86.

Дэвис был в это время в Иране и слышал об этом от американских офицеров.

все еще надеялись, что Советский Союз потерпит поражение, только теперь период передышки значительно удлинился, в войну вступила Америка, и союзники стали сильнее. Они чувствовали себя достаточно сильными, чтобы высадиться в Европе, пока Гитлер увяз в России. Решение об открытии второго фронта в 1942 году было принято в расчете на возможное поражение СССР. Западные державы предполагали вторгнуться в Европу прежде, чем Гитлер смог бы перебросить свою громадную армию с Востока на Запад. Сказанное нами подтверждает генерал Х. Х. Арнольд, командовавший военно-воздушными силами США в прошлую войну. Касаясь начала 1942 года, он пишет:

«Президент неоднократно заявлял, что мы должны открыть фронт где-нибудь в Западной Европе, то есть там, где «мы по-настоящему и как можно скорее могли бы столкнуться лицом к лицу с германскими сухопутными силами», — что необходимо не только для того, чтобы отвлечь часть колоссальных сил немцев от России, которая сдерживает этот страшный напор, но и для того, чтобы усилия русских не пропали даром... из-за нашей медлительности. Если мы опять дадим Гитлеру возможность обрушиваться на своих противников по очереди, он, пожалуй, может победить»¹ (курсив мой.— К. М.).

Смысл этой цитаты ясен. Рузвельт боялся, что Гитлер нанесет поражение русским и потом повернет на Запад. Поэтому он считал, что стратегические интересы США требуют открытия второго фронта. Подтверждением служит следующее высказывание генерала Арнольда:

«В начале 1942 года было определенно похоже на то, что союзники проигрывают войну. Начальники штабов США опасались, что если мы не поторопимся теперь с вторжением в Европу через Ламанш, то оно нам никогда не удастся»² (курсив мой.— К. М.).

На основании этих соображений и было принято в апреле решение открыть второй фронт в Европе в 1942 году путем вторжения через Ламанш, а в мае Молотову было дано в этом смысле определенное обязательство. Черчилль в своих мемуарах утверждает, что он никогда не давал формального обязательства. Мы увидим дальше, что Черчилль пользуется этими адвокатскими увертками, чтобы скрыть обман. Черчилль обещал «подготовить» открытие второго фронта в таких выражениях, что ввел в заблуждение самого Рузвельта.

Обязательство со стороны США было официальным и не оставляло никаких лазеек. Рузвельт дал его Молотову 30 мая 1942 года в Белом доме, когда советский нарком иностранных дел приехал в Вашингтон. Молотов прямо спросил, будет ли

¹ Х. Х. Арнольд, Всемирная миссия, Нью-Йорк, 1949, стр. 302.

² Там же, стр. 304.

второй фронт открыт в 1942 году, и получил утвердительный ответ. Разговор был подробно записан профессором Кроссом, переводчиком Рузвельта. Вот эта запись:

«Г-н Молотов поставил поэтому вопрос откровенно: можем ли мы (западные союзники) предпринять такую наступательную операцию, которая отвлекла бы 40 германских дивизий... Он потребовал прямого ответа.

Тогда президент спросил у генерала Маршалла, является ли положение достаточно ясным, чтобы мы могли сказать г-ну Сталину о том, что мы готовим открытие второго фронта. «Да»,— ответил генерал. *Тогда президент попросил г-на Молотова сообщить г-ну Сталину, что мы надеемся открыть второй фронт в этом году*¹ (курсив мой.— К. М.).

Через два дня, в понедельник 1 июня 1942 года, во время прощальной беседы накануне отъезда Молотова из Вашингтона, Молотов, во избежание каких-либо недоразумений, опять официально поставил тот же вопрос. Цитируем запись профессора Кросса:

«Г-н Молотов сказал также, что хочет задать еще один вопрос... «Какой ответ,— спросил он,— я смогу привезти в Лондон и Москву на главный вопрос, который был поднят? Каков будет ответ г-на Рузвельта насчет второго фронта?»

На этот прямой вопрос президент ответил, что... мы надеемся открыть второй фронт»².

Это обязательство было опубликовано в официальном коммюнике о посещении Вашингтона В. М. Молотовым, опубликованном 11 июня 1942 года.

«При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Президент Рузвельт отдавал себе полный отчет в том, какого характера обязательство он на себя принял. Один английский историк писал о Рузвельте:

«В течение двух последующих лет заверение, которое он дал, тяжелым грузом лежало на его совести и ставило его в неудобное положение перед Сталиным при переговорах с ним»³.

В связи с происходящей ныне «холодной войной» мы можем указать здесь на одно важное обстоятельство. Советский Союз постоянно обвиняют в нарушении своего слова. Ачесон, Джон Фостер Даллес, Черчилль, Трумэн — все антисоветские политические лидеры в один голос твердят, что обещания Советского Союза ничего не стоят, ибо СССР нарушает-де свои обязательства.

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 563.

² Там же, стр. 574—575.

³ Честер Уилмот, Борьба за Европу, Нью-Йорк, 1952, стр. 105.

Между тем неопровержимый факт состоит в том, что первый серьезный случай нарушения взятого обязательства во время войны допустила Америка. По своей доброй воле Соединенные Штаты дали обязательство об открытии второго фронта; и это обязательство они нарушили, несмотря на то, что для советского народа это было вопросом жизни и смерти. Разногласия по вопросу о втором фронте надолго отравили советско-американские отношения.

Можно ли было открыть второй фронт?

Несмотря на давление со стороны США, англичане 22 июля 1942 года отвергли план операции «Следжхэммер» (условное обозначение для намечавшегося в 1942 году вторжения через Ламанш). Эйзенхауэр был разочарован, причем интересно отметить, почему он именно таким образом реагировал тогда на это. Его бывший адъютант Батчер рассказывает:

«Айк считал, что среда 22 июля 1942 года может прослечь «самым черным днем в истории», особенно если в результате нынешнего крупного наступления немцев, принимающего опасный оборот, *Россия будет разгромлена*»¹ (курсив мой. — К. М.).

С тех пор как война кончилась, делаются попытки уменьшить значение даты открытия второго фронта во избежание нанесения ущерба ширококвещательным декларациям западных держав о том, как честно и открыто они поступали по сравнению с Советами. Многие военные деятели, в том числе Эйзенхауэр, выступают и говорят, что в 1942 году открыть второй фронт было невозможно. Факт тот, однако, что в свое время генерал Эйзенхауэр и генерал Маршалл считали открытие второго фронта делом вполне осуществимым. Фактом является и то, что германский генеральный штаб опасался этого. Некоторые ответственные представители военных кругов в своих мемуарах, написанных после войны, признают, что в 1942 году была упущена хорошая возможность.

Командовавший во время войны американской авиацией генерал Арнольд писал в 1949 году, что, возможно, это было к лучшему, что создание второго фронта было отложено, но прибавлял: «Тем не менее обстановка в начале 1942 года представляла блестящую возможность для такого смелого удара»².

Английский генерал-лейтенант Мартел пишет, что в 1942 году у немцев было меньше войск для обороны Франции, чем в 1944 году. Очень интересно, что Мартел употребляет далее то же самое выражение, что и Арнольд. Он пишет, что «тогда

¹ Гарри Батчер, Три года с Эйзенхауэром, Нью-Йорк, 1946, стр. 29.

² Х. Х. Арнольд, Всемирная миссия, Нью-Йорк, 1949, стр. 304.

[в 1942 году] у нас была блестящая возможность, но не было десантных судов»¹.

В выражении «блестящая возможность» мы не найдем никакого преувеличения, если посмотрим, в каком положении находилась тогда Германия. Такой величайший в Германии военный авторитет, как фельдмаршал фон Рундштедт, рассказывал впоследствии английскому военному историку Лидделу Харту о подробностях обстановки, сложившейся для него во Франции:

«Мне нужно было оборонять побережье длиной в 3 тысячи миль, от итальянской границы на юге до германской границы на севере, а в моем распоряжении было только 60 дивизий. Многие из них отличались невысокой боеспособностью, а некоторые были укомплектованы далеко не полностью».

«Это была невероятно трудная задача», — добавляет от себя Лиддел Харт².

«Блестящая возможность» для союзников сохранилась вплоть до начала 1943 года, когда немцы откатились от Сталинграда и оккупировали всю Францию. Фон Рундштедт рассказывал:

«Я ожидал вторжения в 1943 году... ибо полагал, что вы сразу же воспользуетесь тем обстоятельством, что германские войска на Западе оказались растянутыми на очень широком фронте»³.

А Геббельс в марте 1943 года после продолжительной беседы с Герингом о военной ситуации записал в своем дневнике:

«Он [Геринг] тоже несколько обеспокоен тем, что нам пришлось так сильно оголить Запад для того, чтобы стабилизировать фронт на Востоке. *Страшно подумать, что может случиться, если англичане и американцы внезапно предпримут попытку вторжения*»⁴ (курсив мой.— К. М.).

Недостаток в десантных судах, на который ссылается генерал Мартел и который Черчилль использовал в качестве главного довода, когда беседовал со Сталиным в августе 1942 года, действительно ощущался. Но американские военные стратеги знали об этом. Они точно знали, сколько имелось тогда десантных судов, и считали, что этого количества достаточно. Человеком, который планировал вторжение, был не кто иной, как генерал Эйзенхауэр, возглавлявший тогда отдел оперативного планирования. Разработанный им план был утвержден Объединенной группой начальников штабов, в которую входили генерал Маршалл, генерал Арнольд и адмирал Кинг.

¹ Генерал-лейтенант Мартел, Точка зрения русских; цитируется по книге Исаака Дейчера «Сталин, политическая биография» (Нью-Йорк и Лондон, 1949, стр. 479).

² Б. Х. Лиддел Харт, Говорят германские генералы, Нью-Йорк, 1944, стр. 228.

³ Там же, стр. 229.

⁴ «Дневник Геббельса», стр. 262.

Сам Стимсон в своем официальном донесении Рузвельту от 27 марта 1942 года специально обращал внимание на критические замечания англичан по поводу дефицита в десантных судах:

«...вам следует со всей решительностью настаивать на радикальном перераспределении судового тоннажа и на подготовке десантного имущества... из расчета, что крайней датой завершения подготовки должен быть сентябрь. Мы не должны позволить, чтобы из-за недостаточных темпов строительства новых десантных барж мы упустили возможность использовать нынешний критический этап мировой войны»¹.

Говоря о необходимости «радикального перераспределения» тоннажа, Стимсон имел в виду тот факт, что в резерве у американского военно-морского ведомства были десантные баржи для тихоокеанского театра войны. Представление об этих резервах можно получить из следующего сравнения: на 1 мая 1944 года в распоряжении военно-морского флота США было 31 123 десантных судна, а для вторжения в Нормандию из этого числа было выделено только 8 процентов (2 493 судна).

Более значительным является то обстоятельство, что при определении количества необходимых десантных судов следует принимать во внимание многие факторы, из которых важнейшие два. Первый фактор — в каких масштабах планируется первоначальный десант, сколько дивизий намечается высажить — пять, десять, двадцать? Чем больше солдат, тем, естественно, больше потребуются десантных судов. В 1944 году все пришлось планировать в огромных масштабах, ибо в течение этих двух лет, с 1942 по 1944 год, немцы все время укрепляли побережье и формировали новые дивизии.

Во-вторых, количество необходимых десантных судов зависит от того, можно ли захватить порт с налета. Если да, то солдатам не приходится штурмовать побережье; они высаживаются с транспортных судов прямо на берег. В 1942 году порты не были так сильно укреплены, как в 1944 году. И, как показал опыт Дьеппа, союзники могли овладеть любым портом.

Дьепп — это порт на французском побережье, который союзные войска в 1942 году попытались занять и потерпели тяжелое поражение. Черчилль во время войны постоянно ссылался на эту неудачу, чтобы доказать невозможность овладения каким-либо портом. Мнение Черчилля теперь часто принимают за историческую истину. Но факты показывают, что Черчилль по обыкновению искажал действительность таким образом, как ему это было выгодно. Вполне вероятно, что овладеть Дьеппом было возможно.

¹ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди. На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 417—418.

Я заявляю это на основании проведенного мной внимательного изучения истории рейда на Дьепп. Во время войны мне по долгу службы пришлось обстоятельно изучить и планы этого рейда, и оперативные приказы, которые издавались в ходе его проведения, и, наконец, выводы, сделанные из этой операции союзным штабом¹.

Дьеппский рейд оказался массовой бойней потому, что был изменен первоначальный план операции. Первоначальный план, разработанный штабом комбинированных операций, предусматривал фланговую атаку на город, высадку десанта на побережье по обе стороны от Дьеппа и овладение городом с тыла. Канадский генерал Макнотон, на которого было возложено руководство операцией, отверг этот план и заменил его планом фронтальной атаки на Дьепп прямо с моря, хотя было известно, что порт со стороны моря был сильно укреплен.

В результате канадские войска, участвовавшие во фронтальной атаке, подверглись жестокому истреблению и потеряли свыше 3 тысяч человек. Первоначальный же план по всей вероятности, мог быть проведен успешно.

Эти соображения насчет второго фронта мы приводим здесь не в качестве доказательства возможности открытия второго фронта, а как иллюстрацию того, что надежды СССР на вторжение союзников в Европу через Ламанш в 1942 году не были беспочвенны. Доказательством того, что создать второй фронт в это время было можно, служит простой факт: генералы Маршалл и Эйзенхауэр действительно готовились к его открытию.

Нарушение обязательства: Черчилль обманывает Рузвельта

Причина нарушения Соединенными Штатами взятого обязательства ясна: Черчилль не согласился на вторжение в 1942 году через Ламанш. Поскольку базой для вторжения на континент должны были служить британские острова, Черчилль, понятно, всегда мог «наложить вето» на эту операцию.

Но Черчилль был, конечно, слишком хитер, чтобы прямо заявить Рузвельту о своем несогласии. Он предложил другой вариант — вторжение через Северную Африку. Генерал Арнольд подтверждает, что идея эта исходила именно от англичан.

«...о вторжении через Северную Африку Черчилль впервые упомянул во время своего визита в Вашингтон сразу же после Пирл-Харбора».

¹ Черчилль в томе своих мемуаров, озаглавленном «Решающий поворот», утверждает, будто эта операция «ни в каких документах не отражена». В действительности имеется толстый сборник относящихся к этому вопросу документов, и Эйзенхауэр ссылается на него в своей книге «Крестовый поход в Европу» (стр. 493, подстрочное примечание 8).

И далее Арнольд особо подчеркивает значение этого предложения, как «энергичной контрмеры, предпринятой англичанами в ответ на настойчивые требования американских начальников штабов осуществить план вторжения через Ламанш»¹.

Стимсон со своей стороны свидетельствует:

«Черчилль и его советники категорически отказались принять план вторжения через Ламанш в 1942 году. Рузвельт категорически настаивал на том, чтобы в 1942 году была начата какая-нибудь операция. Единственной операцией, отвечавшей обоим этим условиям, была операция «Торч» (вторжение через Северную Африку)»².

Чтобы подменить план вторжения через Ламанш планом вторжения через Северную Африку, Черчилль проявил большую изворотливость и двуличие. Теперь он сам хвастается, что это было чистое надувательство с его стороны. Он рассказывает, что, согласившись 14 апреля с американским предложением об открытии второго фронта, он вовсе не намеревался проводить его в жизнь, он придерживался твердого мнения, что базой вторжения должна быть Северная Африка или Норвегия. Однако тогда он даже не упомянул об этих своих вариантах, так как знал, что сказать о них — значило бы обнаружить всю лживость и неискренность своего поведения, когда он давал согласие на осуществление американского плана. Черчилль пишет:

«Мне пришлось употребить все мое влияние и применить дипломатические способности для того, чтобы обеспечить согласованность и единодушие действий с нашим дорогим союзником [США], без чьей помощи всему миру грозила бы гибель. Поэтому во время нашей встречи 14-го числа я не упомянул ни об одном из моих вариантов»³ (курсив мой.— К. М.).

Стало быть, «употребить влияние и применить дипломатические способности» означало для Черчилля взять на себя обязательство с намерением его не выполнять.

14 апреля в Лондоне состоялось совещание, в котором участвовали с американской стороны Гопкинс и Маршалл, а с английской — начальники штабов и руководители правительственного комитета по вопросам обороны во главе с Черчиллем. Черчилль так живо и охотно согласился с американским планом, что, по словам Шервуда:

«Гопкинс в восторженных выражениях телеграфировал Рузвельту, что английское правительство согласилось с глав-

¹ Х. Х. Арнольд, Всемирная миссия, Нью-Йорк, 1949, стр. 304.

² Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 425—426.

³ Уинстон Черчилль, Решающий поворот, Бостон, 1950, стр. 324.

ным американским предложением, а Маршалл подтвердил это в телеграмме военному министру [Стимсону]... Английское правительство, сообщал Маршалл, ныне *намерено безотлагательно и энергично начать необходимые приготовления к этой крупной операции*¹ (курсив мой.— К. М.).

А между тем, Черчилль вовсе не имел таких намерений! Спустя шесть недель Рузвельт, основываясь именно на этом соглашении, от имени своей страны дал Молотову обязательство, что в 1942 году второй фронт будет открыт. Через неделю после возвращения Молотова в Москву Черчилль начал действовать. 9 июня адмирал Маунтбэттен на обеде с Рузвельтом и Гопкинсом в Белом доме намекнул, что английские начальники штабов думают о пересмотре решения насчет вторжения через Ламанш и предлагают вместо этого осуществить вторжение из Северной Африки².

Военный министр США Стимсон разоблачил игру англичан. В письме Рузвельту он заявил:

«Английская теория... заключается в том, что Германию можно победить, предприняв против нее серию изматывающих операций в северной Италии, в восточной части средиземноморского бассейна, в Греции, на Балканах, в Румынии и в других странах-сателлитах...

В свете послевоенных проблем, которые встанут перед нами, мне кажется, что такая позиция... является чрезвычайно опасной. Мы обязались так же твердо, как и Англия, открыть настоящий второй фронт. *Мы не можем рассчитывать, что, воюя подобными методами «булавочных уколов», нам удастся обмануть Сталина и убедить его в том, что мы выполняем это обязательство*³ (курсив мой.— К. М.).

Мы можем сказать наверное, что обмануть Сталина действительно не удалось.

Но американский и английский народы были обмануты. Первыми жертвами вероломства и фальсификаций западных лидеров становятся, как всегда, их собственные народы. Несмотря на то, что Черчилль хвастается тем, что он лгун и обманщик, американская пресса продолжает без конца превозносить этого человека и лебезить перед ним. Крупнейшие в стране университеты и институты, вроде Массачузетского технологического института, присваивают ему ученые степени и предоставляют ему трибуну для антисоветской пропаганды. В этом особенно ярко проявляется коррупция «руководителей» нашего общества.

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 538.

² Там же, стр. 590.

³ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 436—437.

Игра Черчилля

В 1943 году второй фронт все еще не был открыт. По мере того как истекал месяц за месяцем, игра Черчилля становилась ясной. Ее разоблачил английский историк Уилмот, который писал, что «премьер-министр [Черчилль] добивался принятия своего плана», а именно, плана вторжения на Балканы, «которое послужило бы гарантией, что после победы делу демократии не будет нанесен ущерб в политическом отношении»¹.

За этими лицемерными словами скрывалось стремление Черчилля к тому, чтобы Англия установила над Балканами такой же контроль, какой был установлен над Грецией, где дело «демократии» было «укреплено» тем, что там был создан полуфашистский режим, который держится на английских штыках и американских долларах.

План «балканской кампании» явился подоплекой факта затягивания открытия второго фронта. Черчилль хорошо понимает, что его действия в этом направлении дискредитируют выдвинутый им в Фултоне пропагандистский тезис о том, что Англия и США были якобы друзьями СССР, пока «советский экспансионизм» не привел к «холодной войне». Поэтому он категорически отрицает, что был противником второго фронта и сторонником вторжения на Балканы.

В своих мемуарах «Вторая мировая война», которых до сего времени вышло уже пять томов, он все время бьет в одну точку, снова и снова возвращаясь к этому пункту, притягивая любые, даже самые ничтожные документы, чтобы только отстоять свою точку зрения. Он пишет:

«В Америке получила хождение легенда, будто я старался помешать осуществлению плана вторжения через Ламанш, известного под названием «*Оверлорд*», и что я якобы тщетно пытался соблазнить союзников каким-то *массовым* вторжением на Балканы или втянуть их в крупного масштаба кампанию в восточном районе средиземноморского бассейна для того, чтобы сорвать этот план. В предыдущих главах эти выдумки в значительной мере были уже разоблачены и опровергнуты...»² (курсив мой.— К. М.).

Здесь Черчилль не лжет; он просто дезориентирует читателя. Его так же трудно уличить в прямой лжи, как и найти в его словах чистую правду. Натренированный в парламентских дебатах, он умеет подыскивать такие слова, которые формально звучат правдиво, а по существу совершенно дезориентирует слушающего.

В только что приведенной выдержке Черчилль говорит о «массовом» вторжении на Балканы и о «крупного масштаба» операции в восточном районе Средиземного моря, заявляя, что

¹ Честер Уилмот, Борьба за Европу, Нью-Йорк, 1952, стр. 130.

² Уинстон Черчилль, Замкнутый круг, Бостон, 1951, стр. 344.

он был против того и другого. Но слова «массовое» и «крупного масштаба» — понятия очень удобные своей неопределенностью. Изучение его предложений на основании его же мемуаров неопровержимо свидетельствует о том, что он делал все возможное, чтобы добиться осуществления Балканской кампании.

Еще важнее то, что, говоря о втором фронте, Черчилль хочет запутать читателя. Он говорит, что не старался помешать осуществлению операции «Оверлорд». Но «Оверлорд» был условным названием операции по вторжению через Ламанш в 1944 году, а не для аналогичных операций, какие намечались сначала на 1942 год, под названием «Следжхэммер», а потом на 1943 год, под названием «Раундап», осуществлению которых Черчилль действительно помешал. Вопрос о втором фронте всегда был неразрывно связан с вопросом точного определения времени его открытия в целях оказания помощи восточному фронту, когда это было необходимо. Никто никогда не обвинял Черчилля в том, что он был против открытия второго фронта в неопределенном будущем, в момент, который он сочтет подходящим, когда немцы будут готовы капитулировать. Это подтверждает и Эйзенхауэр:

«Я лично ни разу не слышал, чтобы Черчилль требовал или предлагал *полный* отказ от «Оверлорда». Насколько я мог разобраться в тот момент, он был убежден, что *когда-нибудь, в неопределенном будущем*, союзникам придется переправиться через Ламанш, но он, повидимому, считал, что наша атака должна развиваться в другом районе, пока не наступит день, когда противник будет вынужден отвести большую часть своих войск из Северо-Западной Европы и *когда союзники смогут вступить туда легко и не подвергаясь опасности*»¹ (курсив мой. — К. М.).

Есть документальные данные, говорящие о том, что не только Эйзенхауэр, но также Маршалл, Стимсон, Гопкинс, Дин, Хэлл, Форрестол и многие другие наши видные должностные лица были против Черчилля в этом вопросе. Хэлл специально подчеркивает, что на конференции в Квебеке в 1943 году Черчилль высказывался против вторжения через Ламанш и за вторжение на Балканы, для того чтобы помешать «советскому вторжению в этот район», которое нанесло бы ущерб «английским и американским интересам»². Форрестол писал, что Черчилль оказывал «давление», чтобы добиться принятия своего плана вторжения на Балканы, ибо ему «хотелось, чтобы в этих [балканских] странах победителями над немцами оказались американские войска совместно с английскими»³. А генерал

¹ Дуайт Эйзенхауэр, Крестовый поход в Европу, Нью-Йорк, 1948, стр. 199.

² Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1231.

³ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 117.

Дин, признавая, что с военной точки зрения «не было никакого сомнения в правильности» решения об открытии второго фронта, тут же воздает хвалу Черчиллю за то, что он оказывал противодействие реализации этого решения. Это, по его мнению, «свидетельствовало о дальновидности Черчилля», хотя в результате вторжения на Балканы «война, вероятно, затянулась бы»¹.

Черчилль может протестовать сколько ему угодно; методы, которыми он пользовался и которыми он хвастается, опровергают все его протесты. Если у всех этих американских руководителей создалось одинаковое мнение о Черчилле, его словах и делах, то и советские руководители, должны были прийти к этим же выводам. Политика Черчилля преследовала цель взаимного истощения Германии и СССР, что позволило бы западным державам выступить в роли единственного и непрекаемого арбитра. Это была в полном смысле слова мюнхенская политика, только еще более утонченная, еще более хитрая, перестроенная на новый лад, в соответствии с изменившимися условиями.

Второй фронт и Соединенные Штаты

Президент Рузвельт и его главные политические советники оставались твердыми в своем решении открыть второй фронт сначала в 1942 году, а потом в 1943 году. Мы имеем все доказательства того, что они честно хотели, чтобы победа в войне была одержана как можно скорее, и считали, что путем к этому является вторжение через Ламанш. Можно предполагать, что советские руководители знали о такой позиции США и знали также, что камнем преткновения являлась позиция, занятая Черчиллем. Политика США фактически и заложила основу для развития взаимного доверия и уважения, которые нашли свое высшее выражение в Ялте.

Американские политические стратеги имели глубокие, связанные с дальнейшим ходом событий причины для того, чтобы быть честными в вопросе о вторжении через Ламанш. После Сталинграда им стало ясно, что Советский Союз в конце концов разгромит нацистов. Рузвельт и его советники были весьма заинтересованы в том, чтобы это была победа не одного только Советского Союза. Стимсон очень беспокоился по этому поводу, решительно не соглашался с Черчиллем и признавал, что он «до известной степени понимает подозрения русских насчет целей западных держав»². Он заявил Рузвельту, что «старания противников вторжения приведут к тому, что Англия и Америка предоставят возможность Сталину самому ободрать

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 44.

² Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 527.

медведя, и я думаю, что это окажется опасным для нас, когда война кончится. Сталин будет невысокого мнения о людях, которые вели себя так, и мы не сможем получить многое, когда нам придется делить с ним послевоенный мир»¹.

Рузвельт, будучи более дальновидным человеком, чем Черчилль, понимал, что интересы США требуют открытия второго фронта. Но Черчилль настоял на своем. Второй фронт не открывался в течение двух лет после того, как он был обещан.

Был ли СССР излишне подозрителен к союзникам

Оглядываясь назад, на этот длительный период интервенций, «горячих» и «холодных» войн, нарушенных обязательств, конфликтов и взаимных обвинений во время второй мировой войны, беспристрастный наблюдатель удивляется не факту наличия подозрений у Советского Союза, а тому, что эти подозрения не приобрели еще большей силы. Фактически Советский Союз никогда не превращал осторожность в догму. Это признает даже глубоко антисоветски настроенный человек — генерал Дин. Он рассказывает, как русские подвергали себя даже значительному риску, чтобы проявить свою дружбу к нам. Так, американским летчикам, участвовавшим в налетах Дулиттла на Японию и приземлившимся в России, было разрешено «спастись» от интернирования.

В ходе войны США с Японией сотни американских летчиков, возвращавшиеся с боевых заданий, приземлялись в Сибири и подвергались интернированию. Этого требовало международное право, так как Советский Союз тогда не находился еще в состоянии войны с Японией. Но американским летчикам предоставлялась возможность «бежать», притом пользуясь превосходными транспортными средствами, хотя это было нарушением нейтралитета СССР в отношении Японии, и последняя могла воспользоваться этим предлогом для объявления войны. Генерал Дин писал:

«В вопросе об интернированных Россия поступала более великодушно, чем естественно было бы ожидать»².

И далее:

«Помощь, оказанная русскими в деле быстрого освобождения генерала Уэйпрайта [из японского лагеря военнопленных в

¹ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 527.

Между прочим, интересно отметить манеру говорить Стимсона. Он рассуждает как адвокат американских монополий, собравшихся «делить послевоенный мир». Но народы мира не хотят, чтобы их «делили». Ни Индокитай, ни Малайя, ни Иран не хотят, чтобы их «делили», соответственно, Франция, Англия и «Стандард ойл». Народы мира хотят быть свободными — свободными, чтобы развивать свои способности, свои знания, чтобы самим пользоваться своими природными ресурсами.

² Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 63

августе 1945 года], напоминает нам о той позиции сотрудничества, которую они заняли, когда позволили интернированным американцам бежать из Ташкента. Это было новым доказательством того, что *советские власти готовы сотрудничать во всех случаях, когда они убеждены, что американцы, как в этот раз, действуют без всяких задних мыслей...*»¹ (курсив мой.—К. М.).

Когда у советских руководителей не было повода для подозрений, они относились к нам дружелюбно. Таково зрелое заключение американского генерала, который провел долгое время в Москве и который — не забудем этого — весьма враждебно относился к советской системе и к советскому правительству.

Политика Рузвельта во время войны

Политика Рузвельта была сознательно направлена на то, чтобы создать условия для дружественных отношений между США и СССР. Рузвельт признавал, что подозрения Советского Союза закономерны и тщательно избегал всякого акта, который навел бы на мысль об англо-американском блоке. Стеттиниус и Шервуд в своих книгах приводят многочисленные примеры, иллюстрирующие эту позицию Рузвельта. Рузвельт говорил Стеттиниусу, когда тот был государственным секретарем, что «слишком частые англо-американские совещания перед Ялтой» нежелательны, поскольку они создали бы впечатление, что мы «выступаем общим фронтом против них» (то есть русских). Стеттиниус прибавляет:

«Президент всегда заботился о том, чтобы русские были информированы о дипломатических переговорах между английским и нашим правительствами. На Тегеранской конференции Рузвельт отклонил однажды предложение Черчилля встретиться с ним наедине за завтраком как раз перед пленарным заседанием, хотя Черчилль и был тогда сильно раздражен этим. В Ялте также президент и английский премьер-министр встретились за завтраком с глазу на глаз не раньше, как через пять дней после начала работы конференции»².

Рузвельт избегал также становиться на торгашескую позицию в отношениях с Советским Союзом. Прямота, с какой Советский Союз боролся, отстаивая свое и общее дело, находила с его стороны высокую оценку. Поэтому Рузвельт настаивал на том, чтобы наша помощь была бескорыстной. Генерал Дин жалуется, что когда во время войны он хотел однажды отклонить какую-то просьбу русских, русский представитель намекнул, что если Дин отклонит ее, то они обратятся через его голову прямо в Вашингтон и их просьба будет удовлетворена.

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 283.

² Эдвард Стеттиниус, Рузвельт и русские, Нью-Йорк, 1949, стр. 62.

Дин с горечью замечает далее: «И я подумал, что он может оказаться прав, черт возьми, учитывая позицию, которую занимал президент»¹.

Политика Рузвельта, которая так не нравилась Дину, была политикой честного союзника и друга. Если бы Соединенные Штаты и дальше проводили эту политику, то сейчас не было бы ни «холодной войны», ни войны в Корее, ни угрозы атомного уничтожения.

Настоятельно необходимо показать, что политика Рузвельта была и остается единственно правильной политикой в нынешней обстановке. Эта мирная политика не только возможна, она отвечает действительному соотношению сил и экономическим отношениям между великими державами. И мы считали бы свою задачу невыполненной, если бы у читателя осталось впечатление, что «холодная война» была неизбежным результатом описанных нами выше событий. Такая точка зрения логически привела бы к выводу о неизбежности мировой войны, а этот вывод противоречит и опыту мировой истории, и морали, и здравому смыслу.

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 98.

Глава 7

РУЗВЕЛЬТОВСКАЯ ПОЛИТИКА МИРА

«Для Франклина Рузвельта прочное соглашение с Советским Союзом являлось необходимой основой для мира в будущем».

Самнер Уэллес, 1946 год

«После этой войны... мы намереваемся экспортировать гораздо больше, чем экспортировали раньше... Россия является одним из наших самых крупных потенциальных покупателей».

Дональд Нельсон, 1943 год

Франклин Делано Рузвельт избирался президентом Соединенных Штатов четыре раза подряд. Значение этого факта никогда не смогут умалить его враги, как бы они ни искажали историю и конституцию Соединенных Штатов. В настоящее время развернулась усиленная кампания клеветы. Цель этой кампании уничтожить память о Рузвельте, о большой прогрессивной борьбе американского народа 30-х годов и об американо-советском сотрудничестве во время войны. Боясь, что американский народ снова пойдет за прогрессивными деятелями, американские реакционеры пытаются низвести Рузвельта до своего уровня. Это им не удается.

Рузвельт был президентом во времена самой жестокой депрессии и самой большой войны в истории Соединенных Штатов. Войны и депрессии в настоящее время являются наихудшим бедствием для человечества — они хуже, чем наводнения, засухи, эпидемии, извержения вулканов, приливы и другие злые шутки матери-природы, от которых когда-либо страдало незащищенное человечество. Война и депрессия — дело рук человека, и Рузвельт понимал, что мир и процветание также могут быть достигнуты в результате усилий людей. Мир и процветание в нынешнем мире возможны только при одном условии — на основе дружбы между Соединенными Штатами и СССР.

Большим преимуществом Рузвельта было то, что он ясно, остро и глубоко понимал значение этого условия и недвусмысленно о нем говорил. Помощник государственного секретаря Самнер Уэллес пишет:

«...Я не колеблясь могу заявить, что... с того времени, как в июне 1941 года Гитлер напал на Россию, президент

рассматривал взаимопонимание и сотрудничество между Москвой и Вашингтоном в качестве одной из необходимых основ американской внешней политики»¹. Для достижения взаимопонимания Рузвельт избрал прямой путь. Он учитывал исторические предпосылки советской внешней политики и поэтому не считал подозрения Советского Союза проявлением нервозности. Напротив, поскольку недоверие Советского Союза было вызвано прежде всего действиями западных держав, Рузвельт считал, что Соединенные Штаты должны действовать таким образом, чтобы убедить Советский Союз в своих добрых намерениях. По этому поводу у Рузвельта была весьма определенная точка зрения. Это видно из следующего. Первым руководителем американской миссии в Москве по поставкам в порядке ленд-лиза во время войны был генерал Фэймонвил. Генерал Джон Дин пишет:

«Фэймонвил получил от президента указания о том, что наша помощь России не должна быть поставлена в зависимость от каких бы то ни было условий и не должна использоваться как средство для получения информации о русских и от русских. Он *слишком уж буквально* выполнял указания президента, в результате чего возник серьезный конфликт между ним, с одной стороны, военным и морским министерствами с другой...»² (курсив мой.— К. М.).

Дин не упоминает, что высшие чины армии и военно-морского флота выступали против Фэймонвила потому, что он был одним из тех немногих кадровых офицеров американской армии, которые симпатизировали СССР и верили, что Советский Союз не будет побежден. Высшие чины предпочитали полагаться на информацию о советских делах, получаемую от таких явно антисоветски настроенных лиц, как военный атташе США в Москве майор Итон. О «надежности» информации этого джентльмена говорит следующий небольшой эпизод, который приводится в книге Шервуда:

«10 октября (1941 года) Итон сообщил, что по его мнению, возможно, «недалек конец русского сопротивления»... 11 октября Фэймонвил сообщил, что советский Генеральный штаб считает, что соответствующие резервы могут предотвратить окружение Москвы...»³

Москва, конечно, не пала. Фэймонвил, друг СССР, оказался более объективным и прозорливым, чем антисоветски настроенный Итон. Аналогичные примеры бывали и в дальнейшем, они имеют место и в настоящее время.

Рузвельт делал все возможное, чтобы показать Советскому Союзу, что Соединенные Штаты заслуживают доверия и что

¹ Самнер Уэллес, *Куда мы идем?* Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 102.

² Джон Р. Дин, *Странный союз*, Нью-Йорк, 1946, стр. 91.

³ Роберт Э. Шервуд, *Рузвельт и Гопкинс*, Нью-Йорк, 1948, стр. 395.

мы говорим то, что думаем. Он упорно настаивал на вторжении во Францию через Ламанш и не ставил никаких условий при оказании помощи по ленд-лизу. Кроме того, Рузвельт был очень требовательным и скрупулезным в отношении «взаимности» — термина в международных отношениях, под которым понимается признание полного равенства между нациями. Государственный секретарь Хэлл всегда заботился о том, чтобы уведомлять советское правительство о любом действии, которое он намеревался предпринять, и он отмечал тот факт, что советское правительство делало то же самое.

Во многих случаях предупредительность американцев производила на советское правительство большое впечатление. Так, например, в то время, когда происходила Ялтинская конференция, погиб в результате авиационной катастрофы советский посол в Мексике Константин Уманский. Рузвельт предложил американский военный самолет, чтобы перевезти останки посла в Россию. Стеттиниус заявил, что «предложение Рузвельта было быстро принято, и русские, повидимому, высоко оценили этот жест».

Можно привести также в качестве примера небольшой эпизод на Московской конференции. Хэлл сказал, что он присутствовал на многих международных конференциях, но нигде не встретил большего гостеприимства и внимания, чем то, которое было оказано делегациям советским правительством и особенно г-ном Молотовым. Сталину это понравилось, и он сказал шутливо и просто, что не рассчитывал услышать такое замечание.

Политика президента Рузвельта, направленная на устранение недоверия со стороны Советского Союза, не была результатом умонастроения простодушного политического деятеля. Рузвельтовская политика дружбы и сотрудничества основывалась на трезвом понимании интересов национальной безопасности в современном мире. Уэллес писал, что Рузвельт «в более широком смысле понимал, что любая сторона (США или СССР) сможет обеспечить безопасность только в том случае, если она будет сотрудничать с другой стороной. В одной из своих последних бесед со мной он сказал, что верит в то, что *Сталин понимает это так же хорошо, как он сам*. Ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не могут считать себя в безопасности до тех пор, пока не убедятся, что нет оснований думать о защите от нападения другой стороны. Каждая сторона сможет преуспевать только в том случае, если она будет жить в безопасности в процветающем мире. Каждая сторона сможет успешно развиваться только в том случае, если сообщество наций будет свидетелем общего подъема жизненного уровня»¹ (курсив мой.— К. М.).

¹ Самнер Уэллес, Куда мы идем? Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 36—37.

Вожди Советского Союза были полностью согласны с Рузвельтом. Их разоренной стране и их страдающему народу больше всего нужно было одно — мир.

Американо-советская дружба в послевоенном мире могла бы обеспечить мир — мир, достигнутый ценой их творческих усилий.

В этом спокойном мире все еще имелись бы спорные вопросы, но эти вопросы и конфликты могли бы стать предметом переговоров, арбитража и компромиссных решений. Рузвельт и Сталин хорошо сознавали стоящие перед ними проблемы, но оба они считали, что эти проблемы можно разрешить. Просто удивительно, как близки были их взгляды.

Рузвельт и Сталин

Имеется запись одной беседы между Рузвельтом и Сталиным. Реакционеры дорого заплатили бы за то, чтобы скрыть эту запись навсегда. Госпожа Рузвельт передает следующий разговор между Рузвельтом и Сталиным: «Мой муж сказал: «Считаете ли Вы, что Соединенные Штаты и СССР могут понимать вещи одинаково?» Г-н Сталин ответил: «Вы в Соединенных Штатах уже далеко ушли от вашего первоначального представления о правительстве и его обязанностях и от вашего первоначального образа жизни. Я считаю вполне возможным, что нам, в СССР, по мере того как наши ресурсы будут развиваться и жизнь народа улучшится, станут ближе некоторые ваши концепции, а вы, в свою очередь, найдете возможным принять некоторые наши концепции»¹.

Рузвельт согласился со Сталиным. Он также считал, что со временем между США и Советским Союзом появится больше черт сходства. Самнер Уэллес, который был близок к Рузвельту, приводит содержание своей беседы с президентом, который говорил ему «о том, что, по его мнению, может произойти, если будет сохранен мир во всем мире. Рассматривая американскую форму демократии как нечто противоположное первоначальной форме советского коммунизма, Рузвельт считал, что со времени советской революции 1917 года советская система существенно продвинулась вперед по пути к модифицированной форме государственного социализма. Точно так же и американская политика с того времени прогрессировала в направлении достижения идеалов подлинной политической и социальной справедливости. Рузвельт полагал, что американская демократия и советский коммунизм никогда не смогут соприкоснуться. Однако в беседе со мною он говорил, что, по его мнению, в 1917 году американская демократия так относилась к советскому коммунизму, как 100 : 0 и что это соотношение в конце концов может

¹ Элеонора Рузвельт, Я помню это, Нью-Йорк, 1949, стр. 253.

стать следующим: 60 : 40. Разрыв между этими двумя цифрами, по его мнению, никогда не уменьшится»¹.

Можно соглашаться или не соглашаться с тем, как Рузвельт определяет это соотношение, но важно то, что он признавал, что изменения неизбежны и что Соединенные Штаты и СССР смогут сблизиться на базе дружбы и сотрудничества, особенно в области международных отношений. Уэллес говорил далее: «Поэтому он [Рузвельт] чувствовал, что хотя политические системы двух стран никогда не смогут стать одинаковыми, некоторые шаги к сближению уже сделаны и что это сближение содействовало лучшему взаимопониманию между народами этих стран...»².

Установлению сотрудничества между США и СССР способствовало то обстоятельство, что в ходе войны советские и американские руководители строили свои отношения на основе взаимного уважения и дружбы. Например, вице-адмирал Макинтайр, который был личным врачом Рузвельта, отмечал, что, как ему казалось, премьер Сталин относился к Рузвельту с искренним уважением. Макинтайр писал: «...Я верил тогда и продолжаю верить сейчас, что Сталин уважал Рузвельта и был искренне к нему расположен. Я был свидетелем многих их свиданий и видел, что при встрече с Рузвельтом глаза маршала теряли свое суровое, жесткое, «настороженное» выражение, его взгляд становился теплее. Если считать, что все это было игрой, то значит он был удивительно хорошим актером»³.

Самнер Уэллес подтверждает, что советские руководители верили в искренность дружеских чувств Рузвельта к Советскому Союзу. Он пишет: «Советские руководители и, в частности, Сталин в результате многолетних непосредственных отношений с президентом Рузвельтом окончательно убедились, что проводимая им политика не преследовала никаких скрытых целей»⁴.

Со своей стороны, встретившись с советскими руководителями и начав с ними работать, мы отбросили предубеждения, складывавшиеся годами, и стали ясно понимать, что имеем дело с замечательными людьми. В частности, Сталин произвел огромное впечатление даже на таких закоренелых консерваторов, как государственный секретарь Корделл Хэлл. Г-н Хэлл, скупой на похвалу и суровый человек, пишет о Сталине следующее: «Расставание со Сталиным произвело на меня сильное впечатление. После обычных при прощании слов он пожал мне руку и сказал по-русски «до-свиданья». Затем, отойдя на три-четыре шага, он внезапно повернулся, приблизился ко мне,

¹ Самнер Уэллес, *Куда мы идем?*, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 37.

² Там же.

³ Росс Т. Макинтайр, *Врач Белого дома*, Нью-Йорк, 1946, стр. 220.

⁴ Самнер Уэллес, *Куда мы идем?*, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 106.

снова пожал мою руку и довольно долго не выпускал ее, не говоря при этом ни слова. Затем он с серьезным видом повернулся и ушел. *Я подумал про себя, что любой американец, обладающий такими личными достоинствами и таким умением подходить к людям, как Сталин, мог бы достигнуть высокого общественного положения в моей стране*¹ (курсив мой.— К. М.).

Президент Рузвельт не скрывал своего расположения к Сталину. После первой встречи Рузвельта со Сталиным сын Рузвельта Эллиот спросил своего отца, что за человек Сталин. Президент Рузвельт ответил: «Как тебе сказать... У него густой низкий голос, он говорит не спеша, кажется очень уверенным в себе, нетороплив — в общем производит сильное впечатление.

— Он тебе понравился?

Отец решительно кивнул головой»².

Через несколько дней Рузвельт рассказывал сыну: «Этот человек [Сталин] умеет действовать...» Отец говорил медленно и задумчиво: «Работать с ним — одно удовольствие. *Никаких околичностей.* Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется»³ (курсив мой.— К. М.).

Все это совершенно непохоже на ту картину, которую рисуют американские реакционеры. Кому американцы должны верить? Рузвельту, который работал со Сталиным во имя мира, или тем, кто обманывает американский народ и умышленно создает «военный психоз»?

Основы советско-американской дружбы

Знакомство советских и американских руководителей и их уважение друг к другу способствовало скорейшему установлению дружественных отношений между США и Советским Союзом. Но эта дружба стала вообще возможной благодаря объективным основам американо-советских отношений. Рузвельт отдавал себе отчет в том, каковы эти основы и руководствовался ими в своей политике. Эти основы остаются в силе и после смерти Рузвельта.

Между Соединенными Штатами и Советским Союзом нет объективных причин для соперничества в экономической области, нет территориальных разногласий. В области экономики не может быть конкуренции между этими двумя странами. Торговля между США и СССР не только возможна, но и очень выгодна.

Этот очевидный факт признают даже консервативные бизнесмены. Бывший глава компании «Сирс Робук энд К^о» До-

¹ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1311.

² Эллиот Рузвельт, Его глазами, М., Издательство иностранной литературы, 1947, стр. 179. (Прим. ред.)

³ Там же, стр. 186.

нальд Нельсон, который был председателем Управления по делам военного производства во время войны, в 1943 году, подчеркивая выгоды послевоенной торговли, говорил: «...мы намереваемся экспортировать гораздо больше, чем экспортировали раньше... Россия является одним из наших самых крупных потенциальных покупателей».

Отвечая реакционерам, которые доказывали, что США не должны давать России кредитов, Нельсон говорил: «А почему бы и не дать, если мы получим от этого выгоду? Помогая России поднять ее жизненный уровень, мы выиграем в двух отношениях. Во-первых, в отношении роста торговли и, во-вторых, потому, что если США и Россия смогут поддерживать деловые связи, то у нас, вероятно, будет возникать меньше неприятностей. Мы не должны бояться конкуренции с русскими в области промышленного производства. Мы ушли на пятьдесят лет вперед. Советы не смогут конкурировать с нами на мировых рынках в течение длительного времени, разве только на рынках соседних с ними стран... Но что бы мы ни потеряли вследствие русской конкуренции — все это с лихвой окупится доходами от нашего экспорта в Россию и теми выгодами, которые принесет нам общее увеличение объема мировой торговли»¹.

Такая точка зрения представляется гораздо более разумной, чем политика чудовищной гонки вооружений, холодной войны, войны в Корее, атомной бомбы и запугивания населения.

Географическое положение США и СССР не дает оснований для каких-либо трений. Не существует ни границ, ни территорий, которые могли бы служить объектом спора между нами. Не случайно царская Россия и Республика Соединенных Штатов ладили друг с другом более века, несмотря на большое различие в области идеологии и различие политических и экономических систем.

Не кто иной, как генерал Эйзенхауэр, определил основы американско-советской дружбы. В настоящее время он, повидимому, забыл то, что он сказал в 1948 году: «В прошлом у США и России не было причин мрачно смотреть на будущее. С момента образования США как независимой республики оба народа поддерживали неизменно дружественные отношения. За исключением непродолжительного периода, они все время поддерживали дипломатические отношения. Ни одна из стран не покрывала себя позором, насильственно создавая колониальную империю. Беспрецедентное международное событие — передача богатой территории Аляски — не было вызвано давлением и не повлекло за собой каких-либо осложнений после состоявшегося обмена. США и Россия дважды были союзниками в войне. С 1941 года они зависели друг от друга

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 15.

в борьбе за дело окончательной победы над странами оси»¹.

Президент Франклин Делано Рузвельт знал, что нет причин для столкновения национальных интересов США и СССР. Самнер Уэллес писал: «Он считал необходимым, чтобы оба правительства осознали, что в области международных отношений взятые ими курсы могут всегда быть параллельными и никогда не будут антагонистическими»².

Необходимо помнить, что одним из первых актов президента Рузвельта в 1933 году было установление дипломатических отношений с Советским Союзом, положившее конец 16-летнему периоду враждебности.

Этот шаг Рузвельта был в полной мере оценен в Советском Союзе. Будучи в Москве, государственный секретарь Хэлл имел длительные беседы со Сталиным. Во время одной из этих бесед Сталин откровенно сказал, что СССР считает американо-советское сотрудничество жизненно важным для сохранения мира во всем мире. Хэлл пишет: «Маршал [Сталин] подчеркнул необходимость сотрудничества и согласованности действий между Соединенными Штатами и Россией; в его словах звучала искренняя симпатия... Я сделал вывод, что представителям обеих стран, и в особенности их лидерам, необходимо проявлять терпение при решении главных вопросов для того, чтобы можно было улаживать недоразумения, возникающие в результате тех или иных ошибок и в результате *невыдержанного поведения некоторых лиц как с той, так и с другой стороны, которые будут пытаться создать затруднения*»³ (курсив мой.— К. М.).

Политика Рузвельта была успешной

Рузвельтовская политика дружбы была эффективной. Это говорит о том, что мир во всем мире возможен. Уэллес писал, что в результате политики Рузвельта «между Москвой и Вашингтоном установились отношения, основанные на большем понимании и более близкие, чем когда-либо раньше»⁴. Наглядным доказательством успешности рузвельтовской политики явилось ведение победоносной войны. Военный министр Стимсон писал, что «русские были великолепными союзниками. Они сражались как обещали и не заключили сепаратного мира»⁵ (курсив мой.— К. М.).

¹ Дуайт Эйзенхауэр, Крестовый поход в Европу, Нью-Йорк, 1948, стр. 457.

² Самнер Уэллес, Куда мы идем?, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 38.

³ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1310.

⁴ Самнер Уэллес, Куда мы идем?, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 105.

⁵ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 527.

Стимсон отдает должное верности Советского Союза своему слову. Советский Союз оказал весьма значительную помощь западным державам во время известного Арденнского наступления нацистов, хотя мог этого и не делать. Этот факт был похоронен американской прессой и Черчиллем. О нем стало известно в 1948 году, когда правительство СССР опубликовало текст писем, которыми обменялись Сталин и Черчилль во время Арденнского наступления. Полную картину этих событий дает англичанин — бывший член парламента от лейбористской партии и один из видных современных английских юристов Д. Н. Притт¹:

«...время от времени полезно вспомнить о том, что сделал Советский Союз в ходе войны. Я позволю себе рассказать об одном небольшом малоизвестном эпизоде. К концу декабря 1944 года, когда большинство людей были твердо убеждены в том, что со стороны Германии нельзя больше ожидать крупных военных операций, нацисты предприняли мощное наступление в Арденнах, прорвали фронт и поставили в трудное и опасное положение многочисленные американские и английские войска в Бельгии. Цель нацистов заключалась в том, чтобы достигнуть Антверпена; некоторое время казалось, что они осуществят эту цель, и если бы им это удалось, то война значительно затянулась бы, в результате чего сильно возросли бы трудности и потери американских и английских армий и народов.

В это тревожное время г-н Уинстон Черчилль, который нес свою долю ответственности за то, что советские народы должны были ждать открытия второго фронта почти в течение трех лет и приносить неисчислимые жертвы, обратился, естественно, за помощью к Сталину. 6 января 1945 года он отправил Сталину послание, которое я позволю себе процитировать:

«На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях...

...я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, и любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть»².

¹ Д. Н. Притт, Государственный департамент и холодная война, Нью-Йорк, 1948, стр. 24—26.

² «Фальсификаторы истории» (историческая справка), М., Госполитиздат, 1948, стр. 76.— *Прим. ред.*

Сталин ответил *на другой же день* — 7 января 1945 года. Он писал: «Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года...

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»¹.

В ответном послании И. В. Сталину У. Черчилль писал 9 января:

«Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание... Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!»².

В настоящее время, когда Черчилль и другие поддерживают истерическую кампанию клеветы против Советского Союза, полезно вспомнить о тех событиях, которые последовали за этим обменом посланиями.

Срок наступления против немцев на советско-карпатском фронте, которое должно было по плану состояться 20 января, был ускорен, и наступление было назначено на 12 января. В этот день советские войска начали большое наступление на широком фронте от Балтийского моря до Карпат. 150 советских дивизий при поддержке большого количества артиллерии и авиации прорвали германский фронт и отбросили нацистские войска на много миль назад. Через пять или шесть дней германские войска на западном фронте, в том числе 5-я и 6-я танковые армии, были сняты с фронта и переброшены на Восток с тем, чтобы остановить наступление советских войск. Таким образом, германское наступление на Западе было сорвано.

17 января 1945 года У. Черчилль писал И. В. Сталину: «От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте»³.

Конечно, в то время нельзя было предать широкой гласности приготовления, которые предшествовали советскому на-

¹ «Фальсификаторы истории» (историческая справка), М., Госполитиздат, 1948, стр. 77.— *Прим. ред.*

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 78.

ступлению, так как это было бы наруку нацистам, но о результатах наступления было сообщено в феврале 1945 года в советском приказе по случаю годовщины Красной Армии. В этом приказе сразу же вслед за сообщением об успешном наступлении Красной Армии говорилось:

«Успехи нашего зимнего наступления привели прежде всего к тому, что они сорвали зимнее наступление немцев на Западе, имевшее своей целью захват Бельгии и Эльзаса, и дали возможность армиям наших союзников в свою очередь перейти в наступление против немцев и тем сомкнуть свои наступательные операции на Западе с наступательными операциями Красной Армии на Востоке»¹.

Следует подчеркнуть, что уже через три дня после ответа Сталина и через пять дней после просьбы Черчилля Советский Союз начал большое наступление на фронте протяжением в 3 тысячи миль. Военные знают, какой успех оно имело и какой ценой этот успех дался. Более того, этот вклад был сделан Советским Союзом без крайней на то необходимости, ибо в то время нацисты не смогли бы выиграть войну даже в том случае, если бы они и достигли Антверпена. Гитлер уже не мог нанести коалиции решительного поражения, но он еще мог сильно затруднить операции союзных войск на Западе.

Если бы Советский Союз не проводил исключительно честной политики, то он мог бы равнодушно отнестись к тревоге союзников, мог бы позволить немцам далеко отбросить союзные войска, а затем двинуть свои армии вперед, пожать все лавры и извлечь для себя всю выгоду. Если иметь в виду предательскую, двурушническую политику Черчилля в вопросе об открытии второго фронта, у советских руководителей было немало оснований для медлительности. Но они не медлили. Эти люди сражались честно, были лояльны и стояли выше узко эгоистических, националистических интересов. Неудивительно, что Стимсон писал о них как о «великолепных союзниках».

Следует также отметить, что Советский Союз никогда не пытался использовать этот эпизод в целях пропаганды. Правительства Англии и США не информировали о нем общественность, и Советский Союз также не делал никаких заявлений. Советский Союз огласил соответствующие документы только после того, как Государственный департамент прибегнул к одному из самых постыдных пропагандистских трюков послевоенного времени — проявлению холодной войны. Государственный департамент опубликовал захваченные у немцев документы о Советском Союзе таким образом, чтобы дать искаженную и ложную картину советско-германских отношений. Только после этого Советский Союз опубликовал переписку между Черчиллем и Сталиным.

¹ «Фальсификаторы истории» (историческая справка), М., Госполитиздат, 1948, стр. 79.— *Прим. ред.*

Арденнское наступление — только наиболее яркий пример советского военного сотрудничества. Сам Эйзенхауэр подтверждает, что, когда после января 1945 года в этом возникла необходимость, «он получал полную информацию обо всем, что было существенного в планах Красной Армии — в частности, о согласованности наступлений, целях и направлениях главных ударов»¹.

Сам генерал Дин, несмотря на враждебное отношение к Советскому Союзу, признает, что в период сотрудничества с Советским Союзом он получал от советского правительства значительную помощь.

Подводя итоги первого года пребывания в Москве, он писал: «...мы непрерывно были заняты разработкой всякого рода совместных мероприятий, для успешного проведения которых требовалась добрая воля русских. Первым таким мероприятием было создание наших баз на Украине для челночных бомбардировок, затем установление телетайпной связи, обмен информацией о состоянии погоды, координирование операций против Германии и, наконец, согласование вопроса об организации военно-воздушных баз в Приморье, в непосредственной близости от Японии»².

Вне рамок чисто военного сотрудничества Советский Союз предпринимал много шагов, чтобы показать свое желание поддерживать дружеские отношения со своими союзниками.

Советское правительство всегда незамедлительно информировало Соединенные Штаты о зондаже со стороны японцев по вопросу о заключении мира и допустило бегство интернированных американских летчиков из Сибири, хотя это и было связано с большим риском, так как японцы могли использовать это обстоятельство как предлог для того, чтобы вторгнуться в Сибирь и таким образом вынудить СССР сражаться на два фронта. На Московской конференции во время войны Советский Союз согласился на создание в послевоенный период международной организации, приняв во внимание то большое значение, которое придавали этой организации Рузвельт и Хэлл.

В декабре 1943 года Рузвельт, Черчилль и Сталин созвали в столице Ирана Тегеране конференцию, которая прошла весьма успешно. На одной из пресс-конференций того времени Стимсон заявил, что «присутствие на конференции премьера Сталина и его коллеги маршала Ворошилова сильно способствовало успеху конференции. Сила ясного анализа Сталина и справедливость его позиции значительно способствовали разрешению нескольких давно назревших проблем»³.

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 160.

² Там же, стр. 262.

³ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, 1947, стр. 440.

На Тегеранской конференции рассматривались главным образом вопросы, связанные с ведением войны, однако были затронуты и некоторые проблемы мира. В «Декларации Трех Держав» говорится:

«...Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего...

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года

Рузвельт, Сталин, Черчилль»¹

Это единство, уже очевидное в Тегеране, было упрочено на Ялтинской конференции, открывшейся в воскресенье 4 февраля 1945 года. Ялта была кульминационным пунктом политики Рузвельта. В Ялте было достигнуто прочное соглашение об Организации Объединенных наций, а также о времени и месте ее создания. Было достигнуто соглашение по многим вопросам и приняты реальные компромиссные решения по вопросу о польских границах, польском правительстве, репарациях с Германии и освобожденных территориях. Советское правительство дало твердое обещание вступить в войну против Японии через три месяца после дня победы. Это обязательство было выполнено абсолютно точно: Советская Армия выступила против Японии 6 августа 1945 года.

Именно на этой конференции прозвучало пророческое предостережение Сталина: «Не так трудно сохранить единство во время войны, поскольку имеется общая цель — разгром общего врага, которая ясна каждому. Трудности возникнут после войны, когда разные интересы будут предопределять тенденции к расколу союзников. Наш долг состоит в том, чтобы следить за тем, чтобы наши отношения в мирное время были такими же прочными, какими они были во время войны»².

Решения Ялтинской конференции были встречены американским народом с энтузиазмом. Лидер большинства сенатор Бэркли телеграфировал президенту Рузвельту: «Примите мои искренние поздравления по поводу опубликованной сегодня

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Сборник документов, ОГИЗ, Госполитиздат, 1946, т. I, стр. 425.

² Джеймс Бернс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 44.

исторической «Декларации Трех Держав». Я попросил, чтобы ее огласили в сенате немедленно после ее опубликования, и она произвела глубокое впечатление. Выступая в сенате, лидер меньшинства сенатор Уайт присоединился ко мне, выразив свое одобрение и удовлетворение. Я считаю это одним из наиболее важных шагов, которые когда-либо предпринимались для поддержания мира и процветания во всем мире»¹.

Гарри Гопкинс, который принимал участие в работе конференции, говорил Шервуду: «Русские доказали, что они могут быть разумными и дальновидными; у президента или любого из нас не было ни малейшего сомнения в том, что в будущем мы можем жить с ними в мире и быть в дружеских отношениях в течение такого длительного периода времени, какой только можно себе представить»².

Гопкинс, как мы увидим, не изменил своего мнения.

Дружественная позиция Советского Союза оставалась неизменной и после смерти Рузвельта; доказательств этому было немало. Об особенно выразительном доказательстве сообщает генерал Дин. 13 августа 1945 года Эйзенхауэр прибыл в Москву³ и присутствовал на праздновании победы и параде. «Русские люди, участники парада, узнали его и бурно приветствовали». Сталин пригласил Дина, Гарримана и Эйзенхауэра присоединиться к нему на трибуне мавзолея Ленина. Дин рассказывает: «Мы были первыми иностранцами, которые когда-либо были приглашены, чтобы увидеть праздничную площадь с трибуны мавзолея Ленина, и я полностью сознавал эту честь, хотя я попал туда лишь потому, что сопровождал Эйзенхауэра».

Затем они смотрели футбольный матч.

«Когда игра закончилась, и Эйзенхауэр и Жуков поднялись, чтобы уйти, зрители устроили им бурную и продолжительную овацию. Тогда Эйзенхауэр в знак дружбы положил руку на плечо Жукова, а Жуков в свою очередь обнял Эйзенхауэра. Это вызвало бурю восторга... Все это не было подготовлено и не имело никакого отношения к идеологии или политическим устремлениям. Это было искреннее выражение дружественных чувств представителей русского народа к американскому народу в лице Эйзенхауэра. На нас, присутствовавших там американцев, это произвело успокаивающее действие, и у нас стало теплее на сердце»⁴.

Даже самые закоренелые реакционеры не могли не признать факта дружелюбия Советского Союза. Это были плоды внешней политики Рузвельта — политики, которая была направлена на обеспечение мира во всем мире, политики, привет-

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 870.

² Там же.

³ Эйзенхауэр прибыл в Москву 11 августа 1945 года и присутствовал на Всесоюзном параде физкультурников 12 августа.— *Прим. ред.*

⁴ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 215, 217.

ствуемой советскими руководителями и народами мира. Для американского народа дружба в послевоенном мире означала бы, что США полностью использовали свои технические знания для восстановления разоренных и опустошенных войной районов и стали бы желанным другом французов и итальянцев, греков и украинцев, индусов и китайцев. Тогда в различных странах не было бы таких лозунгов, какие мы видим сегодня — «Американцы, убирайтесь домой!».

Благосостояние было бы в перспективе у каждой страны, — благосостояние не только с экономической точки зрения; это означало бы также богатые возможности для политического и культурного развития. Сотрудничество таких различных систем и культур, как английская, китайская, советская, индусская, американская и т. д., оказало бы благотворное влияние на развитие идей и учреждений, что было бы в интересах каждого. Между двумя крайностями — советским коммунизмом и американским капитализмом — могло бы быть и еще может быть великое множество промежуточных, «смешанных» экономических систем. Это означало бы развитие новых организационных форм, принятие новых политических решений. Это повлекло бы за собой широкое наступление на расизм нацистского или японского толка, подрыв таких фашистских режимов, как режимы Франко, Перона и Чан Кай-ши. Это означало бы широкие возможности для путешествий, общения людей, изучения чужих обычаев, истории, отношений — медленное, но верное достижение полного взаимопонимания во всем мире.

Эти возможности ошеломляют воображение. Мы не в силах все предугадать. Миллиард жителей Азии начинает общаться к мировой истории, но это будет осуществляться не путем жестоких боев китайской революции и переворота в Корее, а путем созидательной деятельности, распространения современной сельскохозяйственной техники, распространения грамотности посредством кинофильмов, организации системы здравоохранения на основе применения пенициллина и организации водоснабжения.

В таком мире целью была бы не скудость, а изобилие, системой — не картели, а кооперативы, нормой — не враждебность, а дружба. Такой мир было бы радостно видеть; в таком мире было бы приятно жить. Прочный мир в таком мире — явление более волнующее и дело более славное, чем любая из войн.

Мы могли бы добиться создания такого мира, следуя внешней политике Рузвельта. И мы все еще можем создать этот мир — мир, не испытывающий страха, в котором человечество может развиваться свободно.

Глава 8

«ЖЕСТКАЯ» ПОЛИТИКА ТРУМЭНА

«...если русские не пожелают присоединиться к нам [в Сан-Франциско], то пусть убираются к черту...»

Президент Гарри С. Трумэн, 23 апреля 1945 года

«Умиротворение России Франклином Делано Рузвельтом закончилось...»

Сенатор Артур Х. Ванденберг, 24 апреля 1945 года

«Нашу политику по отношению к России не должны определять люди, которые уже решили, что с Россией сотрудничать невозможно... это — несостоятельная позиция, и она может привести только к катастрофе».

Гарри Гопкинс, 1 августа 1945 года

Ялтинская конференция состоялась в феврале 1945 года. Два месяца спустя умер Рузвельт и президентом стал Трумэн. *И уже через неделю* после похорон Рузвельта Трумэн приступил к пересмотру внешней политики Рузвельта: вместо политики советско-американского сотрудничества Трумэн стал применять «жесткую» политику по отношению к России. Это сальто-мортале Трумэна стало очевидным, когда министр иностранных дел Молотов прибыл в США на конференцию в Сан-Франциско. Подоплека окончательного отхода Трумэна от рузвельтовской политики видна, как в зеркале, в откликах политических противников Рузвельта. Лидер республиканцев сенатор Артур Ванденберг, который выражал свое недовольство по поводу политики Рузвельта, радостно приветствовал политику Трумэна.

Удовлетворение Ванденберга

При жизни Рузвельта Ванденберг был категорически против Ялтинских решений. Сразу же после Ялтинской конференции он писал в одном из своих частных писем:

«...Я хочу откровенно выразить свое глубокое разочарование по поводу решения по польскому вопросу... Я... считаю, что «линия Керзона» (советско-польская граница) непригодна

для обороны... Я полагаю, что *признание люблинского правительства неоправдано...*¹ (курсив мой.— К. М.).

Когда умер Рузвельт, Ванденберг не мог скрыть удовлетворения, которое он испытывал как политический деятель. На следующий день после смерти Рузвельта, он записал в своем дневнике следующее:

«Первое, что отсюда следует, это избавление от каких бы то ни было старых обязательств секретного характера, которые взял на себя Рузвельт перед Сталиным или Черчиллем. *Все это к лучшему.* Больше не существует «большой тройки», имевшей монополию на решение судеб мира»² (курсив мой.— К. М.).

Ванденберг всегда был противником единства «большой тройки», являвшегося краеугольным камнем политики Рузвельта. Теперь он увидел возможность разрушить это единство. Вместе с другими Ванденберг приступил к подрыву единства, существовавшего во время войны, и с помощью Трумэна это ему удалось.

Полностью став на позиции Ванденберга, Трумэн отказался от политики Рузвельта. Во время встречи Трумэна с Молотовым, позиция президента была аналогична позиции Ванденберга — это подчеркнул присутствовавший при встрече Стеттиниус, который был в то время государственным секретарем. Стеттиниус писал Ванденбергу:

«Если бы Вы вели переговоры с Молотовым о Польше, то даже Вы не смогли бы сделать более категорического заявления, чем Трумэн». И Ванденберг с радостью добавил:

«Рузвельтовскому умиротворению России пришел конец...»³.

«Умиротворением» Ванденберг называл политику сотрудничества. Эта политика привела к победе в ужасной войне и была залогом мира в будущем. Рузвельт умер 12 апреля 1945 года. Вышеприведенные слова были написаны Ванденбергом 24 апреля в связи со встречей Трумэна с Молотовым, состоявшейся 23 апреля. Через 11 дней Трумэн приступил к решительному пересмотру политики Рузвельта.

Встреча Трумэна с Молотовым

Первая встреча Трумэна с министром иностранных дел Советского Союза Молотовым положила начало ухудшению советско-американских отношений. Трумэн, повидимому, был настроен агрессивно. Перед самым началом совещания он сказал членам правительства, что русские «могут убираться

¹ Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 148—150.

² Там же, стр. 167.

³ Там же, стр. 176.

к чорту». Известно, что Трумэн обвинил Молотова в нарушении Ялтинских соглашений и говорил с последним весьма резко. По словам Бирнса, «совещание было не очень гармоничным и закончилось довольно неожиданно».

В Вашингтоне ходили слухи, что Молотов прервал переговоры с Трумэном. Как сообщил иностранный корреспондент Эдгар А. Маурер, Молотов заявил: «Со мной еще никто так не разговаривал».

Грубость Трумэна особенно бросается в глаза, если учесть, что Молотов был уполномочен выразить дружеское отношение Советского Союза к США в связи со смертью Рузвельта. Гарри Гопкинс сообщает следующие подробности:

«Вскоре после того как Сталин узнал о смерти президента Рузвельта, он пригласил к себе посла Гарримана и заявил ему, что хочет немедленно заверить американский народ в том, что он, Сталин, желает продолжать сотрудничество с Соединенными Штатами. Гарриман тут же сказал ему, что американский народ был бы весьма признателен, если бы на Сан-Францисскую конференцию был послан Молотов»¹ (курсив мой.— К. М.).

Молотов был направлен в Сан-Франциско. По пути он задержался в Вашингтоне, чтобы встретиться с президентом. Трумэн знал, что этот визит был жестом доброй воли, поэтому его нападки на Советский Союз Молотов мог истолковать только как заранее обдуманное намерение нанести оскорбление, особенно потому, что для подобных нападков не было никаких оснований. Трумэн обвинял Советский Союз в нарушении Ялтинского соглашения относительно Польши. Однако это были несправедливые обвинения, и об этом говорил Трумэну адмирал Леги, который присутствовал на Ялтинской конференции. Неудивительно, что Молотов был возмущен.

То, что действия Трумэна носили преднамеренный характер, доказывает тот факт, что он предпринял нападки против Молотова *вопреки совету* Стимсона, адмирала Леги и генерала Маршалла. Согласно свидетельству Леги, Трумэн, преднамеренно избрал пути антисоветской политики как в вопросе об атомной энергии, при обсуждении которого Трумэн предпочел жесткую политику, вопреки предупреждению, сделанному в меморандуме Стимсона, так и в вопросе о Польше.

О подоплеке отказа Трумэна от политики Рузвельта дают возможность судить недавно опубликованные дневники адмирала Леги и сенатора Ванденберга. Это история позорной капитуляции перед реакционными силами США. Когда Ванденберг услышал от Стеттиниуса о подробностях встречи Трумэна с Молотовым, он пришел в восторг. В своем днев-

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 883.

нике он, подобно ребенку, бурно изливающему свои чувства, описывает, как Стеттиниус

«тотчас же принял нашу делегацию и сообщил нам *волнующее* известие. Новый президент [Трумэн]... только что направил Сталину составленное в резких тонах послание, в котором заключались общие требования условий, на основе которых могло быть установлено сотрудничество в Сан-Франциско. По словам Стеттиниуса, когда Иден увидел это послание, то он с трудом мог поверить своим глазам, а затем шумно выразил свой восторг.

...Это — лучшая новость за ряд месяцев. Умиротворение России Рузвельтом закончилось... Русские, возможно, уйдут. Если они это сделают, то конференция *состоится и без участия России*. Тогда-то мы и сможем чего-нибудь достигнуть»¹.

Ванденберг, несомненно, «кое-чего достиг». Неудивительно, что он был радостно «взволнован». И неудивительно, что министр иностранных дел Англии Иден так шумно выражал свой восторг: Ванденберг и другие ему подобные устами Трумэна одобряли политику Черчилля и отказывались от внешней политики Рузвельта. Этот отказ от политики Рузвельта проложил прямую и открытую дорогу к гонке вооружений и войне в Корее — дороге, которая означает смерть для сотен тысяч людей и многомиллиардные прибыли для американских корпораций. Слово «волнующее» является неподходящим определением для всего этого.

В чем же суть соглашения о Польше, явившегося поводом для выпада Трумэна против Молотова?

Польский вопрос

Польский вопрос является классическим примером таких вопросов, которые представляются как не имеющие непосредственного отношения к среднему американцу и которые в то же время имеют решающее влияние не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику. В Соединенных Штатах имеется значительная часть населения польского происхождения (особенно в штате Мичиган, откуда родом сенатор Ванденберг). Эта национальная группа имеет свои объединения, свои газеты, издающиеся на польском языке. Большая часть этих объединений и газет контролируется крайне реакционными элементами, находящимися под влиянием Ватикана и польского эмигрантского правительства.

Если рассматривать польский вопрос с точки зрения американской политики, то он был нужен как оружие в руках Ванденберга в борьбе против Рузвельта.

¹ Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 175—176.

Ненависть польских реакционеров, вызванная решениями Ялтинской конференции, могла быть использована для нападков на всю политику американо-советской дружбы.

До первой мировой войны территория Польши была разделена между Германией, Австро-Венгрией и царской Россией. В результате русской революции Польша, как и Финляндия, получила свободу и независимость. В соответствии со статьей 87 Версальского договора, Верховный совет Антанты определил границу между Россией и Польшей на основе этнографического принципа: по одну сторону границы поляки составляли большинство, по другую — меньшинство. Эта граница стала называться «линией Керзона» (по имени английского министра иностранных дел лорда Керзона). В свете того, что произошло в 1945 году, заслуживает особого внимания тот факт, что «линия Керзона» была определена друзьями старой Польши, в частности Англией и Францией, с одобрения США. Советский Союз, который только что образовался, не принимал в этом никакого участия.

Реакционное польское правительство диктатора Пилсудского отказалось признать эту границу. Польша начала неспровоцированную войну против слабого Советского Союза, которую она едва не проиграла. Вскоре Англия и Франция пришли ей на помощь и, наконец, в 1921 году война была закончена установлением границы, проходящей значительно восточнее «линии Керзона». Польша силой захватила значительную часть русской территории. Этот захват был настолько наглым, что Соединенные Штаты вначале отказались признать новую границу.

С 1921 по 1939 год польское правительство было одним из самых реакционных правительств в Европе. Во главе этого правительства стояла военная клика, которая привела Польшу к катастрофе. Министр иностранных дел Польши Юзеф Бек вынес приговор своей собственной политике и правительству в следующей эпитафии: «Мы должны были проводить политику дружбы с Советской Россией, а не политику поддержки Гитлера».

Гитлер сумел провести польское правительство, и через две недели Варшава была окружена, а все западные провинции потеряны. Для того чтобы помешать гитлеровской армии подойти к советским границам, выступила Красная Армия. За окончательную границу между Советским Союзом и нацистской Германией была ориентировочно принята «линия Керзона» 1919 года.

С этих пор реакционеры начали кричать о том, что будто Россия нанесла «удар в спину», заявляя, что, если бы Советский Союз не выступил, то Польша могла бы продолжать сопротивление. Это полнейшая чепуха. Профессор Шуман пишет, что к 15 сентября 1939 года «польская армия и польское

государство перестали существовать». Это сущая правда. Еще за несколько часов до вступления Красной Армии на территорию Польши, утром 17 сентября 1939 года польское правительство бежало в Румынию. Что касается польской армии, то в тот же самый день (17 сентября) корреспондент лондонской газеты «Таймс» (самой консервативной газеты) телеграфировал, что «польский фронт рухнул...»¹

Черчилль, который с тех пор возводит клевету на Советскую Армию, пользуясь именно этим предлогом, 1 октября говорил по радио следующее: «...то, что русские армии стали на этой линии [на «линии Керзона»], было совершенно необходимо России для того, чтобы устранить нацистскую угрозу...»²

Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что Советский Союз считал «линию Керзона» — границу, установленную друзьями Польши, Англией и Францией — приемлемой, справедливой пограничной линией. С самого начала установления союзнических отношений с Англией в 1941 году Советский Союз недвусмысленно давал понять, что он не отведет свои войска с «линии Керзона».

Советская позиция в этом вопросе была настолько справедливой, что на конференции в Тегеране сам Черчилль предложил в качестве границ Польши «линию Керзона» на востоке и «линию реки Одер» на западе. Тот же Черчилль первым подал мысль о передаче Польше части территории Германии. Имея в виду клевету, которую Черчилль начал впоследствии возводить на Советский Союз, это обстоятельство заслуживает особого внимания. В своей «Истории» Черчилль пишет:

«Лично я полагал, что Польша могла бы получить территории на западе. Иден сказал, что те территории, которые Польша потеряла бы на востоке, она могла бы получить на западе. Сталин ответил, что это, возможно, осуществимо, но как — он не знает. Тогда я с помощью трех спичек наглядно продемонстрировал свою мысль о том, как Польша могла бы распространиться на Запад»³.

Вслед за этим состоялось несколько встреч, во время которых были совместно изучены карты в связи с вопросом о «линии Керзона» и «линии реки Одер». Черчилль пишет:

«Я отметил, что мне нравится этот план и что я сказал бы полякам, что они сделают глупость, если не примут этого предложения. Я напомнил бы им, что если бы не Красная Армия, то они были бы совершенно уничтожены»⁴.

Что же произошло в Ялте?

¹ Цитируется по книге Д. Н. Притта «Государственный департамент и холодная война» (Нью-Йорк, 1948, стр. 75).

² Там же, стр. 79.

³ Уинстон Черчилль, Замкнутый круг, Бостон, 1951, стр. 362.

⁴ Там же, стр. 396.

Ялтинское соглашение о Польше

Польские границы, относительно которых было достигнуто соглашение в феврале 1945 года в Ялте,— это те же самые границы, которые были утверждены двумя годами ранее (в декабре 1943 года) в Тегеране. Это должно было бы раз и навсегда развеять миф о том, что в Ялте «усталый» и «больной» Рузвельт «продал Польшу русским». На самом же деле в Ялте Рузвельт пытался поднять вопрос об изменении «линии Керзона» с тем, чтобы поляки могли получить некоторые нефтяные месторождения в районе города Львова. Вот что записал присутствовавший при этой беседе Бирнс: «В ответ маршал Сталин сделал прочувствованное заявление: «линия Керзона» — это линия Керзона и Клемансо, а также тех американцев, которые в 1918 и 1919 годах принимали участие в конференции, которая тогда происходила. Русские не были приглашены и не принимали в ней участия... Ленин не был согласен с «линией Керзона»... Теперь некоторые хотят, чтобы мы были русскими в меньшей степени, чем были Керзон и Клемансо. Вы хотите навлечь на нас позор. Что скажут белорусы и украинцы? Они скажут, что Сталин и Молотов — менее надежные защитники России, чем Керзон и Клемансо. Я не могу занять такую позицию. В противном случае я не мог бы вернуться в Москву с чистой совестью».

В этот момент Сталин поднялся из-за стола конференции и продолжал говорить стоя. Это был единственный за время конференции случай, когда он таким образом проявил свое волнение¹.

«Линия Керзона» была принята. Россия получила обратно свою территорию. И все-таки сенатор Ванденберг находил, что «линия Керзона» с моральной точки зрения не может быть оправдана.

Вопрос о польском правительстве был разрешен на основе компромисса. В то время было два польских правительства. Одно из них находилось в Лондоне и представляло собой остатки довоенного реакционного правительства, которое бежало из Польши через три недели после нацистского вторжения. Это было крайне антисоветски настроенное правительство, совершенно неспособное понять реальное положение вещей. Его презирал даже Черчилль — настолько оно было безнадежно несостоятельным².

Даже после того, как стало ясно, что Советский Союз побеждает и что польское правительство не может слепо придерживаться антисоветского курса политики, лондонская

¹ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 30.

² Станислав Миколайчик, Похищение Польши, Нью-Йорк и Торонто, 1948, стр. 98.

группа продолжала делать невероятные ошибки. Положение польского реакционного правительства ухудшалось в силу несостоятельности его политики, однако оно обвиняло в этом Советский Союз. Самым печальным примером безответственного отношения этого правительства к жизням людей является, пожалуй, история варшавского восстания.

В конце июля 1944 года советские войска под командованием маршала Рокоссовского, поляка по происхождению, находились в двадцати милях от Варшавы, на противоположном берегу реки Вислы, которая окаймляет этот город. 1 августа бойцы польского подполья подняли восстание против немцев в расчете на то, что им удастся захватить город. Однако немцы разгромили повстанцев в одной из самых кровавых битв войны.

Лондонское польское правительство немедленно обвинило Советский Союз в предумышленных действиях. Оно заявило, что Советский Союз просил поднять восстание и обещал оказать помощь, а затем, когда немцы стали уничтожать польские подпольные силы, отступился от своих слов.

Само польское подполье никогда не представляло каких-либо доказательств, что Советский Союз просил поднять восстание. Руководитель подполья генерал Бор¹, которому удалось остаться в живых и который с тех пор читает лекции в США, никогда не приводил каких-либо доказательств в пользу справедливости такого обвинения.

Премьер Миколайчик, последний глава реакционного лондонского польского правительства, в распоряжении которого находятся все документы и факты, в качестве доказательства ссылается лишь на советскую радиопередачу от 29 июля 1944 года. Эта радиопередача, полный текст которой он опубликовал, опровергает его собственные доводы: она не была сигналом к общему восстанию, а лишь призывала к организации саботажа против нацистов и защите польской собственности от отступающих германских войск². Это была радиопередача, аналогичная радиопередачам союзников для французских партизан во время вторжения во Францию.

Автор этой книги в то время находился в Лондоне и может засвидетельствовать, что всеми союзными разведывательными органами считалось бесспорным, что приказ к восстанию был дан польским генералом Бором вследствие явной недооценки им военных сил Германии и из желания удержаться в Варшаве.

С точки зрения военных специалистов коммуникации советских войск были чрезмерно растянуты. Немцы сконцентрировали несколько танковых дивизий и, предприняв в ряде мест

¹ Бур-Комаровский.— *Прим. ред.*

² Станислав Миколайчик, *Похищение Польши*, Нью-Йорк и Торонто, 1948, стр. 69.

энергичные контратаки, сильно потеснили советские войска. Таково было положение в то время, когда, как предполагалось, русские празднично выжидали, пока не будет подавлено восстание. Ход военных действий показал, что для подтягивания резервов, форсирования реки и окружения города Советской Армии понадобилось три месяца. Варшава пала лишь 17 января 1945 года, то есть держалась более трех месяцев после подавления восстания.

Бор — кадровый военный, и ответственность за допущенный просчет ложится на него. Решение, которое он принял, было решением политика, а не военного. Кстати, Миколайчик говорит, что он даже не знал о том, что началось восстание: 1 августа он находился на пути в Северную Африку, с тем чтобы оттуда проследовать для переговоров в Москву.

Позднее Сталин говорил Хэллу, что это восстание было «безумной авантюрой». Руководители лондонского польского правительства, игра которых стоила жизни тысячам людей, раз и навсегда доказали свое бессердечие и продемонстрировали свою полную несостоятельность.

Совершенно иную картину представляло другое польское правительство. Это правительство было впервые сформировано в городе Люблине (Польша) и поэтому стало известно как люблинское правительство. Оно имело армию — польский армейский корпус под командованием польского генерала Берлинга, корпус, который был сформирован на советской территории и прошел вместе с советскими войсками тысячемильный боевой путь. Во главе люблинского правительства стояли рабочие, крестьяне и представители интеллигенции, что представляло полную противоположность лондонскому правительству. Некоторые из этих руководителей были коммунистами, некоторые — католиками, но все они были дружелюбно настроены по отношению к России.

Лондонское правительство не было признано Советским Союзом, люблинское не было признано Англией и Соединенными Штатами. Вопрос, который должен был быть разрешен в Ялте, состоял в том, как объединить эти два правительства в одно правительство — такое правительство, которое было бы приемлемым как для одной, так и для другой стороны.

Бирнс пишет, что этот вопрос «был одним из наиболее серьезных вопросов всей конференции. На этот вопрос было затрачено больше времени, чем на любой другой. Поскольку дискуссия приняла напряженный характер, Рузвельту пришлось взять на себя скорее роль арбитра, нежели адвоката, хотя он, так же как и премьер-министр Черчилль, настаивал на скорейшем создании нового польского правительства в Варшаве.

Советский Союз со своей стороны хотел, чтобы продолжало существовать люблинское правительство...

Г-н Черчилль красноречиво обрисовал опасность, которая возникала в результате того, что продолжали существовать два польских правительства... Сталин ответил очень серьезно: «Для русского народа польский вопрос является... вопросом безопасности».

И при всех последующих обсуждениях польского вопроса Советское Правительство использовало этот аргумент для оправдания того, что оно делало в Польше...»¹.

В данном случае Бирнс намекает, что советский аргумент был выдвинут в качестве благовидного предлога, однако за два года до этого он сам соглашался с тем, что этот аргумент был основательным, заявляя, что он «вполне сознает [советские] особые интересы безопасности» в Польше и на Балканах².

Советский Союз не доверял лондонским полякам по вполне понятным причинам. Эти люди были яркими врагами Советского Союза. Кроме того, они поддерживали внешнюю политику Гитлера в довоенный период, содействуя Гитлеру в расчленении Чехословакии. Их политика уже привела Польшу к краху. Вернувшись в Польшу, они, безусловно, начали бы сотрудничать с Англией, если бы эта страна избрала путь антисоветской политики. И это не догадки: Черчилль бросил полную косвенных намеков фразу, в которой он обещал особую поддержку одному из лондонских поляков — Миколайчику. Настаивая на том, чтобы этот поляк вошел в состав нового компромиссного правительства, Черчилль говорил: «Я полагаю, что вы должны использовать эту последнюю возможность не только для того, чтобы занести ногу над порогом, но и переступить его... Более того, вы должны войти. *Теперь* вы можете рассчитывать на поддержку и содействие как англичан, так и американцев»³ (курсив мой.— К. М.).

Сталину были хорошо известны враждебные намерения Черчилля. Тем не менее после нескольких дней дискуссии в Ялте в интересах единства он согласился на то, чтобы в новое правительство было включено несколько представителей лондонского польского правительства. Совместная декларация о Польше предусматривала, что:

¹ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 31—32.

² Речь 31 октября 1945 г. Цитируется по статье Корлисса Ламонта, опубликованной в «Мансли ревью» в марте 1952 г.

³ Станислав Миколайчик, Похищение Польши, Нью-Йорк и Торонто, 1948, стр. 118.

Слово «теперь» имеет исключительное значение. Слова Черчилля относятся к июню 1945 г., когда Рузвельта уже не было. Вот почему он мог обещать поддержку «как англичан, так и американцев». Если бы Рузвельт был жив, Черчилль не смог бы дать такого обещания: Рузвельт и Черчилль сильно расходились во мнениях по польскому вопросу. Разногласия между Рузвельтом и Черчиллем отражены в их переписке, все еще являющейся секретной, но факт существования этих разногласий был вскрыт Бертом Андрусом в «Нью-Йорк геральд трибюн» от 17 мая 1945 г.

«Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»¹.

Это была большая уступка со стороны Советского Союза. Следует помнить, что *советские руководители могли не соглашаться на это*. Красная Армия оккупировала страну, и никто не мог принудить их к этому. По словам тогдашнего государственного секретаря Стеттиниуса,

*«в результате сложившейся в ходе войны ситуации вопрос сводился не к тому, что Англия и США разрешили бы делать России в Польше, а к тому, что эти страны смогли бы убедить Советский Союз принять...»*²

Согласие на включение в состав нового польского правительства реакционных лондонских поляков, которые неизбежно начали бы проводить антисоветскую политику, является еще одним доказательством искреннего стремления Советского Союза к сотрудничеству.

Формулировки Ялтинского соглашения, безусловно, имели в виду просоветское правительство. Это было признано всеми присутствовавшими на конференции. Адмирал Леги пишет:

«Лично я не думал, что Польша окажется вне сферы господствующего советского влияния, но я считал, что реорганизованному польскому правительству можно будет придать *внешнюю видимость независимости*»³ (курсив мой.— К. М.).

Эти три слова весьма важны. Обратимся прежде всего к слову «независимость». По понятиям Леги, Черчилля и остальных, государство является независимым в том случае, если оно проводит их политику, и «сателлитом», если оно проводит просоветскую политику.

Если бы в Варшаву вступила английская армия и реакционное эмигрантское лондонское правительство возвратилось назад, тогда Польша была бы «независимой», как «независима» Греция во главе с греческим королем, пришедшим к власти с помощью английских штыков, или как «независима» Трансиордания, хотя ее армия и содержится на средства Англии, а командующим является английский генерал. Точно так же был «независимым» чанкайшистский Китай, хотя в течение десятилетий его города и реки находились под контролем Англии, Франции и США. В такой же степени «независимой» является в настоящее время Япония, несмотря на то, что там находится американская армия в соответствии с «договором», предоставившим американцам право вмешиваться во внутренние дела.

¹ Внешняя политике Советского Союза в период Отечественной войны, ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, т. III, стр. 106.— *Прим. ред.*

² Эдвард Стеттиниус, Рузвельт и русские, Нью-Йорк, 1949, стр. 301.

³ Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 352.

Все это — независимость. Но стоило Китаю стать коммунистическим, как он перестал быть независимым и превратился в сателлита. Стоило Румынии выкинуть «Стандард ойл», как она потеряла независимость. Стоит Тунису, Египту или Индо-Китаю попытаться положить конец господству империалистов, как их обвиняют в том, что они играют наруку русским.

Так обстоит дело со словом «независимость». Обратимся теперь к «внешней видимости». Говоря это, Леги имел в виду следующее: хотя это новое правительство было бы просоветским, несколько поляков из Лондона (известных своими антисоветскими настроениями) должны были завуалировать этот основной факт. Здесь Леги отразил беспокойство Рузвельта, вызванное некоторыми осложнениями во внутренней политике США.

В области внутренней политики перед президентом Рузвельтом стояла действительно трудная проблема — ему приходилось иметь дело с католической церковью и ее влиянием на различные национальные группы в стране.

Уступка Советского Союза дала Рузвельту возможность отразить нападки со стороны церкви, реакционных польских организаций и таких лиц, как сенатор Ванденберг.

Эта уступка была важной и для Англии. Англичане стояли перед созданной ими самими правовой дилеммой. С одной стороны, они гарантировали Польше границы 1939 года, которые включали украинские земли к востоку от «линии Керзона»; с другой стороны, Англия стала союзником СССР (в июне 1941 года) тогда, когда советская территория включала в себя те же украинские земли к востоку от «линии Керзона». Другими словами, Англия согласилась с тем, что каждый из ее союзников имеет право на эту территорию. В этом состояло юридическое противоречие. Поскольку было трудно отвергнуть претензию Советского Союза, не нарушая этики, и невозможно было сделать это силой, Англии пришлось бы отказаться от своей гарантии Польше. Это, в интерпретации Черчилля, запятнало бы «честь» Англии. Включение в состав нового правительства тех лондонских поляков, которые признавали новые польские границы, разрешало эту проблему для Англии.

Ни у кого не возникало сомнения в том, что люблинское правительство будет ядром нового правительства и что оно будет просоветским. Позднее, когда советская политика в Польше стала подвергаться нападкам, Советский Союз хорошо понял, что Англия и США становятся на путь пересмотра соглашения. Это признал Гарриман, когда он 6 апреля 1945 года телеграфировал Рузвельту:

«Нам, возможно, трудно будет поверить, но очень может быть, что в Ялте Сталин и Молотов считали, что своим согласием принять общую формулировку декларации о Польше и освобожденной Европе, своим признанием необходимости обес-

печения безопасности тыловых коммуникаций Красной Армии, а также преобладания русских интересов в Польше, как в дружественном соседнем государстве и коридоре, соединяющем Советский Союз с Германией, мы поняли и были готовы принять советскую политику, уже известную нам»¹.

Нам вовсе не было «трудно поверить», что советские руководители понимали соглашение о Польше именно так. На Ялтинской конференции Рузвельт знал, что советское толкование соглашения о Польше было именно таковым.

Если это может быть доказано, то это означает, что Советский Союз не нарушал Ялтинского соглашения, ибо как мы, так и они знали, что Ялтинское соглашение разрешало создание в Польше просоветского правительства.

Как мы уже видели, Ялтинская декларация предусматривала «реорганизацию» люблинского правительства. Советский Союз настаивал, чтобы эта «реорганизация» выразилась в пополнении существующего люблинского правительства некоторыми лидерами лондонского правительства. США заявляли, что «реорганизация» означает формирование нового правительства. Однако по прочтении составлявшегося тогда в Ялте коммюнике, Леги заявил (согласно его собственной записи):

«Г-н президент, оно настолько эластично, что русские могут растянуть его от Ялты до Вашингтона и в то же время фактически не нарушить его». Президент ответил: *«Я знаю, Билл, знаю».* Леги добавил: *«Такое «решение» всего вопроса о польском правительстве кажется настолько неопределенным, что оно может быть интерпретировано любым удобным русским образом»*² (курсив мой.— К. М.).

Исходя из этого свидетельства, никто не может отрицать, что советское толкование было известно заранее и коммюнике было написано для того, чтобы его подтвердить. Трумэн встретился с Молотовым для того, чтобы обвинить Советский Союз в нарушении Ялтинского соглашения. Как раз перед этой встречей Трумэн был поставлен в известность о фактах. Леги сам говорил Трумэну, что то, что происходило в Польше, он ожидал уже в Ялте.

Леги беседовал с Трумэном в тот самый день, когда последний встретился с Молотовым. Перед тем, как встретиться с Молотовым, Трумэн созвал совещание в Белом доме. Это было роковое совещание, так как оно показало, что в американском правительстве взяли верх сторонники «жесткой» политики в отношении России. Некоторые подробности о совещании, которые привел в осторожной форме Форрестол, говорят за то, что Стимсон, Леги и Маршалл решительно возражали против этой новой политики. Присутствовавший на этом совещании чиновник госдепартамента Болен сделал заметки, которые

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 40.

² Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 315—316.

содержат более характерные подробности. Обе точки зрения приводятся в «Дневниках Форрестола» вместе с комментариями редактора Уолтера Миллиса:

«Государственный секретарь,— писал Форрестол,— сказал, что русские отступили от того соглашения с президентом Рузвельтом, которое было достигнуто в Ялте по польскому вопросу»¹.

Адмирал Леги не был согласен с этим. По словам Болен, «он [Леги] считал, что эти соглашения допускали два толкования»².

Уолтер Миллис, который в качестве редактора «Дневников Форрестола» читал все записи, включая и те, которые не были опубликованы, весьма откровенно раскрывает карты, когда он говорит: «...Замечания генерала Леги, который принимал участие в Крымской [Ялтинской] конференции, последовали несколько неожиданно...»³

И это действительно так, ибо, несмотря на то, что Леги придерживался консервативных и антикоммунистических взглядов, он говорил на совещании правду. По словам Болен, «адмирал Леги заявил, что к отъезду из Ялты у него сложилось впечатление, что советское правительство не намеревалось допускать в Польше деятельность свободного правительства, и что он был бы удивлен, если бы советское правительство действовало иначе»⁴.

Под «свободным правительством» Леги, конечно, имел в виду польское лондонское правительство, представлявшее собой такое неприглядное сборище, что Рузвельт направил Черчиллю письмо с предупреждением, чтобы он «не связывался с этой группой»⁵.

Однако ясно, что, по мнению Леги, советское толкование не выходило за рамки Ялтинского соглашения. Советский Союз не нарушил ни одного обязательства, а формулировки коммунике были преднамеренно гибкими, для того чтобы дать Рузвельту возможность отразить нападки его политических противников — таких людей, как Ванденберг.

На этом роковом совещании возражал не один Леги. По словам Миллиса, «генерал Маршалл, мысли которого были заняты войной на Дальнем Востоке, был даже более предусмотрительным». Но не кто иной, как Стимсон, консервативный республиканец, привел доводы в пользу политики Рузвельта. Как указывается в записях Болен, «он [Стимсон] заявил, что он полагает, что *русские, пожалуй, были более реалистичны,*

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 49.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 50.

⁴ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 51.

⁵ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1440.

чем мы, в *вопросе об их собственной безопасности*»¹ (курсив мой.— К. М.).

Форрестол делает намек на то, что на совещании была изложена точка зрения, характеризующая новый политический курс:

«Военный министр [Стимсон] заявил, что этот *вопрос поставлен совершенно по-новому*; что касается его, то он колеблется... но... он надеется, что мы не будем спешить и избежим какого бы то ни было открытого разрыва. Он заявил, что русские выполнили свои военные обязательства как вполне верные союзники и что он сожалеет, что в результате этого единственного инцидента [различное толкование Ялтинского соглашения о Польше] намечается брешь между двумя странами»² (курсив мой.— К. М.).

Форрестол тотчас же обрушился на это заявление:

«Я сказал, что с моей точки зрения,— писал он в своем дневнике,— это был не какой-то отдельный инцидент,— это был характерный пример односторонних действий со стороны России... и что я считаю, что сейчас ли или потом, но нам все равно придется разрешить эту проблему.

Посол Гарриман высказал почти такое же мнение. Адмирал Леги, напротив, придерживался более или менее определенно точки зрения военного министра...»³

Самое интересное то, что Леги был на стороне Трумэна в вопросе проведения «жесткой» политики в отношении России. Но он не был согласен с тем, чтобы вопрос о Польше служил исходной точкой этой политики, ибо он понимал, что позиция США была неправильной. Тем не менее Леги был очень рад результатам. Он пишет:

«Решительная позиция, занятая Трумэном в переговорах с Молотовым, была для меня более чем приятной. Я считал, что эта позиция окажет благотворное влияние на советскую внешнюю политику»⁴.

Трумэн поддерживает Форрестола

Тот факт, что Трумэн разделял взгляды Гарримана и Форрестола — общеизвестных в правительстве врагов СССР, со всей очевидностью показывает, что сам он был сильно предубежден против России. Несмотря на предостережение генерала Маршалла о том, что «это было бы связано с серьезным риском раскола», президент, по словам Миллиса, «пошел на риск... Сторонники решительной позиции взяли верх».

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 50.

² Там же, стр. 49.

³ Там же.

⁴ Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 352.

Трумэна предупреждали, что жесткая политика в польском вопросе означала бы срыв конференции в Сан-Франциско, но, по словам Болена:

«Президент заявил... что он считает, что наши соглашения с Советским Союзом были до сих пор улицей, на которой движение происходило лишь в одну сторону, и что он не может более проводить подобную политику; это надо сделать теперь или никогда. Он намерен осуществить свои планы на конференции в Сан-Франциско, и если русские не пожелают присоединиться к нам, то пусть убираются к чорту»¹. Это заявление Трумэна таило в себе все предпосылки холодной войны. Его стоит проанализировать.

Прежде всего Ялтинские решения не были «улицей, на которой движение происходило лишь в одну сторону». Стеттиниус, который в качестве государственного секретаря сопровождал Рузвельта в Ялту, пишет об этом в весьма определенных выражениях:

«Протоколы Ялтинской конференции показывают, что *Советский Союз сделал больше уступок Соединенным Штатам и Англии, чем последние Советскому Союзу*. По некоторым вопросам, конечно, каждая из трех великих держав изменяла свою первоначальную позицию с тем, чтобы достигнуть соглашения. Хотя иногда утверждают, что в компромиссе якобы заключено некое зло, на самом деле, конечно, компромисс, как это известно каждому благоразумному человеку, необходим для достижения успеха... Мы не должны допустить, чтобы наше отрицательное отношение к умиротворению в духе Мюнхена и наш вполне обоснованный отказ от этой политики привели к неразумному и необоснованному отказу от компромисса»² (курсив мой.— К. М.).

Гарри Гопкинс также подчеркивал, что Советский Союз сделал много уступок. На Ялтинской конференции во время обсуждения вопроса о репарациях с Германии он написал и передал Рузвельту записку, в которой говорилось:

«На этой конференции русские уступили так много, что, я думаю, мы должны пойти им навстречу. Пусть англичане не соглашаются, если им угодно...»³

Рузвельт последовал этому совету и показал, что он согласен с Гопкинсом. По существу, и сам Рузвельт остался очень доволен результатами Ялтинской конференции. Адмирал Макинтайр, врач Рузвельта, сообщает, что к концу конференции Рузвельт был в прекрасном настроении.

¹ «Дневники Форрестала», Нью-Йорк, 1951, стр. 50.

² Эдвард Стеттиниус, Рузвельт и русские, Нью-Йорк, 1949, стр. 6.

³ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 861.

«...Со своей обычной улыбкой он заявил: «Я получил все, ради чего сюда прибыл, и не слишком дорогой ценой»¹.

Говорить об «улице, на которой происходило движение лишь в одну сторону», — значит говорить на языке Гарримана, Форрестола и сенатора Ванденберга — людей, которые рассматривали Ялтинскую конференцию как бедствие. Трумэн полностью присоединился к их позиции. Сенатор Ванденберг, в буквальном смысле захлебываясь от восторга, говорит на страницах своего дневника и личных бумаг об изменении политики. Выше уже отмечалось, как реагировал Ванденберг на смерть Рузвельта. Заслуживает также внимания следующая его оценка способностей Трумэна:

«Сможет ли он [Трумэн] справиться с таким делом? Я думаю, что, несмотря на его ограниченные способности, сможет»².

К удовлетворению Ванденберга, Трумэн, конечно, «справился». За Ванденбергом стоял Джон Фостер Даллес — один из тех, кто оказывает наиболее пагубное влияние на американскую внешнюю политику. Ванденберг говорит о Даллесе следующее:

«Я считаю, что самым ценным человеком во всем американском государственном аппарате является Джон Фостер Даллес. Считаюсь официально только «советником», он фактически оказывал огромное влияние на решение каждой проблемы... Я не знаю, что бы мы стали делать без него... Он мог бы стать великим государственным секретарем»³ (курсив мой. — К. М.).

Даллес, юридическая контора которого представляла нацистское правительство, показан здесь в качестве закулисного руководителя американской внешней политики. Скоро он был выведен из-за кулис (особенно в связи с разработкой проекта «мирного» договора с Японией). Во времена Рузвельта никогда бы не потерпели, чтобы такой человек занимал руководящий пост и определял политический курс.

Тот факт, что американская внешняя политика устраивала Даллеса, является лучшим доказательством того, что наша внешняя политика была коренным образом пересмотрена буквально через две недели после смерти Рузвельта. Действительно, этот отход от политики Рузвельта был настолько внезапным, что можно только удивляться, как это случилось так быстро. Ведь в конце концов смерть одного человека, как бы он ни был значителен, не должна была оказать такого сильного влияния на внешнюю политику государства. Внешнюю

¹ Росс Т. Макинтайр, Врач Белого Дома, Нью-Йорк, 1946, стр. 221.

² Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 165.

³ Там же, стр. 215.

политику определяют факторы более существенные, чем деятельность какого-либо отдельного лица. Как же могло произойти это изменение?

Внутренний враг

Такой резкий отход от рузвельтовской политики мира и сотрудничества стал возможным в силу того, что господствующее положение в правительстве занимали враги Советского Союза. В интересах единства Рузвельт допустил в правительство представителей реакции. По его словам, лозунг «выиграй войну» заменил собой лозунг «Новый курс».

Кабинет Рузвельта и правительственные органы военного времени состояли из людей совершенно различных социальных взглядов. С одной стороны, там были такие лица, как Хэлл, Гопкинс, Икес, Моргентау, Уоллес и Перкинс и, если говорить о внешней политике, Стимсон и Маршалл; с другой стороны — такие люди, как Гарриман, Бирнс, Леги, Форрестол; при этом надо еще учесть сильное влияние Ватикана. Вторая группа никогда не соглашалась на мирные отношения с Советским Союзом. Антисоветская позиция этой группы была хорошо известна, и сторонники Рузвельта сознавали силу ее влияния. Касаясь событий, происходивших летом 1943 года, Карр, например пишет:

«...высокопоставленные лица в Вашингтоне и Лондоне в частных разговорах не скрывали того, что они ожидали обострения отношений с Россией после окончания войны. Эта группа считала ошибкой предъявляемое Рузвельтом настоятельное требование «безоговорочной капитуляции» Германии. Было очевидно, что они предпочитали не разрушать военную мощь Германии, так как рассчитывали, что она, в конце концов, снова будет направлена на Восток»¹.

Незадолго до смерти Гарри Гопкинс, который был наиболее доверенным советником Рузвельта, предупреждал наш народ:

«Нашу политику по отношению к России не должны определять люди, которые уже решили, что с русскими сотрудничать невозможно, что наши интересы неизбежно должны столкнуться и что это в конечном счете приведет к войне. С моей точки зрения это — несостоятельная позиция, и она может привести только к катастрофе»².

Рузвельт был достаточно сильным, чтобы справиться с оппозицией в своем правительстве и бороться с оппозицией вне

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 14.

Во время войны Карр был старшим советником Дональда Нельсона, руководителя Управления по делам военного производства.

² Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 923.

правительства. Рузвельт отражал стремления американского народа, и именно в этом была его сила. Кроме того, объективные условия первых двух лет войны вынуждали врагов Советского Союза следовать политике Рузвельта. Когда казалось, что Германия победит Россию, эти люди были готовы помочь России.

Потрясающая весь мир победа Советского Союза под Сталинградом в январе 1943 года, когда окруженная нацистская армия в конце концов капитулировала, была не только переломным моментом в ходе второй мировой войны, но и вызвала изменения во взглядах антисоветской группы. Об этом с циничной откровенностью подробно рассказывает Дин:

«Однако, что касается помощи русским, то я *всегда считал*, что их миссия (Гопкинса и его коллег) выполнялась с таким усердием, которое граничило с фанатизмом. Их энтузиазм зашел так далеко, что его нельзя было умерить даже тогда, когда *обстановка говорила за то, что желательны изменения политики*. На первом этапе осуществления программы их позиция была не только понятной, но и вызывалась прямой необходимостью. Русские отступали в глубь страны и, судя по поступавшим сообщениям, было сомнительно, сможет ли Россия продолжать войну. Нет нужды говорить о том, *какие катастрофические последствия имела бы капитуляция России* для союзников. И то, что мы оказали русским такую материальную и моральную поддержку, какую только были в состоянии оказать, было правильным. Однако, когда, *в конечном итоге, в результате битвы под Сталинградом в войне наступил перелом* и русские начали наступление, которое закончилось только в Берлине, возникла новая ситуация»¹ (курсив мой.— К. М.).

Даже после Сталинградской битвы некоторых врагов Советского Союза сдерживало опасение, что СССР может ослабить свое наступление и оставить союзников один на один с немцами на Западе. Кроме того, помощь России была нужна в войне против Японии.

Однако после Ялтинской конференции оба эти фактора стали иметь менее важное значение. Советская Армия была на пути к Берлину, японская империя была обессилена в результате бомбардировок с воздуха и атак военного флота. Объединенная группа начальников штабов решила, что помощь со стороны Советского Союза не будет иметь существенного значения. Дин снова охотно передает подробности:

«Я был в восторге от этих решений [относительно того, что помощь со стороны Советского Союза не нужна]... Опасение, что будет заключен сепаратный мир, было давно рассеяно военными успехами русских, а теперь было устранено опасение, что мы пойдем на какое-либо общее рискованное меро-

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 90.

приятие с Россией — больше не существовало такого мероприятия, в котором мы были бы заинтересованы»¹.

Поэтому, говорит далее Дин, «наша политика могла быть пересмотрена». Это заявление примечательно. В результате смерти Рузвельта врагам Советского Союза представились неожиданные благоприятные возможности. По словам Ванденберга, «первое, что отсюда следует, — это избавление от каких бы то ни было старых обязательств... Все это к лучшему». Смерть Рузвельта развязала руки Даллесу, Ванденбергу и другим, и они начали действовать.

Личные дневники и письма Ванденберга раскрывают картину того, как шаг за шагом осуществлялся отход от политики Рузвельта. Еще и теперь, по прошествии семи лет, описание этих событий волнует. До смерти Рузвельта Ванденберг предостерегает перед нами подавленным, расстроенным, обеспокоенным, ищущим какого-либо способа подрвать решения Ялтинской конференции. В письме от 7 марта 1945 года он писал:

«Ни от чего другого я не мог бы получить большего личного удовлетворения в сравнении с тем, какое я испытал, участвуя, вернее, возглавляя, публичную кампанию за денонсацию Ялтинских решений... Но... в силу сложившихся обстоятельств я вынужден признать, что *мы не сможем добиться результатов*, если попытаемся полностью сорвать решения, которые подтверждены нашим же правительством и английским парламентом... *Мы должны найти другой путь*. Прежде всего я должен действовать через конференцию в Сан-Франциско, а не путем проведения кампании за денонсацию Ялтинских решений...»² (курсив мой. — К. М.).

Пять недель спустя умер Рузвельт. Через две недели Трумэн выступил с нападками против Молотова, и Ванденберг записал: «Это — лучшая новость за месяцы». Через три месяца Ванденберг мог похвастаться полной победой. В письме от 27 июля 1945 года он писал:

«Это единство [единство республиканцев и демократов] было достигнуто путем *полного отказа* от той политики умиротворения и капитуляции, которой правительство придерживалось в Ялте. *Наступит день, когда мы пойдем дальше, чем в Ялте*. Вот в чем заключается вклад республиканцев...»³ (курсив мой. — К. М.).

Ванденберг и его коллеги вели тонкую игру. Но она не имела бы успеха, если бы не полная поддержка со стороны Тру-

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 265—266.

² Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 155—156.

³ Там же, стр. 314.

Оба письма были адресованы одному и тому же лицу — Фрэнку Янушевскому, владельцу наиболее реакционной газеты «Полиш дэйли ньюс» (Детройт), которая отражала интересы Ватикана и польского лондонского эмигрантского правительства.

мэна. Именно Трумэн пошел против Стимсона, Леги и Маршалла в вопросе о встрече с Молотовым. Именно Трумэн поддержал Форрестола против Стимсона в вопросе атомной политики. Именно Трумэн покончил с политикой мира и развязал холодную войну.

Когда в 1941 году Гитлер напал на Россию, Трумэн, который был тогда сенатором, заявил:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я и не хочу видеть Гитлера победителем ни при каких обстоятельствах»¹. Спустя четыре года тот же самый Трумэн, уже будучи президентом, заявил: «Пусть русские убираются к черту». Трумэн сохранил свою неприязнь к Советскому Союзу. Он был и остается одним из тех людей, которые, как этого опасался Гопкинс, могут привести мир к катастрофе.

¹ «Нью-Йорк таймс» 24 июня 1941 г.

Глава 9*

ОТКАЗ ОТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

«Официальные лица в Вашингтоне, причем по крайней мере один из них — сотрудник Белого дома, предсказывали тогда в частных беседах полный разрыв дипломатических отношений с Россией и близкую войну».

Альберт З. Карр, май 1945 года

«Несмотря на то, что русские — простой народ, их нельзя считать дураками, а эту ошибку часто делали на Западе; при этом русские не слепы и отлично видят, что делается у них на глазах».

Сталин — Гопкинсу, 27 мая 1945 года

Поведение Трумэна во время его встречи с Молотовым не предвещало ничего хорошего, но еще хуже было на конференции в Сан-Франциско, где создавалась Организация Объединенных наций. Провозглашенная президентом «жесткая» политика послужила сигналом к действию для сенатора Ванденберга, который с помощью Даллеса фактически определял политику американской делегации. Влияние Ванденберга было отлично известно людям, близким к вашингтонским кругам. Вашингтонская газета «Таймс геральд» писала, что «за каждым ходом США на шахматной доске конференции чувствуется рука Ванденберга»¹. Рассматривая этот период два года спустя, журналист Трис Коффин писал: «После смерти Рузвельта все решения по внешнеполитическим вопросам диктовались Ванденбергом»².

Политика Трумэна — Ванденберга — Даллеса была шедевром лицемерия. Сначала США обвинили Советский Союз в том, что он нарушил Ялтинское соглашение (что, как мы видели, опровергает даже антисоветски настроенный Леги), а затем мы нарушили одно из наших особых обязательств, взятых в Ялте по весьма серьезному вопросу — вопросу о допуске Аргентины в ООН. Доказательства нашей недобропорядочности представляет Корделл Хэлл — государственный секретарь в четырех кабинетах во время президентства Рузвельта.

¹ Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 182.

² Трис Коффин, Миссурийский компромисс, Бостон, 1947, стр. 264.

Хэлл является третьим по счету консервативным свидетелем, выступающим против политики Трумэна. Стимсон выступает по вопросу об атомной энергии, адмирал Леги — по польскому вопросу, Хэлл — по вопросу об Организации Объединенных наций.

Отказ от обязательства

В Ялте было достигнуто соглашение о том, что Аргентина со своим пронацистским правительством, которое даже в то время (война тогда еще продолжалась) предоставляло убежище нацистам, не должна быть допущена в ООН. Это соглашение было вполне определенным, и сам Рузвельт дал соответствующее обещание Сталину. Об этом свидетельствует Гопкинс: «...он [Гопкинс] слышал, как президент Рузвельт на Ялтинской конференции в феврале *дважды* обещал маршалу Сталину, что он не поддержит такой шаг [принятие в ООН] в отношении аргентинского правительства»¹.

Несмотря на это торжественное обязательство, американская делегация в Сан-Франциско поддержала предложение о приглашении на конференцию представителей Аргентины. Молотов внес предложение отложить решение этого вопроса. Он заявил: «До сих пор все приглашения на эту конференцию принимались единодушно четырьмя приглашающими правительствами, которые находятся на равном положении на конференции...»

Предложение советской делегации заключается в том, чтобы вопрос о приглашении на эту конференцию Аргентины отложить рассмотрением на несколько дней для изучения.

*Только об этом просит советская делегация*² (курсив мой. — К. М.).

Это предложение вносило ясность в вопрос. Теперь имелась полная возможность убедиться, была ли организована машина голосования.

Государственный секретарь Стеттиниус следовал новой, «жесткой» политике Трумэна. Он высказался против просьбы советской делегации отложить решение вопроса, и его предложение было принято большинством в 28 голосов против 7. Аргентина была допущена к участию в работе конференции.

Значение этой акции США хорошо понимали все наблюдатели. Консервативная «Нью-Йорк геральд трибюн» в своем сообщении открыто писала, что это «отказ от энергичной антифашистской политики Корделла Хэлла» и что США «создали мощную силу против Советского Союза»³. Следует помнить,

¹ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1408.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, т. III, стр. 242.— (Прим. ред.)

³ «Нью-Йорк геральд трибюн», 2 мая 1945 г.

что такова была политика Трумэна *менее чем через три недели после смерти Рузвельта*. Это была скандальная политика, против которой, как указывал на следующий день журналист Уолтер Липпман, выступили почти все европейские страны.

За исключением Голландии, как писал Липпман, «ни одна освобожденная европейская страна не поддержала нас», когда Стеттиниус, «вызвав чувства удивления и тревоги у всех опытных наблюдателей, потребовал раскрыть карты». Далее Липпман намекнул на господство США в ООН, «которая будет находиться во власти американских республик с помощью английских голосов», и предупредил, что США «взяли такой курс, который, *если он станет нашим постоянным курсом, будет иметь самые катастрофические последствия*»¹ (курсив мой. — К. М.).

Еще более решительно высказался бывший государственный секретарь Корделл Хэлл. Он был возмущен. С ним не проконсультировались по поводу такого серьезного изменения политики, хотя он был членом американской делегации и ее старшим советником. К сожалению, в это время он находился в больнице на восточном побережье и не мог воспрепятствовать осуществлению политики Ванденберга. Однако он вызвал Стеттиниуса к телефону и гневно обрушился на него за такое нарушение нашего слова. Хэлл сказал, что, «допустив Аргентину, мы сделали *непоправимую* ошибку»² (курсив мой. — К. М.).

Хэлл обычно был осторожен и точен в выборе слов. «Непоправимая» — сильное слово, и Хэлл не стал бы употреблять его необдуманно. Он добавил: «Я также сказал Стеттиниусу, что если американская делегация не будет осторожна, то мы заставим Россию прийти к заключению, что Организация Объединенных наций не сможет обеспечить соответствующую безопасность для нее в будущем»³.

Эти слова рузвельтовского государственного секретаря оказались потрясающе пророческими. Хэлл хорошо сознавал, что США нарушили конкретное обязательство таким образом, что это показало нашу недобропорядочность и поставило под сомнение ценность наших обязательств. Как Сталин позже заявил Гопкинсу, «в силу этого решения конференции и позиции Соединенных Штатов встал вопрос о ценности соглашений между тремя великими державами»⁴.

Принятие Аргентины было первым открытым указанием на то, что внешнюю политику США определяют наиболее реакционные силы страны. Аргентина выступала против США во время войны, и *демократические* Соединенные Штаты с полным основанием должны были выступить против пронацистско-

¹ «Нью-Йорк геральд трибюн», 3 мая 1945 г.

² Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1722.

³ Там же.

⁴ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 893.

то аргентинского правительства, которое фактически нанесло военный ущерб США, как Хэлл подробно показывает это в одной из глав своих мемуаров¹.

Принятие Аргентины было первым примером нарушения Ялтинских соглашений. Это факт. Если в обвинениях США по адресу СССР речь шла о толковании соглашений, то формулировка обязательства по вопросу об Аргентине не допускала различных толкований и была совершенно точной. Принятие Аргентины было не только началом срыва Ялтинских соглашений. Это было началом проведения в жизнь стратегического плана Даллеса, предусматривающего использование Организации Объединенных наций в качестве ширмы и орудия для срыва Ялтинских соглашений или, как говорил Ванденберг, для того, «чтобы пойти дальше, чем в Ялте». Принятие Аргентины было первым шагом к подрыву единства Большой тройки — величайшего препятствия на пути реакции во всем мире.

Значение единства Большой тройки

Благодаря единству трех великих держав была выиграна война. Только благодаря такому единству можно было выиграть мир. Рузвельт и Хэлл сделали это единство краеугольным камнем Организации Объединенных наций. Без этого единства ООН не могла бы работать по самой простой причине — Соединенные Штаты стали бы господствующей силой в ООН. *США всегда получали бы большинство голосов на основе антисоветской политики.* В силу своего политического и экономического господства в латиноамериканских и других странах США могли твердо рассчитывать на 20 голосов латиноамериканских стран плюс голоса Филиппин и Либерии. Вместе с голосами Англии и стран, находящихся под английским влиянием, англо-американский блок (независимо от характера вопроса) имел бы 35 верных голосов из общего числа в 50 голосов с лишним плюс несомненное большинство в Совете Безопасности.

В противоположность этому Советский Союз мог рассчитывать только на свой голос в Совете Безопасности и менее чем на 10 голосов в Ассамблее. Как ясно указал Хэлл, Советский Союз едва ли мог мириться с таким положением.

Англо-американская ООН просто-напросто должна была превратиться в ширму для прикрытия антисоветских выпадов. Советы этого не хотели, и в Ялте Сталин весьма определенно высказался на этот счет. Он напомнил Черчиллю и Рузвельту о том, что Лигу наций использовали против Советского Союза и только против Советского Союза.

СССР был единственной страной, исключенной из Лиги наций², и, как указал Сталин, Англия и Франция в то время

¹ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1403.

² См. главу 5.

«мобилизовали мировое общественное мнение против нее [России] и дошли до того, что стали говорить об этом, как о крестовом походе»¹.

В то же время Советский Союз приветствовал создание механизма для достижения компромиссов и ослабления мирового напряжения². Организация Объединенных наций, основанная на единстве Большой тройки, могла бы быть таким механизмом, и советские руководители положились на добросовестность Рузвельта, приняв почти целиком американскую схему организации.

После мировых войн необходима колоссальная перестройка. Некоторые страны, которые были великими державами, могут совершенно исчезнуть, как исчезла после первой мировой войны старая Австро-Венгерская империя. Возникают новые государства — Чехословакия в 1918 году, Израиль в 1948 году. Перемещаются и торговые центры, захватываются источники сырья, рынки сбыта. То, что приобретает одна держава, теряет другая.

Проблемы, стоящие перед ООН

Во время второй мировой войны Соединенные Штаты захватили германские рынки в Южной Америке. Они прибрали к рукам нефть в Саудовской Аравии и часть нефти на Ближнем Востоке в ущерб интересам англичан, вытеснили английские капиталовложения в Аргентине и голландские капиталовложения на Ближнем Востоке, взяли в свои руки добычу урана в Бельгийском Конго.

Но осуществление захватов в современную эпоху чревато весьма опасными последствиями. Эксплуатация вызывает возмущение народов. Так, скажем, Иран, Египет, Индия или Индо-Китай могут нанести ответный удар, а в современном мире война, где бы она ни началась, может быстро превратиться в мировую войну. Хэлл прекрасно понимал, что колониальная система таит в себе очаги взрывов. Он писал: «Мы понимали, что пока зависимым народам не будет оказана помощь в деле достижения в конечном счете самоуправления... они создадут почву для конфликтов»³.

Это ставило перед Организацией Объединенных наций серьезную проблему. Уже тогда было ясно и стало совершенно ясно теперь, что ООН будет постоянно сталкиваться с проблемой национально-освободительных движений (например, в Тунисе, Индо-Китае, Индонезии и т. д.). Эти страны всегда будут апеллировать к ООН с требованиями справедливости и свободы. ООН должна выступать либо как организация, враждебная

¹ Эдвард Стеттиниус, Рузвельт и русские, Нью-Йорк, 1949, стр. 149.

² Там же, стр. 150.

³ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1477—1478.

этим освободительным движениям, и в таком случае стать «нечестивым союзом» угнетателей (против чего возражали бы СССР, Индия, Китай), либо ООН должна сочувствовать борьбе колониальных народов, то есть поддерживать стремление колоний к самоопределению. Последнее неизбежно встретило бы сопротивление со стороны колониальных держав — Франции, Голландии, Бельгии, Англии и некоторых доминионов.

По вопросу о независимости колоний Хэллу постоянно приходилось вести энергичную борьбу с Иденом, начиная с первой конференции в Квебеке в августе 1943 года. Хэлл пишет: «Он [Иден] отметил, что в системе Британской империи существуют различные степени самоуправления, начиная от доминионов... и кончая отсталыми районами, *которые никогда не смогут иметь своего собственного правительства*. Он добавил, что Австралия и Новая Зеландия также имеют колониальные владения и что они не захотят отказаться от опеки этих территорий»¹ (курсив мой. — К. М.).

Несмотря на то, что Иден «категорически возражал» против слова «независимость», Хэлл продолжал настаивать на своем и в конце концов, при поддержке СССР, добился, чтобы это слово было записано в Устав ООН. Английская оппозиция как бы ушла в подполье, но она существует. Ее значение не следует умалять.

Этот политический конфликт по колониальному вопросу отразил основные экономические противоречия. Колонии приносят большую выгоду тем странам, которые ими владеют. Каучук и олово Малайи, которые англичане продают Америке по ценам, устанавливаемым Англией, служат главными источниками долларовых доходов Англии. Американские промышленники хотели бы видеть Малайю свободной только для того, чтобы получать олово и каучук по более дешевым ценам.

Кроме того, Британская империя создала жесткую тарифную систему, известную под названием Системы имперских преференций или Оттавских соглашений. Американским бизнесменам хотелось бы взорвать эту систему, для того чтобы продавать свои товары за границей². США (при своих колоссальных производственных возможностях) выиграли бы от свободной торговли, между тем как Англия проиграла бы.

Столь же серьезными, как и конфликты, связанные с колониальной системой, являются конфликты между социалистической и капиталистической системами. В конце войны Румыния взяла, например, в свои руки контроль над своими нефтепромыслами. Продажные довоенные правительства Румынии допустили захват этих нефтепромыслов иностранным капиталом. Теперь, когда румынское правительство взяло их обратно, это

¹ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1237.

² В то же время американские монополисты создали в Соединенных Штатах одну из самых высоких тарифных систем в мире.

отнодь не радует английских, французских и американских капиталистов.

Даже в несоциалистических странах национализация основных отраслей промышленности представляется единственно правильным решением. Возьмите проблему Рура в Германии. Рур — это мощный металлургический район, служивший материальной базой германской агрессии. Стальные магнаты Рура оказывали могущественную поддержку Гитлеру. Если бы германский народ национализировал сталелитейную промышленность Рура, то со стороны американских империалистов, безусловно, надо было бы ожидать противодействия.

Таких примеров можно привести бесчисленное множество. Повсюду возникают экономические конфликты. С ними тесно связаны политические конфликты, возникающие на почве стремления государств обеспечить свою безопасность. Соединенные Штаты, как мировая держава, могут считать, что их затрагивают любые изменения в любом уголке мира. Так, например, США настаивают на своем участии в осуществлении контроля над Дарданеллами и Дунаем. С равным основанием Советский Союз, как мировая держава, тоже мог бы потребовать участия в контроле над Суэцким каналом и, следовательно, и над Панамским каналом. Можно себе представить, что сказал бы по этому поводу конгресс!

Даже при наличии доброй воли и дружественной атмосферы в Организации Объединенных наций там все равно происходили бы серьезные трения. Тем не менее при таких условиях существовали бы три следующих серьезных основания для оптимизма. Во-первых, дееспособная ООН, опирающаяся на единство Большой тройки, укрепила бы мир во всем мире и сделала бы менее настоятельной необходимостью для каждой страны иметь стратегические базы для обеспечения своей безопасности. Во-вторых, колоссальные производственные возможности Соединенных Штатов, неизмеримо возросшие в результате войны, могли бы быть использованы для того, чтобы помочь разоренным районам снова встать на ноги. Американские ссуды и займы послужили бы могучим средством, которое могло бы заставить Англию и Францию предоставить большую свободу своим колониальным народам. В-третьих, малые страны в дееспособной ООН служили бы уравнивающим и сдерживающим началом. В условиях, когда США и СССР противостоят друг другу в гигантской борьбе, малые страны вынуждены принять ту или другую сторону. Каждый вопрос становится вопросом престижа, и малые нации почти не имеют свободы выбора. В дееспособной ООН даже самые малые нации играли бы более независимую роль и представляли бы собой группу арбитров, состоящую из непостоянных членов.

В то же время Организация Объединенных наций отдавала бы должное факту власти и суверенитета. Соединенные Штаты

никогда не согласились бы отказаться от права принимать решения по важнейшим вопросам. Не отказались бы от этого права также СССР и другие нации. Отсюда право вето — право отвергать любое решение, которое великая держава считает для себя неприемлемым.

Право вето было гарантией на тот случай, если бы было нарушено единство Большой тройки. Это право требовали США в такой же мере, как и СССР. Американский конгресс никогда не одобрил бы ООН, если бы не было права вето. Сейчас, когда США располагают большинством в ООН, этим правом постоянно пользуется Россия для защиты своих интересов. В будущем, если большинство будут составлять социалистические страны, возможно, правом вето будут постоянно пользоваться США. С другой стороны, если бы мир мог вернуться к рузвельтовской идее единства Большой тройки, то право вето имело бы гораздо меньшее значение.

Политика силы в ООН

Американцы не любят самого термина «политика силы», как будто в этом понятии есть что-то безнравственное. Им не нравятся такие компоненты политики силы, как «сферы влияния» и «политическое равновесие». Между тем США как суверенное государство постоянно прибегают к использованию силы. Доктрина Монро была и до сих пор является проявлением политики силы. Эта доктрина являлась средством, при помощи которого мы предупреждали европейские страны, что мы прибегнем к силе, чтобы не допустить их в Латинскую Америку. Испано-американская война была проявлением политики силы. Соединенные Штаты добились преобладающего влияния на Кубе, что было важно для обеспечения их безопасности в районе Караибского моря и на Филиппинах, служивших базой для экспансии на Тихом океане.

Во время второй мировой войны мы установили господство над теми районами Караибского моря, где прежде господствовали англичане, и отобрали у Японии все ее острова в Тихом океане.

Наша сфера влияния распространяется и на территории самой Японии, где мы создали постоянные военные базы.

Хэлл прекрасно понимал непоследовательность нашей внешней политики¹. В 1945 году США были главным инициатором конференции представителей американских республик в Мексико, закончившейся подписанием Чапультепекской декларации, которая по существу предоставляла США право военного вмешательства в дела латиноамериканских стран. Хэлл высказался против этой декларации. Он заявил: «Если мы согласимся с этой новой позицией по вопросу о вмешательстве,

¹ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1467.

то мы не сможем должным образом противиться советскому влиянию в Восточной Европе»¹. Хэлл понимал, что, оправдывая наш захват японских островов на Тихом океане соображениями безопасности, мы не сможем возражать против советских доводов относительно того, что контроль над Черным морем жизненно важен для безопасности Советского Союза. Хэлл пишет: «Я не разделял точку зрения Объединенной группы начальников штабов по поводу того, что тихоокеанские острова, которые мы отберем у Японии, должны стать собственностью Соединенных Штатов»².

Но Хэлл потерпел поражение. Сейчас США не только обладают всеми этими островами, но и установили военный контроль над самой Японией.

Однако сам Хэлл (когда уже карты были раскрыты) стал придерживаться политики односторонних договоров в целях обеспечения интересов американских империалистов. Наиболее яркий пример — Саудовская Аравия, где сам Хэлл поддерживал притязания американских нефтяных компаний на получение концессий и настаивал на строительстве американских авиационных баз. Это было проведено в жизнь.

Действия Хэлла являются самым типичным проявлением политики силы. Он содействовал установлению американской «сферы влияния» в Саудовской Аравии, иными словами — превращению ее в район, в котором преобладали бы американские интересы и американский контроль. Все это вполне устраивало Черчилля. Англичане имели «сферу влияния» в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке. От этой «сферы влияния» они никогда не отказались бы добровольно. Действия же Хэлла устраняли всякие основания для возможных возражений со стороны США. Это также давало Черчиллю возможность прибегнуть к политике силы при переговорах с Советским Союзом.

Такие понятия, как «политика силы» и «сферы влияния», не вызывают симпатий американцев. Однако война еще худшее зло. Капитализм существует и обладает военной мощью; существует и социализм, который тоже обладает военной мощью. Для того, чтобы сохранить мир, необходимо, чтобы мир был устроен таким образом, чтобы в нем хватало места как для капитализма, так и для социализма. Когда где-нибудь возникает конфликт, нужно найти возможности для компромисса.

Англичане хотели сохранить свое господство в районе Средиземного моря. Этому господству угрожали советские победы на Балканах и движения сопротивления в освобожденных странах. Так, например, если бы в какой-либо из балканских стран, в особенности в Греции, было создано левое правительство, то оно могло бы воспротивиться английскому влия-

¹ Корделл Хэлл. Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1467.

² Там же, стр. 1466.

нию. Вот почему Черчилль добивался такого соглашения, которое бы обеспечило Англии сохранение ее влияния в Греции. С этой целью в мае 1944 года он посетил Москву и предложил ряд соглашений о балканских странах.

Соглашения о балканских странах

Соглашения о балканских странах, предложенные Черчиллем и принятые Сталиным и Рузвельтом, были основой единства Большой тройки. Они явились объектами нападок Даллеса, Ванденберга, Форрестола и других реакционеров! Эти балканские соглашения предопределили Ялтинские решения, и именно они являются ключом к вопросу об Аргентине.

Соглашения о балканских странах были по существу соглашениями безопасности. Они были рассчитаны на то, чтобы обеспечить Советскому Союзу наличие дружественных правительств на его границах, а Британской империи — наличие дружественных правительств на ее имперских линиях коммуникаций. В мае 1944 года Черчилль предложил Сталину заключить соглашение, в силу которого Англия имела бы преобладающее влияние в Греции, а Советский Союз — в Польше и Румынии.

Сталин сейчас же спросил, консультировался ли Черчилль с Соединенными Штатами, а когда последний дал отрицательный ответ, Сталин стал настаивать на том, чтобы Рузвельт был информирован¹. Это требование Сталина свидетельствует об его заинтересованности в том, чтобы ничего не предпринимать без взаимного согласия трех союзных держав. В результате англичане представили свои предложения американскому правительству.

Хэлл возражал против этого соглашения, которое, с его точки зрения, было проявлением «политики силы» и «сфер влияния». Черчилль настаивал на принятии решений, считая, что этого требуют военные события. Ожидалось, что советские войска скоро вступят на Балканы, а английский флот скоро будет господствовать в Средиземном море. Хэлл не мог пойти на то, чтобы решительно отстаивать свои позиции, поскольку он уже договорился с англичанами по многим важным вопросам. Так, например, он поддержал, хотя и неохотно, польское эмигрантское правительство в Лондоне и согласился на выдачу полякам начиная с 1942 года ежегодной субсидии в 12,5 миллионов долларов. Он дал также согласие на создание Контрольной комиссии для Италии. Руководящую роль в этой комиссии (англо-американской по составу) играли англичане, а Советский Союз мог иметь там только наблюдателя без права голоса. Поскольку Средиземное море находилось в районе дей-

¹ Все подробности, факты и цитаты, касающиеся этих соглашений, взяты из «Мемуаров» Хэлла, стр. 1451—1459.

ствий англо-американских войск, то это, если учитывать договоренность о «сферах влияния», было понятно. Таким же образом Восточная Европа была районом действий советских войск.

Рузвельт согласился с Черчиллем и одобрил соглашения о балканских странах, ограничив срок действия их тремя месяцами, «исходя исключительно из военных соображений». Однако, как отлично понимал Черчилль, подобные решения не отменяются.

В октябре 1944 года Черчилль снова прибыл в Москву, и соглашение было составлено. Англия должна была пользоваться преобладающим влиянием в Греции, а Советский Союз — в Польше. В Румынии, Болгарии и Венгрии степень английского влияния должна была быть сведена к 25 процентам, а в Югославии — к 50. Обе стороны прекрасно понимали, что под этим подразумевалось. По словам Бирнса, они договорились, что «если англичане сочтут необходимым предпринять военные действия для ликвидации внутренних беспорядков в Греции, то Советы не вмешаются. В свою очередь англичане признавали право Советов на решающую роль в поддержании порядка в Румынии»¹.

То, что это соглашение существовало, не подлежит никакому сомнению. Сам Бирнс подтвердил это свое заявление в результате весьма курьезного инцидента. Когда в 1947 году вышла в свет книга Бирнса, один анонимный представитель министерства иностранных дел Англии заявил (16 октября 1947 года), что вышеизложенные факты (относительно соглашения) «не соответствуют действительности». Бирнс немедленно ответил: «Повидимому, представитель министерства иностранных дел не информирован. Мое заявление основывалось на послании премьер-министра Черчилля президенту Рузвельту от 8 марта 1945 года, в первом параграфе которого, сетуя по поводу советских действий в Румынии, Черчилль писал: «Мы не можем протестовать против этих событий в силу того обстоятельства, что, стремясь обеспечить себе свободу действий для спасения Греции, Иден и я в Москве (в октябре) признали, что Россия будет иметь право решающего голоса в делах Румынии и Болгарии, в то время как мы возьмем на себя инициативу в Греции. *Сталин очень строго придерживался этого соглашения*»² (курсив мой.— К. М.).

Важно осознать огромную разницу между проявлениями английского и советского влияния. Английское влияние в Греции проявлялось в том, что английские войска расстреливали греческих борцов, восстанавливали продажное довоенное пра-

¹ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 53.

² «Нью-Йорк таймс», 18 октября 1947 г. Цитируется по книге Шумана «Дьявол и Джимми Бирнс» (Нью-Йорк, 1948).

вительство, включавшее квислинговцев и фашистов, и поддерживали систему правления, которая несла греческому народу нищету, страдания и неграмотность. Советское влияние в Восточной Европе проявлялось в том, что народы сводили счеты с квислинговцами и фашистами в своих странах без вмешательства реакционеров Запада и создавали честные правительства, которые развивали промышленность, проводили меры по ликвидации неграмотности и коренным образом перестраивали свои страны. Различие между английским и советским влиянием иллюстрирует один яркий факт: ни в одной стране Восточной Европы Красная Армия не вела себя так, как английская армия в Греции.

Однако если оставить эти вопросы в стороне, для всего хода рассуждений автора данной книги важно, что существовали соглашения о Балканах, которые Америка признала, а по условиям соглашений, что бы ни происходило в Румынии, Болгарии или Польше, — нас не касалось. Если советские военные власти сурово обходились с королем Румынии, это нас не касалось. Если правительство Польши посадило в тюрьму фашистских сторонников Миколайчика, это тоже нас не касалось. Когда Бирнс, или Форрестол, или Трумэн заявляли, что эти акты нарушили Ялтинское соглашение, это было просто неверно. В мае 1945 года было нарушено только одно Ялтинское соглашение — соглашение о недопущении Аргентины в Организацию Объединенных наций.

Значение принятия Аргентины в ООН

Голосование по вопросу об Аргентине имело большое значение — оно явилось свидетельством того, что Америка отказывается от заключенных ею соглашений. Само по себе принятие Аргентины в ООН не было вопросом мировой значимости. США могли утверждать и утверждали, что они действуют в полном соответствии с единодушным желанием латиноамериканских стран. Советский Союз понимал необходимость дипломатических соображений, и Молотов не сказал, что он не согласится на принятие Аргентины. Он только просил отложить голосование — видимо, для того, чтобы обсудить этот вопрос с США. Как Сталин заявил Гопкинсу, он не понимал «почему нельзя было попросить Аргентину подождать три месяца или около того, перед тем как ей вступить во всемирную организацию»¹.

Когда Соединенные Штаты с презрением отвергли просьбу дружественного союзника отложить решение этого вопроса на короткий срок, можно было истолковать это только в одном смысле. Правительство Трумэна не было заинтересовано в един-

¹ Роберт Э. Шервуд, Рувельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 893.

стве и в дружественном сотрудничестве. Молотов теперь знал, что именно записал в своем дневнике Ванденберг, в день смерти Рузвельта — он записал, что единство Большой тройки перестало существовать.

Поведение США в Сан-Франциско в совокупности с нападениями Трумэна на Молотова показало Советскому Союзу, что США больше не намерены придерживаться Ялтинских соглашений: ведь в Ялте договорились не принимать Аргентину в ООН. *Но основой Ялтинских соглашений было обеспечение интересов безопасности Советского Союза в пограничных с ним государствах.* Никто никогда не ставил под сомнение важность этого вопроса для Советского Союза. Государственные секретари Бирнс и Ачесон оба неоднократно соглашались с точкой зрения Советского Союза, что интересы его безопасности требуют наличия дружественных пограничных государств¹. Даже такой консервативный католик, как босс демократической партии Эдвард Дж. Флинн, признавал это. Еще в 1947 году он писал: «Мы должны понять, что со стороны России вполне естественно стремление иметь дружественные правительства в пограничных странах. Мы не можем не согласиться с такой позицией. Наша армия и флот сейчас настаивают на том, что мы должны контролировать различные острова в Тихом океане для того, чтобы защитить наше тихоокеанское побережье»².

Опасения Советского Союза, что США намерены нарушить Ялтинское соглашение относительно Польши и восточноевропейских стран, вызывались тем открыто враждебным отношением к СССР, которое проявлял посол Гарриман при обсуждении польского вопроса. В Сан-Франциско Гарриман созывал «неофициальные» пресс-конференции, чтобы подготовиться к атакам на Советский Союз на официальных пресс-конференциях. 1 мая 1945 года он заявил: «Я пришел к заключению, что в вопросах политики дальнего прицела существует *непримиримое* различие между Соединенными Штатами и Великобританией, с одной стороны, и Россией, с другой»³.

Эти замечания были сделаны на неофициальной пресс-конференции и не предназначались для опубликования, но все в Сан-Франциско знали о них, в том числе и русские. И — словно Советский Союз еще недостаточно был убежден во враждебном отношении Америки после беседы Трумэна и Молотова, после голосования по вопросу об Аргентине, в результате действий Даллеса и Ванденберга и замечаний Гарримана, мы прибегли еще к одной крутой мере как бы для того, чтобы окончательно убедить его в этом.

12 мая 1945 года начальник Управления по руководству экономической деятельностью в иностранных государствах Лео

¹ См. главу 8.

² Эдвард Дж. Флинн, Хозяин — вы, Нью-Йорк, 1947, стр. 203.

³ Генри Уоллес, Речь в Прери-клуб, Де Мойн (штат Айова), 29 апреля 1950 г.

Т. Кроули прекратил поставки по ленд-лизу Советскому Союзу без предупреждения, хотя было намечено, что через три месяца СССР вступит в войну против Японии. Альберт Карр, который в то время был специальным помощником Трумэна, подробно рассказывает об этом эпизоде, пытаясь оправдать Трумэна. Карр пишет, что решение прекратить поставки по ленд-лизу Кроули принял, не проконсультировавшись с президентом. Однако, насколько известно, Кроули не получил даже выговора, уже не говоря о том, что он не был уволен. Дело было сделано, и его значение нельзя переоценить. Карр приводит специальное сообщение вашингтонского корреспондента «Нью-Йорк таймс»: «Как представляется пронизательным и циничным вашингтонским наблюдателям... Советский Союз лишается поставок до тех пор, пока он не вступит в войну против Японии... Представители нынешнего поколения, пожалуй, не смогут определить, какие влияния и факторы «способствовали сокращению помощи по ленд-лизу Советскому Союзу».

«Здесь, между строк, для которых характерны осторожные выражения, можно прочесть, что *влиятельные официальные круги в Вашингтоне максимально стремились спровоцировать Кремль...*»¹ (курсив мой. — К. М.).

Карр как сотрудник Белого дома являлся непосредственным свидетелем, изобличившим этот возмутительный факт и его причины: «Официальные лица в Вашингтоне, причем по крайней мере один из них — сотрудник Белого дома, предсказывали тогда в частных беседах полный дипломатический разрыв с Советами и близкую войну»².

Следует помнить, что это было всего через месяц после смерти Рузвельта и в то время, когда Америка еще находилась в состоянии войны с Японией.

Советский Союз прекрасно видел, какой оборот приняли события. И Сталин прямо заявил Гопкинсу: «Несмотря на то, что русские — простой народ, их нельзя считать дураками, а эту ошибку часто делали на Западе, и при этом русские не слепы и отлично видят, что делается у них на глазах»³.

Убедившись во враждебности Соединенных Штатов, Советский Союз быстро стал добиваться ограничения полномочий Организации Объединенных наций. Сталин уже предупредил Черчилля, что международная организация не должна быть использована как трибуна для пропаганды против Советского Союза, подобно тому как была использована Лига наций для мобилизации мирового общественного мнения против СССР.

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

³ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 894.

Для того чтобы помешать англо-американскому большинству использовать повестку дня в пропатандистских целях, Молотов настаивал на том, чтобы право вето применялось и при обсуждении повестки дня. Вопреки этому Англия и США настаивали, чтобы ООН имела право обсуждать любой вопрос и выносить решения большинством голосов и поэтому вето не должно быть применимо в данном случае.

Советский Союз не попался на эту удочку. Англо-американская коалиция настаивала на своем. Возник тупик, и Молотов возвратился в Москву. Казалось, что ООН даже не сможет начать работу из-за возникших американо-советских трений — и это меньше чем через месяц со дня смерти Рузвельта.

Казалось, что Даллес и Ванденберг взяли верх.

Глава 10

РЕАКЦИЯ В ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ

«Подчас, когда я слышу эти нашептывания (против России), я сомневаюсь в том, что Геббельс действительно мертв, как оно и должно быть: мне кажется, что он лишь эмигрировал в США».

Гарольд А. Икес, 26 июня 1945 года

«Наша задача сейчас не в том, чтобы обеспечить возможность установления демократии во всем мире, а в том, чтобы обеспечить возможность установления господства США над миром».

Джеймс Бирнс, июль 1945 года

«Для того чтобы успешно использовать свои военно-воздушные силы, мы должны расположить базы по всему миру».

Генерал Х. Х. Арнольд, июль 1945 года

Когда Молотов уехал домой, реакционеры начали вдруг беспокоиться. Они проводили «жесткую» политику легкомысленно, не задумываясь серьезно об ее последствиях. Они были уверены, что если Советский Союз уйдет, они будут вполне счастливы. Ванденберг записал в своем дневнике 24 апреля 1945 года: «Россия может уйти. Если она это сделает, то конференция *будет продолжаться без России*. Тогда-то мы и сможем чего-нибудь добиться»¹.

Точно так же и Трумэн за день до этого ликовал по поводу возможного отсутствия Советского Союза в Сан-Франциско: «Если русские не пожелают присоединиться к нам, то пусть убираются к чорту...»².

Эти развязные, безответственные заявления в отрыве от конкретной действительности звучали великолепно. Но когда Молотов действительно уехал, реакционеры вдруг поняли, что они зашли слишком далеко и действовали слишком поспешно. Если бы конференция в Сан-Франциско закончилась провалом и эти факты всплыли наружу, то им пришлось бы нести ответ-

¹ Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 176.

² «Дневники Форрестала», Нью-Йорк, 1951, стр. 50.

ственность перед американским народом и мировым общественным мнением.

В состав кабинета входили Икес, Уоллес, Стимсон. Они могли бы публично заявить то, о чем говорилось в частных беседах. Стимсон, например, писал в своем дневнике 23 апреля 1945 года: «Вопреки курсу, который я считал разумным, они [чиновники государственного департамента] не разрешили проблемы... путем разумных переговоров перед этой открытой встречей в Сан-Франциско... и мне кажется, что они могут вызвать раздоры между нами и Россией... Я очень беспокоюсь...»¹.

Многие газеты, встревоженные инцидентом с Аргентиной, проявляли беспокойство. Газета «Вашингтон пост» осуждала Стеттиниуса и его советников, считая их «доморощенными дипломатами», а министр внутренних дел Икес, выступая на обеде в честь писателя-антифашиста Томаса Манна, обрушился на «попытки воспрепятствовать установлению мира... разжигая страх и ненависть к великой нации — России. Подчас, когда я слышу эти нашептывания, я сомневаюсь в том, что Геббельс действительно мертв, как оно и должно быть; мне кажется, что он лишь эмигрировал в США»².

Однако самым важным в создавшейся тогда обстановке являлся тот факт, что огромное большинство американского народа восхитилось Советским Союзом и испытывало к нему дружеское расположение. Одна из редакционных статей «Нью-Йорк геральд трибюн» в начале 1945 года таким образом характеризовала это настроение американцев: «Нельзя найти более восторженных поклонников «парней дяди Джо», чем наши солдаты на Рёре и в Арденнах... Эту сторону международных отношений слишком часто игнорируют теоретики. «Парни дяди Джо» могут вызывать беспокойство у некоторой части кабинетных стратегов, но для простых людей они «свои», а для солдат на фронте они герои. Солдаты в окопах всем существом своим ощущают, что эта война — единственная война в мире, где каждый сражается за всех и все за одного и что делать это великое дело гораздо важнее, чем размышлять над вопросом о том, кто именно делает его. Впоследствии, несомненно, политические деятели и журналисты примутся усердно разрушать такие нелепые представления. Но вполне возможно, что солдаты и простые люди будут помнить «парней дяди Джо» и все еще будут считать, что великие нации, которые в такой огромной степени зависели друг от друга во время войны, могут держаться вместе также и во время мира»³.

За короткий период, прошедший после смерти Рузвельта, отношение широких масс к Советскому Союзу не изменилось.

¹ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 610.

² «Нью-Йорк геральд трибюн», 26 июня 1945 г.

³ Там же, 26 января 1945 г.

СССР все еще был нашим великим союзником, а Красная Армия вызывала самые горячие похвалы. Еще 25 июня «Нью-Йорк геральд трибюн» писала о Красной Армии в редакционной статье: «Она фактически оказалась «армией освободительницей» Европы и половины мира в том смысле, что без этой армии и без тех безграничных жертв, благодаря которым русский народ поддерживал ее, освобождение от жестокого ярма нацизма было бы просто невозможно... И когда теперь маршал Жуков направит ее деятельность на выполнение задач «периода мирного развития», все должны быть рады, что эта могучая и непоколебимая сила стоит на страже порядка и благополучия человечества»¹.

Было ясно, что большинство американского народа твердо придерживалось рузвельтовской политики дружбы и сотрудничества. Даже биограф Форрестол признает это, излагая свои мысли в присущей ему двусмысленной манере. «Страна еще не была в состоянии увидеть основные проблемы отношений с Советским Союзом, ставшие уже очевидными Форрестолу и Гарриману»².

На простом языке это означает, что американский народ еще не был отравлен лживой пропагандой. Простые люди были бы потрясены и возмущены, если бы знали, что происходило в Вашингтоне и Сан-Франциско. Провал конференции в Сан-Франциско мог бы разоблачить организаторов холодной войны — Даллеса, Гарримана, Ванденберга, Форрестолу и остальных. Они оказывали такой бесцеремонный нажим, что если бы все это обнаружилось, их позиция оказалась бы весьма шаткой.

Поэтому для этих людей было очень важно, чтобы конференция не провалилась. Те самые реакционеры, которые так бешено нападали на Советский Союз, теперь сочли необходимым несколько сбавить тон и попытаться убедить СССР, что американское правительство будет продолжать политику Рузвельта. Это было очень трудно сделать после заявлений Трумэна, действий Стеттиниуса и пресс-конференций Гарримана. И вот в этот момент реакционерам пришла в голову блестящая идея — послать в Москву Гопкинса с миссией доброй воли. Гопкинс был другом Рузвельта, другом Советского Союза. Он мог бы убедить советских руководителей. Миссия Гопкинса была задумана реакционерами в целях камуфляжа.

Двойственная политика

Трумэн впоследствии старался создать впечатление, что это ему пришла в голову мысль послать Гопкинса в Москву. На самом же деле этот ход придумали два антисоветских деятеля государственного департамента — Гарриман (в то время посол

¹ «Нью-Йорк геральд трибюн», 25 июня 1945 г.

² «Дневники Форрестолу», Нью-Йорк, 1951, стр. 58.

в Советском Союзе) и Болен. Истину раскрывает Шервуд. «...Не прошло и недели после победы в Европе, а уже казалось, что конференции в Сан-Франциско грозит крушение. Молотов и Иден отправились домой. Гарриман и Болен вылетели в Вашингтон... с тяжелым сердцем. Они спрашивали друг друга, можно ли изыскать какую-либо возможность, чтобы спасти положение... Болен предложил выход — президент Трумэн может послать Гопкинса в Москву... Гарриман с восторгом встретил это предложение...»¹

Когда Гарриман увиделся с Гопкинсом и спросил его, не поедет ли он в Москву, Гопкинс сейчас же согласился, хотя и был очень болен. Гопкинса очень тревожил поворот в американо-советских отношениях, и он знал, кто именно несет ответственность за эти маневры холодной войны. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что, будучи в Москве, он направлял свои отчеты непосредственно президенту и, видимо, делал это для того, чтобы они не попали в руки Форрестола. Форрестол был в бешенстве. Он заявил своему другу Макклою: «Я сказал, что мне не нравится такое положение вещей... Я сказал, что подозреваю, что меня обходят по настоянию Гарри [Гопкинса]...»²

В силу этого можно полагать, что когда Гопкинс согласился поехать в Москву, он знал, какие цели преследует Гарриман. Более того, он не питал никаких иллюзий относительно либерализма Трумэна, ибо, принимая предложения Гарримана, он был «твердо убежден, что Трумэн никогда не согласится послать его с этой миссией»³.

Но Гопкинс ошибся. Трумэн послал его, и результатом миссии Гопкинса было соглашение о Потсдамской конференции, чего меньше всего хотели реакционеры. Иными словами, идея Гарримана на короткий период обернулась против самих же реакционеров.

Миссия Гопкинса

Гопкинс прибыл в Москву 25 мая, ровно через 6 недель после смерти Рузвельта. За 10 дней между Гопкинсом и Сталиным произошло шесть встреч. Подробности этих переговоров в книге Шервуда занимают 25 страниц, которые стоит прочесть для того, чтобы составить себе представление о том, как Трумэн раздался с политикой Рузвельта.

Присутствие посла Гарримана — одного из людей, ответственных за холодную войну, как это прекрасно понимали и

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 885.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 67.

³ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 887.

Сталин и Гопкинс, придавало напряженный характер этим встречам. Присутствовали также Молотов и два переводчика. Во время первой встречи Гопкинс заявил Сталину, что «часть американской общественности, оказывавшая постоянную поддержку политике Рузвельта, серьезно обеспокоена отношениями с Россией. И действительно, за последние шесть недель настроение общественности настолько ухудшилось, что это неблагоприятно влияет на отношения между обеими странами»¹.

Гопкинс подчеркнул: «В такой стране, как наша, общественное мнение подвержено влиянию известных факторов, и в данном случае ухудшение настроения общественности... вызвано главным образом тем, что мы не в состоянии претворить в жизнь Ялтинское соглашение о Польше... Президент Трумэн, так же как и американская общественность, хотя она и не знакома со всеми деталями, испытывают чувство замешательства в связи с тем, что мы не можем разрешить польский вопрос»².

В этой связи Шервуд приводит следующий разговор:

«Маршал Сталин ответил, что польский вопрос не удается решить потому, что Советский Союз стремится иметь своим соседом дружественную Польшу, но Англия хочет возродить систему *санитарного кордона*»³ на советских границах.

Гопкинс сказал, что ни правительство, ни народ Соединенных Штатов не имеют подобных намерений.

Маршал Сталин заявил, что он говорит только об Англии, и сказал, что английские консерваторы не хотят видеть Польшу дружественно настроенной по отношению к Советскому Союзу.

Гопкинс заявил, что Соединенные Штаты хотели бы, чтобы Польша была дружественно настроена к Советскому Союзу и вообще хотели бы, чтобы на всех границах Советского Союза находились дружественные ему страны.

Маршал Сталин ответил, что если это так, то мы можем без труда договориться относительно Польши»⁴.

Гопкинс вполне разделял советские подозрения в отношении Англии. Перед отъездом в Москву Гопкинс сказал Форрестолу, «что он скептически настроен в отношении Черчилля, по крайней мере, когда дело касается англо-американо-русских отношений; и что, по его мнению, жизненно важно, чтобы *мы [американцы]* не были поставлены в такое положение, при кото-

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 889.

² Там же, стр. 890.

³ Буквально «барьер здоровья». Здесь разумеется цепь антисоветских государств в Восточной Европе, созданных после первой мировой войны Англией и Францией, чтобы «предохранить» себя от коммунизма (см. гл. 5).

⁴ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 890.

ром Великобритании могла бы *вынудить* нас выступить с нею в блоке *против России* в целях претворения в жизнь европейской политики Англии»¹ (курсив мой.— К. М.).

Посол Гарриман лицемерно согласился с мнением Сталина, заявив ему: «Мы, как известно маршалу Сталину, имеем весьма близкие отношения с Великобританией... Тем не менее очень желательно, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз *решали самостоятельно* вопросы, представляющие для них особый интерес, и это также одна из причин визита г-на Гопкинса»² (курсив мой.— К. М.).

Гопкинс затем предложил Сталину «указать такие политические проблемы, касающиеся Соединенных Штатов, которые беспокоят его». Сталин сказал, что он это сделает, и во время второй встречи он прямо и откровенно изложил Гопкинсу эти проблемы.

«Маршал Сталин сказал, что он не будет пытаться использовать советское общественное мнение в качестве ширмы, но будет говорить о впечатлении, создавшемся в советских правительственных кругах в результате недавних действий правительства Соединенных Штатов. Он сказал, что эти круги испытывают определенную тревогу в связи с позицией правительства Соединенных Штатов. У них создалось впечатление, что в отношении Америки к Советскому Союзу стал чувствоваться заметный холод, как только стало очевидно, что Германия побеждена; *американцы как бы говорят, что русские им больше не нужны*»³ (курсив мой.— К. М.).

Именно так и говорили влиятельные американские официальные лица. Анализ Сталина вполне соответствовал фактам. Известны заявления адмирала Леги, генерала Дина, Форрестала и других о том, что СССР больше не нужен. Сам Гарриман всего за несколько дней до этого (12 мая) на совещании в государственном департаменте предложил пересмотреть Ялтинское соглашение «в свете прекращения военных действий в Европе, что изменило характер фактов, на основании которых было составлено соглашение»⁴.

Иными словами — поскольку война закончилась, забудем о Ялтинском соглашении.

В заявлении Сталина подчеркивается важный момент в американо-советских отношениях — это вопрос об общественном мнении. Гопкинс говорит о том, что американское «общественное мнение» «встревожено». Но вполне уместно спросить, кто в этом повинен? Печать, радио, кинофильмы, определяющие общественное мнение, находятся в руках крупных капита-

¹ «Дневники Форрестала», Нью-Йорк, 1951, стр. 58.

² Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 892.

³ Там же, стр. 893.

⁴ «Дневники Форрестала», Нью-Йорк, 1951, стр. 56.

листических магнатов. Сталин сказал, что «он не будет пытаться использовать советское общественное мнение в качестве ширмы», тем самым дав понять, что именно к этому прибегает Гопкинс¹.

Далее Сталин привел несколько фактов проявления враждебности со стороны США, в том числе инцидент с Аргентиной, который «поднял вопрос о ценности соглашений между тремя великими державами». Сталин дал понять, что этот инцидент имел символическое значение, и он готов забыть о нем. Однако гораздо более важным был факт прекращения поставок по ленд-лизу, он явился как бы «средством нажима на русских с целью вынудить их пойти на уступки»². Тогда Гопкинс принес извинения по поводу инцидента с Аргентиной и поставок по ленд-лизу, сказав, что в первом случае латиноамериканские страны заставили нас занять такую позицию, а второй факт — это просто случайность.

Приняв извинения, Гопкинс сказал, что его беспокоило то обстоятельство, что Сталин мог подумать, что США способны на такие низменные средства нажима. Соединенные Штаты, как великая держава, не могут унизиться до подобных мер. Эта беседа была, видимо, весьма поучительна для присутствовавшего при всех встречах посла Гарримана, который был одним из инициаторов проведения такой именно политики.

Сталин принял извинения Гопкинса и перешел к обсуждению вопроса о Польше. Переговоры о Польше имели очень важное значение, поскольку в данном случае Трумэн обвинял Советский Союз в нарушении соглашений.

Сталин отметил тот основной исторический факт, что «на протяжении 25 лет немцы дважды вторгались в Россию через Польшу»³; в ходе беседы Сталин резко подчеркнул, что «действия Советского Союза в Польше были более успешными, чем действия англичан в Греции, и он ни в какое время не был вынужден принимать такие меры, какие они [англичане] принимали в Греции»⁴.

Это должно было напомнить Гопкинсу о существовании определенного соглашения с англичанами о сферах влияния, соглашения, принятого Рузвельтом. Имея это в виду, он сказал, что «он не предполагает, чтобы англичане определяли положение в Польше», и что для него Ялтинское соглашение означает, что «нынешнее правительство должно послужить основой для нового». Он сказал, что «никакое иное понимание Ялтинского соглашения невозможно»⁵.

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948; Дальнейшее изложение переговоров содержится на стр. 889—895.

² Там же, стр. 896.

³ Там же, стр. 899—900.

⁴ Там же, стр. 901.

⁵ Там же, стр. 909, 894.

Гопкинс телеграфировал в Вашингтон и получил инструкции. 6 июня США приняли позицию Советов. Польское правительство было в конце концов создано в результате включения нескольких министров в состав люблинского правительства, как на этом настаивал Советский Союз; правительство было сформировано к 22 июня. Это представляло собой возврат Америки к Ялтинским соглашениям.

После того как польский вопрос был разрешен, Советский Союз продемонстрировал свое желание сотрудничать, согласившись принять точку зрения США по вопросам процедуры в ООН. Право вето не должно было применяться по процедурным вопросам, в том числе и в отношении повестки дня. Последнее было большой и особо важной уступкой Соединенным Штатам. Это спасло конференцию в Сан-Франциско, которая оказалась в тупике после отъезда Молотова.

Значение миссии Гопкинса

Успех миссии Гопкинса полностью опровергает версию о том, что Советский Союз сейчас же после смерти Рузвельта начал холодную войну. Он показывает, что Советский Союз был готов сотрудничать при условии, если Соединенные Штаты будут придерживаться принятых соглашений. Более того, он показывал, что Советский Союз был готов доверять президенту Трумэну.

Успех был достигнут отчасти благодаря Гопкинсу, который на всем протяжении переговоров подчеркивал «желание Трумэна продолжать политику президента Рузвельта, рассчитанную на сотрудничество с Советским Союзом и *его намерение придерживаться буквы и духа всех соглашений, как официальных, так и неофициальных*, которые разработали совместно президент Рузвельт и маршал Сталин»¹ (курсив мой.— К. М.).

Самый факт, что Трумэн послал Гопкинса, придавал некоторый вес заверениям Гопкинса о дружественном отношении Трумэна. Посол Гарриман ловко подчеркнул этот момент. По его словам, «он хотел отметить, что президент Трумэн, послав г-на Гопкинса, выбрал человека, который, как известно маршалу, был не только очень близок президенту Рузвельту, но сам был одним из видных сторонников политики сотрудничества с Советским Союзом»².

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 889.

Гопкинс в действительности не мог верить всему этому, поскольку он сомневался в том, что Трумэн вообще направит его с этой миссией. Но он действовал в качестве посредника и старался привести самые убедительные доводы.

² Там же, стр. 892.

Сталин не мог знать, что не Трумэн избрал Гопкинса, а сам Гарриман, который затем склонил к этому Трумэна.

Советский Союз имел основания доверять Гопкинсу, а Гопкинс искренне считал сотрудничество возможным. Гопкинс заявил: «Как известно маршалу, он [Гопкинс] чувствует себя плохо и не поехал бы в Москву, если бы не считал положение серьезным». Гопкинс добавил, что «он не приехал бы, если бы не считал, что *нынешнее положение можно изменить* и что можно найти общую основу для движения вперед в будущем»¹ (курсив мой.— К. М.).

В то же время Гопкинс знал также, что существуют и действуют могучие антисоветские силы. Он писал через несколько недель: «Американский народ должно заставить насторожиться то обстоятельство, что в Америке есть меньшинство, которое по различным причинам предпочитало бы, чтобы Россия потерпела поражение в войне... В Америке есть много людей, которые очень хотели бы видеть, как наши армии пройдут через Германию и будут продолжать сражаться с Россией, после того как Германия будет побеждена»².

Но он считал, что реакцию можно сломить. Горячо желая восстановить сотрудничество, Гопкинс невольно создал у советских руководителей неправильное представление, в частности о Трумэне. Тем самым Гопкинс сыграл на руку американским реакционерам, несколько рассеяв подозрения Советского Союза.

Все это не догадки. Убедительным подтверждением этого служит не только тот факт, что посол Гарриман прежде всего выбрал Гопкинса, но также и выводы самого посла о миссии Гопкинса. На заседании кабинета 8 июня 1945 года Гарриман сделал «отчет об общих результатах поездки Гопкинса, который приблизительно соответствовал отчету самого Гарри... Он заявил, что поездка Гарри уже *рассеяла растущие подозрения Сталина и Молотова*»³ (курсив мой.— К. М.).

Можно ли быть откровеннее? Людям, готовившим холодную войну, удалось успокоить Советы и внушить им, что наша политика все еще полезна Рузвельта. Вот почему советские руководители согласились отказаться от права вето по процедурным вопросам в ООН.

Сталин преднамеренно пошел на риск в вопросе о вето. Ради сохранения сотрудничества Советский Союз дал оружие в руки англо-американского блока. Вместе с тем Сталин сделал Гопкинсу внушительное предостережение, столь же важное сейчас, как и в 1945 году. Сталин сказал Гопкинсу, что угрозы не помогут. Если прекращение поставок по ленд-лизу было своего рода нажимом, «то это было большой ошибкой. Он сказал, что

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 889.

² Там же, стр. 923.

³ «Дневники Форрестала», Нью-Йорк, 1951, стр. 68.

он должен прямо заявить Гопкинсу, что если с русскими говорить откровенно и дружелюбно, можно достигнуть многого, но репрессии в любой форме дадут совершенно противоположные результаты»¹.

В свете того, что произошло за последние несколько лет, в свете того, как Советский Союз реагировал на американские угрозы, это предостережение Сталина является пророческим. В это же время Сталин сделал замечание, которое мы уже приводили в предыдущей главе: «Несмотря на то, что русские — простой народ, их нельзя считать дураками, — а эту ошибку часто делали на Западе; при этом русские не слепы и отлично видят, что делается у них на глазах». И Сталин добавил также: «Верно, что русские терпеливы в интересах общего дела, но их терпение имеет границы».

Это ясные и откровенные предостережения, и на их формулировку стоит обратить внимание. Сталин, которого враги называют «скрытым», «уклончивым», «непроницаемым» и «загадочным», на самом деле говорит более ясно, чем когда-либо говорил Черчилль. Эти предостережения дают ключ к объяснению позиции Советского Союза в период 1945—1946 годов.

Самый важный результат миссии Гопкинса в том, что благодаря его успеху стала возможной Потсдамская конференция. Газеты в заголовках подчеркивали, что отношения с Россией улучшаются. Воодушевленные результатами, которых добился Гопкинс, прогрессивные силы в американском правительстве смогли, имея вынужденное согласие Трумэна, поддержать политику Рузвельта в отношении Германии. Потсдамская конференция — это последнее международное совещание, на котором торжествовали идеи Рузвельта². Это было также последнее совещание Большой тройки.

Потсдамская конференция

Потсдамская конференция прошла удачно. Доказательством этого служит разочарование реакционеров.

Адмирал Леги писал: «Общее впечатление, которое я вынес от Потсдамской конференции, было впечатление крушения надежд. И Сталин и Трумэн потерпели поражение»³.

¹ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 894.

² Отчасти это объяснялось также тем, что многие политические установки Рузвельта были изложены письменно и соответствующие директивы были изданы еще до его смерти. Так, например, директива Объединенной группы начальников штабов № 1067, определявшая основную политику в отношении Германии, была направлена в Европу за много месяцев до смерти Рузвельта. Интересно отметить тесную связь между этой директивой и протоколом Потсдамской конференции.

³ Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 426.

Леги переживал крушение надежд, потому что он стремился к победе над Советами и не добился ее. Если и Трумэн и Сталин потерпели «поражение», как считал Леги, то это означает, что обе стороны, повидимому, пошли на взаимные уступки. Это означает компромиссы, а компромиссы означают успешную конференцию.

В действительности вопросов, по которым Большая тройка приходила к согласованным решениям, было гораздо больше, чем вопросов, по которым не удавалось прийти к соглашению. Советский Союз подтвердил свое намерение вступить в войну против Японии, а США согласились на репарации с Германией. Вопрос о репарациях и другие вопросы, связанные с германской проблемой, составили основу Потсдамского соглашения, и на них мы остановимся ниже.

Важнейший пункт, по которому были расхождения,— это вопрос о Восточной Европе. США не удалось добиться усиления своего влияния в союзных контрольных комиссиях в Румынии, Болгарии и Венгрии; СССР не удалось добиться признания этих правительств Западом. Леги пишет: «В результате возник полный тупик, и можно сказать, здесь было положено начало холодной войне между США и Россией»¹.

Это заявление служит новым доказательством, если вообще нужно такое доказательство, что холодная война — это идея американцев. Ибо в Потсдаме Советский Союз все еще действовал, основываясь на дружественных отношениях с США.

Так, например, и адмирал Леги и генерал Арнольд отмечали большую перемену в отношении к ним советских военных, которые проявляли подлинное чувство товарищества. Описывая штабные переговоры, Леги замечает, что «все заседание было очень дружественным и совсем не чувствовалось той подозрительности, которая часто мешала нашей военной миссии в Москве»².

В глазах Советского Союза Потсдамская конференция была успешной. В глазах американцев, по словам Леги, она явилась крушением надежд и началом холодной войны. Как это могло получиться?

Причина очень простая. Потсдамское соглашение было призвано демилитаризовать, денацифицировать и декартелизировать Германию. Это было радостное известие для либералов всего мира, где бы они ни находились — в России, Франции, Англии или Соединенных Штатах. По той же самой причине это было неприятно для реакционеров всего мира.

¹ Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 416.

² Там же.

Потсдамское соглашение о Германии

Теперь, когда вооружают Западную Германию, а неонацизм укрепляется, Потсдамское соглашение кажется какой-то фантазией, но эту фантазию подписали руководители самых могущественных держав в мире — Америки, Англии и России. Стоит взглянуть на этот документ.

Потсдамское соглашение, опубликованное 2 августа 1945 года, содержит несколько частей. В части III, в разделе А «Политические принципы» содержится 10 параграфов, некоторые из которых имеют подразделы. Мы приводим здесь параграфы с 5-го по 8-ой.

«5. Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы.

6. Все члены нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полуофициальных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии.

7. Образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей.

8. Судебная система будет реорганизована в соответствии с принципами демократии, правосудия на основе законности и равноправия всех граждан, без различия расы, национальности и религии».

Раздел В «Экономические принципы» содержит еще девять параграфов. Основной параграф гласит:

«12. В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения... картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений»¹.

Если бы эти положения были проведены в жизнь, то Западная Германия сейчас не возрождала бы вновь свою военную мощь, вновь поднимаясь на ноги, чтобы угрожать миру. Потс-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, т. III, стр. 341—342 и 343.—
Прим. ред.

дамское соглашение о Германии — это последнее наследие Рузвельтовских времен. Подготовка к конференции велась в течение нескольких месяцев на основании главных директив Рузвельта. В тот короткий промежуток времени, когда Трумэн пребывал в состоянии нерешительности, он придерживался политики, намеченной Рузвельтом. Но уже в Потсдаме инициаторы холодной войны еще раз одержали победу и на этот раз окончательно.

Переговоры военных руководителей

Потсдамское соглашение о Германии умерило подозрения Советов; оно имело большое значение как с точки зрения советских, так и с точки зрения американских национальных интересов.

Оно, казалось, должно было доказать, что единство союзников сохранилось и после смерти Рузвельта, и убедить Советов в том, что послевоенное сотрудничество покоится на прочной основе взаимной заинтересованности. Но это было не так.

На самой конференции, которая, казалось, гарантировала мир, англо-американские военные руководители говорили о войне. В различных мемуарах встречаются выдержки, которые очень грустно и горько читать.

Генерал Арнольд в Потсдаме долго беседовал с английским маршалом авиации Порталом. Арнольд пишет: «мы оба считали, что нашим следующим врагом будет Россия, и в результате нашей беседы выявился общий образ мыслей», а именно, что русские сильны, что касается наземных сил, и убеждены в том, что имеют хорошую армию, но что они опасаются бомбардировщиков дальнего действия. Поэтому:

«...для того чтобы успешно использовать наши военно-воздушные силы, мы должны так расположить базы по всему миру, чтобы можно было достигнуть любого объекта, который нам придется поразить. По этому вопросу Портал и я придерживались одного мнения»¹.

Из одной этой фразы видна милитаристская основа доктрины Трумэна. Военщина не может представить себе мира на земном шаре. Арнольд беседовал с фельдмаршалом Александером (который в 1952 году еще являлся министром обороны при Черчилле), заявившим ему, что «русские — дикари в душе». Фельдмаршал Монтомгери добавил, что он и Александер «предвидят новую войну лет через двадцать»². Сэр Алан Брук и адмирал Кэннингхэм согласились с ним.

В области политики этому курсу на мировую войну соответствует установка на мировое господство Соединенных Штатов. В Потсдаме Бирнс, который вскоре должен был занять

¹ Х. Х. Арнольд, Всемирная миссия, Нью-Йорк, 1949, стр. 586.

² Там же, стр. 588.

пост государственного секретаря, изложил эту политическую линию. Арнольд пишет: «Джимми Бирнс изложил нечто поразившее мое воображение. Он сказал, что наша задача сейчас не в том, чтобы обеспечить возможность установления демократии во всем мире, а в том, чтобы обеспечить возможность установления господства США над миром»¹.

Бирнс открыто говорит о мировом господстве США. Эту мысль он выдвигает не впервые. Еще в 1940 году председатель Национальной промышленной конференции (ответвление Национальной ассоциации промышленников) Вирджил Джордан, являющийся видным представителем Уолл-стрита, наметил путь американского империализма. Он заявил: «Каков бы ни был исход войны, Америка встала на путь империализма в международных делах и во всех других областях своей жизни... В лучшем случае Англия станет младшим партнером нового англо-саксонского империализма... Мировые события... предоставили нам не только возможность развития, но и экономические средства, социальные условия, а теперь и политические методы и обычаи современного империализма...

Путь империи идет на юг в нашем полушарии и на запад — в Тихий океан...»².

До Потсдамской конференции одно обстоятельство еще мешало нам встать на путь военной экспансии, а именно отсутствие превосходства военной мощи. Взрыв в Аламагордо в штате Нью-Мексико показал, что атомная энергия является реальной силой. Организаторы холодной войны увидели перед собой открытый путь к мировому господству. Как сформулировал это генерал Леги: «Одному фактору суждено было изменить многие представления, в том числе и мон... этот фактор — атомная бомба»³.

¹ Х. Х. Арнольд, Всемирная миссия, Нью-Йорк, 1949, стр. 589.

² Виктор Перло, Американский империализм, М., Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 151 и 153. (Прим. ред.)

³ Уильям Леги, Я был там, Нью-Йорк, 1950, стр. 429.

Глава II

ВЕЛИЧАЙШЕЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО

«Г-н Бирнс говорит от имени государства (США), которое нажилось на войне с государством, которое подвергалось ужасающим опустошениям и разорению... И все же г-н Бирнс осмеливается называть советские предложения по вопросу о репарациях... «непростительными».

Профессор Фредерик Л. Шуман

«Производство сырья в Советском Союзе для экспорта в Соединенные Штаты приспособится к потребностям Соединенных Штатов».

Иосиф Сталин — Эрику Джонстону, 1944 год

Те, кто проводит реакционную внешнюю политику, упражняются в искусстве лицемерия. Политиканы, обманывающие своих избирателей, предпочитают об этом умалчивать. Когда им приходится говорить, они прибегают к эвфемизмам — благозвучными сладкими словами прикрывают гнусную суть дела.

Каждому рабочему известно, что когда полиция избивает стачечников, стоящих в пикетах вокруг своего предприятия, то она «поддерживает законный порядок», когда хозяева ускоряют ход конвейера, они «повышают производительность», когда происходит увольнение рабочих, то это для благозвучия именуют «пересмотром списков».

Точно так же обстоит дело и в области внешней политики: когда Ванденберг хотел отказаться от соглашений, заключенных в Ялте, он говорил о необходимости «пойти дальше, чем в Ялте», когда Форрестол затевал вторжение в другие страны, он говорил о «применении силы на расстоянии»; Трумэн, говоря о войне, называет ее «полициейскими мерами».

Вот еще одно интересное «благозвучное» выражение, на которое особенно важно обратить внимание при чтении этой книги. Речь идет о различии между «займом» и «кредитом» в международных отношениях. «Заем» получает название «кредита», если деньги предоставляются взаймы на таких условиях, которые являются предпосылкой политического господства страны-кредитора. «Кредит» звучит лучше, чем то понятие, которое в Америке прикрывают этим словом, а именно — империализм доллара. Это различие понимал и подчеркивал один

из наших ведущих банкиров, посол Гарриман, при обсуждении вопроса о предоставлении Советскому Союзу займов после войны.

«Для начала Гарриман предложил... кредит в 500 миллионов долларов и подчеркнул различие между «займом», который, как это понимали русские, они могли бы использовать по своему усмотрению, и «кредитом», порядок использования которого определяло бы правительство США»¹.

Это различие между займом и империализмом доллара сыграло важную роль в разворачивании холодной войны. Советский Союз хотел получить заем, который был бы связан для него лишь с одним обязательством — обязательством вернуть долг. С чисто финансовой точки зрения советское правительство пользовалось очень хорошей репутацией. Это признал не кто иной, как Эрик Джонстон, который в 1944 году, когда он возглавлял Торговую палату США, заявил на пресс-конференции:

«По своей кредитоспособности Советский Союз не уступает ни одной стране в мире»².

Таким образом, дело было вовсе не в кредитоспособности. Вопрос о том, получит ли Советский Союз, подобно Англии, заем после войны, был чисто политическим вопросом — вопросом, тесно связанным с проблемой германских репараций. «Репарации» — это технический термин для обозначения компенсации за убытки, понесенные в результате войны. Это — более сильное слово, чем «компенсация», так как под ним подразумевается моральное обязательство исправить сотворенное зло, совершив добро. Учитывая размеры ущерба, причиненного Советскому Союзу германской армией, надо сказать, что если немцы намеревались хотя бы начать «заглаживать свою вину», им следовало бы выплатить Советскому Союзу очень большие репарации. Отношение Соединенных Штатов к проблеме репараций имело серьезное политическое значение, так же как и вопрос о займах, поскольку как то, так и другое должно было сказаться на темпах восстановления Советского Союза. Альберт Карр, изучавший эту проблему, пишет:

«Весьма вероятно, что с политической точки зрения эти две проблемы — американский кредит и германские репарации — были в представлении Советского Союза тесно между собой связаны, так как наша позиция в отношении обеих проблем существенно отражалась на темпах восстановления Советского Союза после войны»³ (курсив мой.— К. М.).

Карр занимал такое положение, которое давало ему возможность знать факты. Он был специальным советником президента

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 25.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 41.

Трумэна по этим вопросам. До этого он был помощником председателя Управления по делам военного производства Дональда Нельсона. Книга, которую написал Карр о Трумэне, подтверждает мнение автора настоящих строк о том, что эти две тесно связанные между собой экономические проблемы — займы и репарации — дают ключ к пониманию того, как началась холодная война. Это объясняется значением обеих проблем для СССР.

Значение займов и репараций

Прежде всего Советскому Союзу необходимо было восстановить районы, жестоко пострадавшие в результате гитлеровской оккупации. Было убито несколько миллионов человек, опустошена огромная территория, разрушены заводы и уничтожено оборудование. Государственный секретарь Стеттиниус опубликовал подсчеты, из которых явствовало, что было уничтожено 25 процентов всего основного капитала¹ Советского Союза, не считая при этом живого инвентаря. С лица земли были стерты целые города. Восстановление всего разрушенного представляло собой грандиозную задачу.

Далее, руководители Советского Союза понимали, что тесные отношения с Соединенными Штатами в области экономики заложили бы основу и для дружественных отношений в области политики. Во время войны объективной материальной основой сотрудничества между США и Советским Союзом служила необходимость разгрома гитлеровской Германии; после войны объективной материальной основой дружбы между этими странами могла стать торговля.

Карр сообщает:

«Сталин не скрывал своего убеждения в том, что торговля с Соединенными Штатами создаст основу для политического сотрудничества Советского Союза с Западом»².

Это убеждение Сталина разделяли такие видные деятели правительства Рузвельта, как Нельсон и Моргентау. В свою бытность министром финансов Моргентау прямо заявил об этом в письме, адресованном Рузвельту 1 января 1945 года. Он писал:

«Я убежден, что если бы мы сейчас выступили и предложили русским конкретный план помощи им в восстановительный период, это очень способствовало бы устранению многих трудностей, с которыми мы встречаемся в связи с проблемами, стоящими перед русскими и их политикой»³.

¹ Основной капитал включает здания, машины, различного рода сооружения, железные дороги и т. д.

² Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 24.

³ Эдвард Стеттиниус, Рузвельт и русские, Нью-Йорк, 1949, стр. 120.

Наконец, экономическая помощь Советскому Союзу послужила бы самым убедительным доказательством благих намерений США в отношении СССР. Американский заем и германские репарации способствовали бы быстрому восстановлению России и, разумеется, усилили бы ее. Если бы мы, американцы, считали СССР своим врагом, мы, конечно, не стали бы ему помогать; и, наоборот, если бы мы ему помогали, это было бы убедительным доказательством того, что мы не ожидаем военного столкновения.

Между американским займом и германскими репарациями имеется и весьма существенная разница. Советский Союз имел бесспорное и законное право требовать от немцев выплаты репараций, и чтобы заставить их считаться с этим правом, он держал в Германии свою армию. На американский заем СССР не имел законного права. Он имел на него лишь такое же моральное право, какое предъявила Англия (чтобы получить заем). — право верного союзника, который доблестно сражался и понес большие потери.

Поэтому американский заем явился бы свидетельством доброжелательного и дружественного отношения США к Советскому Союзу. Но если бы мы и отказали Советскому Союзу в займе, то это — при условии нашего согласия на репарации — отнюдь не означало бы, что мы относимся к нему враждебно. Руководители Советского Союза прекрасно знали, что в Соединенных Штатах все время шла борьба между сторонниками и противниками американо-советского сотрудничества. Если бы мы отказали Советскому Союзу в займе, но согласились на репарации, это было бы свидетельством холодного, но не обязательно враждебного отношения. Но если бы мы воспрепятствовали получению русскими германских репараций, которые должны были частично возместить Советскому Союзу ущерб, нанесенный ему войной, это означало бы с нашей стороны преднамеренно враждебное отношение.

Это особенно верно еще и потому, что чем меньшую сумму составляли бы репарации, тем сильнее стала бы Германия. Если бы Англия и Америка стали укреплять своего злейшего врага, Германию, в ущерб восстановлению своего верного союзника, России (всего через несколько месяцев после окончания войны), налицо было бы несомненное доказательство наших враждебных намерений по отношению к России. Это признавали очень многие политические наблюдатели. Об этом недвусмысленно говорит и Карр:

«После первой мировой войны страх перед Советской Россией сыграл существенную роль в решении Англии и США дать Германии возможность возродиться как европейской державе. Пойдет ли Запад снова по этому же пути? Если да, то это будет означать *возобновление в ближайшем будущем политической войны против России*. Москва имела полное право считать

вопрос о *германских репарациях «пробным камнем» политики Вашингтона и Лондона»*¹ (курсив мой.— К. М.).

Рассмотрим один за другим оба эти вопроса (о займе и о репарациях), и мы увидим, что собственно произошло.

История вопроса о займе

Еще в 1943 году президент Рузвельт направил Дональда Нельсона в Москву. На него была возложена миссия выяснить, как относятся русские к проблемам, которые встанут после войны. Проводя политику дружбы с СССР, Рузвельт взял на себя инициативу выяснения вопроса, как США смогут помочь Советскому Союзу посредством займов. Дональд Нельсон, который раньше возглавлял фирму «Сирс Робук», а в то время был председателем Управления по делам военного производства, сам стоял за более тесное экономическое сотрудничество с СССР. В этой поездке в Москву Нельсона сопровождал Карр.

На пути в Москву они остановились в Лондоне и имели беседу с английским министром производства Оливером Литтлтоном, а также с Авереллом Гарриманом, который ранее возглавлял американскую экономическую миссию в Лондоне и только что был назначен послом в Москву. Литтлтон и Гарриман отнеслись к идее займов без энтузиазма.

«Слушая их, — пишет Карр, — я стал сильно сомневаться, удастся ли Нельсону сделать в Москве что-нибудь полезное. Дальновидный политик Черчилль, лидер английских консерваторов Литтлтон, друг Рузвельта и Черчилля Гарриман — все трое явно ожидали, что после войны отношения между союзниками будут не слишком дружественными. Надо добавить, что все эти люди стояли у власти и имели возможность претворять свои идеи в политические действия»² (курсив мой.— К. М.).

Карр хочет сказать, что люди, которые в 1943 году ожидали трений между союзниками после войны, занимали тогда такое положение, что могли создавать эти трения. Все же Нельсон отправился в Москву и там беседовал с Молотовым и со Сталиным. Молотов и Нельсон договорились по двум основным вопросам:

«1. Россия и США обоюдно заинтересованы в том, чтобы сотрудничать в деле развития прочных производственных и торговых связей и таким образом добиваться осуществления своей общей цели — поднятия жизненного уровня своих народов и обеспечения прочного мира.

2. Повидимому, нет никаких экономических причин, которые препятствовали бы установлению таких связей, особенно по-

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 41.

² Там же, стр. 17—18.

скольку между обеими странами нет никаких серьезных экономических конфликтов. Соединенные Штаты располагают избытком машинного оборудования, промышленными предприятиями огромной мощности, многочисленным инженерно-техническим персоналом. Во всем этом Россия крайне нуждается; зато она располагает богатыми природными ресурсами, которые Соединенные Штаты могли бы с выгодой для себя использовать»¹.

Затем Нельсон беседовал со Сталиным, который указал, что если бы СССР в скором времени получил американский заем, то он мог бы делать очень крупные закупки². Беседа носила исключительно дружественный характер. Сталин сказал Нельсону:

«Американцы нам нравятся. Вы приезжаете к нам, как деловые люди, а не как аристократы. Мы охотнее имеем дело с Соединенными Штатами, чем с Англией. Нам нравятся американские материалы и американские инженеры. Все, что вы нам присылаете, отличается прекрасным качеством»³.

Нельсон выразил желание ознакомиться с промышленным развитием Сибири, и, несмотря на строгие правила военного времени, установленные в Советском Союзе в целях безопасности, ему показали все, что он хотел видеть. По словам Карра, он ознакомился с советской промышленностью ближе, чем какой-либо другой американец. Вернувшись из Сибири, Нельсон сообщил Сталину, что перспективы получения займа он считает благоприятными, и Сталин ему ответил: «Мы гарантируем выплату займа. Все обязательства, принятые нашим правительством, будут покрыты — и притом не частичными платежами»⁴.

Вскоре после этого Молотов беседовал с Гарриманом относительно долгосрочного займа, и Гарриман телеграфировал в Вашингтон, что СССР, повидимому, «заинтересован в том, чтобы быстро прийти к соглашению» по этому вопросу.

Дело, начатое Нельсоном, было продолжено Эриком Джонстоном, посетившим Москву летом 1944 года (в то время он был председателем Торговой палаты США). Джонстон обсуждал со Сталиным те же вопросы, что и Нельсон. Советский Союз предложил погасить заем поставками сырья. Сталин сказал:

«Производство сырья в Советском Союзе для экспорта в Соединенные Штаты приспособится к потребностям Соединен-

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 18.

² В списке, который предложил Сталин, значилось оборудование для электростанций (мощность 250—300 тысяч киловатт), 10 тысяч паровозов, 50 тысяч товарных вагонов, 30 тысяч километров рельсов.

³ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 19.

ных Штатов. Мы сможем поставлять вам сырье в любых количествах, если получим оборудование для его производства»¹.

В январе 1945 года Молотов снова напомнил о займе, на этот раз в беседе со Стеттиниусом. Вскоре после этого он официально обратился с просьбой о займе в государственный департамент. Молотов просил миллиард долларов. Англичане просили пять миллиардов, и к 1947 году они получили уже около четырех миллиардов.

Заем как средство нажима

Советский Союз никакого займа не получил.

Как мы уже упоминали выше, посол Гарриман еще в 1944 году подчеркивал, что США должны предоставлять другим странам не займы, а «кредиты». 11 апреля 1945 года он снова высказал этот взгляд. В Англии и других маршаллизованных странах деньги оказались действенным средством, для того чтобы достигнуть политических уступок, но в Советском Союзе это не удалось. Поскольку Советский Союз всегда отвергает всякое вмешательство в свои внутренние дела, позиция, которую занимал Гарриман, почти наверняка должна была встретить возражения.

Влиятельные американцы ожидали, что Россия может уступить американскому давлению из-за своей экономической слабости. Форрестол писал:

«Президент упомянул о сообщениях утренних газет относительно неурожая зерновых в России и на Украине, а также о слухах, будто на почве скудного пайка в России начались волнения. Он сказал, ...что им [русским], вероятно, уже стало ясно, что им так же, как и другим, придется рассчитывать на Соединенные Штаты как на единственный источник продовольственной помощи»² (курсив мой.— К. М.).

Хлеб — это оружие, сказал однажды Литвинов Герберту Гуверу, и Трумэн показывает, как это оружие используется. Но, как это бывало очень часто в прошлом, американские государственные деятели недооценили мощь Советского Союза. Это подтверждает и Карр:

«...некоторые видные деятели государственного департамента и вооруженных сил, повидимому, переоценивали зависимость России от Соединенных Штатов в отношении помощи для нужд послевоенного восстановления. Они, повидимому, считали, что Россия не сможет экономически оправиться без нашей помощи. По существу же дело обстояло так: Советы очень хотели получать американские товары и нуждались в них... но это соображение... не было достаточно веским,

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 23.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 234.

чтобы заставить их уплатить нам любую политическую цену, какую мы потребуем»¹ (курсив мой.— К. М.).

Уже в беседе с Джонстоном Сталин намекнул, что давление тут не поможет. Касаясь займов, он сказал:

«Мы сможем обойтись и без них, но тогда дело пойдет медленнее».

Когда стало ясно, что использование долларов для давления на Советский Союз в духе «долларового империализма» — дело бесполезное, США решили отказаться от всей этой затеи. Советский Союз никакого займа не получил; больше того, государственный департамент даже не подтвердил факта получения просьбы о займе. Через много месяцев после Потсдама, в самый разгар холодной войны, государственный департамент объявил, что обращение Советского Союза относительно займа было «затеряно» и нашлось в делах только через шесть месяцев². Такое объяснение вряд ли можно счесть правдоподобным. Оно фактически было более оскорбительно, чем отказ в предоставлении займа.

Проблема репараций

Репарации — совсем не то, что займы. Ответственность за войну лежала на немцах, а Красная Армия находилась в Германии, чтобы заставить немцев платить.

Германия нанесла Советскому Союзу такой ущерб, который не поддается никакому описанию. Уинстон Черчилль сказал: «Ни одно из существовавших и существующих в мире правительств не было бы в состоянии залечить такие тяжелые и страшные раны, какие Гитлер нанес России». Приводя это высказывание Черчилля, американский журналист Эдгар Сноу пишет: «Черчилль по крайней мере признавал, что бомбежка Англии немцами выглядела как простой дождик в сравнении с теми муками, которые перенесла Россия».

Число убитых в одном русском городе превышает все потери Англии, включая и потери среди гражданского населения»³.

Далее Сноу образно рассказывает о потерях Советского Союза:

«Не атомная бомба, а русский народ сломил хребет вооруженных сил Германии еще до того, как мы произвели высадку в Европе, причем он заплатил за это такой ценой, которую американцы представляют себе лишь очень смутно и которую они в собственных интересах преуменьшают. В одной только Сталинградской битве было убито больше русских, ...чем погибло американцев за все время войны... На каждого погибшего

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 25—26.

² «Нью-Йорк таймс», 2 марта 1946 г.

³ Эдгар Сноу, Сталину нужен мир, Нью-Йорк, 1947, стр. 63—64.

американца приходится два десятка убитых русских солдат... Немцы оккупировали более 800 тысяч квадратных миль территории... [на этой территории] жила треть населения России. Разорение этой территории означало для Советского Союза потерю половины угольных шахт, половины производства электроэнергии, трех пятых железных рудников и около половины сталелитейной и машиностроительной промышленности. Районы, освобожденные русскими, представляли собой в большинстве случаев пустыню, где не было ничего, кроме развалин, а большие города были разрушены на 30—90 процентов...

Разве можно всерьез рассматривать репарации как возмещение за все то, что перенесла Россия? Кто может воскресить ее мертвых? Материальные убытки России оцениваются в 200 миллиардов долларов, но в огне войны сгорели не только деньги. Представьте себе, что у вас был дом (в России разрушено четыре миллиона частных домов), а теперь вы живете в земляной норе. Какого возмещения вы потребуете, если ваш ребенок умер от воспаления легких? Представьте себе, что у вас была пара ботинок и ее украл фриц, а теперь вам приходится обматывать ноги соломой. Так что же, разве вы потеряли только деньги, уплаченные за пару ботинок?»¹ (курсив мой.— К. М.).

Репарации имели серьезнейшее значение для советских планов восстановления страны. По мере того как возможность получения американских займов становилась все более сомнительной, все большее значение для восстановления разоренных районов Советского Союза приобретали репарации. В феврале 1945 года, во время Ялтинской конференции, советские руководители придавали проблеме репараций первостепенное значение. Об этом недвусмысленно говорит Бирнс: «В ходе всего обсуждения германской проблемы в Ялте советская делегация проявляла наибольший интерес к вопросу о репарациях»².

Об этом же еще резче говорит Карр:

«Из Ялтинских протоколов видно, что сначала Сталин шел на уступки в политических вопросах. Он принял американское предложение по вопросу об освобожденных районах. Он согласился, хотя и неохотно, на то, чтобы Франция контролировала одну зону в Германии. Но когда дело дошло до репараций, он ни на какие уступки не пошел»³.

Советский Союз предлагал, чтобы союзники получили с Германии по репарациям 20 миллиардов долларов, из которых Советскому Союзу была бы предоставлена половина. Учитывая размеры разрушений, которые Германия причинила Советскому Союзу, 10 миллиардов долларов отнюдь не были чрезмерной

¹ Эдгар Сноу, Сталину нужен мир, Нью-Йорк, 1947, стр. 64—67.

² Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 26.

³ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 40.

суммой. Далее Советский Союз предлагал, чтобы половина общей суммы репараций была изъята немедленно в виде капитального оборудования, а остальные 10 миллиардов выплачивались в течение 10 лет по миллиарду долларов в год. Немцы могли выплатить эту сумму без особого труда, и тем не менее Бирнс назвал эти предложения «непростительными». Альберт Карр разоблачает Бирнса:

«Дальновидные русские предвидели, что, несмотря на все бомбежки, после войны в Германии еще останется огромное количество промышленных предприятий, сохранивших производственную мощность, и что восстановление Германии будет происходить очень быстро»¹.

Несмотря на полную обоснованность требований Советского Союза, Черчилль [в Ялте] выступил против советских предложений. В конце концов Рузвельт добился компромисса, заявив, что сумму в 20 миллиардов долларов надо «принять за основу для обсуждения». В Потсдаме было достигнуто полное соглашение по вопросу о размерах и сроках выплаты репараций. Были выработаны конкретные квоты и конкретные сроки поставок. Соответствующие статьи Потсдамского соглашения мы приводим ниже.

IV

*Репарации с Германии*²

4. В дополнение к репарациям, получаемым Советским Союзом из своей зоны оккупации, СССР получит дополнительно из западных зон: а) 15 процентов такого пригодного к использованию и комплектного промышленного капитального оборудования... которое не является необходимым для германского мирного хозяйства... в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии, угле... и других видах материалов...

б) 10 процентов такого промышленного капитального оборудования... для передачи Советскому Правительству в счет репараций без оплаты или возмещения любым образом...

5. Количество оборудования, подлежащего изъятию из западных зон в счет репараций, должно быть определено самое позднее *в течение шести месяцев, начинающихся с настоящего времени.*

6. Изъятия промышленного капитального оборудования начнутся так скоро, как это возможно, и будут закончены в течение двух лет...

¹ Альберт З. Карр, Трумэн, Сталин и мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 39.

² Приводимые ниже выдержки цитируются по книге «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, т. III, 346—347. (Прим. ред.)

7. До определения общего количества оборудования, подлежащего изъятию, будут произведены авансовые поставки...»¹ (курсив мой.— К. М.).

Это соглашение сформулировано ясно и недвусмысленно. Оно было подписано 1 августа 1945 года. Весь план должен был быть разработан к 2 февраля 1946 года, а авансовые поставки должны были начаться еще до февраля. Это решение было скреплено подписями глав трех государств — Трумэна, Эттли и Сталина.

Потсдамское соглашение по вопросу о репарациях показало руководителям Советского Союза, что Соединенные Штаты не предполагают, что между Америкой и Советским Союзом произойдет столкновение и что Соединенные Штаты не станут восстанавливать мощь Германии. Изучавший эту проблему Ричард Сэсюли пишет:

«Потсдамская конференция решала вопрос о репарациях, исходя из тех фактических условий, которые существовали после окончания войны. Именно поэтому вокруг Потсдамских решений разгорелся международный политический конфликт. Советский Союз, как государство, больше всех пострадавшее от войны, должен был получить львиную долю германского промышленного оборудования. Чем больше мы брали бы у Германии, тем больше мы должны были бы отдавать Советскому Союзу; и наоборот, чем меньше мы ущемляли бы немцев и чем больший военный потенциал им оставляли, тем меньше мы помогали бы восстановлению русской промышленности»².

От Потсдамских решений должна была выиграть не только Россия, но и другие европейские державы. Сэсюли указывает:

«Разработанная в Потсдаме система репараций была разумной. Ввиду того, что при этой системе упор делался на передачу оборудования, а не на платежи наличными деньгами или готовыми товарами, она привела бы к тому, что промышленная мощь переместилась бы из мирового центра фашизма в те страны, которые больше всего пострадали от германской агрессии»³.

И далее Сэсюли многозначительно добавляет:

«Точнее говоря, потсдамская система *привела бы* к такому результату, если бы она была претворена в жизнь».

На сцене появляется атомная бомба

На сложные политические и экономические отношения, создавшиеся после окончания войны, упала зловещая тень атом-

¹ Ричард Сэсюли, И. Г. Фарбен, Нью-Йорк, 1947, стр. 269. Эта прекрасная книга излагает типичную историю огромного германского химического треста и показывает, какую роль он сыграл в поддержке Гитлера и в подготовке второй мировой войны. Сэсюли был начальником финансовой разведки в финансовом управлении Американской военной администрации в Германии.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 223.

ной бомбы. Как уже было сказано выше, на атомную бомбу сразу же стали смотреть как на орудие борьбы с Советским Союзом. Мы уже приводили соответствующие высказывания Трумэна, Леги и Бирнса, а также тщетные предостережения Стимсона против такой политики.

США принялись разъяснять значение атомной бомбы уже через три недели после подписания Потсдамского соглашения, через две недели после взрыва бомбы в Хиросиме и через неделю после капитуляции Японии. 18 августа 1945 года Бирнс опубликовал заявление, содержащее нападки на выборы в Болгарии и уведомлявшее Советский Союз о том, что все заключенные с ним соглашения недействительны. Профессор Шуман пишет:

«Первопричиной того прискорбного факта, что отношения между США и Советским Союзом зашли в тупик, было заявление Бирнса от 18 августа 1945 года, подкрепленное речью Бевина от 20 августа. Этими заявлениями Вашингтон и Лондон «во имя демократии» открыли продолжающуюся и поныне дипломатическую и пропагандистскую кампанию, имеющую своей целью покончить с советским влиянием в Восточной Европе и на Балканах»¹.

На протяжении последних месяцев 1945 года и всего 1946 года государственный секретарь Бирнс пускал в ход свою «атомную дипломатию». Наши послы в Польше, Румынии и Венгрии открыто и самым провокационным образом стремились подорвать власть правительств в этих странах, а в это время Бирнс лицемерно заявлял, что «Америка никогда не примет участия во враждебных интригах каких-либо групп, выступающих в этих странах, против Советского Союза...»².

Параллельно с атомной дипломатией действовала «дипломатия доллара». Англия и Соединенные Штаты цинично растоптали соглашение о репарациях, подписанное в Потсдаме Эттли и Трумэном.

Величайшее надувательство

В Потсдамском соглашении была зафиксирована одна дата. На основании раздела 4 части IV этого соглашения из западной зоны Германии в Советский Союз должно было быть отправлено оговоренное количество промышленного оборудования. В разделе 5 было сказано, что это количество будет определено «самое позднее в течение шести месяцев, начинающихся с настоящего времени», то есть ко 2 февраля 1946 года. В разделе 6 говорилось, что все это оборудование будет вывезено в течение

¹ Фредерик Л. Шуман, Дьявол и Джимми Бирнс, Нью-Йорк, 1948, стр. 7.

² «Нью-Йорк геральд трибюн форум», 31 октября 1945 г.

двух лет. Разделом 7 предусматривалось, что авансовые поставки начнутся еще до составления списков, то есть до 2 февраля 1946 года. Эти соглашения никогда не подвергались сомнению, никогда не было речи о «неправильном истолковании». Вопрос о дате 2 февраля 1946 года как о предельном сроке был согласован. Изъятие капитального промышленного оборудования должно было начаться до 2 февраля; количество оборудования, подлежащее изъятию в счет репараций, должно было быть определено к этому сроку.

Дальнейший ход событий можно проследить по документам. «Потсдамское соглашение, — пишет Сэсюли, который был на Потсдамской конференции, — было подписано в начале августа. В конце августа русские подали заявку на передачу им 41 завода в порядке авансовых поставок».

Это было сделано на основании соглашения. Далее Сэсюли пишет:

«В сентябре 1945 года, когда министры иностранных дел Большой тройки собрались в Лондоне, ничего еще не было вывезено. Советский Союз, основываясь на статье об авансовых поставках, попросил, чтобы репарационные поставки были начаты немедленно. В октябре экономический отдел Союзного контрольного совета дал согласие на *немедленную отправку тридцати заводов*»¹ (курсив мой. — К. М.).

Казалось, что лед тронулся. Но тут начали происходить весьма странные события. Французы отказались признать Потсдамское соглашение на том основании, что их представители в нем не участвовали.

Глава американской военной администрации в Германии генерал Клей пишет:

«Нежелание французов признавать Потсдамские решения было важной причиной разногласий в Контрольном совете...»².

В результате французского вето невозможно было ввести в Германии централизованный контроль четырех держав и приступить к экономическому планированию в масштабе всей Германии. Впоследствии Бирнс оправдывал нарушение нашего обещания об отправке промышленного капитального оборудования отсутствием общего соглашения по экономическим вопросам³. Другими словами, заводы не были отправлены потому, что французы воспрепятствовали установлению контроля над всей Германией.

Советы заявили Клею протест, указав, что Соединенные Штаты могли бы легко справиться с обструкцией французов, так как «Франция получает слишком широкую финансовую по-

¹ Ричард Сэсюли, И. Г. Фарбен, Нью-Йорк, 1947, стр. 217.

² Люсиус Клей, Решение в Германии, Нью-Йорк, 1950, стр. X. (Введение.)

³ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 167.

мощь Соединенных Штатов, чтобы так упорно сопротивляться, если с этим несогласны Соединенные Штаты». Но Клей ответил, что «наша помощь предоставляется вовсе не для таких целей»¹.

Утверждение Клея, будто Соединенные Штаты не прибегают к методу финансового давления, — верх лицемерия. Бирнс всегда оказывал давление. Классический пример применения этого метода (по пустяковому поводу) имел место на Парижской конференции. Представители Чехословакии аплодировали Вышинскому, когда он критиковал метод «дипломатии доллара»; Бирнс хвастается, что он «немедленно дал телеграмму государственному департаменту о том, чтобы прекратить предоставление Чехословакии кредитов»².

Французы продолжали проводить свою политику обструкций, а Соединенные Штаты им не препятствовали, и по странному стечению обстоятельств все это происходило на протяжении шести месяцев — вплоть до 2 февраля 1946 года. Проговорился об этом не кто иной, как Клей. Он пишет:

«Не будь французского вето, мы, может быть, и создали бы за *первые же шесть месяцев* центральные административные органы для всей Германии»³ (курсив мой.— К. М.).

Совершенно очевидно, что в условиях обструкции со стороны французов невозможно было получить цифры, относящиеся ко всей Германии, и ко 2 февраля 1946 года подготовить списки заводов. А французы не стали бы устраивать обструкцию на протяжении полугода, если бы не было молчаливого согласия, а может быть, и активной поддержки американских властей. Так или иначе, списки не были подготовлены, не производились и поставки.

Сэсюли очень кратко излагает суть дела:

«Министры иностранных дел снова собрались в декабре 1945 года в Москве. Снова выяснилось, что ничего еще не вывезено. Русские снова просили, чтобы поставки начались немедленно. Снова было достигнуто соглашение. И снова оно ни к чему не привело.

А между тем назначенный предельный срок — 2 февраля 1946 года — наступил и прошел»⁴.

Западные державы злостно нарушили весьма торжественно заключенное и жизненно важное соглашение. Это ясно показало Советскому Союзу, что Соединенные Штаты вкуче с Англией перешли к открыто враждебным действиям.

Неделю спустя, 9 февраля 1946 года, Сталин произнес речь, имевшую огромное значение. В своей речи Сталин говорил о

¹ Люсиус Клей, Решение в Германии, Нью-Йорк, 1950, стр. 34—40.

² Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 143.

³ Люсиус Клей, Решение в Германии, стр. 42.

⁴ Ричард Сэсюли, И. Г. Фарбен, Нью-Йорк, 1947, стр. 217.

мировой войне как о суровом испытании, которому подверглась советская политическая и экономическая система. Война, сказал Сталин, показала прочность советского государства и социалистического строя. Однако при тех условиях, которые сложились в мире после войны, советское государство не гарантировано полностью от нападения. В ближайшие пятнадцать лет необходимо выполнить определенные задачи, в частности увеличить втрое производство угля, чугуна, стали и почти вдвое увеличить добычу нефти. Только при этом условии, сказал Сталин, «наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей»¹.

Форрестол назвал эту речь «декларацией третьей мировой войны».

Но только больному воображению Форрестола предостережение Сталина *против* войны могло показаться объявлением *войны*. Эта речь означала лишь, что Советский Союз не намерен молча покориться мировому господству США. Это было предостережение, адресованное западным державам против недооценки мощи Советского Союза; точно так же в марте 1939 года Сталин в аналогичной речи предостерегал Чемберлена и Гитлера против подобной недооценки.

Холодная война — позорное и опасное явление

Ничем не спровоцированное и ничем не оправданное нарушение Потсдамского соглашения по вопросу о репарациях говорит о том, что правительство Трумэна проявляет в международных делах такую же бесчестность, какую многие его продажные представители проявляют в делах внутренних. Трусливые увертки Бирнса, который попытался спрятаться за французов, чрезвычайно неуклюжи. В Потсдамском соглашении конкретно оговорено, что оборудование, вывозимое в порядке авансовых поставок, не подлежит ведению общегерманских экономических планирующих органов.

Мы нарушили слово и укрепили этим своего врага — Германию. Начало вооружению Германии положено нарушением Потсдамского соглашения по вопросу о репарациях. В 1952 году мы видим, на какой опасный путь мы тогда стали.

И это нарушение данного нами слова выглядит особенно отвратительно, потому что, выражаясь словами профессора Шумана, мы отказались принимать в расчет ту «ужасную цену», в какую война обошлась Советскому Союзу». Шуман добавляет:

«Г-н Бирнс говорит от имени государства, которое нажилось на войне, с государством, которое подвергалось ужасающим

¹ И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа 9 февраля 1946 года, М., Госполитиздат, 1946, стр. 22. (Прим. ред.)

опустошениям и разорению и которое ради разгрома врага пожертвовало в тридцать раз бóльшим числом людей, чем Соединенные Штаты. И все же г-н Бирнс осмеливается называть советские предложения по вопросу о репарациях из текущей германской продукции «непростительными» и заявлять, что «следует понимать, что при современном характере войны стремление любой страны добиться хотя бы приблизительного возмещения убытков, которые она понесла, является тщетным и свидетельствует лишь об ее близорукости»¹.

Мощность промышленности США возросла на 50 процентов. Мы можем гордиться огромной производственной мощностью нашей страны, но нам не следует быть самодовольными. В силу того факта, что нам повезло и наша страна не пострадала от разрушений во время войны, мы должны были бы научиться быть сдержаннее. А вместо этого Бирнс самым наглым образом читает мораль таким странам, как Советский Союз, по вопросу о том, как надо относиться к военным убыткам.

Вся книга Бирнса проникнута пренебрежительным отношением к другим странам, идеей превосходства Америки над всем миром. Эта идея стала отличительной чертой холодной войны и американского империализма. Проявление этой идеи в американской внешней политике отметил Самнер Уэллес, который писал по этому поводу:

«Только после назначения г-на Бирнса государственным секретарем отличительной чертой нашей политики стало «поучение» наших соседей (насчет того, что им следует делать)»².

В результате такого нашего высокомерного отношения к другим странам одно государство за другим начинают выступать против Соединенных Штатов, в том числе и такие государства, дружбу которых мы купили за доллары. Стюарт Олсон, будучи сам убежденным сторонником холодной войны, пишет:

«Перед нашей страной впервые встала угроза того, что в случае всеобщей войны почти все страны Восточного полушария либо активно сплотятся против нас, либо, подобно Англии, будут нейтрализованы и лишены всякой возможности помогать нам»³.

¹ Фредерик Л. Шуман, Дьявол и Джимми Бирнс, Нью-Йорк, 1948, стр. 6.

² Там же, стр. 9.

³ «Нью-Йорк геральд трибюн», 18 августа 1950 г.

Глава 12

ДОКТРИНА ТРУМЭНА — АВТОР ФОРРЕСТОЛ

«С тех пор стало ясно, что он [Форрестол] все больше проникался убеждением, что политику нельзя основывать на предположении о возможности мирного разрешения русской проблемы».

«Дневники Форрестола», февраль 1946 года

«Люди, проявляя такую полную слепоту в отношении угрозы, которую представляла для нас нацистская Германия, так быстро прониклись уверенностью в том, что Советская Россия угрожает нашим национальным интересам».

Уильям Ширер, апрель 1946 года

Когда Черчилль своей речью в Фултоне 5 марта 1946 года открыл кампанию «холодной войны», американские реакционеры были в восторге. Эта речь была хорошим началом для кампании по раздуванию «военного психоза» в США. Но за кулисами английское министерство иностранных дел готовило нечто более конкретное, чем речи.

В то время английское министерство иностранных дел возглавлял правый профсоюзный деятель Эрнест Бевин, который был верным продолжателем политики консервативной партии. Корреспондент радиовещательной компании «Колумбия бродкастинг сервис» Говард Смит писал о Бевине, что он «не выбросил из программы своих предшественников — консерваторов ничего, кроме буквы «эйч»¹.

В сущности, Бевин проводил еще более антисоветскую политику, чем это когда-либо осмеливался делать Черчилль. Сам Черчилль сказал Форрестолу:

«Он [Черчилль] сказал, что победа Бевина очень его утешает, так как Бевин, будучи членом лейбористского правительства, может говорить с русскими решительнее и прямее, чем он сам»².

Сказано как нельзя более ясно. Бевину, как лидеру лейбористов, было легче обмануть английских рабочих и таким образом заставить их поддерживать внешнюю политику в духе Черчилля.

¹ Намек на особенности диалекта малокультурных слоев, выходцем из которых был Бевин. (Прим. ред.)

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 144.

Одной из основных проблем, стоявших перед английским министерством иностранных дел, была интервенция в Греции, обходившаяся англичанам в 250 миллионов долларов в год. Греческие силы сопротивления уже три года сражались против английских войск, которые восстановили на троне короля-реакционера.

Англичане начали военные действия в Греции в 1944 году, и это вызвало крайнее возмущение Рузвельта. Стеттиниус опубликовал тогда заявление, в котором выражалось сожаление по поводу действий англичан. Возмущались даже те чиновники государственного департамента, находившиеся в Афинах, которые были известны своими консервативными взглядами. Автор этих строк работал в то время в Лондоне в американской разведке; из донесений американских представителей в Греции тогда было ясно, что действия англичан являются выражением самой отъявленной империалистической политики. В тот день, когда английский войска открыли огонь по участникам невооруженной демонстрации, американский консульский представитель *спустил флаг над американским консульством, чтобы таким образом отмежеваться от политики англичан*. Этот факт не был предан гласности. Существуют подлинные описания грязной истории подавления Англией греческого народа. Краткий и яркий отчет об этих событиях содержится в одной из глав книги Говарда Смита «Положение в Европе»; более подробное, подробное описание дается в книге Леланда Стоу «Пока еще есть время». Оба эти журналиста решительно осуждают политику Англии.

После фултонской речи Черчилля, в ходе развертывания холодной войны, англичане стали искать удобного случая, чтобы подсунуть греческие дела Соединенным Штатам. В феврале 1947 года они заявили государственному департаменту, что не могут позволить себе больше держать войска в Греции, и запросили о том, что американцы намерены предпринять в связи с этим. Если американцы ничего не предпримут, заявили англичане с полным сознанием своей правоты, то в Греции восторжествует коммунизм.

Даже тогдашний государственный секретарь генерал Маршалл был раздражен этим вежливым шантажом с использованием коммунистического жупела в качестве самого сильного аргумента. В дневниках Форрестола говорится, что Маршалл был раздражен «отречением» англичан, которые «совершенно явно намекали, кто должен сменить их в Греции»¹. Позднее Маршалл послал Бевину резкую телеграмму протеста против действий англичан, которые заявили Соединенным Штатам, что тем придется «взять на себя ответственность за положение в Греции»². Следует отметить, что Маршалл протестовал

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 245.

² Там же, стр. 105.

не против того, что англичане убивают греков, а против того, что они беззастенчиво используют в своих целях намерение американцев вести холодную войну и предполагают, что США возьмут заботу о Греции на себя. Расчет англичан оказался правильным: США действительно занялись Ближним Востоком и вооружили Грецию и Турцию.

Президент Трумэн огласил свою программу вооружения Греции и Турции 12 марта 1947 года в речи, полной нападок на Советский Союз. В этой речи Трумэн заявил, что США будут воевать с Советами, как только у них появится такая возможность. Это выступление, получившее название «доктрины Трумэна», до сих пор остается самым наглядным выражением политики холодной войны.

Артур Крок в газете «Нью-Йорк таймс» назвал доктрину Трумэна «Формулой кулачного права». Один всемирно известный английский историк оценивает ее как доктрину мирового «господства США — господства, основанного на физической силе нокаута». Этот историк пишет:

«Может оказаться, что выступление президента (хотя, может быть, он вовсе этого не желал) повернет весь ход развития международных отношений с нового пути — пути попыток установить совместными усилиями международную дружбу — на старый путь — путь борьбы за власть до последнего патрона, на путь политического объединения мира при помощи силы нокаута»¹.

Смысл этой длинной замысловатой фразы совершенно ясен: Соединенные Штаты хотят объединить мир силой. А склонным к многословию автором этой фразы является виднейший английский историк Арнольд Тойнби, который, когда захочет, умеет выражаться кратко и точно. Когда Тойнби был в США и услышал там разговоры об использовании Англии в качестве «непотопляемого авианосца» против Советского Союза, он придумал девиз, разоблачающий холодную войну. Тойнби заявил, что Англия должна избрать следующий девиз: «не уничтожать, не выслушав».

Кулачная доктрина Трумэна на деле означает агрессивную войну. Пропагандистом этой войны был Черчилль, но организовал и развязал ее Трумэновский министр обороны Джеймс Форрестол.

Форрестол и доктрина Трумэна

Доктрина Трумэна непосредственно опиралась на ряд действий, предпринятых Форрестолом, начиная с той самой недели, когда Черчилль произнес свою фултонскую речь. За «жесткими» словами стояли «жесткие» дела. 28 февраля 1946 года

¹ Арнольд Тойнби, Цивилизация перед судом, Нью-Йорк, 1948, стр. 137.

(фултонская речь была произнесена 5 марта) Форрестол обратился к государственному секретарю Бирнсу с предложением открыто использовать военную мощь США в международных отношениях в мирное время. В дневниках Форрестола записано:

«Я спросил Бирнса, согласен ли он на то, чтобы военно-морской флот разработал план посылки в Средиземное море отряда кораблей для выполнения специального задания. Он санкционировал такой шаг и порекомендовал, чтобы этот отряд сопровождал линкор «Миссури», который повезет в Турцию тело покойного турецкого посла (умершего на своем посту в Вашингтоне)...»¹

В данном случае Бирнс подал хитроумный совет, как провести американскую общественность, чтобы она не поняла, что происходит. Военно-морской флот направил в Европу средиземноморский отряд специального назначения, который, по словам Миллиса, «через год вдруг приобрел важное значение в качестве опоры доктрины Трумэна»².

Несколько месяцев спустя, 12 сентября 1946 года, когда Генри Уоллес, бывший тогда министром торговли, стал настаивать на прекращении холодной войны, Форрестол (вместе с Бирнсом) убедил Трумэна отмежеваться от Уоллеса и изгнать его из правительства³. По словам Миллиса, это должно было «укрепить и сделать более решительной внешнюю политику правительства Трумэна»; Форрестол сразу же предпринял два мероприятия, которые привели к доктрине Трумэна. Редактор дневников Форрестола Миллис продолжает: «25 сентября на совещании с участием государственного секретаря, военного министра и министра военно-морского флота... Форрестол настаивал на обеспечении возможности оказывать Турции военную помощь. *Это была идея использования наших экономических и военных ресурсов в определенных политических целях, и первым важным проявлением этой идеи была «доктрина Трумэна»* насчет оказания помощи Греции и Турции⁴ (курсив мой.— К. М.).

Идея претворена в действия. Пять дней спустя (30 сентября 1946 года) Форрестол сделал следующий шаг: он предал огласке политику, проводимую США через посредство своего военно-морского флота. По словам Миллиса, «Форрестол наконец получил возможность объявить о завершении дела, которое он долго готовил: речь шла о восстановлении морского могущества США на Средиземном море в качестве постоянного фактора. Широкие круги восприняли этот шаг как новое политиче-

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 141.

² Там же.

³ Там же, стр. 210.

⁴ Там же.

ское мероприятие США»¹. Неудивительно, что когда несколько месяцев спустя Трумэн провозгласил свою доктрину, Миллис приписал всю честь ее авторства Форрестолу. Он пишет:

«...новый курс очень близок к тем моральным, стратегическим и тактическим целям, к которым уже давно стремился Форрестол»².

Что же представлял собой Форрестол — человек, оказавший такое громадное влияние на внешнюю политику США? Как удалось ему занять такое влиятельное положение?

Форрестол как символ

Джеймс Форрестол был банкиром, представителем влиятельной уолл-стритовской фирмы «Диллон, Рид и К°». Эта банкирская фирма имеет многолетний опыт заграничных операций в реакционных целях, как, например, выпуск займов для германских монополистов.

Форрестол был назначен на пост заместителя министра военно-морского флота Рузвельтом. Такова была цена, которую Рузвельт уплатил за помощь монополий во время войны. Форрестол был включен в состав правительства в качестве стража интересов монополий. Об этом весьма недвусмысленно говорит Уолтер Миллис, редактор его дневников. Миллис указывает, что выработанная в 1940 году программа вооружения «не могла быть успешно осуществлена без полной *поддержки со стороны крупных промышленных и финансовых компаний*, с которыми проводники политики Нового курса так часто вступали в конфликт»³ (курсив мой.— К. М.), и поэтому Рузвельт нуждался в человеке, который «мог бы отыскать способных представителей верхушки промышленных, финансовых и юридических кругов»⁴, то есть в человеке, которому доверяли бы монополии.

Джеймс Форрестол как нельзя лучше подходил для этого. Он обладал крупным состоянием, пользовался влиянием, занимал видное общественное положение и пользовался безусловным доверием магнатов американской промышленности и финансов. В силу тех же самых качеств, благодаря которым Форрестол во время войны приносил пользу Рузвельту, он, естественно, стал после войны лидером реакции. В составе правительства Трумэна он продвинулся с поста министра военно-морского флота на пост министра обороны и первым занимал этот пост после объединения всех вооруженных сил под управлением одного министерства. На этом посту он пользовался

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 210—211.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. XXI.

⁴ Там же, стр. XXIII.

властью, которая уступала только власти президента. Свое положение он использовал до предела.

Форрестол был представителем монополий в правительстве. Этот стоящий на страже интересов своего класса закоренелый и упорный организатор реакции оказывал после войны такое влияние на внешнюю политику США, как никто другой.

А реакция всего мира нуждалась после войны в помощи.

Реакционеры в трудном положении

Тот оборот, который принимала вторая мировая война, приводил в трепет реакционеров во всем мире. Сбылось то, о чем предупреждал Сталин в 1934 году. Если вспыхнет война, говорил он, то после нее «господа буржуа... не досчитаются некоторых близких им правительств...»¹

На всем пространстве от Берлина до Манилы короли, квислинги, диктаторы, фабриканты пушек и более мелкая сошка стали трупами, находились при смерти или пребывали в изгнании. Муссолини был повешен за ноги на одной из площадей Милана; Гитлер покончил с собой в берлинском бомбоубежище; Тодзио был приговорен к повешению; итальянский король покинул свою страну; король Бельгии не вернулся в свою страну, так же как и югославский король; румынский король оставался на месте только потому, что его еще терпели. Во Франции Лаваль ожидал расстрела, Петэн сидел в тюрьме.

Почти во всех странах правящие классы перешли от наступления к обороне. Даже Англия при первой же возможности прогнала Черчилля и заменила его лейбористским правительством. В целом ряде стран коммунисты приходили к власти или входили в состав коалиционных правительств. Во Франции коммунист занимал пост министра авиации, в Италии коммунист был заместителем премьера.

Советский Союз вышел из войны с чрезвычайно сильно возросшим престижем. Народы всего мира с глубоким восхищением следили за героической борьбой советского народа, его стойкостью, упорством и мужеством. В этом случае даже обычно напыщенные фразы Макартура казались уместными. 23 февраля 1942 года он заявил:

«Весь цивилизованный мир возлагает надежды на славные знамена доблестной Красной Армии. За свою жизнь я участвовал в одних войнах и был свидетелем других, а также изучал во всех подробностях походы выдающихся полководцев прошлого. И ни в одном случае я не видел такого успешного сопротивления тягчайшим ударам врага, *до тех пор не знавшего поражений*, а затем такого сокрушительного контрнаступления, в результате которого противника гонят обратно в ту страну,

¹ И. В. Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г., Соч., т. 13, стр. 297. (Прим. ред.)

откуда он пришел. По своему масштабу и размаху это сопротивление является величайшим военным достижением в истории»¹ (курсив мой.— К. М.).

Высокие качества Красной Армии и ее руководства признали даже реакционеры. Генерал военно-воздушных сил США Ченнолт, друг преступника Чан Кай-ши, писал в качестве предостережения своим коллегам-генералам:

«В русском руководстве выкристаллизовалось твердое и умелое ядро, которое отстояло Советский Союз. Это — руководство сильнейших...»²

Руководители советского правительства производили благоприятное впечатление даже на своих злейших врагов. Сенатор Ванденберг писал, что министр иностранных дел СССР Молотов — «серьезный и талантливый человек, к которому я проникся глубоким уважением»³, а Джон Фостер Даллес пишет, что ему приходилось «видеть за работой всех великих государственных деятелей США», но ни у кого он не наблюдал «дипломатического искусства, которое находилось бы на таком высоком уровне совершенства, как у г-на Молотова»⁴.

О Сталине имеются десятки восторженных отзывов, которые исходят как от друзей, так и от врагов. Рузвельту «он очень понравился»⁵, а Бирнс был вынужден признать: «По правде говоря, он очень приятный человек»⁶. Даже Черчилль, хотя и неохотно, но отзывался о нем одобрительно: «Сталин обаятельный человек»⁷.

Гопкинс дал Сталину очень объективную и меткую характеристику:

«...он не произнесет и лишнего слова. Если он хочет смягчить резкий ответ или неожиданный вопрос, он сопровождает их мимолетной улыбкой, которая может быть холодной и в то же время дружеской, сдержанной, но теплой. Он ни перед кем не заискивает...»

«...Он ничего не говорит попусту. Ему свойственен острый и тонкий юмор. По-английски он не говорит. Но в то время, когда он говорил мне что-то быстро по-русски, он не обращал внимания на переводчика и смотрел мне прямо в глаза»⁸.

¹ Цитируется по книге Фредерика Л. Шумана «Внутренняя и внешняя политика СССР», Нью-Йорк, 1946, стр. 432.

² Клэр Э. Ченнолт, Жизнь летчика-истребителя, Нью-Йорк, 1949, стр. VIII.

³ Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 184.

⁴ Джон Фостер Даллес, Война или мир, Нью-Йорк, 1950, стр. 29.

⁵ Эллиот Рузвельт, Его глазами, М., Издательство иностранной литературы, 1947, стр. 176. (Прим. ред.)

⁶ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 45.

⁷ Уинстон Черчилль, Замкнутый круг, Бостон, 1951, стр. 374.

⁸ Роберт Э. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Нью-Йорк, 1948, стр. 344.

Важнее отзывов деятелей Запада о личности Сталина их отзывы о его таланте. Генерал Дин был ярким врагом Советского Союза, однако и на него как на военного специалиста Сталин произвел огромное впечатление. Дин пишет, что у Сталина «острый ум», что он сразу же составляет себе представление о свойствах оружия и методах его использования, что он «быстро разбирается в любой обстановке». Кроме того, Сталин постоянно применяет «уроки истории к современным событиям»¹. Подобным же образом Черчилль отзывается об оценке, которую Сталин дал высадке англо-американских войск в Северной Африке.

«Это его [Сталина] замечательное заявление произвело на меня сильное впечатление. Оно показало, что он... быстро и до конца разобрался в проблеме, с которой до тех пор был совершенно незнаком. Мало кто из современных деятелей был бы способен в *несколько минут* разобраться в вопросах, над которыми мы бились в течение месяцев. Он понял все в одно мгновение»² (курсив мой.— К. М.).

Но самый замечательный отзыв дал теннессианец старого склада Корделл Хэлл. Выступая в конгрессе, Хэлл прямо заявил:

«Я убедился, что маршал Сталин — замечательный человек, один из величайших государственных деятелей и вождей нашей эпохи»³.

Реакционеров, которые мечтают о войне, тревожит мысль о высоком качестве советского руководства. Но еще важнее то, что победы Красной Армии продемонстрировали мощь ее промышленной базы. Рядовые люди могли принимать на веру пропаганду газет по поводу неспособности Советского Союза к промышленному развитию, но верхушка правительственных и деловых кругов, как в Англии, так и в Америке, прекрасно понимала, какой промышленной и экономической мощью должен был обладать Советский Союз, чтобы разгромить военную машину Гитлера. Биограф Стимсона пишет:

«Стимсон и Маршалл имели *совершенно отчетливое* представление об огромных достижениях Советской Армии и об умении и энергии советских руководителей...»⁴ (курсив мой.— К. М.).

¹ Джон Р. Дин, Странный союз, Нью-Йорк, 1946, стр. 291.

² Уинстон Черчилль, Решающий поворот, Бостон, 1950, стр. 482.

³ Корделл Хэлл, Мемуары, Нью-Йорк, 1948, стр. 1315.

Как видно из всех этих заявлений, руководители Советского Союза — скромные и добросовестные люди, обладающие большими способностями и здравым смыслом. И тем не менее американский народ имеет о них совершенно превратное представление. Газеты сравнивают этих людей с бесноватым параноиком Гитлером, с наркоманом Герингом, с кривлякой Геббельсом. В этом вопросе бесстыдная лживость американской печати выступает еще очевиднее, чем во всем остальном.

⁴ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 605.

Советский Союз сделал поистине гигантские успехи, которые правильно подытожил Говард Смит:

«Чтобы представить себе масштабы этих достижений, нужно вспомнить, что после семи лет войны и революции (1914—1921) Россия обладала такими же капиталами и таким же оборудованием, как Конго. *Выпуск стали составлял всего три процента от очень низкого уровня 1913 года.* Когда люди заключили перемирие, бог объявил войну: в 1921 году Россию поразила засуха — самая жестокая засуха за целое столетие. Два миллиона человек погибло, 19 миллионов находились на грани голодной смерти. В Поволжье отмечались случаи людоедства.

Коммунисты пустили дело на самотек, и производство достигло уровня 1913 года только в 1928 году. Тогда они приступили к осуществлению своих планов индустриализации. Другими словами, *для подготовки ко второй мировой войне* они располагали не двадцатью тремя, а *всего двенадцатью годами.* Об их успехах говорят следующие индексы промышленного производства за 1940 год (во всех случаях уровень 1913 года принимается за 100):

Франция	93,2
Англия	113,3
США	120,0
Германия	131,6
СССР	908,6 ¹

Достаточно привести один факт, чтобы все стало ясно. Выпуск стали — основа военного производства. В 1921 году только что возникший Советский Союз выплавлял всего $\frac{1}{8}$ миллиона тонн стали в год. В 1928 году, в начале первой пятилетки, выплавка стали достигла довоенного уровня — 4 миллиона тонн в год. В 1940 году, в середине третьей пятилетки, выпуск стали составил 18 миллионов тонн — на 1500 процентов больше, чем в 1921 году! Если учесть, что в 1943 году *только на производство боеприпасов* было израсходовано 2,5 миллиона тонн чугуна и стали, станет ясно, что непосредственным источником мощи Красной Армии являются достижения советских пятилеток.

Советский Союз как государство представлял собой, несомненно, достаточно грозную силу, но что реакционеров повергало в ужас, так это сила воздействия примера Советского Союза. Успехи социализма в СССР поражали воображение и вдохновляли социалистов и коммунистов во всем мире. Во многих странах теперь создались такие условия, что единственно реальным и неизбежным выходом из существующего положения является социализм. Реакционеры пытаются утвер-

¹ Говард Смит, Положение в Европе, Нью-Йорк, 1949, стр. 46.

ждать, что социализм импортируется из Москвы, но они и сами этому не верят.

Когда вспыхивает забастовка, хозяин предприятия всегда говорит, что его рабочих подстрекают «посторонние элементы»; когда китайская народная революция одержала победу, реакционеры утверждали, что она импортирована из Москвы. Им всегда казалось и кажется невероятным, что народ может действовать сам и в своих интересах — будь то в Малайе или Индо-Китае, на Филиппинах или в Южной Африке, во Франции или в Соединенных Штатах.

Реакционеры поумнее знают, что внутренние условия способствуют победе социализма. И они знают, что это за условия. Вот почему их обуял страх, когда после войны обнаружилась тяга народов к социализму. Сенатор Ванденберг писал одному своему другу:

«Разве вас не ошеломило поражение Черчилля?.. Мне кажется, что весь мир движется влево. Для меня это абсолютно неприемлемо. Американцы не могут капитулировать. Так что же делать, черт возьми!»¹

Чтобы возродить довоенные порядки и восстановить разваливающееся здание реакции, потребовались бы гигантские усилия. Ванденберг боялся и думать о том, что для этого понадобится. Но Форрестол почувствовал себя более уверенно. Он считал, что этой цели можно будет достигнуть, если мобилизовать круги крупного капитала. Форрестол видел самого себя в роли организатора реакционных кругов, восстанавливающего нарушенное статус-кво. Но это была неосуществимая задача, и Форрестол надорвался, пытаясь справиться с ней.

Организатор реакции

Форрестол претендовал на глубокое знание истории. Он воображал себя исторической личностью. В этом смысле очень характерен один любопытный эпизод, описанный в его дневниках. Форрестол обедал с адмиралом Леги и английским министром иностранных дел Иденом. Собеседники коснулись исторических тем. Форрестол пишет по этому поводу:

«Я сказал, что в последние годы я стал гораздо лучше представлять себе все значение того, чего добился Меттерних»².

Форрестол говорил об архиреакционном австрийском дипломате князе Меттернихе, который в 1815 году пытался реставрировать прогнившие монархии, опрокинутые Французской революцией 1789 года. Он пытался также препятствовать освободительной борьбе в испанских колониях в Южной Америке.

Меттерних хотел ликвидировать завоевания Французской революции 1789 года. Форрестол воображал себя в роли лик-

¹ Артур Ванденберг, Личные документы, Бостон, 1952, стр. 219.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 48.

видатора завоеваний Советской революции 1917 года. Неудивительно, что задавшись той же целью, что и Меттерних, — восстановить консервативные правительства, свергнутые в результате войны, — он стал высоко оценивать Меттерниха.

Форрестол работал очень усердно. Из его дневников видно, как неутомимо он поддерживал реакцию в США и во всем мире. Он не пренебрегал никакими мелочами. Случайно он услышал, что в составе военной администрации США в Японии имелось два сторонника Нового курса. Он сразу же добился их увольнения. В то же время изобретательному уму Форрестола ничто не кажется непосильным. Подобно тому, как он послал военно-морской флот в Средиземное море, он направил в Англию крупные силы бомбардировочной авиации летом 1948 года во время берлинского кризиса. Он добился согласия англичан на посылку в Англию «для учебных целей» двух авиаполков «летающих крепостей».

Четыре года спустя это мероприятие для «учебных целей» было полностью разоблачено. В июле 1952 года корреспондент Клифтон Даниэль послал в свою газету сообщение о пребывании военно-воздушных сил США в Англии. В этом сообщении он указывал, что хотя «летающие крепости» были присланы в 1948 году якобы для «учебных целей», в действительности эти бомбардировщики остались в Англии. Далее он писал:

«Бригада бомбардировщиков, которая прибыла в Англию первой, должна была пробыть здесь всего тридцать дней. С тех пор прошло уже четыре года, и в Англии теперь находится пять американских авиабригад...

Нашему пребыванию здесь никогда конца не будет», — сказал мне на днях один офицер в Аппер Гейфорде, где расположена одна из *восьми американских операционных баз*¹.

Форрестол занимался и вопросами внутреннего положения США, но Советский Союз он считал смертельным врагом США и потому большую часть своего времени уделял международным делам. Холодная война была его специальностью. Нет ни одного события, ни одного политического мероприятия, ни одной пропагандистской установки из тех, что описаны в этой книге, на которых не отразилось бы влияние Форрестола. Очень часто это влияние играло решающую роль, так как он обладал огромной властью — как в силу того, что он ведал всеми вооруженными силами США, так и в силу того, что он был главным представителем крупного капитала в правительстве.

Выступая в качестве организатора холодной войны, Форрестол пытался изучить своего противника. Он даже нанял одного профессора, чтобы тот для его целей изучал марксистскую философию. По поручению Форрестола профессор колледжа

¹ «Нью-Йорк таймс», 14 июля 1952 г.

Смита Эдуард Уиллет подготовил докладную записку о диалектическом материализме¹. Это был, пожалуй, первый случай, когда высокопоставленному должностному лицу в США пришлось в голову изучать советскую философию. Как справился Уиллет с этой задачей, неизвестно: его докладная записка не была опубликована.

Эта записка произвела на Форрестола такое впечатление, что он приказал размножить ее на ротаторе и разослать различным деятелям, в том числе известному журналисту Уолтеру Липпману. Какие чувства вызвала эта философия у Форрестола, нам неизвестно. Мы знаем лишь, что он всюду искал «теоретика» холодной войны — человека, который сумел бы теоретически «оправдать» и развить политику подготовки нападения на СССР.

Такого человека Форрестол нашел в феврале 1946 года. Он прочитал одно донесение государственного департамента, которое, по словам Миллиса, очень ему понравилось, потому что «это было то самое, что Форрестол тщетно искал в других правительственных учреждениях»². В этом донесении содержалась такая оценка положения, которая по словам Миллиса, «пресекала все надежды на установление обычных или «нормальных» отношений» с СССР или на достижение соглашений «путем встреч глав государств» или использования какого-либо другого подобного метода переговоров на основе взаимных уступок»³.

Этого необыкновенного «теоретика», который не питал никаких надежд на будущее, звали Джордж Кеннан. Он с давних пор был одним из ведущих антисоветских деятелей среди профессиональных американских дипломатов. Восхищение Форрестола Кеннаном объяснялось тем, пишет Миллис, что взгляды Кеннана «очень приближались к взглядам, которые уже развивал Форрестол»⁴, а именно, что политику США в отношении Советского Союза «нельзя строить на предположении о возможности мирного разрешения русской проблемы»⁵.

Другими словами, как Форрестол, так и Кеннан считали войну с Россией неизбежной, а «мирное разрешение вопроса

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 127.

Форрестол мог бы с гораздо большим успехом, и притом без всяких затрат, прочитать сделанное Сталиным краткое изложение основ диалектического материализма в главе IV «Краткого курса истории ВКП(б)». Для более детального ознакомления с этой теорией Форрестол мог бы прослушать курс лекций в Джефферсоновской школе социальных наук в Нью-Йорке или в школе имени Сэмюэля Адамса в Бостоне, в школе имени Франклина в Филадельфии или в Калифорнийской рабочей школе в Сан-Франциско.

² Там же, стр. 136.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 139.

⁵ Там же, стр. 135.

невозможным». Дневники Форрестола свидетельствуют о том, что Кеннан был одним из главных американских идеологов холодной войны¹.

Правительство и крупный капитал

Форрестол усиленно старался навязать свои взгляды правительству, а также продвинуть представителей крупного капитала на командные посты в правительстве. Свои взгляды он пропагандировал методично, проявляя хитрость и изобретательность. Для воздействия на Трумэна он избрал замечательный метод. Он задавал Трумэну вопросы весьма провокационного характера, начинающиеся со слова «если», и таким образом старался приучить Трумэна к мысли о войне. Например, по словам Форрестола, 23 июня 1947 года, за завтраком, на котором присутствовали члены кабинета, произошло следующее:

«Я попросил у президента разрешения задать ему вопрос, который в прошлый четверг я задавал государственному секретарю: какие политические или *военные* меры примут США, если этим летом русские предпримут *демарш* (предъявят в дипломатическом порядке требования) и одновременно произведут переворот во Франции и Италии?».

Этот вопрос был явно провокационным, и Трумэн был бы прав, если бы дал отпор. Но этого не случилось. Наоборот, ответ Трумэна свидетельствовал об опасном направлении хода его мыслей.

«Президент ответил, что когда такое положение возникнет, нам придется на него реагировать и что он уже обсуждал этот вопрос с генералом Маршаллом как раз перед завтраком. Он сказал далее, что опасается, как бы не пришлось искать ответа на этот вопрос в истории — например, в истории борьбы Рима и Карфагена, Афин и Спарты, Александра Македонского и персов, Франции и Англии или Англии и Германии»².

Во всех этих случаях речь шла о борьбе за господство над миром — в тех пределах, в которых он был тогда известен.

Для Форрестола было характерно то, что он очень ясно представлял себе поставленную перед собой цель — официальное оформление своего рода сращивания крупного капитала, правительства и вооруженных сил — того единства, о котором уже шла речь выше (в главе 4).

Форрестол сказал министру финансов Джону Снайдеру, что «в соревновании между советской системой и системой американской нам придется использовать всех способных и талант-

¹ В Европе Кеннан вовсе не является тем оракулом, каким его изображают в Америке Льюс и другие деятели. В марте 1952 года консервативная английская газета «Обсервер» поместила статью, в заголовке которой было прямо сказано: «Г-н Кеннан неправ».

² «Дневники Форрестола», стр. 281.

ливых людей нашей страны, так же как это было во время войны. Я сказал, что, по моему глубокому убеждению, восстановить в мире порядок могут только... бизнесмены»¹.

На заседании кабинета, которое происходило несколько позднее, Форрестол снова распространялся на свою излюбленную тему. Он заявил, что остановить русских — дело трудное и для этого «нам придется обратиться к помощи бизнесменов». Тогда Трумэн назначил комиссию под председательством Джона Снайдера с участием Гарримана, Паттерсона, Ачесона и Форрестола для разработки «плана изложения всех фактов избранной группе бизнесменов». Форрестол добавляет: «Я сказал, что к отбору этой группы надо отнестись весьма осторожно»².

Будучи вдохновителем реакционной политики в правительстве, Форрестол поддерживал тесную связь с Уолл-стритом и выступал в роли прямого проводника политики монополий. В июле 1945 года он посетил сотрудника Моргана, Дина Джея, который сообщил ему, как деморализованы капиталисты Франции³.

Во время Палестинского конфликта Форрестол поручил Уинтропу Олдричу из «Чейз нейшл бэнк» побеседовать с губернатором Дьюи, а потом рассказать ему, Форрестолу, что думает Дьюи по вопросу о Палестине⁴. Форрестол докладывал об общей политической обстановке своему бывшему банковскому начальнику Кларенсу Диллону и постоянно поддерживал связь с финансистом Барухом; представители крупного капитала всегда имели возможность пользоваться информацией Форрестола по вопросам внешней политики.

Как реакционер, сознающий свои классовые интересы, Форрестол отчетливо представлял себе мощь организованного рабочего класса и в особенности его огромную роль в деле сохранения всеобщего мира. В марте 1945 года, еще при Рузвельте, он участвовал в заседании кабинета, на котором министр труда Фрэнсис Перкинс делала доклад о Всемирной федерации профсоюзов. Г-жа Перкинс сказала:

«По словам американских делегатов Кэри и Томаса, русские относятся к американцам очень дружелюбно. Она [г-жа Перкинс] сказала далее, что главной темой прений на сессии было положение о том, что *рабочий класс каждой страны держит в своих руках решение вопроса о войне или мире и что в будущем он намерен пользоваться этой возможностью*»⁵ (курсив мой.— К. М.).

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 247.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 77.

Весьма влиятельный дом Моргана контролирует большой участок нашей экономики.

⁴ Там же, стр. 364.

⁵ Там же, стр. 34.

Эта мощь рабочего класса была и продолжает оставаться препятствием на пути реакции, хотя в результате раскола в профсоюзном движении она теперь ослаблена. Еще неизвестно, какую роль сыграл в этом расколе Форрестол, но одна неосторожная запись в его дневнике свидетельствует о том, что он очень зорко следил за ходом дел в профсоюзах. Эта запись показывает также, как Форрестол оказывал давление на КПП, спекулируя на тщеславии Филиппа Мэррея — «государственного деятеля» из профсоюзной среды. Однажды, завтракая с Мэрреем, Форрестол завел разговор о расколе в КПП и задал вопрос относительно председателя Национального союза моряков Джо Кэррена, с которым произошла поразительная метаморфоза: из профсоюзного лидера он превратился в раболопного приверженца холодной войны. Форрестол хотел знать, является ли это «обращение в истинную веру» Кэррена подлинным, и Мэррей ответил, что, по его мнению, это так. Мэррей должен был также признать, что, в отличие от Кэррена, многие профсоюзы не согласны с «кулачными» формулами Трумэна и Форрестола и что руководители КПП «сталкиваются с серьезными трудностями, которые им чинит Объединенный профсоюз работников электротехнической, радио и машиностроительной промышленности и некоторые другие профсоюзы»¹.

Форрестол хорошо знал о нуждах реакционеров в других странах. Он был инициатором экономического восстановления держав оси, или, как он выражался, «предоставления им возможности вернуться к своей деятельности» при помощи «американских финансов и американского руководства»².

Многие действия и идеи Форрестола, особенно идея сращивания крупного капитала, крупных политических деятелей и генералитета, подозрительно напоминали идеи Гитлера и Муссолини. Форрестол сам это признавал; в беседе с членом конгресса от штата Огайо Брауном он сказал, что всегда существует угроза сенатского расследования «с целью доказать, что американская армия, флот и деловые круги сговариваются между собой, чтобы принять неофашистскую программу американского империализма»³. Эти слова Форрестола довольно точно определяют характер его деятельности, и уж кому же знать о ней, как не ему самому. Форрестола всегда беспокоила возможность разоблачения. Он писал сенатору Фергюсону:

«Незачем говорить, что я не хотел бы, чтобы вы предали это письмо или взгляды, высказанные в нем, широкой огласке, ибо тогда меня обвинят в том, что я проповедую политику умиротворения, что я фашист»⁴.

¹ «Дневники Форрестола», стр. 406.

² Там же, стр. 248.

³ Там же, стр. 244.

⁴ Там же, стр. 57.

Организатор военного психоза

Пожалуй, самой сложной проблемой, с которой Форрестолу приходилось сталкиваться в США, было дружественное отношение американского народа к Советскому Союзу. Бирнс пишет, что «Советский Союз пользовался в Соединенных Штатах не меньшей, *если не большей* симпатией, чем любая другая страна»¹. Для организаторов холодной войны это являлось проблемой. Миллис формулирует ее в негативных выражениях; по его словам, американский народ «еще не был настроен так, чтобы перед ним можно было прямо поставить основные вопросы наших отношений с Советским Союзом»². На простом английском языке это означает, что американский народ еще не был настроен так, чтобы принять холодную войну. И вот, чтобы изменить его настроение, «была организована кампания»³.

Руководил этой кампанией Форрестол. Свою пропаганду он вел упорно, последовательно и неумолимо. Он обедал с издателем журналов «Лайф» и «Тайм» Генри Люсом и жаловался ему, что печать относится к правительству слишком критически. Он завтракал с издателем газеты «Нью-Йорк таймс» Артуром Хейсом Сульцбергером и заручился его поддержкой политики правительства в отношении Китая. Он завтракал с Уилбуrom Форрестом из «Нью-Йорк геральд трибюн» и советовал ему быть поумереннее в своей критике правительства. Он дал указания Палмеру Хойту из газеты «Денвер пост», чтобы тот «продолжал поддерживать Джеймса Бирнса и не пошел бы по пути тех, кто хочет, чтобы американцы убралась из Китая»⁴.

Он созвал широкое совещание, в котором участвовало около двух десятков виднейших редакторов и издателей американских газет. Список участников этого совещания весьма внушительный: Артур Сульцбергер от «Нью-Йорк таймс», Джоффри Парсонс от «Нью-Йорк геральд трибюн», Уолтер Анненберг от «Инкуайрер» (Филадельфия), Поль Беллами от «Плейн дилер» (Кливленд), Марк Этридж от «Корьер джорнал» (Луисвилл), Поль Миллер от газет треста Ганнета, Рой Робертс от «Стар» (Канзас-Сити), Джон Коулз от «Стар трибюн» (Миннеаполис), Райт Брайан от «Атланта джорнэл-конститьюшн», Уильям Мэтьюз от «Аризона стар» (Таксон), Клэйтон Фричи от «Айтем» (Новый Орлеан), Роджер Ферджер от «Инкуайрер» (Цинциннати), Поль Паттерсон от «Балтимор сан», Уильям Блок от «Пост газет» (Питсбург), Палмер Хойто от «Пост» (Денвер), Роберт Маклин от «Филадельфия буллетин», Джон Найт от издательской компании «Найт ньюспейперс», Поль

¹ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 71.

² «Дневники Форрестола», стр. 58.

³ «Нью-Йорк таймс», 21 марта 1946 г.

⁴ «Дневники Форрестола», стр. 53, 117, 169, 193.

Смит от «Кроникл» (Сан-Франциско), Джон Клайн от «Стар» (Вашингтон).

На этом совещании генералы Маршалл и Брэдли инструктировали газетчиков, как надо освещать берлинский кризис, Форрестол руководил обсуждением вопроса об использовании атомной бомбы и развертывал антисоветскую пропаганду, а Болен из государственного департамента излагал донесения, полученные из Москвы¹.

На совещании, как и во всей возглавляемой им пропаганде, Форрестол проводил свою основную линию, известную еще с февраля 1946 года и заключающуюся в утверждении, что «мирное разрешение русской проблемы невозможно».

Пропаганда Форрестола и других инициаторов холодной войны вскоре была подхвачена газетами и радио. Как мы уже подробно показали в главе I, с помощью обмана и извращения фактов был создан «военный психоз».

Американский народ стал жертвой одного из величайших обманов, творцом которого был сам Форрестол. Он так основательно внушил всем одну идею, что для многих американцев она до сих пор остается символом веры. Эта идея заключается в следующем: после капитуляции Японии США демобилизовались настолько быстро, что оказались практически безоружными. Увидев слабость США, Советский Союз стал проводить агрессивную политику².

Этот обман был в конце концов разоблачен квакерами в их замечательной брошюре «Шаги к миру»³.

«Другая неправильная информация, которой очень многие верят, состоит в том, что Соединенные Штаты после второй мировой войны односторонне разоружились и таким образом ослабили себя и расчистили путь для экспансии Советского Союза. Здесь неправилен самый подход к вопросу, ибо, если верно, что мы демобилизовали свою армию в значительно большей степени, чем это сделали русские, то также верно, что военная мощь США никогда не определялась численностью нашей постоянной армии. В силу причин географического порядка мы полагаемся в первую очередь на военно-морские и воздушные силы, тогда как Советский Союз — преимущественно сухопутная держава. Если же принимать во внимание все роды оружия, как и следует делать для того, чтобы иметь правильное суждение о военной мощи какой-либо страны, то теория одностороннего разоружения Америки рушится. В послевоенные годы у нас все быстрее растет производство атомного оружия, наряду с этим у нас имеются широкая сеть воздушных баз и бомбардировщики, необходимые для перевозки атомных

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 487—488.

² Там же, стр. 129.

³ «Шаги к миру», Комитет обслуживания «Американского общества друзей».

бомб. Наш военно-морской флот, далеко превосходящий по количеству кораблей все флоты в мире, содержится в постоянной боевой готовности. В послевоенные годы наш военный бюджет ни разу не составлял меньше 11 миллиардов долларов. Едва ли это можно назвать односторонним разоружением» (курсив мой.— К. М.).

Рассказ о пропагандистской войне против американского народа будет неполным, если не упомянуть о давлении цензуры. Уильям Ширер изобличил попытки установить цензуру и оклеветать тех, кто выступал против холодной войны, указав на возможные последствия такой политики. В конце концов ему самому зажали рот. Стоит привести большие выдержки из одной его статьи, чтобы показать, как широко в 1946 году развернулась холодная война и какое давление оказывалось на умы американского народа:

«Берт Эндрюс¹ поднял очень важный вопрос..., сообщив, что Трумэн, Бирнс и Ванденберг, договорившись проводить по отношению к России «жесткую» политику, очень хотели бы, чтобы такие оппозиционеры, как сенатор Пеппер и министр Уоллес, либо поддержали эту политику, либо замолчали. Если сообщение Эндрюса соответствует истине, ...то выходит, что президент, государственный секретарь и сенатор-республиканец от штата Мичиган предлагают ввести такую насильственную унификацию общественного мнения по вопросам внешней политики, какой никогда еще не требовал ни один глава правительства в нашей истории или в новой истории Англии даже во времена войны...

И если всякого, кто позволяет себе выражать сомнения в мудрости некоторых наших мероприятий по отношению к Советскому Союзу, будут клеймить во всеуслышание как «русифила» или «большевика», то это отнюдь не будет способствовать внесению ясности в нашу внешнюю политику и ее разумному проведению... Всякий раз, когда я отклоняюсь от той линии в отношении России, которую можно назвать линией Ванденберга — Джона Фостера Даллеса, я получаю пачки ругательных писем. И все же в конгрессе и за стенами конгресса имеется немало достойных граждан, которые весьма сожалеют, что Трумэн и Бирнс — новички в вопросах внешней политики — позаимствовали столько идей у Даллеса, особенно в отношении России... И нельзя не усомниться в правоте того нашего руководителя, кто вплоть до начала войны не видел никакой опасности для США в нацистско-фашистском сговоре, а теперь утверждает, что видит неминуемую угрозу столкновения с Россией...»

Далее Ширер снова подчеркивает одно интересное обстоятельство:

¹ Берт Эндрюс — корреспондент газет «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк геральд трибюн».

«Меня очень удивило то, что люди, проявлявшие такую абсолютную слепоту в отношении угрозы, которую представляла для нас нацистская Германия, так быстро прониклись уверенностью в том, что Советская Россия угрожает нашим национальным интересам»¹.

Символический конец

Джеймс Форрестол умер в мае 1949 года при весьма необычных обстоятельствах. Психическое заболевание обычно считается слишком деликатной темой для того, чтобы обсуждать ее публично. Это относилось бы и к случаю с Форрестолом, если бы не то обстоятельство, что его болезнь затрагивала общественные интересы: Форрестол продолжал принимать решения и тогда, когда он был уже очень серьезно болен².

Редактор его дневников Миллис, относящийся к нему весьма сочувственно, намекает на это в своих примечаниях к дневникам:

«В начале января... один из ближайших советников президента заметил, что Форрестол выглядит очень утомленным и издерганным; этот человек сказал в беседе со своим коллегой, что давнишняя привычка Форрестола почесывать себе макушку приобрела такой упорный характер, что *он уже содрал себе кожу*»³ (курсив мой. — К. М.).

И все же Форрестол оставался на посту еще три месяца. Из его дневников видно, что в этот период он оказывал влияние на политику правительства в отношении Китая, Израиля и России. Он продолжал руководить вооруженными силами и, в частности, принял решение снабдить большие бомбардировщики Б-36 дополнительными реактивными двигателями.

Форрестол заболел. Миллис пишет:

«...через день-два выяснилась необходимость обратиться к помощи психиатров... 2 апреля Форрестола привезли на самолете обратно в Вашингтон и поместили в военно-морской госпиталь в Бетесде (штат Мэриленд)... В середине мая врачи предполагали, что через месяц-два его можно будет выписать, и в порядке необходимой для лечения меры рискнули ослабить ограничения, которые были для него раньше установлены. Это

¹ «Нью-Йорк геральд трибюн», 9 июня 1946 г.

² Реакционеры понимают, какое значение имеют обстоятельства смерти Форрестола. Они всячески стараются представить его мучеником, идеализировать его, объявить святым. Его именем названа одна исследовательская лаборатория в Принстонском университете. Имя «Форрестол» получил новый супер-авианосец военно-морского флота; его имя присвоено также всему этому классу кораблей. Поскольку супер-авианосцы рекламируются как суда, пригодные для того, чтобы доставлять атомные бомбардировщики в любую часть земного шара, имя Форрестола им вполне подходит, но до сих пор еще ни один министр военно-морского флота или министр обороны не удостоивался такой высокой чести.

³ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 547.

было роковой ошибкой. В ночь с 21 на 22 мая он погиб, выпрыгнув в никем не охранявшееся окно»¹.

Психические расстройства уходят своими корнями далеко в прошлое, но окончательная катастрофа часто бывает связана с конкретными повседневными поводами, вызывающими раздражение, и тем напряжением, которое вызывается условиями окружающей среды. Хотя Форрестол и раньше находился во власти внутреннего напряжения, однако следует признать, что оно должно было усилиться в связи с международной обстановкой. Дело в том, что политика Форрестола себя не оправдала. Политика холодной войны и атомного шантажа могла принести успех при двух условиях: если бы ее поддержал американский народ и если бы она оказала устрашающее воздействие на советское правительство. Ни того, ни другого Форрестолу не удалось добиться.

Раздувание «военного психоза» с помощью мнимой угрозы войны со стороны Советского Союза привело к невиданной гонке вооружений, огромному росту прибылей и подрыву гражданских свобод в США. Несмотря даже на самую разнузданную кампанию разжигания ненависти, американский народ оказывает такое сопротивление милитаризму, что военным так и не удалось заполучить в свои руки контроль над атомной бомбой, не говоря уже о том, чтобы попытаться применить ее. Это сопротивление американский народ оказывает в союзе со всеми народами мира, которые уже неоднократно через свои правительства выражали свое возмущение этим видом оружия.

Запугать советское правительство так, чтобы оно покорилося, тоже не удалось.

Бирнс говорил Форрестолу, что русские* «упорны, упрямы, и они не боятся»² (курсив мой.— К. М.). Профессор Блэккетт пишет об этом в ироническом тоне: «...русские совершили непростительный грех: они не испугались американских атомных бомб»³.

Проводя свою политику силы, Форрестол допускал промах за промахом. Будучи человеком умным, он тем не менее был так безнадежно неспособен к пониманию действия глубоких социальных сил, что иногда давал прямо-таки ребяческие оценки положения. Например, когда Трансиордания напала на Израиль, Форрестол считал, что арабы победят в три дня⁴. Случилось наоборот: Израиль победил арабов.

Форрестол так и не дождал до войны, которой он жаждал. «Годы благоприятных возможностей», о которых он говорил, пролетели очень быстро. Форрестол видел, что капитализм и

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 554—555.

² Там же, стр. 262.

³ П. М. С. Блэккетт, *Страх, война и бомба*, Нью-Йорк и Торонто, 1948, стр. 158.

⁴ «Дейли компас», 12 октября 1951 г.

социализм повсюду соревнуются, стремясь завоевать поддержку государств и народов. Он писал в своем дневнике, что в настоящее время «центральная проблема такова: *какая из двух систем, предлагаемых миру, победит*»¹.

В глубине души Форрестол, как и многие другие реакционеры, не верил в свою капиталистическую систему. Он не желал допустить мирного соревнования двух систем, на что шел Рузвельт. Форрестол пытался разрешить эту центральную проблему силой — путем холодной войны, которая должна была служить подготовкой к всемирной атомной войне.

Форрестол потерпел неудачу. Его попытки все еще продолжают другие. Их тоже ждет неудача. Смерть Форрестола можно считать символическим предостережением. Путь войны терпит крушение. Человечеству остается только один путь — путь мира.

¹ «Дневники Форрестола», стр. 249.

Глава 13

АГРЕССОРЫ ВО ИМЯ МИРА

«За мир мы должны быть готовы... заплатить любой ценой, даже ценой развязывания войны, с целью принудить других принять участие в обеспечении мира... мы стали бы тогда первыми агрессорами во имя мира».

Морской министр США Фрэнсис Мэтьюс, 25 августа 1950 года

«Я могу в одну неделю взорвать пять русских заводов, изготавливающих атомные бомбы. И когда я приду ко Христу, я смогу, мне думается, объяснить ему, что этим я спас цивилизацию».

Генерал-майор Орвиль Андерсон, начальник авиационного колледжа, 2 сентября 1950 года

У французов есть поговорка: аппетит приходит во время еды. Чем больше ешь, тем больше хочется есть. У стратегов американского империализма хороший аппетит. Вооружившись доктриной Трумэна, они не «едят», а жрут.

Повсюду в Европе американские реакционеры перешли в наступление. Прямая интервенция американцев привела к крушению одного коалиционного правительства за другим. Те, кто разжигает «военный психоз», используют в своей пропаганде, в частности, и ту идею, что коммунисты в Европе выступают против существующих правительств с целью подорвать их. Это неправда. Факты свидетельствуют о том, что во всех случаях инициатива свержения существовавших правительств принадлежала правым, а не левым. Европейский корреспондент «Колумбия бродкастинг сервис» Говард Смит описал, как это делается.

Французский премьер Рамадье обратился к Соединенным Штатам с просьбой о кредите. Читатель должен помнить, что кредит — это заем, предоставляемый на определенных условиях. Рамадье заявил, что «всякий кредит (американский) будет продиктован политическими соображениями. Каждый заем, который мы получаем, отнимает у нас частицу нашей независимости»¹. Далее Смит показывает, о каких именно «политических соображениях» говорил Рамадье:

¹ Говард Смит, Положение в Европе, Нью-Йорк, 1949, стр. 156.

«В мае 1947 года, *через два месяца* после того, как президент Трумэн провозгласил свою «доктрину», *Рамадье внезапно исключил коммунистов из состава правительства.* Учитывая заявление Рамадье (приведенное выше), коммунисты сочли это результатом сделки, заключенной по приказу Америки»¹ (курсив мой.— К. М.).

Этот же прием использования кредитов в качестве рычага для управления правительствами был применен и в Италии, где действовал премьер де Гаспери. Вот что пишет Смит:

«Когда в феврале 1947 года были прекращены поставки ЮНРРА, де Гаспери отправился в Америку просить займа. Вернувшись оттуда, он *вскоре распустил* свой коалиционный кабинет и создал новый, исключив из него представителей левых партий, как это было сделано *в том же месяце*, в мае 1947 года, во Франции»² (курсив мой.— К. М.).

Вмешательство США потерпело крушение в странах Восточной Европы. Здесь силы народа оказались достаточно мощными, чтобы разгромить реакцию. Но попытки вмешательства были предприняты как в Польше, так и в Чехословакии. События в Чехословакии получили невероятно искаженное освещение в американской печати, которая бойко пишет о коммунистическом «перевороте» и вооруженном захвате власти. Что же произошло на самом деле?

Корреспондент «Колумбия бродкастинг сервис» Говард Смит, находившийся в это время в Чехословакии, описал события, очевидцем которых он являлся. Хотя сам Смит не свободен от предубеждения против коммунистов, он тем не менее показывает нам частицу правды. Сначала он указывает, что «Чехословакией управляло демократическое коалиционное правительство, руководимое коммунистами», которые вместе с социал-демократами (социалистами) получили на выборах большинство голосов — 51 процент. Обладая большинством, коммунисты и социалисты тем не менее в интересах единства и восстановления страны, допустили в правительство и другие партии. Однако после того как Трумэн провозгласил свою доктрину, «коммунисты поняли, что в Чехословакии повторится то, что уже произошло во Франции»³, и министр внутренних дел начал очищать полицию от правых элементов.

Это происходило в 1948 году, почти через год после провозглашения доктрины Трумэна и уже после того, как США нагло вмешались во внутренние дела Франции и Италии.

В Италии в это время в ходе избирательной кампании в связи с парламентскими выборами в апреле 1948 года откры-

¹ Говард Смит, Положение в Европе, Нью-Йорк, 1949, стр. 156.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 341—343.

то использовались американские доллары и угрозы американской военной интервенции¹.

В этой напряженной обстановке правые партии, входившие в состав чехословацкого правительства, спровоцировали кризис, выйдя из состава правительства и тем самым поставив кабинет перед необходимостью расформирования. По словам Смита, они стремились таким способом устранить из правительства коммунистов. «Если бы им удалось перетянуть на свою сторону и социал-демократов, они обладали бы большинством и смогли бы создать правительство без коммунистов»². Точно так же было и во Франции и в Италии.

Этот план провалился. Смит, который был свидетелем событий, рассказывает, как на главную площадь Праги хлынуло «море — 200 тысяч человек». «Эта грандиозная демонстрация дала свои результаты,— продолжает Смит.— По пятнадцати депутатов парламента от каждой из двух главных некоммунистических партий и десять депутатов от третьей партии поспешили к Готвальду и предложили ему свое сотрудничество»³. Оно было принято, и подавших в отставку министров вышвырнули из правительства.

В американской печати все это было названо «русской агрессией против Чехословакии» и «господством коммунистического террора». Смит, находившийся в то время в Чехословакии, не видел никакого террора. Он видел, что правительству была оказана поддержка, и не заметил никаких признаков насилия или сопротивления. Он ставит некоторые вопросы, на которые не в состоянии ответить американские реакционеры:

«Почему президент Бенеш... не подал тотчас же в отставку, если он был противником переворота?.. На протяжении нескольких месяцев он оставался главой государства, управляемого коммунистами. Почему умеренные партии Чехословакии так быстро потерпели крушение? В числе сорока с лишним депутатов этих партий, поспешивших поддержать коммунистов, многие были людьми высоких принципов. К ним принадлежал, например, всеми уважаемый католический священник, отец Плойгар, заявивший в новом кабинете Готвальда пост министра здравоохранения. Как объяснить тот факт, что новому правительству оказал поддержку всеми уважаемый протестантский богослов

¹ Уже впоследствии стало известно, что адмирал Кэрни, бывший в то время заместителем начальника штаба военно-морских сил США, послал в Италию судно военно-морского флота с оружием и боеприпасами, чтобы осуществить интервенцию в случае победы левых на апрельских выборах. Об этом писал Луиджи Барзини младший в итальянском консервативном журнале «Европа».

² Говард Смит, Положение в Европе, Нью-Йорк, 1949, стр. 343.

³ Там же, стр. 346.

д-р Громадка, декан богословского факультета Карловского университета»¹.

Ни один правый лидер в Чехословакии не осмелился бы пойти на такую грубую провокацию, если бы он не был уверен в одобрении США. В Польше американский посол открыто оказывал поддержку правым партиям. Но и в Польше на выборах 1947 года реакция потерпела поражение, что также получило совершенно неверное освещение в американской печати. Глава польских реакционеров Миколайчик изображался истинным демократом. Это ему Черчилль сказал: «Действуйте смелее... Теперь вы можете рассчитывать на поддержку и влияние англичан и американцев» (см. главу 8).

Этот истинный «демократ» осенью 1947 года в интервью, данном Говарду Смиту, признал, что в его Крестьянскую партию «нахлынуло пятнадцать с лишним тысяч помещиков, экспропрированных в результате земельной реформы, а также антисемитски настроенная буржуазия». Смит добавляет, что «несомненно, на местах его партия связана с подпольными организациями правых партий». Смысл слова «подполье» проясняется, когда Смит сообщает, что 900 политических деятелей — коммунистов и социалистов — было убито «бандами правых, в числе руководителей которых на местах были люди, несомненно связанные с Крестьянской партией»².

Миколайчик потерпел неудачу. Он бежал из Польши и теперь живет в Америке, разжигая там ненависть и мечтая о возвращении в Польшу в обзоре американской и английской армий. Но американские газеты не публиковали изложенных выше фактов.

Доктрина Трумэна привела к тому, что во всех странах обострилась внутренняя борьба. С тех пор как Соединенные Штаты стали на сторону богачей и власть имущих, американцы своей жесткой политикой оттолкнули от себя широкие слои населения. Чехословацкий министр иностранных дел Масарик незадолго до смерти сказал д-ру Джерому Дэвису, что, отказавшись предоставить Чехословакии заем в 50 миллионов долларов, когда у власти еще стоял антикоммунистический блок, Соединенные Штаты больше способствовали распространению коммунизма в Чехословакии, чем все русские, взятые вместе»³.

В этой книге невозможно описать во всех подробностях, год за годом и по каждой стране в отдельности, как осуществляется на практике доктрина Трумэна и как ведется холодная война. Задача этой книги — показать, кто, как и почему начал

¹ Говард Смит, Положение в Европе, Нью-Йорк, 1949, стр. 347. Прекрасное изображение кризиса в Чехословакии дал Стефан Гейм в увлекательном романе «Глаза разума» (Бостон, 1951).

² Там же, стр. 331.

³ Джером Дэвис, Мир, война и вы, Нью-Йорк, 1952, стр. 88.

холодную войну. Однако нельзя обойти молчанием самое вредное и опасное последствие доктрины Трумэна — идею превентивной войны. Определение превентивной войны дали авторитетные американские должностные лица, в том числе один член кабинета. Они недвусмысленно и бесстыдно определили превентивную войну как агрессивную войну, которую будут вести Соединенные Штаты.

Холодная война предполагает превентивную войну

Как показано в этой книге, начало холодной войны и ее последующие проявления проходили под знаком атомной дипломатии. В основе атомной дипломатии лежит монополия на атомную бомбу. Вывод из этого милитаристы делали один: надо разгромить потенциального противника раньше, чем он в свою очередь тоже обзаведется атомной бомбой; начать агрессивную войну без всяких оснований, не считаясь с требованиями справедливости, без нужды — лишь бы сохранить в своих руках атомную монополию, необходимую для установления мирового господства.

С тех пор как начала осуществляться атомная дипломатия, в ней была заложена чудовищная, опаснейшая идея превентивной войны. Ни одно другое государство не говорит о превентивной войне, потому что ни одно государство не основывает свою внешнюю политику на атомной бомбе. А в Соединенных Штатах разговоры о превентивной войне начались с первого же дня холодной войны. По словам Самнера Уэллеса, идея превентивной войны была широко распространена в Вашингтоне уже в конце 1945 года.

«Нужно также откровенно заявить, что существовало и другое течение, к которому примыкали должностные лица армии и флота США; сторонники этого течения утверждали, что, поскольку Советский Союз может скоро освоить процесс производства атомной бомбы, в перспективе у Соединенных Штатов единственный безопасный путь: использовать атомную бомбу как средство предотвратить возможность агрессии против самих США в будущем»¹ (курсив мой.— К. М.).

В конце 1945 года и в течение всего 1946 года о превентивной войне можно было говорить, но начать ее не было никакой возможности. Сначала нужно было создать «военный психоз», и, как мы видели в предыдущей главе, Форрестол возглавил организацию пропагандистской кампании против Советского Союза. Поскольку в ответ на каждое агрессивное действие Соединенных Штатов Советский Союз принимал оборонительные меры, как, например, в случае с планом Баруха, реакционеры

¹ Самнер Уэллес, Куда мы идем?, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 347—348.

использовали это для того, чтобы разжечь военную истерию, изображая действия Советского Союза как агрессию.

В то же время правительство США начало бросать в тюрьмы всех, кто разоблачал кампанию подготовки войны¹. После того как с помощью запугивания и разжигания военной истерии американскому народу была навязана доктрина Трумэна, идея превентивной войны перестала быть чисто теоретической. Впоследствии выяснилось, что существовала и «идея 30-дневной войны, выдвинутая в 1948 году отдельными офицерами военно-воздушных сил»². Как мы увидим далее, 1948 год был для американской реакции решающим годом, так как она считала, что в 1948 году будет легче осуществить идею превентивной войны. 1948 год должен был быть годом действия. Проблема подготовки к этому году занимает центральное место в дневниках Форрестола, ибо Форрестол был именно тем человеком, который должен был взяться за это дело.

Форрестол возглавлял все вооруженные силы США. Такое положение создалось впервые в истории Соединенных Штатов, если не считать тех случаев, когда президент США в качестве главнокомандующего возглавлял все вооруженные силы. 27 июля 1947 года был издан закон об объединении всех вооруженных сил, и этим законом был учрежден пост министра обороны. На этот ключевой пост был назначен Форрестол. В связи с этим новым назначением он получил много поздравлений, но, по словам Миллиса, он воспроизвел в своем дневнике только одно из них — поздравление бывшего председателя объединения «Юнайтед Стейтс стил» Майрона Тэйлора, являвшегося в то время личным представителем президента в Ватикане. Ниже приводится письмо, которому Форрестол придавал такое большое значение:

«Дорогой Джим!

Поздравляю с новой большой честью — новой ступенькой к блестящему будущему. Да приведет это назначение к установлению мира во всем мире, *а если это невозможно, то к успешной войне* и в дальнейшем — к прочному миру.

Искренно Ваш, Майрон Тейлор»³ (курсив мой. — К. М.):

Форрестол думал о войне, об агрессивной войне. «В уме Форрестола атомная бомба передвинулась в центр международного положения», — говорит Миллис, комментируя на той же странице письмо Форрестола, датированное 8 декабря 1947 года. В этом письме говорилось:

¹ Автор этой книги был предан суду в январе 1947 года, после того как он поставил фильм, разоблачающий военные приготовления и отказ от политики Рузвельта. В этом фильме, законченном производством в августе 1946 года, внешняя политика США была названа «атомной дипломатией».

² «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 8 сентября 1950 г.

³ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951. стр. 299.

«Поскольку мы имеем возможность производить больше, чем весь остальной мир, властвовать над морями и поражать атомной бомбой внутренние районы стран, мы можем идти на некоторый риск, который при других условиях для нас невозможен. Годы, которые пройдут до тех пор, пока какая-нибудь другая держава будет в состоянии успешно атаковать нас, используя оружие массового уничтожения, будут для нас *годами благоприятных возможностей*»¹ (курсив мой.— К. М.).

Каких возможностей? Какой риск? На эти вопросы Форрестол дает косвенный ответ в другом месте: риск, связанный с агрессивной стратегией. Очень показательна его запись в дневнике от 31 декабря 1947 года:

«Важнейшая стратегическая и тактическая задача, которую должны разрешить наши воздушные силы, состоит в следующем: какую пользу может принести и как проявит себя бомбардировщик дальнего действия в состязании с реактивными истребителями и радиолокационной службой»².

Это — проблема агрессивной войны. Имея дело с противником, у которого нет атомной бомбы, не приходится бояться возмездия. Незачем даже думать об оборонительных мероприятиях — таких, как создание собственных реактивных истребителей и своей радиолокационной службы. Ход ваших мыслей в таком случае приобретает агрессивный характер: вы думаете о том, как пробить оборону противника, обладающего реактивными самолетами и радиолокацией. Когда Форрестол называет это самой неотложной проблемой, стоящей перед воздушными силами, он говорит, выражаясь военным языком, что самой неотложной задачей воздушных сил является готовность к ведению агрессивной войны.

Ряд других записей в дневнике подтверждает, что Форрестол замыслил агрессивную атомную войну. Они свидетельствуют о том, что он проявлял интерес к восточной части бассейна Средиземного моря, которая имеет важнейшее стратегическое значение для нападения на СССР, в особенности на его нефтепромыслы в Баку. В октябре 1947 года Кеннан и Форрестол договорились о необходимости «изменить политику США» по отношению к франкистской Испании с враждебной на дружественную «ввиду того, что нам нужны базы и доступ в Средиземное море, «о чем нельзя говорить, не говоря об Испании»³. Запись, сделанная несколько недель спустя, относится к совещаниям между министром авиации США Сэймингтоном, командующим воздушными силами генералом Спатцом, адмиралом Сауэрсом — директором Национального бюро разведки, Форрестолом и другими. На этих совещаниях обсуждался вопрос об авиационных базах в Средиземном море. На одном из сове-

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 351.

² Там же, стр. 355.

³ Там же, стр. 328.

щаний «генерал Грюнтер сказал, что, по его мнению, создание авиационных баз в Северной Африке означало бы, что мы очень суживаем свои задачи в случае войны. Он добавил, что в действительности нам нужны *базы в восточной части Средиземноморья и на Среднем Востоке*»¹ (курсив мой.— К. М.).

В течение всего этого времени Форрестол лихорадочно торопился с изготовлением атомных бомб, «подчеркивая необходимость увеличения производства бомб»² и отмены ограничений применения атомной бомбы, которые были предусмотрены тайным соглашением, заключенным между США, Англией и Канадой во время войны³.

Для чего нужны были все эти приготовления, эта спешка? Почему Форрестол в конце 1947 года «задавал каждому случайному посетителю вопрос, поддержит ли, по его мнению, американская общественность применение атомной бомбы в случае большой войны?»⁴ Почему? Потому что 1948 год был намечен заранее как год начала превентивной войны. Об этом потрясающем факте поведал Джеймс Бирнс, который в качестве государственного секретаря разрабатывал планы дипломатических мероприятий на случай агрессивной войны в 1948 году.

План Бирнса на случай войны в 1948 году

План Бирнса предусматривал программу провоцирования войны и то, каким образом преподнести ее американскому народу. Это может показаться невероятным, но читатель имеет возможность вынести собственное суждение, поскольку план Бирнса излагается здесь полностью и притом словами самого Бирнса.

Суть плана Бирнса очень проста: заключить сепаратный договор с Западной Германией, а затем силой вытеснить Красную Армию из Восточной Германии. Согласно программе эта маленькая операция должна была начаться весной 1948 года. Соединенные Штаты должны были созвать в это время в Германии мирную конференцию с участием СССР или без него и подписать мирный договор с Западной Германией, который предусматривал бы вывод иностранных войск из всей Германии, причем в случае необходимости это должно было быть осуществлено силой.

Вся подлость этого плана развязывания войны становится ясной, если учесть также и то, что предложение Бирнса о созыве «мирной конференции» носило совершенно противозаконный характер. Гитлеровцев разгромили три государства: Англия, США и СССР. Эти три государства имели в Германии

¹ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 357.

² Там же, стр. 339.

³ Там же.

⁴ Там же.

свои зоны оккупации¹, полученные по праву победителей после невыразимых страданий, перенесенных в войне с гитлеровцами. Мирная конференция без участия СССР была бы жульничеством.

«Договор», принятый такой конференцией, не мог бы на сколько-нибудь законном основании предписывать СССР вывести свои войска из своей зоны. Войска СССР находились в Германии по такому же праву, как и войска США. Таким образом все предпосылки, на которых Бирнс основывал свои доводы, были полностью ложными — ложными и с исторической, и с юридической, и с моральной точек зрения. Мы приведем здесь этот план Бирнса, основанный на таких ложных предпосылках. Бирнс пишет:

«Мне могут сказать: а что если Советский Союз откажется подписать такой договор, что тогда?»

Если советские войска будут выведены из Германии, упадет необходимость в каких-либо действиях со стороны других держав. Но если Красная Армия не будет выведена, мы должны, в крайнем случае, обратиться в Совет Безопасности ООН.

Оккупационные армии должны находиться в Восточной Германии, как и во всех остальных частях Германии, лишь временно и только до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о мирном договоре. Если Советы станут держать там свои войска после того, как подавляющее большинство союзных держав договорится о мирном урегулировании, то это будет свидетельствовать о намерении Советов удерживать в течение неопределенного времени территорию, предоставленную им только на период оккупации. Такие действия представили бы угрозу всеобщему миру, и поэтому ООН должна будет потребовать, чтобы Советский Союз ушел из Германии.

Но могут возразить, что Советский Союз наложит вето на всякое мероприятие Совета Безопасности.

Поскольку я считаю нецелесообразным предлагать какую-нибудь конкретную линию поведения, если мы не хотим осуществлять ее на практике, следует обсудить ситуацию, которая в таком случае возникает. *Нам не следует начинать ничего такого, что мы не готовы довести до конца.*

Прежде всего позвольте мне сказать, что я не верю, что Советский Союз вынудит нас *пойти на крайние меры*... Если мы хотим, чтобы наши действия увенчались успехом, мы должны сами ясно представить себе и разъяснить всем, что мы будем готовы пойти на эти *крайние меры*, если мы будем вынуждены сделать это в интересах всеобщего мира.

¹ В результате дипломатических маневров Черчилля, поддержанных Рузвельтом, Франция тоже получила свою зону. Сталин неохотно согласился на это в Ялте в порядке компромисса. В главе II мы показали, как Франция сорвала установление контроля четырех держав над Германией и как США использовали этот повод для срыва Потсдамского соглашения о выдаче заводов в порядке репарационных платежей.

Я исполнен веры и надежды и я молюсь о том, чтобы руководители Советского Союза никогда не вынудили нас к *этим крайним мерам*. Но они должны понять то, что понял Гитлер, — что мир не позволит какой-нибудь одной державе наложить вето на всеобщий мир»¹ (курсив мой.— К. М.).

«Крайними мерами» в дипломатии уже давно принято называть войну. Чтобы помешать Советскому Союзу «наложить вето на всеобщий мир», Бирнс рекомендует США начать войну. В двух других местах своей книги Бирнс описывает военные и политические «средства», которые нужно применить для достижения этой цели. Военным средством является, разумеется, атомная бомба; «нам следует употребить все усилия для того, чтобы сконструировать бомбы лучшего образца и производить их побольше»². Политическим средством является престиж ООН, которая будет «действовать», а Соединенные Штаты «используют все свое влияние, чтобы поддержать действия ООН»³.

Именно эту политическую формулу США пустили в ход в корейской войне. Когда книга Бирнса, в которой приводился упомянутый выше план, была опубликована, англичан испугало то, что Бирнс заходит слишком далеко, стремится действовать так быстро и высказывается так откровенно. На следующий же день, 16 октября 1947 года, авторитетная лондонская газета «Таймс» заявила, что это предложение «не многим лучше прямого призыва к войне». Лондонская газета «Ньюс кроникл» писала, что «Бирнс наговорил достойной сожаления и опасной чепухи». И, наконец, лондонская газета «Дейли миррор» назвала вещи своими именами: «Г-н Бирнс... проявляет такую откровенность, что открыто призывает к войне с Россией. Что это, преступление, идиотизм или то и другое вместе?»⁴.

Почему война, которую планировал Бирнс, не состоялась?

Предварительные планы Бирнса, Форрестала и остальных членов клики, стоящей за превентивную войну, были сорваны в результате целого ряда внутренних и международных событий. Важнейшим из них было то, что Советский Союз быстро оправился от нанесенных войной разрушений и обладал серьезной военной мощью. Кроме того, в 1947 году Молотов намекнул, что Советский Союз обладает атомной бомбой. СССР,

¹ Джеймс Бирнс, Откровенно говоря, Нью-Йорк и Лондон, 1947, стр. 202—203.

² Там же, стр. 275.

³ Там же, стр. 297.

План Бирнса имеет большое значение как пример того, каким способом реакционеры рекламируют свои идеи; поэтому мы его подробно разбираем в приложении III настоящей книги.

⁴ Цитируется по книге Шумана «Дьявол и Джимми Бирнс» (Нью-Йорк, 1948, стр. 14).

несомненно, держал себя очень уверенно. Три года спустя известный английский журналист Эдуард Крэнкшоу, возвращаясь к периоду 1948 года, писал, что Молотов «обманым путем заставил Запад считать Советский Союз, истощенный и деморализованный войной, вдесятеро сильнее, чем он был на самом деле. Это было видно по тому, как он спровоцировал берлинский кризис...»¹

Обладал ли Советский Союз на самом деле военной мощью или это было блефом, так или иначе, но страх перед советской мощью и уверенностью, одним из проявлений которых была блокада Берлина, сдерживал западные державы.

Этому содействовала и еще одна важная причина; дело в том, что как раз во время блокады Берлина избирательная кампания в США была в полном разгаре, и в этой кампании одна партия — Прогрессивная партия — исходила в своей программе из глубокого стремления американского народа к миру.

Теперь, когда пишутся эти строки, американский народ снова вовлечен в избирательную кампанию. По существу избирательная борьба идет вокруг вопроса о мире. Так как и на этот раз одна только Прогрессивная партия выдвинула кандидатов — Винсента Холлимена и Шарлотту Басс, — честно стоящих за мир и, в частности, за перемирие в Корее, важно дать оценку той роли, которую сыграла Прогрессивная партия на выборах 1948 года.

Под влиянием выдвинутого Прогрессивной партией настойчивого требования о мире и сам Трумэн в разгаре избирательной кампании круто повернул и стал выражаться весьма «радикально». Он сделал вид, будто хочет направить в Москву судьбу Винсона, заявил, что у него очень хорошие отношения с «дядей Джо», и в самых резких выражениях напал на американские монополии, сравнивая их с хозяевами, финансировавшими Гитлера в Германии, фашистов в Италии и милитаристов в Японии. Трумэн заявил: «Теперь бросим взгляд на ту группу людей, которая, сосредоточив в своих руках экономическую мощь, угрожает судьбам демократии в Соединенных Штатах...»

Когда горстка людей захватывает контроль над экономикой государства, они находят себе ставленника, чтобы он управлял страной в их интересах. До того, как Гитлер пришел к власти, контроль над экономикой Германии перешел в руки небольшой группы богатых промышленников, банкиров и землевладельцев.

Эти люди решили, что Германии нужен грубый и жестокий диктатор, который действовал бы в их интересах и разгромил бы сильные германские профсоюзы. Тогда они своими деньга-

¹ «Нью-Йорк таймс» (воскресное приложение), 11 февраля 1951 г.

ми и влиянием поддержали Адольфа Гитлера. Дальнейшее нам уже известно...

В настоящее время в Соединенных Штатах усиливается опасная концентрация огромной экономической мощи в руках кучки людей»¹.

Суть дела не в грубой демагогии Трумэна (поскольку он сам передал управление страной крупному капиталу), а в том, что существование Прогрессивной партии толкнуло его «влево», заставило его разглагольствовать о мире и, быть может, даже послужило основной причиной того, что он не воспользовался бирнсовским рецептом войны в ответ на блокаду Берлина.

Война в Корее

Того, чего не мог добиться Бирнс в 1948 году, добился Даллес в 1950 году. На корейской войне стоит фабричная марка «сделано в США». Разжигавшим «военный психоз» газетам удалось в результате долгих усилий убедить значительные слои американского народа в том, что Советский Союз, используя северокорейские войска, начал войну, осуществив тем самым акт агрессии против западных держав. Но шила в мешке не утаишь. Теперь ясно, что на самом деле начали войну Соединенные Штаты, используя южнокорейские войска, отчасти для того, чтобы спасти Формозу и битого Чан Кай-ши.

Таково мнение одного из ведущих английских дипломатов сэра Джона Притта, бывшего советника английского правительства по вопросам Дальнего Востока и начальника дальневосточного управления английского министерства информации. Прошлое этого человека безукоризненно, а знания не вызывают никаких сомнений. Он говорит:

«Военные действия начались на рассвете в воскресенье 25 июня 1950 года, и в тот же день Совет Безопасности принял резолюцию, возлагавшую вину за события на Северную Корею. Это решение было основано на телеграмме, полученной от комиссии ООН, находившейся в Сеуле. В этой телеграмме говорилось, что никаких данных о том, какая сторона открыла военные действия, не имеется. *У меня вызвала подозрения та поспешность, с какой была принята эта резолюция, а также то обстоятельство, что президент Трумэн, не обращаясь больше к ООН, воспользовался этой резолюцией как предлогом для посылки американских войск в Корею, а американского флота на Формозу.*

Текст телеграммы комиссии ООН из Сеула не был включен даже в официальный документ, представленный английской палате общин...

Русские вывели свои войска из Северной Кореи в 1948 году, но американцы остались в Южной Корее и создали там

¹ Предвыборная речь Трумэна в Чикаго 10 октября 1948 г.

армию, которая, по их мнению и по мнению Ли Сын Мана, могла свободно справиться с армией Северной Кореи. По сообщению журнала «Экономист», уже в ноябре 1949 года в Корее, шла настоящая война, хотя главные силы обеих армий в ней еще не участвовали.

В мае 1950 года в Южной Корее состоялись новые выборы, а 19 июня в Сеуле собралось новое Национальное собрание. Противники Ли Сын Мана обладали подавляющим большинством голосов. Они вступили в переговоры с северокорейцами на основе предложенного последними плана объединения страны и проведения новых выборов в августе. Трудно поверить, что северокорейцы стали бы срывать этот план, напав на южнокорейскую армию.

Ключ к этой загадке надо искать на Формозе.

В январе 1950 года президент Трумэн и Дин Ачесон объявили, что Америка не заинтересована в Формозе и никак не будет вмешиваться в гражданскую войну между гоминдановскими националистами на Формозе и новым правительством в Пекине. Формоза была возвращена Китаю в 1945 году. Она снова стала провинцией Китая, и Америка «никогда не станет цепляться за слова какого-нибудь юриста» насчет того, что нужно ожидать заключения мирного договора с Японией.

Но республиканцы твердо решили «включить Формозу в американскую оборонительную зону»; их руководители поддерживали кампанию сенатора Маккарти, которую сенатская комиссия охарактеризовала как «попытку разжечь в американском народе истерию и возбудить страх в невероятных размерах». В апреле 1950 года президент Трумэн капитулировал и назначил республиканца Джона Фостера Даллеса главным советником государственного департамента.

В апреле войска пекинского правительства с поразительной легкостью освободили остров Хайнань, а на июль было намечено освобождение Формозы. Поэтому приходилось спешить. В июне Джон Фостер Даллес, министр обороны Луис Джонсон и председатель объединенной группы начальников штабов США генерал Брэдли встретились в Токио с генералом Макартуром и, как стало известно 23 июня, договорились о том, что Формоза «должна быть включена в американскую оборонительную зону». Военные действия, начавшиеся на рассвете 25 июня, спасли Ли Сын Мана от крушения и дали президенту Трумэну желанный предлог для захвата Формозы. Тот, кто изучил факты, изложенные выше, не может сомневаться в том, что война в Корее началась нападением Ли Сын Мана, поддержанного его друзьями из американской группы военных советников, на Северную Корею»¹ (курсив мой.— К. М.).

¹ Джером Дэвис, Мир, война и вы, Нью-Йорк, 1952, стр. 255—257.

После того, как сэр Джон Притт написал этот обвинительный акт, один из крупнейших американских журналистов, И. Ф. Стоун, полностью доказал его справедливость. Стоун написал «Закулисную историю войны в Корее» — блестящее, тщательно продуманное критическое исследование вопроса о том, как и почему началась война в Корее и как она развивалась. Стоун приводит слова тогдашнего председателя сенатской комиссии по иностранным делам сенатора Коннелли, который 2 мая 1950 года в интервью корреспонденту «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» заявил:

«Так вот, очень многие (в некоторых кругах) рассуждают таким образом: произойдут события, которые обернутся так, что это будет инцидентом, который заставит нас сражаться. Многие так и говорят: «Раз уж нам все равно когда-нибудь придется воевать, так почему бы не сейчас?»¹

Как бы для подтверждения слов Коннелли начались усиленные разговоры о превентивной войне. Бывший командир Американского легиона Поль Гриффитс заявил корреспондентам газет, что он уже «просил президента Трумэна приказать сбросить «где-нибудь там» атомную бомбу для того, чтобы показать, что Соединенные Штаты поддерживают «народы мира, желающие остаться свободными».

Повидимому, г-н Гриффитс хотел сказать, что бомбу надо сбросить на Советский Союз...»²

Неизвестно, что ответил ему Трумэн. Зато известно, что он сделал. Вскоре после этого он назначил любителя атомных бомбардировок Гриффитса помощником министра обороны.

Новая волна разговоров о превентивной войне поднялась до начала войны в Корее. Шайка сторонников войны, как это раскрыл Коннелли, страстно надеялась, что события приведут к «инциденту, который заставит нас сражаться».

20 июня 1950 года на 38-ю параллель в Корее явился Даллес. На фотографиях, помещенных в газетах, видно, как он смотрит в бинокль на Северную Корею. На следующий день Даллес помчался в Токио, чтобы встретиться с генералом Макартуром, который совещался с высшими военными руководителями США, недавно прибывшими в Японию: министром обороны Луисом Джонсоном и председателем объединенной группы начальников штабов США генералом Омаром Брэдли.

Даллес, Макартур, Брэдли и Джонсон! О чем же они совещались? Единственный намек на содержание их разговора мы находим в интервью Даллеса корреспонденту Ассошиэйтед Пресс после этого совещания. Он «предсказал «позитивные

¹ Ирвинг Ф. Стоун, Закулисная история войны в Корее, Нью-Йорк, 1952, стр. 22.

² «Нью-Йорк таймс», 7 июня 1950 г.

действия» США в целях сохранения мира на Дальнем Востоке»¹.

Как пришла война в Корею? Весьма интересный ответ на этот вопрос можно найти у Джона Гантера, автора всех книг, названия которых начинаются словом «подоплека».

Утром 25 июня 1950 года Джон Гантер снова наблюдал «подоплеку», сидя в персональном вагоне генерала Макартура в Японии. В этом же вагоне находились «два видных представителя оккупационной армии». Перед самым завтраком одного из них «неожиданно вызвали к телефону». Вернувшись, он шепнул: «Большая новость... южнокорейские войска напали на Северную Корею»². Гантер говорит, что это сообщение было «совершенно неверным», но он никак не может объяснить, почему видный представитель оккупационной армии, находясь в персональном вагоне генерала Макартура, получает «совершенно неверные» сообщения. Единственное объяснение, которое он смог придумать, заключается в следующем:

«В первые часы в штабе никто ничего не знал, и, вероятно, люди поверили ядовитой лжи, которую распространяло радио Северной Кореи»³.

Стоун следующим образом комментирует это объяснение: «Предположение, что Макартура могло ввести в заблуждение северокорейское радио, носит фантастический характер»⁴.

Так автор «Закулисной истории войны в Корее» описывает события шаг за шагом, сенсацию за сенсацией, исчерпывая доказывая, что «в политических, экономических и военных взглядах американцев преобладала идея страха перед миром»⁵ и что Корея явилась для поджигателей войны выходом из положения. Стоун приводит заявление, сделанное в январе 1952 года командующим войсками США в Корее генералом Ван Флитом: «Корея — счастье для нас. Нам нужна была такая Корея либо здесь, либо в какой-нибудь другой части мира...»⁶

Корея и превентивная война

Война в Корее представляла собой на протяжении двух лет самую опасную угрозу для мира во всем мире и самый удобный трамплин для проповедников превентивной войны. После начала войны в Корее они снова завопили о превентивной войне, причем им вторили и некоторые члены кабинета.

¹ «Нью-Йорк таймс», 20 июня 1950 г.

² Ирвинг Ф. Стоун, Закулисная история войны в Корее, Нью-Йорк, 1952, стр. 45.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 348.

⁶ Сообщение агентства Юнайтед пресс из штаба 8-й армии 19 января 1952 г. (Приводится в книге И. Ф. Стоуна «Закулисная история войны в Корее», стр. 348.)

В августе 1950 года назначенный Трумэном морской министр Фрэнсис Мэтьюс заявил в публичной речи:

«Мы должны решительно заявить, что наша бесспорная цель — всеобщий мир. За мир мы должны быть готовы заплатить любой ценой, даже ценой развязывания войны с целью принудить других принять участие в обеспечении мира...» Эта «миролюбивая политика может представить нас в роли, необычной для подлинной демократии, — роли инициатора агрессивной войны, но все же она обеспечит нам гордое и почетное имя, — мы стали бы первыми агрессорами во имя мира»¹ (курсив мой. — К. М.).

Не только один Мэтьюс проявлял это безумное стремление к мировой войне. Две недели спустя, 8 сентября, в «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» была помещена статья, целиком посвященная новой вспышке разговоров в высших кругах о превентивной войне. В этой статье цитировались выступления не только Мэтьюса, но и одного влиятельного члена конгресса, одного генерала армии, недавно вышедшего в отставку, и генерала Орвиля Андерсона, состоявшего на действительной службе в военно-воздушном флоте США и бывшего в то время начальником авиационного колледжа. Генерал Андерсон заявил, что «американцы всегда считают необходимым брать инициативу в свои руки», что он был бы счастлив сбросить бомбу на Россию, «пусть мне только прикажут», и закончил следующими словами: «Когда я прииду ко Христу, я смогу, мне думается, объяснить ему, что этим я спас цивилизацию»².

Это было уже слишком, даже для Трумэна. Он отстранил Андерсона от должности. Точнее говоря, Андерсон получил другое назначение, оставшись в том же чине и с тем же окладом. Такого рода «наказание» ясно свидетельствует об образе мыслей правительства: генералы, требующие превентивной войны, никогда не подвергаются серьезным взысканиям.

Наиболее ярким примером является недавний случай с генералом Гроу, который вел дневник в свою бытность военным аташе США в Москве в начале 1951 года.

Весь мир ужаснулся, когда в конце 1951 года стало известно, что именно генерал Гроу писал в этом дневнике:³

«Война! Как можно скорее! Сейчас!»

«Нам нужен вождь, который недвусмысленно сказал бы нам: коммунизм должен быть уничтожен» (запись от 5 февраля 1951 года).

¹ «Нью-Йорк таймс», 26 августа 1950 г.

² Там же, 2 сентября 1950 г. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» не напечатал всего заявления.

³ Выдержки из этого дневника были впервые опубликованы в Берлине английским майором Ричардом Сквайрсом. В США они были перепечатаны в брошюре «Дневник генерала Гроу» (издательство «Аур», 1952) с предисловием автора книги «Измена родине» Альберта Кана. Майор Сквайрс добыл фотографии подлинного дневника и других документов Гроу.

Гроу не держал свои советы при себе. По его словам, он «бросил нечто вроде маленькой бомбы», представив послу США в Москве Кэрку меморандум, в котором предсказывал, что война начнется до июля 1952 года. Далее Гроу хвастает, что посол «принял нашу записку как разумную и заслуживающую серьезного внимания»; что его «письма направляются во все высокие инстанции, вплоть до президента».

Гроу сообщает, что в России он занимался шпионажем и отысканием объектов для бомбардировки. О своих путешествиях он писал: «Большая электростанция в Шатуре... хорошая мишень... Только железнодорожный мост представляет собой хорошую мишень... Мост здесь — лучшая мишень на юге России... обнаружил три позиции зенитной артиллерии».

В своем дневнике Гроу писал даже о методах ведения войны, которую он предлагал: «Наш удар должен быть направлен на слабое место противника... Это тотальная война, и ее нужно вести всеми видами оружия. Нам следует усвоить, что в войне допустимы даже не разрешенные в спорте приемы».

Когда дневник Гроу был оглашен, Вашингтон пытался замолчать это. Месяцев через шесть Гроу был предан суду военного трибунала — не за то, что он призывал к войне, а за то, что не смог сохранить секретную военную информацию.

Чудовищные плоды холодной войны

Холодная война принесла Америке войну в Корею и постоянную возможность превентивной войны — агрессивной войны против Советского Союза, которая неизбежно приведет США к войне со всем миром, как это случилось с Гитлером, — и с теми же губительными результатами. Главная причина того, что превентивная война не началась, состоит в том, что авторы военных планов США не уверены, что они эту войну выиграют. Военную клику в США сдерживают не соображения морали, а страх. Это совершенно хладнокровно признал один журнал, выражающий взгляды крупных капиталистов.

«Несмотря на все разговоры, очень мало шансов на успех превентивной войны. Это объясняется весьма естественными причинами: руководители нашей обороны говорят, что США *недостаточно сильны, чтобы наверняка одержать решительную победу*. Эти руководители приводят веские доводы военного порядка в обоснование того, что не следует и пытаться предпринимать превентивное вооруженное нападение на Россию»¹ (курсив мой. — К. М.).

Холодная война идет уже с августа 1945 года. За семь лет очевидны ее результаты. Какие плоды принесла внешняя политика республиканцев и демократов к августу 1952 года?

¹ «Юнайтед Стейте ньюс энд Ворлд рипорт», 8 сентября 1950 г.

1. Потери американцев в Корее, исчисляются более чем в четверть миллиона человек (100 тысяч в боях и 120 тысяч не в боях).

2. Почти полное опустошение взрывчатыми веществами большой силы и напалмовыми бомбами страны, равной по площади штату Коннектикут, причем число жертв превышает число жертв, понесенных США во второй мировой войне. По неполным данным, из общего населения Кореи, составлявшего 25 миллионов человек, убито 4 миллиона, то есть одна шестая.

3. Небывалая в истории гонка вооружений, поиски оружия массового уничтожения вроде водородной бомбы и бактериологического оружия, которые затмят атомную бомбу.

4. Расцвет милитаризма в Америке и установление господства военных над внешней политикой — правительство генералов, причем на пост президента гакже выдвинута кандидатура генерала.

5. Вооружение Западной Германии, которой попрежнему управляют картели и монополистические группы, поставившие у власти Гитлера. Германская армия под командованием гитлеровских генералов. Правительство Германии, состоящее из гитлеровских чиновников.

6. Восстановление военной мощи Японии под эгидой тех же монополистов и многих из тех политических деятелей, которые были инициаторами нападения на нас в Пирл-Харборе.

7. Дружба и союз с тем же генералом Франко, который в 1941 году заявил: «Как радостно будет увидеть в один прекрасный день, как германские бомбардировщики наказывают нью-йоркские небоскребы за наглость».

8. Союз с французскими, английскими и бельгийскими жестокими колониальными угнетателями в Индокитае, Тунисе, Малайе, Египте, на Ближнем Востоке, в Бельгийском Конго и прямое участие в колониальных войнах.

9. Экономический кризис в Европе, угроза депрессии в США. Снижение жизненного уровня в США и других странах и сверхприбыли монополий.

10. Наступление на гражданские свободы и свободу слова в США, которое, по словам члена Верховного суда Дугласа, привело к «молчанию, порожденному страхом». Нам уже довелось видеть трумэновские присяги в верности, маккартизм и быстрое движение по направлению к фашизму.

И все же мы, американцы, можем жить спокойно... Пока что политика холодной войны с целью разжечь мировую атомную войну потерпела провал. Этот провал объясняется коренными и постоянно действующими причинами. Тот, кто понимает эти причины, может с уверенностью смотреть в будущее. Мы вкратце рассмотрим эти причины в следующих главах.

ЧАСТЬ III

ПРОВАЛ ОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 14

ВОЕННОЕ БЕЗУМИЕ

«Мы не хотим обманывать себя подобно тому, как Гитлер обманывал германский народ опрометчивыми обещаниями насчет «секретного оружия Германии».

Военный министр Фрэнк Пейс младший

«Мы все еще стремимся к такой войне, которую можно было бы выиграть быстро и без труда».

Хэнсон Болдуин, «Нью-Йорк таймс»

Как мы уже указывали в одной из предыдущих глав, председатель правления компании «Дженерал моторс» Чарлз Вильсон заявил, что если гонка вооружений будет продолжаться, то США встанут на тот путь войны, по которому пошла гитлеровская Германия. В мае 1952 года военный министр США сделал заявление, которое мы привели в качестве эпиграфа. Он отрицал, что США намерены идти по стопам Гитлера. Сравнения с Гитлером, к которым прибегают руководители США, не могут не вызвать серьезной тревоги. Какая же политика проводится у нас в настоящее время, если для ее разъяснения приходится ссылаться на Гитлера?

В основе политической стратегии США лежит антикоммунистическая политика как внутри страны, так и за ее пределами. Такова же была и политическая линия Гитлера. Аналогия совершенно очевидна. Не столь очевидно то, что и в области военной стратегии США также следуют гитлеровскому образцу — стратегии молниеносной войны, рассчитанной на быструю и легкую победу. Гитлеровской танковой молниеносной войне ныне соответствует молниеносная атомная война. Такова американская стратегия, основанная на использовании бомбардировщиков дальнего действия.

То, что именно в этом и заключается стратегия США, признал редактор дневников Форрестала Уолтер Миллис в своей рецензии на книгу нынешнего посла США в Москве Джорджа Кеннана — одного из главных вдохновителей холодной войны. Миллис пишет: «Нация, которая начала с высокого нравствен-

ного идеализма пакта Келлога¹, а пришла к стратегии атомной бомбы, стратегии самой нелепой, варварской и разрушительной со времен Чингис-хана, должна понять, что «у нас что-то не в порядке»².

Почему Миллис, так восторгавшийся Форрестолом, заявляет, что «что-то не в порядке» с нашей стратегией атомной бомбы, тогда как сам Форрестол играл решающую роль в разработке этой стратегии и сам Миллис называл атомную бомбу «подлинной основой военной мощи США»?³ Почему он называет теперь эту стратегию «нелепой, варварской и разрушительной»? Уж не потому ли, что мысль о войне вызывает у него отвращение? Отнюдь нет. В этой же рецензии он пишет, что мы «должны быть готовы к тому, чтобы открыто проводить политику силы и даже вести малые войны...»

Причиной изменения взглядов Миллиса является провал атомной стратегии. Дальние стратегические бомбардировки с применением атомной бомбы в таком масштабе, который обеспечил бы победу США в мировой войне, невозможны. Стратегическая основа тотальной войны против Советского Союза рухнула. Это произошло по четырем причинам: 1) Советский Союз стал производить атомное оружие; 2) американские авиационные базы в Европе и на Ближнем Востоке становятся все более уязвимыми; 3) Советский Союз создал радиолокационную защиту и 4) Советский Союз обладает превосходством в реактивных самолетах оборонного назначения. Последнее обстоятельство имеет настолько важное значение, что мы его рассмотрим отдельно.

Американская стратегия парализована

Производство в Советском Союзе атомного оружия имеет важное значение, так как очевидно, что теперь СССР располагает оружием возмездия. Если мы начнем сбрасывать на Советский Союз атомные бомбы, то он ответит нам тем же. Хотя атомные бомбы не могут решить исхода войны, но возможность их использования приведет к непомерно обременительным расходам на оборону; еще более важное значение имеет то, что в результате наличия у Советского Союза атомных бомб наши авиационные базы за границей становятся крайне уязвимыми. Авиационные базы, предназначенные для дальних стратегических операций, занимают большую площадь. Их трудно скрыть. Они представляют собой прекрасные мишени для атомных бомбардировок. Кроме того, следует учи-

¹ Пакт об отказе от войны как орудия национальной политики, заключенный в 1928 году по инициативе государственного секретаря США Келлога.

² «Нью-Йорк геральд трибюн» (книжное обозрение) 30 сентября 1951 г. Миллис — один из редакторов этой газеты.

³ «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 462.

тывать, что европейцы, находящиеся на передней линии, все менее и менее склонны помогать Америке: они понимают, что в атомной войне им придется принять на себя основные удары.

Что касается американских баз в Европе и на Ближнем Востоке, то еще до того, как Советский Союз стал производить атомные бомбы, их не считали неуязвимыми. Ни одна из тех армий, которые существуют сейчас на континенте Европы, и даже та армия, которую намечают создать к 1954 году¹, не сможет удержать эти базы при наступлении советских наземных войск.

Более того, даже в деле создания намечаемой армии Соединенные Штаты все больше и больше полагаются на Западную Германию, которая должна предоставить живую силу, оружие и возглавить милитаризацию Западной Европы. Это означает, что объединенной демократической Германии противопоставляется союз с бывшими гитлеровскими генералами и картеллистами, против которых мы еще совсем недавно воевали.

Такой союз может нравиться американским генералам, но он не нравится народам Европы, которые извели жизнь под господством нацистов. Все народы Европы выступают не только против новой войны, они все выступают против вооружения Германии и при этом настолько активно, что реакционным правительствам приходится призадуматься. Боевой дух европейской армии, если в ее состав войдут значительные контингенты немецких войск, будет крайне неустойчивым.

Но какую же европейскую армию можно создать, если миллионы людей поклялись никогда не участвовать в агрессивной войне против Советского Союза? Во французской и итальянской армиях неизбежно всегда будут значительные группы коммунистов или людей, находящихся под их влиянием. Кто же заставит их сражаться против Советского Союза? Нацистские генералы? Абсолютно нелепая идея.

Некоторые, возможно, спросят, почему такой занятой человек, как генерал Эйзенхауэр, провел в Европе так много времени, если проектируемая европейская армия все равно не в состоянии будет остановить наступление советских войск. Ответ на этот вопрос дает Уолтер Липпман:

«Какую же роль призваны сыграть те дивизии наземных войск, на создание которых генерал Эйзенхауэр тратит столько энергии? Я не знаю, что он сам скажет по этому поводу. Но я смею думать, что их действительное значение в обороне Европы состоит в том, чтобы укрепить существующие правитель-

¹ К 1954 году намечалось создать 43 дивизии, в том числе 12 германских. Все говорит за то, что эта цель не будет осуществлена. Американский начальник штаба генерал Грюнтер выразил «сожаление по поводу тенденции европейских держав упускать из виду задачи, поставленные на 1954 год» («Нью-Йорк таймс», 2 декабря 1951 г.). В «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» 15 августа 1952 года сообщалось, что от плана, рассчитанного на 1954 год, отказались.

ства, сделать их достаточно сильными и таким образом предотвратить захват власти коммунистическими организациями»¹.

Другими словами, если народы будут голосовать за коммунистов, то европейская армия под командованием нацистов все затопит кровью, борясь с «захватчиками власти». То же самое в свое время сделал Франко с помощью Гитлера и Муссолини. Соединенные Штаты идут точь-в-точь по тому же пути. Очевидно, что военные руководители США не могут рассчитывать больше на авиационные базы в Европе.

Лишаясь расположенных близко от Советского Союза баз, Соединенные Штаты таким образом теряют один из важнейших элементов своей стратегии молниеносной войны, а именно факторы внезапности. Этот элемент стратегии молниеносной войны уже и так серьезно пострадал в результате того, что Советский Союз обладает теперь первоклассной радиолокационной сетью и реактивной авиацией. Это не догадка: нам известно это, потому что атомные генералы из Вашингтона прощупывают в мирное время противоздушную оборону Советского Союза.

Об этом зловещем факте писал на страницах журнала «Лук» помощник главного редактора Стивен Уайт:

«Американские самолеты не только случайно, но и *преднамеренно* испытывали эффективность радиолокационной сети Советского Союза. Американцы убедились, что русские скоростные истребители поднимаются в небо задолго до того, как наши самолеты-разведчики достигают русской границы»² (курсив мой.— К. М.).

В статье Уайта впервые открыто признавалось, что мы занимаемся такими безрассудными провокациями. Неделю спустя этот же факт подтвердил журналист Джозеф Олсоп, у которого большие связи в Пентагоне. Олсоп прямо утверждал, что мы испытывали эффективность советской радиолокационной защиты в Сибири и в Европе. Он писал:

«Наши самолеты дальнего радиуса действия производили разведку сибирского побережья еще *до начала* войны в Корее. Они залетали так далеко, что не раз делались попытки их перехвата. Нет сомнений и в том, что самолет военно-морского флота, сбитый над Балтийским морем года два назад, тоже занимался разведкой»³ (курсив мой.— К. М.).

Такие агрессивные мероприятия, как воздушная разведка, проводятся *без ведома* и согласия американского народа и являются безрассудными провокациями США против Советского Союза. Тем не менее, когда самолет военно-морского флота был сбит, крикливые заголовки газет обвиняли Советский Союз в провокационных действиях. Они кричали о жестокости

¹ «Нью-Йорк геральд трибюн», 2 июня 1952 г.

² Лук, 3 июня 1952 г.

³ «Вашингтон пост», 13 июня 1952 г.

русских, которые якобы «сбивают» невооруженные самолеты. Недавно был также сбит еще один шведский «невооруженный» самолет. О чем народу не говорят, так это о том, что все разведывательные самолеты «не вооружены», ибо снимают вооружение, чтобы увеличить скорость.

Несмотря на то, что правительство США виновно в таких недружелюбных актах, как воздушная разведка, в июле 1952 года американский посол в Москве Кеннан заявил протест в связи с появлением в СССР плакатов, изображавших русские самолеты в погоне за американскими. Кеннан заявил, что эти плакаты разжигают ненависть к США. Протест Кеннана — типичный пример наглости вдохновителей холодной войны. Русские ведут себя недружелюбно: они выходят из себя, когда американские самолеты нарушают их границы! Странный народ эти русские!

Протест Кеннана был напечатан под кричащими заголовками во всех газетах. Газеты подробно описывали, как были сбиты три американских самолета. У американской общественности создалось впечатление, что Советский Союз виновен в акте неспровоцированной агрессии. Но ни одна газета не сочла необходимым рассказать американскому народу, чем занимались наши самолеты, хотя это было бы, несомненно, интересно. Этот инцидент — один из самых ярких примеров того, как газеты в Америке искажают факты и раздувают «военный психоз».

То, что Советский Союз имеет радиолокационную защиту и производит атомные бомбы, а гарантия безопасности американских баз за границей все уменьшается, означает, что американская стратегия молниеносной атомной войны устарела. Но наиболее важна решающая причина провала американской атомной стратегии — это превосходство советских реактивных истребителей, продемонстрированное в Корее.

23 октября 1951 года американские «летающие сверхкрепости» Б-29 в сопровождении 100 американских реактивных истребителей вылетели на бомбардировку аэродрома Намси в Северной Корее, далеко от линии фронта. Их встретили 150 реактивных истребителей противника. В бою были сбиты три американских самолета Б-29, а еще пять получили такие серьезные повреждения, что были приведены в полную негодность¹.

Таким образом, было потеряно восемь бомбардировщиков.

Восемь — цифра небольшая, но она потрясла всех атомных генералов в Вашингтоне, потому что и вылетало-то всего восемь бомбардировщиков. Следовательно, потери за 23 октября составили ровно 100 процентов. По словам журнала «Ньюс уик», потери были такими, что «почти ни один самолет не вернулся на базу».

¹ «Нью-Йорк таймс», 9 декабря 1951 г.

Для того чтобы дать представление о значении этого факта, достаточно привести одно сравнение: самые тяжелые потери в воздушной войне над Германией (при налете на Швейнфурт) составили всего 40 процентов от общего числа самолетов, участвовавших в налете. Тем не менее эти потери считались такими чрезмерными, что с тех пор уже больше не предпринимались дневные вылеты, если не было возможности придать бомбардировщикам для сопровождения истребители дальнего действия. Потери в Швейнфурте, составившие 40 процентов при отсутствии истребителей сопровождения, считались чрезмерными. Можно себе представить, что означают потери в 100 процентов над Намси при наличии истребителей сопровождения.

В Корее США теряют господство в воздухе

Превосходство США в воздухе над Кореей — дело прошлого. Огромные бомбардировщики уже не могут больше совершать налеты в дневное время. Бомбардировки стали производиться только маленькими истребителями-бомбардировщиками или только по ночам, как это было, например, во время налетов на электростанцию на реке Ялуцзян. Кроме того, нам неизвестно, скольких сыновей потеряли американские матери во время этих налетов. Насчет наших потерь генералы авиации помалкивают. Что касается общих цифр потерь, то завеса приподнялась лишь один раз за все время войны в Корее — в марте 1952 года, когда Хэнсон Болдуин опубликовал свои собственные подсчеты. Цифры, которые он назвал, потрясли всех. Из них видно, что наши потери в самолетах превосходят потери китайцев и северокорейцев: потери США составили «от 1 800 до 1 900 самолетов», а потери противника — всего 938 самолетов¹.

Даже эти страшные цифры не отражают действительного положения. На бомбардировщиках летают большие экипажи. Так, например, на Б-29 экипаж состоит из 14 человек. На реактивном истребителе только один человек. Воздушные бои происходят над территорией Северной Кореи. Когда сбивают истребитель обороняющейся стороны, его пилот может выбраться с парашютом и спастись. Когда сбивают налетчика, его экипаж спускается на парашютах прямо в плен. Поэтому наши потери в обученном личном составе превышают потери противника гораздо больше, чем вдвое, — вероятно, вдесятеро.

Наконец, еще одно соображение, которое должно подействовать отрезвляюще. Мы сражаемся с китайцами и северокорейцами, чьи воздушные силы существуют всего каких-нибудь два с небольшим года. Наши же воздушные силы развиваются уже почти сорок лет. Они располагают широкой сетью авиационных

¹ «Нью-Йорк таймс», 27 марта 1952 г. Речь идет о всех потерях — в бою и вне боя.

сооружений. У нас применяются испытанные методы обучения, существует широкая система школ, имеется многочисленный инструкторский состав и, что самое главное, у нас огромный боевой опыт, приобретенный за четыре года мировой войны при полетах над любой местностью при любых метеорологических условиях.

И все же наши современные воздушные силы, встретившись с наспех сколоченными, еще не оперившимися воздушными силами противника, не сумели закрепить за собой господства в воздухе. Что же было бы, если бы нам пришлось столкнуться с воздушными силами Советского Союза, находящимися на таком же современном уровне техники, как и наши, имеющими такой же опыт, столь же закаленными в боях? Что же было бы, если бы нам пришлось столкнуться с воздушными силами Советского Союза, который обладает лучшими, чем у нас, реактивными истребителями обороны, чья авиационная промышленность лучше нашей?

Вот эти-то разительные факты и составляют основную причину провала атомной стратегии США.

Техническое превосходство Советского Союза

Технические достижения Советского Союза в области производства реактивных самолетов оставляют позади достижения Соединенных Штатов. На протяжении ряда лет наша печать изображала Советский Союз как отсталую в промышленном отношении страну с низкой производительностью труда и неспособными кадрами. И вдруг оказывается, что эта страна превзошла Соединенные Штаты, которые высокомерно считают себя самой развитой промышленной страной с самым высоким в мире техническим уровнем. Это кажется невероятным.

Тем не менее эту «невероятную» мысль подтверждает не кто иной, как генерал Хойт Ванденберг, начальник штаба военно-воздушных сил США. На одной пресс-конференции он заявил:

«Советские специалисты в такой степени разрешили проблему *конструирования и производства* самолетов, обладающих очень большими скоростями, что сравнялись с нами, а в *некоторых отношениях даже превзошли* все то, что мы можем в настоящее время выставить в случае войны. К счастью для нас, в войне важны не только технические достижения»¹ (курсив мой.— К. М.).

Начальник штаба наших воздушных сил заявляет, что Советский Союз «превзошел» Соединенные Штаты в конструировании и производстве реактивных самолетов, иными словами, в этой области Соединенные Штаты остались в техническом отношении позади. Выводы, которые можно сделать из этого

¹ Пресс-конференция 21 ноября 1951 г. Цитируется по книге И. Ф. Стоуна «Закулисная история войны в Корее» (Нью-Йорк, 1952).

заявления, поразили весь мир и имеют такое значение для дела мира, что заслуживают подробного рассмотрения.

Советские реактивные самолеты создаются советскими конструкторами и инженерами. Как утверждает американский журнал авиационной промышленности «Авиэйшн уик», советские конструкторы опередили английских и сумели увеличить мощность моторов, сконструированных самими же англичанами¹. Другой журнал, «Авиэйшн эйдж», признает таланты советских инженеров:

«Русские конструкторы самолетов и моторов... необычайные люди. Они талантливы, оригинальны, отличаются индивидуальностью и в высшей степени практичны. Их образ жизни в большинстве случаев прямо противоположен тому, как большинство американцев представляет себе жизнь в коммунистическом государстве»².

Почему же у американцев создается впечатление «прямо противоположное» действительному положению вещей? Откуда большинство из них черпает свои сведения? Откуда же, как не из печати и радио, которые систематически дезинформируют наш народ, внушая ему следующее, совершенно ложное представление о Советском Союзе: советские ученые несвободны, они в состоянии лишь копировать наши достижения, социализм не удался, советское производство отстает, нацистов, вторгшихся в Россию, разгромил ленд-лиз и т. п.

Надменные американские генералы, узнав, что советские конструкторы и ученые являются прекрасными специалистами, должно быть, испытали тяжелый удар. Но поджигателям войны пришлось узнать нечто еще более неприятное. Советская промышленность, занятая производством реактивных самолетов, превзошла американскую по методам производства и техническому мастерству!

Это известие поистине кажется невероятным. В чем американцы были уверены, так это в том, что в отношении методов производства они стоят выше всех. И тем не менее утверждение о том, что нас превзошли именно в отношении методов производства реактивных самолетов, исходит от одного из самых авторитетных журналов американских деловых кругов — журнала «Форчюн».

«Форчюн» — самое аристократическое из всех изданий Генри Люса. Этот журнал обращается непосредственно к представителям «мозгового треста» крупного капитала, к руководителям корпораций, определяющим их политику, и говорит от их имени. В декабре 1951 года журнал предал огласке некоторые факты, которые уже нельзя было больше замалчивать:

¹ Цитируется по статье И. Ф. Стоуна в «Дейли компас», 3 января 1952 г.

² Ирвинг Ф. Стоун, Закулисная история войны в Корее, Нью-Йорк, 1952, стр. 342.

«По меньшей мере в течение ближайших полутора лет почти все самолеты, выпускаемые в США, будут иметь основные конструктивные детали, изготовленные по устаревшим методам.

Это означает, что тысячи самолетов для 95 бригад военно-воздушных сил будут обходиться дороже, чем это требуется, и строиться дольше, чем это нужно. Причина: полное отсутствие кузнечных прессов с закрытыми штампами в 25—50 тысяч тонн, которые считаются необходимыми для успешного производства современных самолетов»¹.

Эти прессы представляют собой гигантские машины высотой больше шестизэтажного дома. Они уходят глубоко в землю; та часть, которая расположена под землей, равняется высоте трехэтажного дома.

Необходимость в таких прессах вызывается понятными техническими причинами. При тех скоростях, которыми обладают современные реактивные самолеты, их крылья и фюзеляжи должны быть очень легкими и очень прочными, а сварка слишком увеличивает вес и не обеспечивает необходимой прочности. В Америке эта проблема разрешается путем выделки крыльев из сплошных болванок алюминия, то есть путем выдалбливания металла подобно тому, как первобытный человек выдалбливал свой челнок каменным топором из ствола дерева. При использовании прессы деталь штампуются, что обеспечивает экономию материала (на 400 процентов) и времени. Журнал «Форчюн» пишет, что советские прессы изготовляют в течение нескольких минут части самолетов, на производство которых обычными методами требуется десятки человеко-часов. Такие масштабы массового производства поражают даже американских инженеров». «Форчюн» с прискорбием добавляет:

«Всегда неприятно узнавать, что США не обладают приоритетом в области какого-либо крупного технического усовершенствования, особенно если оно относится к массовому производству»².

Чтобы позолотить эту горькую пилюлю, «Форчюн» приписывает честь создания таких гигантских прессов немцам. Но Советский Союз все же доставляет журналу тревогу. В той же статье говорится:

«Отсутствие в США гигантских кузнечных прессов не вызвало бы такого беспокойства, если бы и Россия находилась в том же положении. Но дело обстоит иначе. Вскоре после капитуляции Германии русские увезли оттуда огромный кузнечный пресс в 33 тысячи тонн... и, по достоверным сведениям, этот пресс не простаивает. Известно также, что русские строят пресс чудовищных размеров — в 55 тысяч тонн, чертежи которого они нашли на заводах Круппа. Всего в России имеется, вероятно, 10 гигантских прессов, и этим объясняется, как она смогла в

¹ Форчюн, декабрь 1951 г., стр. 111.

² Там же, стр. 146.

таких значительных размерах увеличить выпуск реактивных самолетов»¹ (курсив мой.— К. М.).

Если в Советском Союзе имеется, как предполагается, 10 таких прессов, то в Америке их всего два, и оба они были вывезены из Германии. Притом американские прессы имеют малые размеры, всего по 16 тысяч тонн. В 1952 году в США был построен пресс в 18 500 тонн, в то время как в Советском Союзе уже использовался пресс в 33 тысячи тонн и строился пресс в 55 тысяч тонн.

Размеры прессов имеют решающее значение; 25 тысяч тонн — это минимальный предел, необходимый для их успешной работы; для более крупных деталей необходимы прессы в 50 и 75 тысяч тонн. Вне всякого сомнения, советская промышленность, выпускающая реактивные самолеты, стоит намного выше американской. Для постройки гигантского прессы — такого, о котором пишет «Форчюн», требуется от трех до пяти лет.

Всякие промышленные достижения являются результатом работы квалифицированных специалистов. Если Советский Союз имеет превосходные реактивные самолеты — значит, у него есть превосходные конструкторы. Но чтобы иметь хороших конструкторов, надо иметь и хороших инженеров, а значит и хороших ученых, и профессоров высших учебных заведений, и преподавателей средних школ. Все стадии умственного развития граждан — от ребенка до конструктора самолетов — должны представлять собой стройную систему.

Подготовка квалифицированных кадров — предпосылка развития советской техники

Если советская авиационная промышленность превосходит американскую, это значит, что советские специалисты хорошо подготовлены. Чертежники и станочники, мастера и директора заводов, ученики и учителя, профессиональные школы и школы административного персонала, средние школы и начальные школы — вся цепь технической учебы должна быть прочной во всех звеньях.

Ясно представив эти факты, мы пойдем следующее признание видного журнала деловых кругов и все поразительные выводы, которые вытекают из этого признания:

«...Россия подготавливает *больше* инженеров, чем мы. Производственная мощь непосредственно связана с наличием квалифицированных специалистов. Очевидно, *для того чтобы сравняться с Россией*, США должны серьезно пересмотреть свою политику в вопросе подготовки специалистов»² (курсив мой.— К. М.).

¹ Форчюн, декабрь 1951 г., стр. 112.

² «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт», 14 декабря 1951 г.

Это заявление заслуживает того, чтобы над ним серьезно поразмыслить. Журнал деловых кругов, издающийся для деловых кругов, предупреждает самую индустриальную державу мира, что ей надо сравняться с Советским Союзом в деле подготовки инженеров!

На протяжении многих лет самые распространенные газеты и радио в Америке клеветали на советскую науку и советское народное образование. Они клеветают и теперь, но время от времени против своей воли и им приходится говорить правду. Журналист Маркис Чайльде пишет: «Русская наука и до 1917 года имела долгую и замечательную историю достижений. После 1917 года большевики двигают ее вперед всеми средствами, имеющимися в их распоряжении»¹. Видный английский деятель просвещения, ректор университета Куинс в Бельфасте, Эрик Эшби, посетивший Советский Союз, хотя он и выступает как явный враг Советского Союза и марксизма, тем не менее признает некоторые знаменательные факты:

«Ученым намеренно создают большой авторитет, так что наиболее известные из них окружены такой славой, какой в Америке пользуются только кинозвезды. У них хорошие условия работы... людей талантливых здесь всячески поощряют, им создают особо благоприятные условия для работы.

...меньше чем через тридцать лет ведущее положение в советской науке займет послевоенное поколение ученых, люди хорошо подготовленные, настойчивые и реалистически подходящие к своим задачам»².

Значение науки и инженерного искусства для конструирования и производства самолетов совершенно очевидно. Менее известно значение технического обучения для пилотов. Для того чтобы управлять современным боевым самолетом, необходимо обладать высоким уровнем образования, и в этом отношении Соединенные Штаты оказываются также в более трудном положении, как видно из слов военного обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсона Болдуина: «Самые новые модели самолетов насыщены до предела электронным оборудованием... Некоторые молодые люди, которые могут подойти для этой специальности, не имеют необходимого образования, у них нет стимула в работе и прилежания, необходимых для того, чтобы заняться продолжительной и упорной учебной и тренировочной...»³

В связи с этим, по словам Болдуина:

«требования в отношении образования и способностей снижены до минимума. Например, теперь высшее образование уже не требуется, принимают лица, окончившие среднюю школу,

¹ «Вашингтон пост», 16 апреля 1952 г.

² «Нью-Йорк таймс» (воскресное приложение), 6 января 1952 г.

³ «Нью-Йорк таймс», 2 мая 1952 г.

и все же воздушным силам трудно набрать нужное число людей»¹.

Советский Союз, напротив, повидимому, не встречает трудностей с подготовкой пилотов, как заявил министр военно-воздушных сил Финлеттер комиссии конгресса по ассигнованиям². Что касается их квалификации в послевоенные годы, то о ней никому ничего не известно, поскольку они не участвовали ни в каких боях. Нет никаких сведений об участии хотя бы одного советского летчика в боях где-либо после войны, кроме как при защите советских границ от разведывательных самолетов.

Зато имеются данные о квалификации их учеников, корейских летчиков-истребителей, обученных советскими летчиками. По словам американских летчиков, участвующих в войне в Корее, пилоты противника не уступают американским³.

Советские реактивные самолеты — фактор мира

Советские реактивные истребители предназначены для обороны. Хорошо осведомленный журналист Альберт Фрэндли прямо утверждает, что самолет-перехватчик МИГ-15 имеет короткий радиус действия — 160 километров и не приспособлен для действий в качестве истребителя сопровождения⁴. В Восточной Германии аэродромы строятся с взлетными дорожками, которые «годятся для истребителей, но недостаточно прочны для бомбардировщиков», и эти аэродромы образуют сеть «оборонительных посадочных площадок.., позволяющих создать завесу из истребителей против атомных или обыкновенных бомбардировщиков»⁵.

Уолтер Липпман пришел к очевидному выводу:

«То, что мы, как нам кажется, знаем о военных приготовлениях Советского Союза, отнюдь не свидетельствует о том, что он намерен развязать мировую войну с целью установления мирового господства... Эти военные приготовления говорят лишь о том, что Советский Союз стремится помешать Соединенным Штатам успешно вести войну против него»⁶ (курсив мой.— К. М.).

В той же статье Липпман признает, что наши нынешние военные планы основываются на «стратегической мощи в воздухе и использовании атомных бомб» и что существующие в настоящее время условия могут привести к тому, что «стратегические бомбардировки жизненных центров Советского Союза окажутся слишком дорогостоящими». Хэнсон Болдуин уже

¹ «Нью-Йорк таймс», 1 мая 1952 г.

² «Вашингтон пост», 17 апреля 1952 г.

³ «Авизин уик», 17 декабря 1951 г. Цитируется по статье И. Ф. Стоуна в «Дейли компас», 3 января 1952 г.

⁴ «Вашингтон пост», 14 мая 1952 г.

⁵ «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», 15 декабря 1950 г.

⁶ «Вашингтон пост», 22 мая 1952 г.

писал, что, как показывают уроки войны в Корее, советские реактивные самолеты «заставили некоторых наших самых пылких сторонников стратегических бомбардировок снова основательно задуматься над нашими перспективами», поскольку о полетах далеко в глубь России без сопровождения истребителей не может быть и речи, а «трудности снабжения, связанные с посылкой большого количества истребителей в глубь России, оказываются ужасными». Кроме того, «реактивным истребителям трудно помешать другим реактивным истребителям напасть... на бомбардировщики»¹.

Если прибавить к советским оборонительным истребителям еще и радиолокационную сеть, которая, как убедились самолеты-разведчики США, всегда бодрствует, и артиллерию, управляемую радиолокационной аппаратурой, меткость которой мы проверили в Корее и Индо-Китае, станет ясно, что стратегия атомных бомбардировок провалилась.

Сверхоружие — мечта Гитлера

По мере того как становятся очевидными пороки американских военных планов, в речах, а может быть, и в мышлении высших руководителей Соединенных Штатов обнаруживаются любопытные расхождения. Некоторые из них намекают, что у нас есть «сверхоружие», которое мы к тому же совершенствуем; другие предостерегают нас, что «сверхоружие» не может выиграть войну.

В январе 1952 года тогдашний уполномоченный по мобилизации для обороны Чарлз Вильсон заявил:

«Мы не готовимся к последней войне. Мы готовимся к эпохе Бака Роджерса»².

Президент Трумэн заявил в Вэст-Пойнте:

«Сконструирована и испытана атомная пушка, с которой в будущем надо будет считаться. В военно-морском флоте ведется работа над первой подводной лодкой с атомным двигателем»³.

В такого рода заявлениях и действиях на первом месте стоит слово «сверх». Это звучит так, как будто наши руководители стараются заверить нас в нашем техническом превосходстве. Эти заявления напоминают то, что говорил Гитлер, проигрывая войну, и один видный представитель правительства действительно провел такую параллель. Речь идет о заявлении военного министра Фрэнка Пейса:

¹ «Нью-Йорк таймс», 9 декабря 1951 г. Цитируется по книге И. Ф. Стоуна «Закулисная история войны в Корее» (Нью-Йорк, 1952, стр. 344).

² «Нью-Йорк таймс», 22 января 1952 г.

³ Там же, 21 мая 1952 г.

«Большинство видов нашего атомного оружия, предназначенного для армии, является оружием будущего...

Мы не хотим обманывать себя, подобно тому, как Гитлер обманывал германский народ опрометчивыми обещаниями насчет «секретного оружия» Германии»¹ (курсив мой.— К. М.).

Если уж американский военный министр, предостерегая американский народ, вспоминает Гитлера, то это убедительно характеризует агрессивный образ мыслей, распространенный в наши дни в Америке. В то же время это заявление косвенным образом свидетельствует о провале американской стратегии. Если бы наша военная стратегия была разумной, нам нечего было бы теперь беспокоиться насчет «обмана». Американская стратегия молниеносной атомной войны никуда не годится. Наши милитаристы зашли в тупик. Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин прямо заявил об этом в статье «Военное чудо не предвидится»:

«Мы все еще рассчитываем на быструю и легкую победу. Мы все еще ищем дешевого и простого средства обеспечения безопасности. Но таких вещей не бывает. «Абсолютного оружия» нет... Современные войны и войны будущего, которые можно предвидеть, могут начинаться в «голубых пустынях неба» и кончаться развалинами пылающих городов, но в промежутках между тем и другим решать судьбы войны будет все же наземная армия — те, кто валяются в грязи окопов. Быстрой и легкой обороны не бывает, как не бывает и быстрой и легкой победы. Военная победа все еще дается ценой крови, пота и слез»².

Решать судьбы войны, пишет Болдуин, будут все еще наземные армии. Эта мысль приводит в содрогание американских милитаристов, потому что во всякой агрессивной войне ахиллесовой пятой США останется нехватка живой силы. Население США составляет 150 миллионов человек; СССР и его союзники имеют около 800 миллионов населения. Опыт показывает, что в результате тотальной мобилизации призывается примерно одна десятая всего населения. Во время последней войны Соединенные Штаты имели под ружьем 15 миллионов человек. Для армий социалистических государств соответствующая цифра составит 80 миллионов человек!

На это могут возразить: а как насчет союзников США? Ответ на этот вопрос дает война в Корее. 95 процентов действующих там войск — это американские войска. Союзники хорошо сражаются в справедливой, оборонительной войне, но на них совершенно нельзя рассчитывать в несправедливой, агрессивной войне, как в этом убедился Гитлер на примере итальянцев, румын, венгров и испанцев. Если США нападут, то союзники

¹ «Нью-Йорк таймс», 14 октября 1951 г.

² «Нью-Йорк таймс» (воскресное приложение). Дата не указана. (Прим. ред.)

СССР, несомненно, будут сражаться. Союзники же Соединенных Штатов улетучатся, останутся, быть может, только франкистская Испания, королевская Греция и феодальная Турция — они и составят опору Соединенных Штатов. Население всех этих трех стран вместе взятых меньше населения одной провинции Китая.

Соединенные Штаты нуждаются в союзниках не только потому, что нам нужна живая сила, но и потому, что мы нуждаемся в базах и плацдармах. Американским войскам нужно покрыть 6 тысяч миль, чтобы добраться до Советского Союза и его союзников, которые будут воевать на своей родной земле, защищая свои дома. Осуществляя военную агрессию, Соединенные Штаты будут нуждаться в помощи стран, расположенных вблизи советского блока и готовых рискнуть собой, предоставив свою территорию в распоряжение Америки. Уже сама формулировка этой проблемы говорит о том, что она чудовищно трудна. Уолтер Липпман показал, что наименее близорукие из милитаристов США ясно представляют себе это:

«Люди, плохо осведомленные и безответственные, могут болтать о том, чтобы «сбросить бомбу». Но те, кто понимает военное положение, знают лучше всех, что без *«активного содействия десятка государств* в Европе и Азии Соединенные Штаты смогут использовать против Советского Союза лишь очень незначительную часть своей военной мощи»¹ (курсив мой.— К. М.).

Где же найдут Соединенные Штаты этот «десяток государств», если они развяжут агрессивную войну? Агрессивные планы и агрессивные выступления Америки уже оттолкнули от нее тех союзников, которых она купила на свои доллары. Совершенно очевидно, что мы идем к политической катастрофе.

¹ «Вашингтон пост», 1 января 1952 г.

Глава 15

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БАНКРОТСТВО

«...Расходы на вооружение, которые производятся в настоящее время, разорительны. Если мы не найдем какого-нибудь выхода, они разорят все страны мира».

Из выступления лорда Блэкфорда в Палате лордов 8 июля 1952 года

«В сущности, оккупационные державы... делали для гитлеровского «нового порядка» такие вещи, которые сам Гитлер никогда не смог бы сделать».

Джеймс Мартин, начальник Отдела декартелизации американской военной администрации в Германии с 1945 по 1947 год

В настоящее время уже больше не говорят об экономическом восстановлении Европы. Вместо этого идут усиленные разговоры о том, как бы отсрочить банкротство, по крайней мере до окончания выборов в Америке.

Уолтер Липпман пишет:

«...При помощи некоторых паллиативных мер, быть может, удастся отсрочить развивающийся кризис до прихода в Америке нового правительства, которое сможет принять новые решения. Так рассуждают оптимисты»¹.

И в США и за границей левые, правые и представители центра проявляют единодушие в оценке действительного экономического положения в Европе: неизбежное банкротство, которое Европа может отсрочить, только прибегая в еще большей степени к помощи американских долларов.

Черчилль говорит, что Англия «еще держит голову над водой, но этого недостаточно, чтобы плавать»².

Английский консерватор Роберт Бутби заявляет, что Европа «находится в тисках все углубляющегося экономического кризиса»³.

Такова же картина и во Франции и в Италии. Как и другие страны, в которых существует система «свободного предпринимательства», они страдают от сокращения собственных финансовых резервов и усиления зависимости от подачек США.

¹ «Вашингтон пост», 16 июня 1952 г.

² Там же.

³ «Нью-Йорк таймс», 27 мая 1952 г.

Вооружения ведут к банкротству

Когда нацистская Германия вооружалась, Геринг сказал: «Пушки или масло». Германия не могла иметь и то и другое. А сегодня в Европе «вопрос ставится иначе: не пушки или масло, а пушки или хлеб»¹. Европа с ее рахитичной экономикой не может увеличить производство пушек, не сокращая производства хлеба. Настояния США на том, чтобы Европа в качестве уплаты за долларовую помощь ускорила свое вооружение, естественно, привели к немедленному снижению жизненного уровня в Европе.

Теперь уже никто не отрицает, что кризис в Европе вызван ее вооружением. Даже Уинстон Черчилль в конце июля обратился к парламенту с просьбой «пересмотреть» программу вооружения, чтобы она не оказалась «совершенно непосильной для нашей экономики».

Лорд Блэкфорд высказался еще яснее. Лорд Блэкфорд — член английской палаты лордов и один из тех, кто, как известно, выражает мнение лондонского финансового центра — «Сити». Он заявил:

«Я всегда считал, что расходы на вооружение, которые производятся в настоящее время, разорительны. Если мы не найдем какого-нибудь выхода, они разорят все страны мира»².

После лорда Блэкфорда выступал лорд Бальфур, председатель правления банка Ллойда. Он утверждал, что английский народ должен пойти на дальнейшее снижение уровня жизни. «Народу надо сказать горькую правду», — заявил он.

Экономическая война

Подготовка «горячей» войны сопровождается политикой экономической войны. Основной особенностью этой войны является бойкот торговли между Западом и Востоком. Законы Соединенных Штатов о помощи другим странам предусматривают возможность отказа в долларах любой стране, которая продает «стратегические материалы» Советскому Союзу или его союзникам.

Что понимается под «стратегическими материалами»? По словам антисоветски настроенного английского журналиста Эдуарда Крэншоу, «невозможно сколько-нибудь точно установить разницу между военными и невоенными стратегическими и нестратегическими товарами. Ибо если такая страна,

¹ Андре Виссон, «Вашингтон пост», 28 декабря 1951 г.

² Цитируется Гордоном Шаффером в «Нейшнл гардиен», 7 августа 1952 г.

Этот прогрессивный еженедельник, выступающий с резкой критикой, необходимо читать, иначе нельзя получить подлинно хорошую информацию о текущих событиях.

как Россия, будет ввозить из-за границы невоенные товары, она сможет переключить соответствующий участок своего хозяйства с производства этих невоенных товаров на производство военных. Тут уж надо придерживаться принципа: все или ничего...»¹

Соединенные Штаты пытаются навязать Европе в ее торговле с Востоком политику «ничего». Липпман характеризует политику Соединенных Штатов как политику «фактического эмбарго и блокады всего коммунистического мира»².

Это приводит буквально к экономическому удушению Западной Европы. Все страны Западной Европы вынуждены торговать ради того, чтобы существовать. Обычно источником сырья для них являлись Восточная Европа и Китай. Обычным рынком сбыта для их товаров являлась Восточная Европа.

Своей политикой Соединенные Штаты отрезали от них русское зерно и лес и заставили их покупать все это в Соединенных Штатах по более высоким ценам. Мы не даем им также возможности продавать свои товары на рынке, который охватывает одну треть человечества, и не предоставили им взамен никакого другого рынка. Можно ли после этого удивляться, что в Западной Европе растет возмущение?

Газета «Нью-Йорк таймс» сообщает из Женевы, что «в последнее время между официальными представителями Соединенных Штатов и Западной Европы происходили бурные совещания по вопросу о торговле между Западом и Востоком» и что «увеличение торговли с Востоком все больше рассматривается левыми кругами и даже представителями делового мира Западной Европы как лекарство от всех бед»³.

Этим и объясняются сравнительно успешные результаты экономического совещания, состоявшегося в Москве в апреле 1952 года. Представители деловых кругов самых различных политических убеждений из всех стран Западной Европы отправились в Москву, чтобы попытаться оживить торговлю между Западом и Востоком. Там было заключено много сделок, что показывает намерение определенных представителей деловых кругов опрокинуть все торговые барьеры.

Некоторые из них ведут торговлю с Востоком, не взирая на угрозы Соединенных Штатов, и иногда добиваются при этом поддержки со стороны своих правительств... Голландия и Дания открыто продают Советскому Союзу «запрещенные» товары, а многие другие страны делают это исподтишка.

Другие, менее смелые, ограничиваются мольбами. Крэншоу пишет: «...если Англия убедится в том, что она *не может жить* без русского зерна и леса и без русского и китайского

¹ «Нью-Йорк таймс» (воскресное приложение), 6 апреля 1952 г.

² «Нью-Йорк геральд трибюн», 14 января 1952 г.

³ «Нью-Йорк таймс», 10 апреля 1952 г.

рынков для ее экспорта, она должна будет *получить разрешение* на то, чтобы самой найти путь к своему спасению...»¹.

Эмбарго, которое США наложили на торговлю между Западом и Востоком, оказалось очень доходным делом для американских компаний. Запрещение покупок на Востоке означает, что европейцы должны производить все закупки в Соединенных Штатах, и теперь Европа наводнена американскими товарами. За время, прошедшее после окончания войны, Соединенные Штаты продали другим странам товаров на сумму, которая на 47 миллиардов долларов превышает стоимость американского импорта. Европа тонет в потоках кокаколы.

Основным орудием завоевания европейского рынка Соединенными Штатами является план Маршалла. В этом году срок действия этого плана истек, но ни одна столица в мире, в том числе и Вашингтон, не опубликовала по этому поводу победных реляций. Это объясняется очень просто: план Маршалла позорно провалился.

План Маршалла — обещания и результаты

Конгресс США утвердил первые ассигнования по плану Маршалла в апреле 1948 года. Конгрессу и всему американскому народу тогда было заявлено, что за 20 миллиардов долларов, выплачиваемых на протяжении четырех лет, мы можем купить политическую и экономическую победу.

План Маршалла был принят уже после того, как под давлением Соединенных Штатов коммунисты были исключены из правительств Франции и Италии. Предполагалось, что американские доллары побудят французов и итальянцев не голосовать за коммунистов, которые ранее на выборах в обеих странах получали больше голосов, чем какая-либо другая партия. На такую политическую победу и был рассчитан план Маршалла. Предполагалось также с помощью этого плана поднять уровень жизни в Европе, с тем чтобы рабочие снова прониклись симпатией к «свободному предпринимательству».

С этим было связано и обещание экономического «восстановления» Европы, которая будет «удовлетворять собственные потребности без дальнейшей помощи со стороны США». Председатель правления «Чэйз нейшнл бэнк», один из наших ведущих финансистов Уинтроп Олдрич в мае 1948 года заявил, излагая общераспространенный взгляд:

«Программа восстановления Европы (план Маршалла) достигнет своей цели, если к 30 июня 1952 года Европа станет сама обеспечивать свои потребности»².

¹ «Нью-Йорк таймс» (воскресное приложение), 6 апреля 1952 г.

² «Уолл-стрит джорнэл», 20 мая 1948 г.

В августе 1952 года никто уже об этом не говорит. План Маршалла не сделал Европу самообеспечивающейся: наоборот, она теперь в результате плана Маршалла оказалась более зависимой, чем когда-либо раньше. Вот один пример, подтверждающий этот вывод.

В 1937 году Западная Европа ввезла 2 250 000 стандартов леса из Восточной Европы.

В 1951 году Западная Европа ввезла из Восточной Европы только 170 444 стандарта леса, но зато более 600 000 стандартов леса из Соединенных Штатов и Канады¹.

А как насчет обещанной политической «победы»? Этот план также провалился. Европейские рабочие питают симпатии к монополистам теперь ничуть не больше, чем раньше, и отдают коммунистам не меньше или даже еще больше голосов. Это объясняется тем, что при системе «свободного предпринимательства» помощь из-за границы всегда оказывается помощью предпринимателям, а не рабочим. Это признают даже консервативные лидеры американских профсоюзов, которые сначала поддерживали план Маршалла, а затем отпавились в Европу, чтобы посмотреть, как он действует на практике. Вот первый свидетель: вице-председатель Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности (КПП) Джон Ливингстон.

«С точки зрения квалифицированных рабочих Германии, Италии и Франции план Маршалла оказался «полнейшей неудачей»... Огромные прибыли компаний, заводы которых восстановлены и отстроены за счет средств по плану Маршалла, и крайне низкий уровень заработной платы так повлияли на настроения рабочих, что коммунистическая пропаганда звучит для них убедительно и пользуется успехом»².

Второй свидетель — председатель Объединенного профсоюза швейников (КПП) Джекоб Потовский.

«Наши деньги используются преимущественно для укрепления существующих правительств и промышленников. Богатые богатеют, а бедные беднеют... Европейская промышленность попрежнему руководствуется своим исконным принципом: невероятно высокие прибыли и низкая заработная плата. После окончания войны условия существования трудящихся отнюдь не улучшились»³.

Третий, четвертый и пятый свидетели — вице-председатель профсоюза текстильщиков (КПП) Уильям Беланджер, Гарольд Гиббонс из профсоюза грузчиков и возчиков в Сент-Луи (АФТ), Кармен Люсия из профсоюза шляпочников (АФТ).

¹ «Нью-Йорк таймс», 7 мая 1952 г.

² Там же, 15 августа 1950 г.

³ Орган профсоюза швейников «Эдванс», 1 октября 1951 г.

«Деятели американских профсоюзов, только что посетившие ряд... промышленных центров Франции, откровенно выразили свою тревогу по поводу экономических трудностей, которые переживают семьи французских рабочих... Все трое были потрясены, узнав, что за последние годы уровень цен во Франции неуклонно растет, а заработная плата заморожена на прежнем уровне»¹.

План Маршалла оказался превосходным средством завоевания рынков, но попытки его вдохновителей завоевать рабочих в целях поддержки ими «свободного предпринимательства» и «холодной войны» потерпели провал. Соединенные Штаты отказались от своей попытки завоевать поддержку народов Европы. Вместо этого мы основываем всю свою политику на открытой поддержке людей, вызывающих в Европе всеобщую ненависть: бывших нацистов, несколько не перестроившихся и ныне управляющих западной Германией.

Мы организуем всю остальную Европу для поддержки растущих в Германии, как грибы, предприятий военной промышленности. Осуществление такой политики было начато втихомолку еще до появления плана Маршалла. Она была разоблачена Джеймсом Мартином, который был начальником Отдела декартелизации военной администрации США в Германии; в июле 1942 года он подал в отставку в знак протеста против саботажа Вашингтоном плана Рузвельта, имевшего целью сломить мощь германских монополий, финансировавших приход Гитлера к власти. Мартин писал о политике, которую мы проводили в 1947 году:

«Это приводило к таким результатам, словно у власти стояли сами творцы пресловутого «нового порядка»².

«В сущности, оккупационные державы... делали для гитлеровского «нового порядка» такие вещи, которых сам Гитлер никогда не смог бы сделать, в Европе создавалась такая экономическая система, ядро которой составляла германская тяжелая промышленность, а вокруг располагались зависимые территории, производящие продовольствие, сырье и товары широкого потребления»³.

Теперь, когда создан Северо-атлантический союз и проведен в жизнь план Шумана, эта политика стала открытой и официальной политикой США.

¹ «СИО ньюс», 21 августа 1950 г.

Следует заметить, что Филипп Мэррей и другие руководители КПП спровоцировали раскол КПП, потому что некоторые профсоюзы отказались принять план Маршалла и одобрить политику Трумэна (например, Объединенный профсоюз рабочих электро- и радиопромышленности, Межнародный профсоюз портовых грузчиков и складских рабочих, профсоюз меховщиков, профсоюз рабочих горнорудной промышленности и другие).

² Джеймс Мартин, Почтенные все люди, Бостон, 1950, стр. 241.

³ Там же, стр. 244.

Почему же США проводят такую губительную экономическую политику? Почему мы начали холодную войну и идем прямо к военной схватке с Советским Союзом, а может быть, и к мировой войне? Чтобы дать ответ на этот вопрос, надо внимательно изучить те силы, которые определяют политику нашей страны.

Что определяет нашу внешнюю политику?

Основы внешней политики нельзя объяснить, сказав, что одни президенты «хороши», а другие «плохи». Как мы показали в главе 3, внешняя политика государства является результатом действия внутренних экономических сил.

Экономика Соединенных Штатов все больше и больше оказывается под властью крупного капитала. Горстка монополий, банков и страховых компаний держит в своих руках большую часть производства в нашей стране. Монополии существуют ради одной цели: извлекать возможно больше прибыли.

С этой целью монополисты пытаются подорвать заработную плату рабочих, ускорить ход конвейеров, заставляя рабочих работать сверхурочно для того, чтобы они могли обеспечить себе возможность существования.

Но такая политика имеет свои пределы: многие рабочие объединены в организационно крепкие профсоюзы. Поэтому монополисты прибегают и к другим средствам увеличения своих прибылей. Они поглощают мелкие предприятия, вводят в эксплуатацию машины, уменьшающие потребность в рабочей силе. Однако по существу эти средства не помогают. Не машины, а именно рабочие производят больше, чем стоит их содержание, и таким образом доставляют хозяину прибыль. Поэтому лихорадочное стремление заменить рабочих машинами в конечном счете только сокращает возможность получения прибылей. Далее, механизация производства приводит к росту количества производимых товаров, которые обнищавшие рабочие не в состоянии покупать. Это и есть так называемый «пустой карман» в экономике США, о котором мы писали в главе 3. Как мы уже видели, крупный капитал перешел к производству вооружения для того, чтобы поддерживать экономическую активность, и пытается изобразить дело так, будто производство вооружения является единственным средством предотвращения кризиса. Но это неверно. Экономическое процветание может быть сохранено и без войны, путем выполнения программы, изложенной в рузвельтовском «экономическом билле о правах». В тот самый день, когда будут аннулированы заказы на радиолокационное оборудование для военных нужд, можно будет разместить заказы на радиолокационное оборудование для гражданских нужд, что-

бы обеспечить безопасность во всех наших воздушных портах. Сталь, которая идет на производство военных кораблей, после аннулирования заказов на них пойдет на производство автомобилей. Ткани, идущие на производство обмундирования для армии, после аннулирования заказов пойдут на производство гражданской одежды. Лес пойдет вместо строительства казарм на постройку жилых домов.

Монополисты усиленно стараются помешать американскому народу найти мирный выход из положения. Они хотят самовластно установить уровень заработной платы внутри страны и обеспечить себе получение прибылей во всем мире. Уолл-стрит в сущности рассматривает весь мир как свою дойную корову.

Он захватывает иностранные рынки и продает на них товары, которые недоступны американским рабочим. Он строит заводы в других странах, особенно в колониальных, и получает сверхприбыли за счет жалкой заработной платы местных рабочих. Он закупает сырье в отсталых районах по баснословно низким ценам и продает им готовые изделия по баснословно высоким ценам.

Такова основа холодной войны. Советский Союз является препятствием на пути к осуществлению Уолл-стритом планов установления мирового господства. Народам же мира он служит примером того, что они не должны покоряться монополистам. Советский Союз как великая держава своим политическим влиянием противодействует империализму, открывая перед другими странами, в том числе перед капиталистическими странами, перспективу выгодной торговли на равных условиях. Советский Союз — серьезное препятствие на пути монополистов. Ключом к пониманию событий мировой истории после второй мировой войны является стремление монополистов уничтожить это препятствие в лице страны социализма, в случае необходимости даже путем войны.

Этот новый подъем американского империализма¹ происходит на мировой арене в то время, когда более старые империи трещат по всем швам. Поднимаются на борьбу колониальные народы в Азии, на Среднем Востоке и в Африке. Уолл-стрит пытается прибрать их к рукам, но справиться с ними становится все труднее.

Кризис колониальной системы

Колонии всегда являлись для англичан, французов, немцев и других источниками сверхприбылей. Однако в настоящее время все большее число колоний становится причиной

¹ В книге Виктора Перло «Американский империализм» дан блестящий анализ методов империализма и его последствий для народа, особенно для негритянского народа. См. главу 4, сноску 2.

истощения ресурсов империалистов. Индо-Китай, некогда богатейшее из французских владений, теперь поглощает почти все американские доллары, получаемые Францией, и перемаливает по частям ее армию. В Малайе, жемчужине восточных владений Англии, создано аналогичное положение. В Иране конфискована собственность иностранных нефтяных компаний. Во всех этих странах народы отказываются служить источником сверхприбылей для иностранцев. Стремясь улучшить свое положение, они требуют свободы.

Экономические успехи Советского Союза и быстрое развитие так называемых «отсталых стран» при социализме являются могучим стимулом для других колониальных стран, стремящихся последовать их примеру. На эту опасность указывал Майкл Гофман в газете «Нью-Йорк таймс» в мае 1952 года.

«Коммунистические страны, к известным достижениям которых Запад относится без всякого энтузиазма, достигли больших успехов в своих «малоразвитых» районах, чем некоммунистические правительства на Среднем Востоке и в Азии в отношении таких же районов. Несколько бы ни были скрыты или преувеличены цифры производства в Советском Союзе и в странах-сателлитах, западным правительствам известно достаточное количество фактов, чтобы твердо установить, что в этих странах положено начало процессу развития. Ни о каком таком процессе нет и речи в большинстве арабских стран, в Индии и Юго-Восточной Азии... Официальные представители западных стран, работающие в тесном контакте с некоммунистическими и неевропейскими народами, все больше осознают факт распространения веры в то, что малоразвитые районы под руководством коммунистов быстрее осваивают достижения современной цивилизации, чем аналогичные районы, находящиеся под властью правительств, созданных по западному образцу»¹ (курсив мой.— К. М.).

Если колониальные народы добьются своего освобождения, империализм лишится источника прибылей. США как сильнейшая из оставшихся империалистических стран взяла на себя грязную роль спасителя прогнившей колониальной системы. Иногда мы пытаемся сделать это, давая деньги и оружие англичанам и французам. В крайнем случае мы будем воевать сами. Мы поступаем так в Корее и, возможно, вскоре будем поступать так и в Индо-Китае. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала 31 июля:

«Во время переговоров с США обсуждался вопрос о том, что общественное мнение Франции может вынудить оставить Индо-Китай коммунистам. Между строк, в которых изложены официальные французские доводы..., можно усмотреть намек

¹ «Нью-Йорк таймс», 19 мая 1952 г.

на то, что если Франция уйдет из Индо-Китая, то туда должны быть введены американские войска»¹.

Освобождение колониальных стран привело бы к значительному расширению мировой торговли. В сочетании с торговлей, которую ведут страны социалистического лагеря, это разрешило бы экономические проблемы Европы.

Экономисты, дельцы, государственные деятели — все начинают осознавать этот очевидный факт.

По выражению одного корреспондента, их «гораздо больше беспокоит наличие записей красными чернилами в национальном бюджете², чем угроза красной опасности из-за Эльбы»³.

Все большее число людей понимает, что американская экономическая политика разоряет их и что торговля с Советским Союзом является их единственным спасением. Поэтому так много представителей деловых кругов западноевропейских стран приехало на Московскую экономическую конференцию в апреле 1952 года и заключило торговые сделки на сумму до 20 миллиардов долларов.

Руководителем английской делегации был один из наиболее известных и уважаемых государственных деятелей — лорд Бойд-Орр, первый генеральный директор Организации ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства.

В конце июля репортер газеты «Дейли экспресс» посетил лорда Бойд-Орра, чтобы выяснить, как обстоят дела с теми торговыми сделками на 28 миллионов долларов, которые были заключены англичанами с восточными странами на Московской конференции.

Ответ Бойд-Орра свидетельствует о том, что в Англии среди людей, принадлежащих к высшему классу, есть по крайней мере один разумный человек. Он сказал: «все контракты на сумму в 10 миллионов фунтов стерлингов (28 миллионов долларов) будут заключены, и если они будут неуклонно выполняться Англией, это может повести к торговому обмену на сумму в 100 миллионов фунтов стерлингов. Я единственный оставшийся здравомыслящий империалист»⁴.

¹ «Нью-Йорк таймс», 31 июля 1952 г.

² Красными чернилами обозначается дефицит в бюджете.— *Прим. ред.*

³ У. Ричардсон, «Нью-Йорк пост», 20 августа 1952 г.

⁴ «Дейли экспресс» (Лондон), 23 июля 1952 г.

Глава 16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

«Соединенные Штаты до такой степени увязли в делах своих союзников, как ни одно другое правительство когда-либо в прошлом... Соединенные Штаты предприняли ряд действий, которых раньше никто бы не потерпел...»

Джеймс Рестон, «Нью-Йорк таймс» от 22 марта 1952 года

«Диктат правительства США фактически является законом для правительств других западных стран...»

Профессор Тойнби, лондонская газета «Обсервер» от 25 марта 1952 года

«Американцу в Азии в настоящее время лучше не выходить ночью на улицу. Очень может случиться, что он будет убит».

Джеймс Миченер «Гелос Азии», 1951 год

Уэнделл Уилки, путешествуя по свету во время второй мировой войны, обнаружил у народов мира неиссякаемый источник симпатии к Соединенным Штатам. В международных отношениях такая добрая воля, несомненно, является большим капиталом. За семь лет холодной войны и войны в Корее этот капитал был бессмысленно растрочен.

В настоящее время в мире нет ни одного правительства, включая франкистскую Испанию, которое бы доверяло США, а что касается народов мира, то для них слово «американец» стало синонимом реакции, коррупции, наглости, напалмовых бомб, атомного безумия, разжигания войны.

Англия была нашим ближайшим союзником. Холодная война была задумана англо-американским блоком против Советского Союза. При наличии атомной бомбы Англия в случае войны окажется теперь на переднем крае, поэтому стремление Америки к войне вызывает большие опасения не только у английского народа, но также и у английского правительства. В сочетании с американской наглостью разжигание войны Америкой привело к возникновению политических движений, которые характеризуются неприязнью и недоверием к Соединенным Штатам.

Профессор Тойнби, консервативный английский историк, выразил эти настроения, отметив, что политические отношения между США и Англией являются «неудовлетворительными из-за несоответствия... между тем, чем рискует одна страна, и тем, чем рискует другая страна. Англия в случае войны непосредственно окажется под угрозой, чего нельзя сказать об Америке. Кроме того, добавляет Тойнби, «диктат американского правительства фактически является законом для правительств других западных стран»¹.

Тойнби говорит, что Америка отдает приказание, но ей не приходится отвечать за их последствия. Ему, как и миллионам англичан, это кажется неправильным. В другом месте Тойнби выдвинул прекрасный лозунг, который следовало бы распространять: «Не уничтожать, не выслушав».

Все чаще и чаще американская политика вызывает глубокое недоверие. Все чаще и чаще вспыхивает возмущение против американского господства. В европейской печати это сказывается сильнее, но даже американская печать не может скрыть правды. Говоря об Оттавской конференции Организации Северо-атлантического союза (НАТО), корреспондент «Нью-Йорк таймс» Анна О'Хейр Маккормик писала, что малые страны «выражали недовольство тем, что при принятии политических решений, имеющих для них огромное значение... их взгляды не принимались во внимание»; так, например, «Вашингтоном было принято решение о включении в НАТО Греции и Турции, которое влечет за собой изменение характера и состава Атлантического союза»².

Через два дня этот же корреспондент сообщал, что страны — члены НАТО сознают, что Пентагон «делает политику также и за них. Здесь для всех совершенно очевидно, что решения НАТО — по существу решения США. Когда уже все высказались, за нами остается решающее слово»³.

Американцы нагло и беззастенчиво пользуются своей властью. На конференции в Оттаве американского генерала Брэдли попросили дать разъяснения по отчету. Генерал сделал несколько кратких замечаний, но «когда некоторые представители попросили его дать более детальное разъяснение, он отказался это сделать», употребив выражения, которые были «несколько недипломатическими, если не резкими»⁴.

В результате американской наглости, американской экономической политики и безрассудной атомной политики мы всё больше отталкиваем от себя британского союзника. Английский лейбористский лидер Эньюрин Бивен, который вышел из состава английского правительства в 1951 году в знак

¹ «Обсервер», 25 марта 1951 г.

² «Нью-Йорк таймс», 17 сентября 1951 г.

³ Там же, 19 сентября 1951 г.

⁴ Там же, 18 сентября 1951 г.

протеста против огромных расходов на вооружение в Англии, осуществляемое под американским давлением, получает все большую поддержку населения.

Крупнейшие английские профсоюзы на своих съездах в 1952 году, вопреки возражениям своих лидеров, выступали за сокращение расходов на вооружение. Например, по сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», Объединенный профсоюз механиков, насчитывающий 800 тысяч членов, «единогласно принял резолюцию, в которой выражается беспокойство» по поводу вооружения Англии и «содержится требование заключения пакта мира между пятью великими державами — Соединенными Штатами, Советским Союзом, Англией, Францией и Китаем». Эта резолюция была принята *против* желания председателя профсоюза Джека Тэннера, который тем не менее остался на своем посту. В сообщении указывается, что Объединенный профсоюз механиков «является вторым из шести крупнейших в Англии профсоюзов, которые заняли позицию, близкую к позиции мистера Бивена... Редакционная статья лондонской газеты «Таймс» отмечает, что последствия этого голосования вызывают глубокое беспокойство»¹. Многие профсоюзы последовали этому примеру, и в тот момент, когда пишется эта книга, Бивен уже стал крупной политической фигурой в лейбористской партии, выступив с откровенно антиамериканской платформой, платформой борьбы за мир.

Черчилль был вынужден принять многие предложения Бивена и перенять многое из его фразеологии. Корреспондент Стюарт Олсоп в статье, озаглавленной «Черчилль в новом, бивенском оперении», пишет, «что по вопросу о целом ряде мероприятий правительство Черчилля решительно выступило против позиции американцев». Самым важным из этих мероприятий является стратегия молниеносной атомной войны. Олсоп продолжает:

«Черчилль с явным беспокойством указал на увеличение размеров и непрерывный рост числа американских воздушных баз на английской территории. Существование и в дальнейшем этих баз, как хорошо известно Черчиллю, является *основой всей американской стратегии*»² (курсив мой.— К. М.).

Поскольку Черчилль сам является одним из зачинщиков холодной войны, ясно, что он говорит таким образом только потому, что он вынужден так говорить. Английский народ (а, возможно, и Черчилль) все больше осознает, что атомная война будет означать уничтожение в первую очередь его самого. Кроме того, английский и другие европейские народы опасаются вооружения Германии. Вооружение Германии

¹ «Нью-Йорк таймс», 10 мая 1952 г.

² «Вашингтон пост», 19 декабря 1951 г.

явилось одним из самых важных факторов, обусловивших возникновение среди народов Европы резко отрицательного отношения к американской внешней политике.

Неонацистская Германия вооружается

Германии теперь разрешено производство танков и пушек¹. В то же самое время отменены все ограничения на производство стали в Руре². Наконец, отметим, что у власти снова гитлеровские генералы, которые настаивают на освобождении находящихся в тюрьме военных преступников. «Нью-Йорк таймс» сообщает:

«По мнению генерал-лейтенанта фон Хейзингера и генерал-лейтенанта Ганса Шпейделя, *«если значительное число военных преступников не будет освобождено из тюрем союзников, невозможно будет набрать нужных офицеров для западногерманских военных контингентов»*³ (курсив мой.— К. М.). Следует отметить, что военными преступниками являются люди, которых признали виновными в совершении особых зверств, причем их личная ответственность была доказана. Кампания за освобождение из тюрем этих «нужных офицеров» сопровождалась кампанией, целью которой было реабилитировать гитлеровских генералов с тем, чтобы заставить общественность проглотить эту пилюлю. Возможно, к настоящему времени самой наглой выходкой в этом отношении является опубликование в августе 1952 года в американском издании мемуаров генерала Гейнца Гудериана «Командующий бронетанковыми соединениями». Этой книге была посвящена первая страница в книжном обозрении «Нью-Йорк таймс» от 10 августа 1952 года, где была напечатана дружеская рецензия Дрю Миддлтона. Книге предпослано предисловие английского военного историка Лидделл Харта, который пишет:

«Чтобы понять его [Гудериана], нужно быть в состоянии понимать страсть к чистому мастерству. В этом можно найти *естественное* объяснение его отношения к Гитлеру — *несомненно более благосклонного*, чем отношение большинства генералов...⁴ он обладал многими качествами, которыми отличаются «великие полководцы» истории... Кроме этих качеств, Гудериан обладал творческим воображением, основной чертой гения»⁵ (курсив мой.— К. М.).

Реабилитируя этого палача в генеральской форме, Лидделл Харт находит, что Гудериан обладает «чувством юмора»,

¹ «Нью-Йорк таймс», 28 мая 1952 г.

² Там же, 29 июля 1952 г.

³ Там же, 25 июля 1952 г.

⁴ Гейнц Гудериан, Командующий бронетанковыми соединениями, Нью-Йорк, 1952, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 15.

оправдывает его как активного участника агрессивной войны («крупнейшие специалисты в области международного права сочли затруднительным сформулировать неопровержимое определение агрессии»¹) и в заключение указывает на черты, с его точки зрения наилучшим образом оправдывающие человека, который предал огню и залил кровью целый континент. По словам Лидделл Харта, Гудериан похож на «большинство солдат любой страны в любую эпоху. Угрызения совести редко можно найти в мемуарах тех, кто осуществлял командование в войнах, цели которых были в высшей степени сомнительными и которые велись Англией и США в XIX веке. В способе выражения и в образе мыслей у Гудериана есть что-то явно «викторианское»².

Несомненно, Гудериан заслуживает приглашения на «викторианский» прием. А народы Европы, страдавшие под его сапогом? О, это грубые, некультурные и невоспитанные люди, раз они не понимают привлекательных качеств генерала!

Немецкие генералы по-джентльменски отнеслись к своим поражениям и не испытывают по отношению к нам недоброжелательства из-за того, что мы называли их «военными преступниками». Они, однако, указывали, что американские генералы вели себя как нацисты, когда на острове Кочжедо американские солдаты с винтовками наперевес, вооруженные огнеметами, в сопровождении танков двинулись против корейских и китайских военнопленных.

Сам генерал Гудериан радуется плодами своего зрелого размышления: он считает, что Ялтинские соглашения были неразумными! К тому же он указывает, что лидеры западных стран в этом с ним согласны.

Нацистский генерал пишет:

«Уинстон Черчилль уже больше не уверен в том, что его действия в тот период были разумными. И он и Бевин — оба, несомненно, видоизменили принятую тогда политику. В настоящее время многие английские государственные деятели, несомненно, желают, чтобы решения, принятые на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, были иными»³.

Тот факт, что нацистский генерал может себе позволить столь покровительственный и благодушный тон и что его книга в Англии и США встречена с таким уважением, является крас-

¹ Гейнц Гудериан, Командующий бронетанковыми соединениями, Нью-Йорк, 1952, стр. 13.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 285.

Гудериан, так же как и Черчилль, считает себя спасителем цивилизации, заявляя, что он должен защищать Пруссию, «которая оставалась верной идеалам христианской, западной культуры в течение стольких столетий труда и усилий» (стр. 388).

поречивым комментарием к послевоенной политике западных держав.

Под командой гитлеровских генералов воссоздается германская армия. Никто не верит, и меньше всего правительство Соединенных Штатов, грубым пропагандистским измышлением, что якобы немецкие дивизии не будут «независимыми», а войдут в состав «европейской» армии. Корреспондент Уильям Стоунмэн, присутствовавший на конференции НАТО в Риме, писал:

«Что касается Соединенных Штатов, то, повидимому, их не беспокоит вопрос, будут ли немцы входить в состав действительной европейской армии, чисто показной европейской армии, или создадут надежную германскую армию старого образца». Дайте нам эти дивизии, и мы не будем задавать никаких вопросов — такова наша позиция»¹.

Американцы, убирайтесь домой!

Ответственность за перевооружение Германии² целиком ложится на США. Соединенные Штаты несут также ответственность за то, что они вынуждают правительства Западной Европы против их желания соглашаться на перевооружение Германии, угрожая отказать в предоставлении им займов. Вмешательство Соединенных Штатов было настолько открытым и наглым, что даже большой поклонник доктрины Трумэна вынужден был запротестовать. В большой статье в газете «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон, ярый сторонник государственного департамента, приводя пример американского вмешательства, пишет:

«С точки зрения норм XIX столетия, определявших взаимоотношения между суверенными государствами..., Соединенные Штаты с начала войны предприняли ряд действий, которых раньше никто не потерпел бы...

Французы не хотели перевооружать немцев. Не хотели этого и англичане... Но Ачесон, действуя в интересах Пентагона, дал понять, что если немцы не будут перевооружены, то конгресс вряд ли одобрит программу помощи Европе. Он продолжал на этом настаивать, пока не достиг цели...

Государственный департамент не объясняет, почему необходимо вмешиваться во внутренние дела других государств. Он не перестает отрицать свое вмешательство в дела других государств, а это весьма трудное дело, потому что всякому

¹ «Чикаго дейли ньюс», 29 ноября 1951 г.

² Хорошо документированный обзор «Отчет о Германии», показывающий, каких размеров достигло распространение неонацизма в Германии, был выпущен Комитетом защиты мира студентов и преподавателей Чикагского университета. Он был перепечатан с небольшими сокращениями в нью-йоркской газете «Дейли компас» от 9 марта 1952 г.

очевидно, что «Соединенные Штаты до такой степени увязли в делах своих союзников, как ни одно другое правительство когда-либо в прошлом...»¹

Вооружение Германии сопровождалось реабилитацией испанского фашиста Франко; это мы также, несмотря на возражения наших союзников, заставили их проглотить в качестве части программы организации «свободного мира». Эрнест Линдлей выразил в журнале «Ньюс уик» преобладающее в США мнение:

«Отбросим все идеологические соображения. Важен только один факт: франкистский режим враждебен коммунизму»².

Таким же был и режим Адольфа Гитлера.

В результате американской империалистической политики и американской наглости Соединенные Штаты повсюду теряют друзей. В настоящее время наиболее популярный лозунг в Европе — «Американцы, убирайтесь домой!»

Родиной этого лозунга явилась Европа, но его подхватил весь мир. От Парижа до Паньмыньчжоня американцы стали нежеланными гостями. Печать не может скрыть этого факта: каждый день приходят сообщения о новых инцидентах, демонстрациях, даже официальных протестах правительств. Например, Иран 29 июля 1952 года потребовал отзыва американской военной миссии³.

Корреспондент Нед Рассел пишет большую статью, озаглавленную «Антиамериканизм в Европе», Маргарет Пэртон — статью «Антиамериканизм в Индии», Артур Крок — «Как завоевать друзей — проблемы, стоящие перед «Голосом Америки»⁴. Путешествуя по Дальнему Востоку, Джеймс Миченер, автор книги «Рассказы о Тихом океане», был поражен силой антиамериканских настроений.

Он писал в журнале «Лайф», что во всех странах восточного побережья Азии американцев встречают крайне недружелюбно. В таких странах, как Китай, Малайя и Индо-Китай американец подвергается риску быть убитым. В таких больших городах, как Сингапур, Сайгон и Джокьякарта, предусмотрительные американцы ночью не выходят на улицу. Там, где американца не преследуют, его оскорбляют. Никогда за всю историю нашего народа нас так не боялись и так не презирали... Китай, Индия, Бирма и Индонезия... сегодня осуждают нас как реакционеров и империалистов. Нас... клеймят теперь как злостных агрессоров...»⁵

¹ «Нью-Йорк таймс», 22 марта 1952 г.

² *Ньюс уик*, 14 августа 1950 г.

³ «Нью-Йорк таймс», 30 июля 1952 г.

⁴ «Вашингтон пост», 31 мая 1952 г.; «Нью-Йорк геральд трибюн», 11 сентября 1950 г.; «Нью-Йорк таймс», 5 августа 1951 г.

⁵ *Лайф*, 4 июня 1951 г.

Миченер подытожил это одной фразой: «Американцу в Азии в настоящее время лучше не выходить ночью на улицу. Очень может случиться, что он будет убит»¹.

Американская политика в колониальных странах

Американская политика в колониальных странах оказалась не более успешной, чем в Европе. В Европе США вступили в союз с фашистом Франко, неонацистской Западной Германией, тоталитарной Грецией и полуфеодальной Турцией; точно так же в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии США объединились с колониальными державами против народов колониальных стран.

Мы связали себя с французским колониальным режимом в Индо-Китае и поддерживаем войну против освободительного движения Вьетмина. Мы помогаем французам оружием и деньгами. Мы научили их использовать напалм (воспламеняющийся желеобразный бензин) для уничтожения деревень.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» сообщал из Индо-Китая: «Механизированная война, которую ведут в последнее время французские и вьетнамские марионеточные войска, приводит к большим жертвам среди сельского населения, что дает вьетминским мятежникам яркие факты для их пропаганды. В борьбе с вьетминскими группами в деревнях французские и вьетнамские войска применяют артиллерию и напалм, поэтому жертвы среди гражданского населения неизбежны»².

В результате — военный тупик и потеря французами всякой поддержки со стороны населения. Журнал «Лайф» пишет:

«Народ Индо-Китая заражен бунтарскими настроениями против французов и своего слабого императора. Только силой оружия (большая часть которого поставляется из США и на которое расходуются средства, равные всей сумме средств, предоставленных Франции по плану Маршалла) и ценой огромных жертв французы смогли удержать за собой окруженные колючей проволокой островки территории в стране, которая некогда была их самым ценным заморским владением»³.

Мы связали себя с английским режимом в Малайе. Мы помогали англичанам оружием и деньгами. Англичане используют 40 тысяч солдат, регулярную и вспомогательную полицию, насчитывающую 320 тысяч человек, значительные воздушные и военноморские силы⁴. Мы поддерживали английскую политику в Малайе, которая настолько обанкротилась, что англичане были вынуждены в конце 1950 года ввести систему

¹ Джеймс Миченер, *Голос Азии*, Нью-Йорк, 1951.

² «Нью-Йорк таймс», 13 апреля 1952 г.

³ *Лайф*, 31 декабря 1951 г.

⁴ Хью Грин (бывший глава Британской информационной службы в Малайе), «В Малайе — фронт повсюду», «Нью-Йорк таймс» (воскресное приложение), 4 мая 1952 г.

«коллективного наказания», в соответствии с которой община или деревня считаются ответственными за поведение каждого из своих жителей и могут быть подвергнуты жестокому наказанию. Вот примеры «коллективного наказания» в Малайе:

«Войсковые части и полицейские силы сегодня арестовали 2 тысячи жителей деревни Трас (провинция Паханг), являвшейся базой снабжения для партизанской банды, которая 6 октября убила сэра Генри Гернея, английского верховного комиссара. Население этой деревни будет полностью эвакуировано в три дня»¹.

Более 500 тысяч человек были изгнаны с места жительства и переселены в «охраняемые деревни»². Хотя англичане в Малайе отрицают, что они планируют уничтожить урожай путем отравления полей в районах, оказывающих поддержку партизанам, они тем не менее признали, что заняты поисками *неядовитого химического вещества*, которое будет уничтожать только урожай.

В результате — военный тупик и репрессии, подобные нацистским, против всего населения.

Филиппины иногда приводятся как пример «прогрессивной» политики США в Азии. Факты говорят обратное. Таковы, например, факты, о которых сообщает журнал «Атлантик мансли» и которые показывают вмешательство Макартура в политику Филиппин после войны.

«В избрании Мануэля Роксаса президентом, несомненно, большую роль сыграло то, что он [Макартур] защитил его от обвинений в коллаборационизме.

Будучи избранным на этот пост, Роксас смог приостановить широкое движение за удаление его коллег — коллаборационистов из сената и с тех постов в суде, которые они унаследовали от довоенного периода.

Провал попыток изгнать этих сторонников довоенного политического и экономического статус-кво заставил многих филиппинцев поверить, что бесполезно добиваться социальных реформ конституционным путем. Это мнение получило более широкое распространение после прошлогодних выборов, когда партия Кирино прибегла к обману, запугиванию и насилию в гораздо больших масштабах, чем это имело место когда-либо прежде во время выборов на Филиппинах»³.

Таким образом, первые мероприятия Америки на Филиппинах сводились к тому, чтобы вернуть к власти реакционеров и коллаборационистов. А условия, на которых Филиппинам предоставлялась независимость, гарантировали, что страна в экономическом отношении останется американской полуколонией. Филиппинам было запрещено устанавливать тарифы для за-

¹ «Нью-Йорк таймс», 8 ноября 1951 г.

² Хью Грин, статья, цитированная выше.

³ *Атлантик мансли*, декабрь 1950 г.

щиты любых новых отраслей промышленности, и они вынуждены были согласиться на предоставление американским компаниям свободы рук на островах. Это обеспечило сохранение господства американских сахарных и джутовых монополистов над филиппинской экономикой и привело к удушению национальной промышленности.

Реакционная роль Америки в колониальных странах была разоблачена верховным судьей Уильямом Дугласом. После поездки по Ближнему Востоку и Азии он вернулся на родину и написал книгу. Вот что он пишет:

«Мы говорим о нашем высоком уровне жизни... И это звучит как хвастовство или бахвальство.

Мы финансируем мероприятия в области сельского хозяйства, *выгодные помещикам*. Мы посылаем за границу технических специалистов для оказания помощи в отборе семян, сохранении почвы, борьбе с малярией и т. д. Но мы никогда не выступаем за реформу порочной системы аренды в Азии, благодаря которой возросшая продукция сельского хозяйства идет на пользу немногим...

Мы говорим о демократии и справедливости и в то же время поддерживаем реакционные режимы только потому, что они являются антикоммунистическими, режимы, цель которых сделать свободу и справедливость навсегда недостижимыми для крестьян и защитить интересы правящих кланов.

Мы расходуем миллиарды долларов на поддержку продажных и реакционных правительств, которые освобождают богачей от подоходных налогов и все усиливают господство олигархии над народом»¹ (курсив мой. — К. М.).

Дуглас отмечает провал американской политики и приписывает это тому, что Америка преграждает путь народным революциям. Он пишет:

«Назревающие революции не являются, однако, по своей природе коммунистическими и они не прекратятся даже в том случае, если Советская Россия будет уничтожена в результате войны. *Революционеры — это голодные люди, которые подвергались эксплуатации с незапамятных времен. Наш век — век их пробуждения и мобилизации...* Эти люди движимы духом, который весьма напоминает дух, вдохновлявший участников французской и американской революций...

В течение столетий Азия была под господством иностранцев. Это были различные формы господства империализма, эксплуатировавшего народы и ничего не оставлявшего крестьянам. С этим покончено, эти времена прошли. Азия едина в стремлении освободиться от иностранного господства»².

¹ Уильям Дуглас, Чужие страны и дружественные народы, Нью-Йорк, 1951, стр. 317—318.

² Там же, стр. 315—316.

После русской революции 1917 года сильнейшим ударом для мирового империализма была китайская революция 1949 года. Американский империализм своей упрямой и слепой поддержкой реакционера Чан Кай-ши сам помог успеху этой революции — такова ирония истории. Совершенно ясно, что *американское оружие и снаряжение*, посланное Чан Кай-ши и захваченное войсками китайской Народной армии, способствовало развитию большей мобильности и огневой мощи красных армий, которые в течение нескольких месяцев разбили Чан Кай-ши. Китайские коммунисты называли Чан Кай-ши своим «американским интендантом». По словам профессора Шумана, «поражение Чан Кай-ши именно и объясняется американскими методами борьбы с коммунизмом»¹.

В Америке республиканской партией был создан миф о том, что США помогали коммунистам, а не Чан Кай-ши. Это совершенно неверно. В конце войны, как признал Форрестол, американская морская пехота помогала Чан Кай-ши². Около четырех миллиардов долларов было израсходовано на помощь Чан Кай-ши. Все дело в том, что Чан Кай-ши и его продажное и прогнившее правительство не смогли устоять против народных сил, несмотря на огромную помощь, которую оказывают им США³.

США навязали японскому народу договор, восстанавливающий экстерриториальные концессии в Японии, которые только что уничтожил победоносный Китай. Америка располагает в Японии военными и морскими базами, американский персонал которых не подсуден японскому суду и имеет право вмешиваться во внутренние дела Японии для устранения «беспорядков». Это точно такие же «права», как те, которые были вырваны западными государствами у слабого Китая в XIX веке.

Эти меры отнюдь не способствовали популярности американцев в Японии. Кроме того, японский народ не испытывает желания быть вовлеченным в новую войну, и японские лидеры не доверяют американской военной мощи в случае войны против СССР. Полковник Тсуджи Масанобо, в прошлом офицер имперского японского генерального штаба, известный своим соотечественникам как «бог стратегии», в прочитанной в 1951 году лекции заявил:

¹ «Дейли компас», 24 марта 1950 г.

² «Дневники Форрестола», Нью-Йорк, 1951, стр. 109, 174.

³ История Чан Кай-ши и китайской революции за последние 20 лет хорошо освещена американцами. Послевоенный период, кульминационной точкой которого был 1949 год, лучше всего представлен, пожалуй, в книгах «Китай потрясает мир» Джека Белдена и «Неоконченная революция в Китае» Израэля Эпштейна.

«Япония должна отказать США в предоставлении военных баз, иначе США втянут Японию в войну и оставят ее на милость судьбы»¹.

Корея

Мы уже останавливались на военных последствиях войны в Корее. В политическом отношении Корея является для мира кровавой иллюстрацией того, как Соединенные Штаты «освобождают» страну и какого рода правительства они поддерживают. В передовой статье газеты «Вашингтон пост» откровенно приводятся факты, характеризующие правительство Ли Сын Мана:

«Ни Соединенные Штаты, ни другие члены Организации Объединенных наций, участвующие в войне в Корее, не могут закрыть глаза на то, что президентом Ли Сын Маном фактически создано полицейское государство... Ли Сын Ман, игнорируя Национальную ассамблею, своими преследованиями вынуждая депутатов скрываться, фактически является диктатором, хотя он и не именуется таковым»².

Власть Ли Сын Мана — результат его «безжалостной кампании... по ликвидации своих противников либо в политическом смысле, либо в физическом». Его «тактика сильной руки», добавляет «Вашингтон пост», способствует привлечению симпатий 20 миллионов доведенных до нищеты крестьян на сторону коммунизма, борьбу с которым провозглашает Ли Сын Ман. Его режим — для Америки обуза, которую нельзя больше терпеть»³.

Пренебрежение Ли Сын Мана к страданиям собственного народа обнаруживает его подлинное лицо. Газета «Вашингтон пост», разоблачая Ли Сын Мана, пишет, что он «непрестанно строил козни с целью саботировать переговоры о перемирии, стремясь к расширению войны», и что это было скрыто в силу наличия «гражданской и военной цензуры».

Уолтер Липпман указывает на чудовищную бессмысленность войны, масштабы которой хочет расширить Ли Сын Ман:

«Все это чудовищно — калечить и убивать, быть убитым и искалеченным в войне, которая, как признают все участвующие в ней правительства, стала теперь бесполезной и бессмысленной, ибо ничто больше не может быть решено или достигнуто путем военных действий»⁴.

Политическую реакцию на корейские события можно понять только тогда, когда осознаешь, во что превратили эту

¹ «Сандей компас», 17 февраля 1952 г.

² «Вашингтон пост», 3 июня 1952 г.

³ Там же.

⁴ «Вашингтон пост», 8 апреля 1952 г.

несчастную страну американские самолеты. Американский генерал О'Доннелл, командовавший в начале войны в Корее бомбардировочной авиацией на Дальнем Востоке, заявил:

«Я бы сказал, что весь, почти весь Корейский полуостров — это просто ужасная груда развалин. Все уничтожено. Не осталось ничего, что заслуживало бы упоминания... Как раз перед вступлением китайцев мы прекратили вылеты. В Корее больше не осталось объектов»¹.

Напалмовые бомбы были одним из основных видов оружия, применявшихся для уничтожения.

1 марта 1952 года «Манчестер гардиан», наиболее известная английская либеральная газета, напечатала сообщение Рене Катфорта, корейского корреспондента правительственной радиовещательной сети «Бритиш бродкастинг систем», который списывает виденную им жертву напалма:

«Перед нами была странная фигура: человек стоял, слегка согнувшись, с расставленными ногами и растопыренными руками. У него не было глаз, и его тело, видневшееся сквозь обгоревшие лохмотья, было покрыто твердой черной коростой в пятнах желтого гноя. Стоявшая рядом с ним кореянка заговорила, и переводчик перевел: «Он вынужден стоять, сэр, он не может сидеть или лежать».

Он вынужден стоять потому, что на нем больше нет кожи, он покрыт коростой, которая легко лопается... Я подумал о сотнях виденных мною деревень, превращенных в пепел, и понял, что кроется за, очевидно, всё растущими цифрами, обозначающими число жертв на корейском фронте».

Возмущение цивилизованного мира этими варварскими разрушениями выразил ведущий французский журнал «Эспри», который рассчитан на буржуазных читателей и отличается сильными католическими тенденциями. Француз Шарль Форель писал:

«У американских солдат в Корее нет чувства жалости. Они считают себя высшей расой и относятся к «туземцам» как к грязным собакам... американские солдаты не хотят видеть ничего человеческого в обращенных к ним измученных лицах [беженцев]... Американская интервенция в Корее привела к катастрофе. Страна истекает кровью, множество людей убито, американцы заставляют голодать население, они терроризируют его, разоряют и разрушают страну... Тем, кто ведет эту жестокую и варварскую войну, мало всего этого. С факелами в руках солдаты американской армии выгоняют из разрушенных деревень упрямы, которые чудом спаслись во время избиения. Корея на протяжении всего 150-мильного фронта — это просто огромное пожарище, где каждый дом и каждая деревня объята пламенем.

¹ Ирвинг Ф. Стоун, Закулисная история войны в Корее, Нью-Йорк, 1952, стр. 312.

Это был приказ, который пытались объяснить военными соображениями. Он был выполнен с помощью методов, заимствованных у орд Аттилы...

Вот чего может ждать и на что может надеяться Европа в результате вмешательства Америки в ее внутренние дела... Если бы кто-нибудь осмелился опубликовать цифры, показывающие число убитых среди гражданского населения Северной и Южной Кореи и размеры разрушений в результате «стратегических» бомбардировок союзников, вы поняли бы, почему народы мира так противятся мировой войне, имеющей целью освободить их ценой полного уничтожения...

Мы боимся вас [США], так как вас больше не удовлетворяет то, что вы направляете внешнюю политику союзных правительств; теперь вы хотите выйти за пределы своих границ и насильственно препятствовать народам мира пользоваться свободой слова. Мы вернулись к временам монархии, когда пруссаков призвали спасать Бастилию».

Коснувшись японского «мирного» договора, Форель делает следующее заключение:

«Мы считали бы, что в ответ на такую щедрую помощь, о которой просили и которую получили участвовавшие в переговорах американцы, можно было бы попросить японскую полицию вмешаться в американские выборы.

Таков Трумэнский вариант великой вильсоновской идеи о праве народов на самоопределение в год от рождества Христова 1951»¹.

Доктрина Трумэна привела к тому, что мир сплотился против Соединенных Штатов. Провал американской политики, вкратце охарактеризованной в этой главе, сильно отозвался на военной стратегии, и лишь немногим американским базам за границей не угрожает опасность со стороны народа той страны, в которой они расположены. Отношение народов мира, выраженное в лозунге «Американцы, убирайтесь домой!», является положительной и мощной силой в борьбе за мир.

¹ «Дейли компас», 13 января 1952 г.

МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДРУЗЬЯМИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

В. И. Ленин
Цитируется Уэллесом¹

Книга написана. Я сижу, правя корректуру; передо мной, наконец, вырисовывается картина в целом, и меня поражает то, что я вижу. Мне кажется невероятным, что люди могут так опрометчиво играть судьбами мира. Однако официальные документы говорят сами за себя: собственные слова этих людей служат им обвинением.

Меня охватывает чувство холодного гнева. Я видел войну вблизи — бессмысленную, ужасную, бесчеловечную. Атомная война была бы неизмеримо хуже. Я видел не подвергавшиеся военной цензуре фильмы о Хиросиме и Нагасаки — мозг откачивается воспринимать это чудовищное варварство. Все это для меня или для вас представляет далеко не академический интерес. На моем рабочем столе, где разложены многочисленные вырезки, есть одна отложенная мной вырезка из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Заметка гласит: «Представители министерства обороны изучают вопрос о массовом погребении трупов. В случае, если атомная бомба упадет на средний город в США, число убитых, как предполагается, достигнет за два дня 40 тысяч».

В соседней комнате играют мои дети — восьмилетняя Джудит и пятилетний Тони. Порой оттуда слышится визг, порой взрывы смеха. Нет, атомная война представляет не только академический интерес — для меня, для вас и для миллионов и миллионов родителей во всем мире.

Гнев кипит во мне, но уверенность поддерживает. Источник моей уверенности в военной и экономической мощи социали-

¹ Слова, приписываемые Уэллесом В. И. Ленину, принадлежат Н. Островскому (см. роман «Как закалялась сталь», М., Молодая гвардия, 1952, часть II, гл. 3, стр. 198). — *Прим. ред.*

стического мира. Каждый день, каждый час мирной жизни увеличивают мощь СССР, Китая, восточноевропейских стран в гигантских масштабах. Это — мощь, служащая делу мира. Как сказал Липпман, целью СССР является «лишить Соединенные Штаты возможности развязать новую войну» (см. главу 14). 800 миллионов людей, сознательно объединившихся, чтобы предотвратить войну, — это внушительное препятствие на пути поджигателей войны.

Многие в Америке в такой степени отравлены ядом клеветы, направленной против СССР, что они совсем не представляют себе, как велико в Советском Союзе стремление предотвратить войну. Поскольку вопрос о намерениях Советского Союза имеет решающее значение, я хочу показать, что практически и теоретически Советский Союз хочет мира и верит, что мир возможен.

Советскому Союзу нужен мир

Раздуваемый в Америке «военный психоз» представляет собой поразительный пример способности печати и радио искажать очевидные факты. Каждый, кто даст себе труд немного подумать, может убедиться, что война — это то, чего меньше всего в мире хотят советские граждане или советские лидеры. Во второй мировой войне Советский Союз понес большие потери в людях. Огромные районы его территории, как показано в главе 11, были опустошены, значительная часть промышленности уничтожена. Американский корреспондент Эдгар Сноу писал:

«Все эти обстоятельства вселили в умы и сердца русского народа необычайное стремление к миру, необычайную готовность принять *любые предложения*, которые обещают человечеству прекращение войн и длительный мир. Советское правительство не только не игнорирует этих настроений народа, но стремится... использовать их для реализации планов восстановления...»¹ (курсив мой. — К. М.).

Название книги Сноу «Сталину нужен мир» правильно отражает положение вещей. Эта книга была опубликована в 1947 году, но позиция советского народа и советских лидеров не изменилась. На первом месте у них попрежнему мирное строительство. В октябре 1950 года московский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Гаррисон Солсбери написал серию статей о положении в Советском Союзе. Он сообщал, что даже *после* начала войны в Корее строительство в Москве «не только не было свернуто или сокращено, но было явно расширено»². В одной из статей Солсбери указывал:

«В Москве основной темой разговоров, вопросом, интересу-

¹ Эдгар Сноу, Сталину нужен мир, Нью-Йорк, 1947, стр. 119.

² «Нью-Йорк таймс», 11 октября 1950 г.

ющим всех, является новый грандиозный правительственный план строительства гидроэлектростанций... Эти сооружения завершатся не ранее середины 50-х годов и будут стоить миллиарды рублей и миллионы человеко-часов труда. Рядовой человек в Москве считает, что такое вложение капиталов свидетельствует об *уверенности его правительства в способности поддержать и сохранить мир во всем мире*¹ (курсив мой. — К. М.).

Наблюдения двух американцев, Сноу и Солсбери, целиком подтверждает французский журналист Мишель Гордэ, иностранный корреспондент крайне консервативной газеты «Франс суар», крупнейшей газеты во Франции. Сам Гордэ не читает дружеских чувств к Советам, он сын русских белогвардейцев-бежавших от революции в 1919 году. Однако он бегло говорит по-русски и провел в России два месяца. Свои впечатления и наблюдения он изложил в книге «Виза в Москву», которая была опубликована в Соединенных Штатах в 1952 году.

Книга замечательна тем, что Гордэ, хотя он не любит советскую систему и пользуется любым случаем, чтобы поставить под сомнение то, что он видит, тем не менее не может удержаться от того, чтобы не признать открыто, что мир — это то, в чем больше всего нуждаются и чего больше всего желают все в России, включая правительство. Он пишет:

«Советские люди страшатся войны, испытывают к ней глубокое отвращение. Они не забыли страданий последней войны... Эти люди не готовы — психологически, физически и морально — идти на риск агрессивной войны.

Если посмотреть с экономической точки зрения, то следует прийти к выводу, что такие факторы, как изобилие продуктов, доступных советским потребителям, последовательные снижения цен, увеличение потребления основных продуктов питания (например масла, мяса, хлеба, сахара) *не дают основания предполагать, что в СССР проводится подготовка к мобилизации или военной агрессии*² (курсив мой. — К. М.).

Гордэ поражен размахом и высоким качеством восстановительных работ в Советском Союзе. Ленинград, который был разрушен, восстановлен так, что в нем «не осталось следов войны. Но на этом чудеса не кончаются. Строители в точности сохранили стиль бывшей столицы... Вид Ленинграда — живое свидетельство глубокого желания мира среди русского населения»³.

Гордэ весьма скептически относится к советской жизни, но даже он отказывается от своего скептицизма, видя отношение к детям в Советском Союзе. Циничный француз едва не ударяется в лирику:

¹ «Нью-Йорк таймс», 12 октября 1950 г.

² Мишель Гордэ, Виза в Москву, Нью-Йорк, 1952, стр. 408—409.

³ Там же, стр. 344.

«Во всех советских городах, которые я смог посетить, я видел великий привилегированный класс советского режима — детей. Я увидел сам, какой исключительной заботой окружены они в первые годы жизни. Я понял гораздо лучше, чем из речей и теоретических статей, почему воспитанные в такой обстановке молодые граждане Советского Союза не могут не быть искренне преданы общественному и политическому режиму, в условиях которого они живут»¹ (курсив мой.— К. М.).

Неудивительно, что Гордэ приходит к такому заключению:

«Советский гражданин не чувствует себя поработанным или угнетенным... Следует упомянуть еще об одном факте,— и он неопровержим,— о том, что десяткам миллионов граждан СССР советский режим действительно принес свободу. Народы, в прошлом отсталые или угнетенные, заново создали или получили возможность развивать национальную культуру; в своем развитии они достигли уровня материальной культуры, невиданного до 1917 года. Условия жизни рабочего класса также улучшаются — порой медленно, но всегда неуклонно (этот процесс был прерван только во время последней войны)... По мере улучшения материальных условий их жизни, они чувствуют себя все более свободными... Народы Советского Союза исполнены чувства подлинного, глубокого патриотизма... Оно подкрепляется материальными и культурными достижениями, которые убеждают эти народы в том, что их национальное достоинство стоит того, чтобы его защищать»².

Таков Советский Союз — страна, которой не нужна война, страна мира. Пора нам в Америке порвать завесу лжи и клеветы, распространяемых газетами, радио, журналами, кино. Пора нам увидеть советских лидеров такими, каковы они на самом деле³, и Советский Союз таким, каков он есть, — страной, в которой власть принадлежит народу и поэтому является поистине народной, избирается народом и служит народу.

Самнер Уэллес, помощник государственного секретаря при Франклине Рузвельте, хотя он и является консерватором, признавал положительные стороны жизни в Советском Союзе. Выразив свое отрицательное отношение к коммунизму, он отмечал:

¹ Мишель Гордэ, Виза в Москву, Нью-Йорк, 1952, стр. 259.

² Там же, стр. 410—411.

Эти цитаты могут навести читателя на мысль, что Гордэ настроен про-советски. Я заверяю читателя, что это не так, что именно благодаря этим неохотным и вынужденным признаниям книга становится ценной и заслуживает того, чтобы ее покупали. Если вы хотите получить более благоприятную и менее дорогую книгу, читайте книгу Джорджа Мариона «В Кремле все спокойно», которая опубликована дешевым изданием и дает полную и впечатляющую картину условий жизни в Советском Союзе в настоящее время.

³ См. главу 12.

«Тем не менее, я считаю, что Советская Россия представляет собой одну из величайших попыток достигнуть улучшения положения человека, какую когда-либо знал мир, и что в конечном счете эта попытка окажет большое влияние на общество во всех частях земного шара. Советская власть выковывалась в таких страданиях, которые народы западных стран не могут и вообразить. За четверть века она принесла 180 миллионам людей, знавшим ранее только нищету, здравоохранение, образование, экономическую обеспеченность и надежду на счастье. Она не только создала новый общественный строй на развалинах варварского феодализма, но в течение жизни одного поколения превратила средневековую аграрную экономику целого континента в передовую индустриальную экономику»¹.

Далее Уэллес приводит следующее высказывание основателя Советского Союза, которого он называет «величайшим» из всех коммунистов, — Ленина. Ленин говорил²:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Возможно ли теоретически сосуществование?

Остается последний довод, который необходимо разъяснить, поскольку, по моему мнению, он является основным доводом в вопросе о мире. Те, кто использует этот довод, приводят высказывания классиков марксизма о том, что война является неизбежным следствием капитализма. Следовательно, раз США являются капиталистической страной, война неизбежна.

Этот довод выдвигают реакционеры и «ультралевые». Реакционеры заявляют, что, поскольку марксисты считают войну следствием капитализма, Советский Союз для обеспечения своей безопасности должен силой сделать мир коммунистическим, а коммунистические партии в капиталистических странах должны свергнуть свои правительства. Этот довод используется как основание для преследования коммунистов в Соединенных Штатах по закону Смита. «Ультралевые» заявляют, что говорить о мире можно, но фактически война неизбежна, поскольку капиталисты вынуждены ее начать. Они полагают, что если марксист говорит о возможности мира, то он обманывает или себя или других. И, как часто случается в истории, реакция получает большую поддержку со стороны «ультралевых».

¹ Самнер, Уэллес, Куда мы идем?, Нью-Йорк и Лондон, 1946, стр. 372—373.

² Слова Н. Островского (см. сноску к эпиграфу данной главы). — Прим. ред.

Прежде всего необходимо отметить, что советские руководители категорически отвергли идею распространения коммунизма путем войны. В этом как раз и заключалось одно из основных разногласий между Сталиным и Троцким. Троцкий утверждал, что революцию надо распространять с помощью Красной Армии. Троцкий потерпел поражение и был выслан. Коммунистическая партия Советского Союза в течение последних 25 лет недвусмысленно заявляла, что коммунизм не может быть распространен силой.

Теоретической основой Коммунистической партии Советского Союза является марксизм-ленинизм. Эта теория учит, что капитализм таит в себе зародыши своей собственной гибели, что он находится в состоянии общего кризиса, который порождает нищету и недовольство, кризисы и безработицу, и поэтому народ при капитализме неизбежно будет вынужден, *в силу логики своего внутреннего развития*, повернуть в сторону социализма. Какой же смысл был бы теперь для Коммунистической партии СССР отказываться от своей политики мира и предотвращения войны? Почему советские лидеры должны начать агрессивную войну, которая объединит против них мир?

Это просто противоречит здравому смыслу. Даже Джон Фостер Даллес вынужден был это признать, несмотря на то, что он был одним из пропагандистов, утверждавших, что, согласно советской теории, война неизбежна. Даллес заявляет:

«Совершенно очевидным является тот факт, что Кремль не использовал свою Красную Армию для открытого военного захвата, даже в те годы в прошлом, *когда на его пути не было военных препятствий*»¹ (курсив мой.— К. М.).

Совершенно очевидно, что в соответствии с советской политической теорией война не неизбежна. В своей книге Эдгар Сноу подробно рассматривает этот вопрос и, проанализировав речи Сталина, указывает, что мирное сотрудничество, несомненно, возможно. Затем он цитирует Молотова:

«Война особенно наглядно показала, что государства весьма различного общественного уклада имеют весьма важные общие интересы... проводившееся согласование боевых усилий этих стран и их союзников вместе с широким осуществлением взаимопомощи между ними дало великие результаты...

Признание [Советским Союзом — К. М.] принципов такого международного сотрудничества имеет глубокий смысл. В нем выражена твердая воля к всеобщему миру и готовность к мирному соревнованию... государств и общественных систем»².

В Советском Союзе положение, что война не является неизбежной, подчеркивается в настоящее время не только в еже-

¹ Лайф, 19 мая 1952 г.

² В. М. Молотов, Вопросы внешней политики, М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1948, стр. 256. (Прим. ред.)

дневных газетах, но и в ведущих теоретических журналах. Например, «Нью-Йорк таймс» от 24 сентября 1951 года приводит выдержку из ведущего советского философского журнала «Вопросы философии»:

«...в современных исторических условиях нельзя категорически утверждать, что наступление новой мировой войны неизбежно. Марксистско-ленинское положение о неизбежности войн в эпоху империализма, правильное для одних исторических условий, не может быть безоговорочно перенесено в новые исторические условия»¹.

В статье в «Нью-Йорк таймс» делается вывод, что, по мнению марксистов, война не является неизбежной и мир может быть сохранен.

Этот вопрос был со всей прямотой поставлен и рассмотрен ведущим советским философом в недавно опубликованной книге «Марксистский диалектический метод»². Он пишет:

«Марксизм твердо установил, что войны являются неизбежным спутником капитализма. Но марксизм никогда не стоял на той позиции, что нельзя избежать той или иной войны, борясь против ее возникновения, против тех, кто ее разжигает...»

С исчерпывающей ясностью эту реальную возможность предотвращения новой мировой войны показал товарищ Сталин в своей беседе с корреспондентом «Правды». Есть, говорит И. В. Сталин, агрессивные силы в Соединенных Штатах Америки, в Англии, во Франции, которые готовят новую войну, рассматривающие войну «как доходную статью, дающую колоссальные прибыли». Но народы мира борются против стремления агрессивных сил разжечь пожар новой войны.

«Чем кончится эта борьба агрессивных и миролюбивых сил?» — спрашивает товарищ Сталин и дает ответ...

«Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца»³.

Нет сомнений, что в Советском Союзе ничто не может воспрепятствовать мирному сосуществованию двух систем — ни в области политики, ни в области экономики, ни в области философии. Напротив, советские руководители всемерно стремятся к достижению мира. Даже генерал Эйзенхауэр это признал однажды, заявив, что «русские ничего не выиграют от войны с Соединенными Штатами. Русская политика более всего руководствуется желанием дружбы с Соединенными Штатами»⁴.

¹ *Вопросы философии*, № 4, 1951, стр. 37. (Прим. ред.)

² Это тот метод, который пытался изучать Форрестол. Об этой советской книге сообщала 22 июля 1952 года газета «Дейли уоркер», единственная, насколько я знаю, газета, которая сочла возможным опубликовать такое важное сообщение.

³ М. М. Розенталь, *Марксистский диалектический метод* М., Госполитиздат, 1951, стр. 164—165. (Прим. ред.)

⁴ Статья Мэррея Кемптона, «Нью-Йорк пост» от 15 августа 1952 г. Советский Союз не изменил своей политики, Эйзенхауэр же свое мне-

Стремление Советского Союза к миру — это не ханжеские, лицемерные декларации. Это стремление является путеводной звездой внешней политики великой и могучей державы, которая успешно прокладывает себе путь в водах, кишящих черчиллями, гарриманами и прочими «миролюбивыми» агрессорами. В этом, как я уже сказал, источник моей уверенности.

Правя корректуру последних трех глав, где говорится о провале доктрины Трумэна, я чувствую глубокую уверенность в том, что войну можно предотвратить. Я чувствую уверенность потому, что провал доктрины Трумэна не является случайным явлением.

Провал трумэновской «политики силы» вызван глубокими причинами, которые все сильнее дают себя знать в мире. Возмущение народов мира американскими военными планами не будет уменьшаться, оно будет усиливаться. Тяжелое бремя вооружений, разоряющее Европу, ведет к социальным и политическим последствиям, которые неизбежно способствуют делу мира. Советское техническое превосходство будет увеличиваться, а не уменьшаться. От Трансвааля в Африке до Тонкина в Индо-Китае угнетенные народы мира поднимаются на борьбу, и их невозможно остановить. Повсюду старые порядки меняются. С помощью доктрины Трумэна пытались совершить невозможное — увековечить угнетение в изменяющемся мире. Это не выйдет.

В самих Соединенных Штатах медленно, но верно растет сопротивление войне. Существует тенденция приуменьшить значение противодействия американского народа войне. В том случае, когда речь идет о конкретном вопросе, например о перемирии в Корее, желание мира несомненно. Важно отметить то обстоятельство, что для успешного ведения агрессивной войны Соединенными Штатами необходимо взять под контроль все организации, которые могут оказать сопротивление. Это должен был сделать Гитлер. И это как раз то, что пытаются сделать американские империалисты. В главе 3 рассматривается характер наступления сил реакции. Хотя это их наступление не потерпело столь явного провала, как их внешняя политика, тем не менее, по моему мнению, оно потерпело поражение. *Сопоставляя силы, брошенные реакцией в наступление на гражданские свободы, с результатами этого наступления, следует признать, что оно окончилось провалом.* Основные независимые профсоюзы отвергают политический контроль со стороны Трумэна или кого бы то ни было; внутри КПП раздаются голоса недовольных; людей арестовали, но их не смогли заставить замолчать. Само наступление на гражданские сво-

ние изменил. Во время успешной для него избирательной кампании, в ходе которой он обеспечил выдвижение своей кандидатуры на пост президента от республиканской партии, Эйзенхауэр заявил 8 июня 1952 года, что «мы слишком долго были готовы верить жестокой диктатуре». Цитировано в той же статье.

боды вызывает все большее и большее сопротивление. Реакция потерпела поражение по ряду важнейших вопросов, например по вопросу о введении всеобщего военного обучения, по вопросу об установлении военного контроля над атомной бомбой; она потерпела поражение при попытках задушить растущее движение сторонников мира в Америке. Правительство Трумэна, используя в качестве своего орудия Джона Рогге, сделало попытку представить борьбу за мир как акт измены, предъявив обвинение доктору Дюбуа и его соратникам по борьбе за мир. Эта попытка провалилась; Рогге бесславно ретировался; судья даже не передал дела присяжным.

За период времени с Первого Всемирного конгресса мира в 1949 году, который доктор Дюбуа назвал «величайшим из современных собраний людей, съехавшихся, чтобы способствовать прогрессу человечества», до Второго Всемирного конгресса мира в Варшаве в 1950 году организованное движение борьбы за мир достигло больших успехов. Фильм «Мир победит», заснятый на Втором Всемирном конгрессе мира Иорисом Ивенсом, дает яркое представление о размахе и силе всемирного движения в защиту мира¹. Я говорю все это не для того, чтобы вызвать легковесный оптимизм. Положение до крайности серьезно и опасно, однако возможности достижения мира велики и многообещающи. За внешними проявлениями реакции скрывается весьма напряженное положение в стране, и всегда существует возможность исключительно резких перемен в настроениях народа.

Подобно айсбергу, который на шесть седьмых своей величины погружен в воду, действительная мощь прогрессивных сил США так же не видна на поверхности. Активные борцы за мир являются частью самого народа. В любой момент события внутри страны или за границей неожиданно могут дать возможность прогрессивным силам использовать глубокое стремление к миру и безопасности, которое живет в американском народе. Реакция очень хорошо это понимает. Форрестол страшился того дня, когда собрание представителей народа разоблачит его и заклеймит как фашиста.

Мы должны бороться против апатии и настроения части американцев, считающих, что ничто не может быть изменено. Примером таких настроений может служить позиция рядового избирателя во время выборов 1952 года, считавшего, что голос, отданный за Холлиэна и Басс, кандидатуры которых были выдвинуты прогрессивной партией, — это голос, пропавший даром. По моему личному убеждению, нет более ошибочного представления, чем это. *На самом деле, поскольку это касается вопроса о мире, голос, поданный за прогрессивную*

¹ Этот фильм можно получить для просмотра через «Нейшл гардиан», Нью-Йорк.

партию, стоит по крайней мере десяти голосов, поданных за демократическую или республиканскую партию. Это утверждение не является преувеличением. Общее число голосовавших за республиканскую и демократическую партии составило в 1948 году 46 миллионов; допустим, что оно будет таким же в 1952 году. Разве не ясно, что 5 миллионов голосов, отданных за Прогрессивную партию в 1952 году (1 из 10), имели бы больший вес для дела мира, чем все остальные голоса; разве не ясно, что реакционеры были бы обеспокоены результатами этого голосования и серьезно задумались бы, прежде чем начать войну; разве не ясно, что перемирие в Корее было бы заключено гораздо быстрее? Совершенно очевидно, что каждый голос, отданный за Прогрессивную партию, имеет значение — при этом большое значение — в борьбе против войны.

Переговоры возможны

Первый шаг к миру — сесть за круглый стол и начать переговоры. Чтобы вести переговоры — и это следует подчеркнуть, — не обязательно быть друзьями. Участники переговоров могут, не улыбаясь, сесть за стол и с мрачным видом вести переговоры; тем не менее стороны должны быть убеждены в том, что соглашение может быть достигнуто. Каждый профсоюзный деятель в Америке из своего опыта переговоров при заключении коллективных договоров знает, что это значит.

Во время переговоров, предшествующих заключению коллективного договора, предприниматель обычно не доверяет профсоюзу, а профсоюз не доверяет предпринимателю. Чаще всего крупные корпорации ненавидят профсоюзы, и чаще всего профсоюзы отвечают им взаимностью. Однако снова и снова, год за годом те и другие садятся за один стол и спорят по вопросам, представляющим наибольший интерес для каждой из сторон (для корпораций — это прибыли, для рабочих — заработная плата) и год за годом достигают соглашения.

Применение принципа коллективных договоров в США уменьшило число конфликтов в промышленности, ограничило власть и насилия наиболее жестоких предпринимателей. Применение принципа коллективных договоров в международных отношениях уменьшит международное напряжение, обуздает наиболее ярых агрессоров. Я убежден, что СССР готов вести переговоры. Снова и снова Сталин заявлял об этом; Советский Союз дважды предлагал визы для посещения Советского Союза видным американским деятелям — один раз Баруху, другой раз Чарльзу Вильсону. Оба раза вмешивался государственный департамент и задерживал их.

Я считаю, что Соединенные Штаты должны принять предложения о переговорах. Мы должны заставить представителей нашего правительства вести переговоры для установления мира

го всем мире. Первым шагом должно быть разоблачение поджигателей войны, их действий в прошлом и в настоящем. Этот шаг необходим, но это только первый шаг. Чтобы заставить наших политических лидеров принять участие в конференции, нам необходимо достигнуть как можно более широкого единства всего народа и всех организаций по вопросу о перемирии в Корее и о созыве конференции.

Мир может быть достигнут даже при отсутствии доверия. Но когда мир уже будет достигнут, это недоверие исчезнет. Разовьется и будет процветать торговля, люди будут больше путешествовать, за их знакомством друг с другом последуют уважение и дружба, как это показали олимпийские игры.

Мы можем быть друзьями

23 июля в Хельсинки не потерпевшая ни одного поражения американская команда заняла первое место в соревнованиях по гребле на лодках-восьмерках; Россия заняла второе место «с удивительно хорошим результатом». Эти слова взяты из сообщения агентства Ассошиэтед Пресс, опубликованного в газете «Нью-Йорк таймс» 25 июля. Далее в сообщении говорится: «После гонок русские пригласили американцев к себе в гости». Команда приняла приглашение. Таким образом три американца — Билл Филдс из Форсайта (штат Джорджия), Дэви Мэнринг из Кливленда и Боб Детуэйлер из Феникса (штат Аризона) попали прямо в будущие учебники истории, потому что эти три американца за один вечер разоблачили эйзенхауэров и даллесов, гарриманов и трумэнов. В сообщении Ассошиэтед Пресс приводятся некоторые подробности:

«Подают главное блюдо—бифштекс с картофелем и горошком. «Недурный бифштекс»,—заметил Филдс. «Да, русские коровы ничем не хуже наших» — добавил Детуэйлер, уроженец Аризоны, скотоводческого края.

В конце обеда поднялся Владимир Кучменко, руководитель советских гребцов:

«Привет вам, друзья из Америки,—сказал он по-русски, и девушка-переводчица перевела его слова. — Мы счастливы, что нам во время соревнований удалось завязать эти дружеские связи. Мы хотели бы, чтобы спортсмены России и спортсмены Америки всегда дружески соревновались».

Он предложил тост за «международное взаимопонимание». Все встали, подняли рюмки с водкой и чокнулись. Благодарность за русское гостеприимство выразил Мэнринг.

«Для всех нас это замечательное событие,—сказал он,—мы рады, что приехали сюда, встретились с вашими людьми и увидели, что они такие же, как и мы».

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Предвидение и отказ от своих собственных взглядов

В предисловии к этой книге уже разъяснялось, почему были использованы цитаты различного типа для доказательства основных положений книги. Но необходимо дополнительное разъяснение по поводу цитирования высказываний таких людей, как Стимсон и Уоллес.

Генри Стимсон был значительно более дальновидным, чем большинство представителей правящего класса Америки, когда он в 1945 году предсказывал, что атомный шантаж приведет к катастрофе. Когда Трумэн стал принимать решения, прямо противоположные тем, какие рекомендовал Стимсон, и вызвал катастрофу, которую последний предсказывал, выступил ли Стимсон против него? Нет, он не проронил ни слова, а позднее отказался от своих убеждений.

В 1947 году Стимсон писал, что «советское правительство с начала весны 1945 года, еще до смерти Рузвельта, неуклонно проводит обструкционистскую и недружелюбную политику»¹. Ложность этого утверждения уже была доказана выше. Кроме того, оно противоречит позиции самого Стимсона весной 1945 года, когда он выступал против принятия *Соединенными Штатами* курса жесткой политики. Несмотря на такой поворот, Стимсон только отчасти отступился от своего меморандума 1945 года, но не отрекся от него. Его биограф Банди пишет:

«В 1947 году Стимсон был склонен считать, что возможности для ведения успешных прямых переговоров (с Россией по вопросу об атомной бомбе) в 1945 году были меньшими, чем он в то время полагал, но даже при наличии самой незначительной возможности попытка ведения таких переговоров была бы оправдана, настолько значительна была цель, которая имела в виду»².

Другими словами, Стимсон говорит, что, может быть, из этого ничего бы не вышло, но мы должны были во всяком случае попытаться это сделать. Он знает, что его меморандум

¹ Генри Л. Стимсон и Макджордж Банди, На действительной службе во время мира и войны, Нью-Йорк, 1947, стр. 649.

² Там же, стр. 648.

1945 года был правильным, и не может заставить себя полностью отрешиться от него.

Отказ Стимсона от своих взглядов является симптомом важного политического значения. Политики редко поднимаются над своим классом. Когда события развиваются таким образом, что люди, подобные Стимсону, вынуждены для того, чтобы защитить свои взгляды, выступать против своего класса, они отказываются от этих взглядов, какими бы правильными они ни были.

Некоторые из этих политиков стоят на стороне правды дольше, чем другие. Так было с Генри Уоллесом, но и он также в конце концов выкинул сальто-мортале еще более удивительное, чем Стимсон, если учесть, что он пошел гораздо дальше в своей критике американской политики. В 1950 году он вышел из Прогрессивной партии и стал активным сторонником политики холодной войны. К 1950 году Уоллес не мог больше выступать против политики нашего правительства, не порвав открыто со своим классом и не разоблачая природу американского империализма. Когда Уоллес оказался перед этой альтернативой, он резко изменил свою позицию, и в передовой статье газеты «Нью-Йорк таймс» с удовлетворением было отмечено, что этим он «до некоторой степени восстанавливает свою позицию». Примером его новой позиции была попытка доказать, что он всегда хотел помочь Чан Кай-ши удержаться у власти в Китае.

То, что такие люди, как Стимсон и Уоллес, отказываются под нажимом от своих взглядов, не опровергает правильности их прежних взглядов. Хотя *они* больше и не заинтересованы в борьбе против холодной войны, *народ* в этом попрежнему заинтересован. Высказывания Стимсона в 1945 году и Уоллеса в 1948 году попрежнему верны и все еще могут быть использованы американским народом для борьбы с губительной политикой своих лидеров.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Атомные секреты

Некоторое время после второй мировой войны у Советского Союза не было атомной бомбы. Чего ему для этого нехватало? Нехватало ли ему научных знаний или просто необходимых заводов?

Мы уже приводили высказывание генерала Смита, бывшего американского посла в Москве, который в 1948 году говорил Форрестолу, что русские по всей вероятности имеют «достаточный запас знаний», но не имеют «промышленного комплекса, необходимого для того, чтобы использовать эти знания и

создать конкретные виды оружия». Это значит, что научных секретов, связанных с атомной бомбой, не существовало. Такое мнение разделяют почти все ведущие ученые в этой области.

Доктор Роберт Оппенгеймер, виднейший в США научный авторитет по вопросам атомного оружия, заявил в январе 1951 года:

«...не существует ни «неопубликованных» секретов, касающихся атомного оружия, ни «тайных законов природы», доступных только немногим»¹.

Это же мнение было высказано в передовой статье ежемесячного журнала «Атомикс» в сентябре 1949 года, как раз после того, как Трумэн объявил, что в Советском Союзе произошел взрыв атомной бомбы. В статье говорилось:

«...Это не должно вызывать удивления, поскольку это только то, что все время предсказывали *все известные ученые*, знакомые с принципами ядерной физики, с тех пор как мы сбросили атомную бомбу на Японию четыре года назад. *Со времени открытия распада урана в 1938 году принцип создания атомной бомбы перестал быть секретом.* Правда, американские ученые только 16 июля 1945 года узнали о том, что атомная бомба будет введена в действие; в этот день был произведен первый экспериментальный взрыв атомной бомбы в Аламогордо. *Только в течение 21 дня между этой датой и 6 августа 1945 года, когда атомная бомба была сброшена на Хиросиму, мы действительно обладали секретом атомной бомбы. Этот секрет заключался просто в том, что мы знали, что бомба будет использована.* Ученые других стран этого не знали»² (курсив мой.— К. М.).

Даже сама американская Комиссия по атомной энергии разделяла это мнение. В сообщении из Вашингтона говорилось:

«Комиссия по атомной энергии в пятницу получила секретное документальное доказательство того, что России был известен научный секрет изготовления атомной бомбы с 1940 года, то есть с того времени, когда Соединенные Штаты предприняли первые попытки создания этого вида оружия»³.

Уверенность большинства лидеров американского правительства в том, что мы будем обладать монополией на атомную энергию в течение долгого времени, не основывалась на существовании каких бы то ни было секретов. Она основывалась на высокомерном убеждении, что советская экономика настолько уступает нашей, что русские ни в коем случае не смогут в короткое время развить «промышленный комплекс», необходимый для достижения успеха.

¹ Речь на собрании нью-йоркской Ассоциации адвокатов в январе 1951 г.

² «Атомикс», сентябрь 1949 г.

³ «Интернейшл ньюс сервис», декабрь 1950 г.

Джон Фостер Даллес, главный авторитет республиканской партии по вопросам внешней политики, признает и ошибку высших правительственных чиновников и их высокомерие. Упомянув о том, что некоторые промышленники говорили ему в 1948 году, что русские скоро будут иметь атомную бомбу, он пишет:

«Весной 1949 года я знал, что наши ведущие специалисты были тогда убеждены, что пройдет, вероятно, не менее пяти лет или больше, прежде чем русские смогут делать атомные бомбы...»

Официальным кругам, повидимому, была свойственна магия величия...»¹

Американские лидеры поступили бы лучше, поверив Молотову, когда он еще в 1947 году намекнул, что американская монополия на атомную энергию больше не существует. Но всем казалось — и это важно отметить, — что решающим фактором здесь являются не научные знания, которыми, как предполагало большинство специалистов, Советский Союз обладал, а промышленная мощь и технический уровень Советского Союза. Как же в таком случае обстоит дело с утверждением, что Советский Союз «похитил» секрет атомной бомбы с помощью шпионов?

Один из виднейших физиков США Гарольд Урей, работавший над созданием атомной бомбы, писал в мае 1950 года:

«...давайте не будем обманывать себя, полагая, что наш конкурент достигает успеха только путем похищения наших секретов. Нужны большие знания, чтобы понять суть похищенных секретов, и высокий уровень развития промышленности, чтобы практически их использовать»².

Все специалисты рассматривают вопрос атомного производства прежде всего как вопрос промышленной мощи, а не вопрос научных «секретов». Это обстоятельство является основанием для разоблачения шпиономании, используемой в Америке для раздувания «военного психоза». В свете его, в частности, становится очевидной несправедливость приговора, вынесенного судьей Кауфманом по делу Этель и Юлиуса Розенбергов, которые были приговорены к смертной казни. В истории США ни разу до этого не было случая, чтобы гражданский суд в мирное или военное время вынес смертный приговор за шпионаж.

Обосновывая свой приговор, судья заявил, что преступление состояло в «передаче в руки русских секрета атомной бомбы за много лет до того, как по предсказаниям наших лучших ученых Россия могла завершить работу над бомбой...»

Это противоречит фактам. Темпы работы над созданием атомной бомбы у русских зависели в первую очередь от уровня развития их промышленности — таково было мнение, кото-

¹ Джон Фостер Даллес, *Война или мир*, Нью-Йорк, 1950, стр. 111.

² Письмо в газету «Нью-Йорк таймс», датированное 11 мая 1950 г.

рое разделяли все ученые, генералы и дипломаты. К тому же Дэвид Грингласс, который показал, что он передал чертежи бомбы русскому агенту по наущению Розенбергов, не был ученым и не обладал специальными знаниями в этой области. Как указывал ведущий научный журнал «Сайэнтифик америкэн», «газеты как раз проглядели то, что без количественных данных и других необходимых сведений бомба Грингласса не представляла секрета»¹.

Журнал «Тайм» отметил, что «некоторые его [Грингласса] показания не имели значения с научной точки зрения»².

Все эти авторитетные мнения являются доказательством того, что Розенберги не могли передать Советскому Союзу чего-либо такого, что дало бы ему возможность на годы ускорить создание атомной бомбы. Вынесение им смертного приговора при обстоятельствах, не имеющих прецедента в нашей истории, является актом тем более скандальным, если вспомнить, что ни один человек не был приговорен к смерти за помощь врагу во время второй мировой войны. Нацистских шпионов приговаривали к тюремному заключению на сроки от 5 до 15 лет. «Нацистка Сэлли», осужденная за измену Соединенным Штатам, была приговорена к десятилетнему тюремному заключению.

Дело четы Розенберг разбиралось в период с июня 1944 года по январь 1945 года. В то время Советский Союз был нашим боевым союзником в войне не на жизнь, а на смерть против нацистской Германии.

Решение судьи, вынесшего смертный приговор, не имеет ни фактических оснований, ни прецедентов. Оно было исключительно проявлением варварства.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Распутывая клубок лжи

Многие лица, чьи высказывания цитировались в этой книге, являются или являлись дипломатами. Дипломаты — это люди, которые специально обучены искусству скрывать свои мысли, недоступному рядовому человеку.

Выдающимся образцом этого может служить книга Бирнса «Откровенно говоря», в которой он намечает свой план войны, рассматривавшийся в тринадцатой главе. На самом деле Бирнс не говорит откровенно, поэтому его предложения подвергаются ниже подробному анализу. Вот справочник по дипломатическому языку, рассчитанный на рядового человека.

¹ *Сайэнтифик америкэн*, май 1951 г.

² *Тайм*, 19 марта 1951 г.

«Мне могут сказать: а что если Советский Союз откажется подписать такой договор, что тогда?»

«Если советские войска будут выведены из Германии, отпадет необходимость в каких-либо действиях со стороны других держав».

«Но если Красная Армия не будет выведена, мы должны в крайнем случае обратиться в Совет Безопасности ООН».

«Оккупационные армии должны находиться в Восточной Германии, как и во всех остальных частях Германии, лишь временно, и только до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о мирном договоре».

«Если Советы будут держать там свои войска после того, как подавляющее большинство союзных держав договорится о мирном урегулировании...»

«...то это будет свидетельство о намерении Советов удерживать в течение неопределенного времени территорию, предоставленную им только на период оккупации».

Уже в силу самой постановки вопроса в такой форме на СССР возлагается вина; дело изображается так, как будто СССР, отказываясь подписать этот договор, тем самым препятствует заключению мирного договора.

До сих пор позиция СССР сводилась к тому, что он ничего не предпринимал. Но своими словами Бирнс создает впечатление, будто СССР ведет себя как-то так, что возникает «необходимость» предпринять «какие-либо действия».

Никто не заставляет Бирнса обращаться куда бы то ни было. Когда он говорит «мы должны», он подразумевает мы «хотим». Он ловко использует фразу «в крайнем случае», которой здесь придано значение «в качестве следующего шага» и которая кажется безобидной. Однако, когда он далее употребляет слово «крайний» в сочетании со словом «мера», то есть говорит: «принять крайние меры», то тогда эта внешне невинная фраза означает «войну».

Типичный пример полуправды. Это до определенной степени верно, но здесь не все сказано. Чтобы это положение было правильным, следовало бы сказать: «до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о мирном договоре между всеми оккупирующими державами».

Совершенно неправильная постановка вопроса. Не все союзные державы уполномочены принимать какие-либо решения относительно Германии; это право имеют только те из них, которые действительно сражались против нее, то есть Англия, США и СССР; при этом даже они могут принимать решения, касающиеся *всей* Германии, только путем *взаимного соглашения*.

Явная ложь. Это свидетельствовало бы лишь о том, что Советский Союз не придает значения так называемому «мирному договору». Однако Бирнс уже убедил доверчивого читателя, что от СССР нельзя ожидать ничего хорошего.

«Такие действия представили бы угрозой всеобщему миру».

«Но могут возразить, что Советский Союз наложит вето на всякое мероприятие Совета Безопасности».

«Поскольку я считаю нецелесообразным предлагать какую-нибудь конкретную линию поведения, если мы не хотим осуществлять ее на практике, следует обсудить ситуацию, которая в таком случае возникнет. Нам не следует начинать ничего такого, что мы не готовы довести до конца».

«Прежде всего позвольте мне сказать, что я не верю, что Советский Союз вынудит нас пойти на крайние меры».

«Если мы хотим, чтобы наши действия увенчались успехом, мы должны сами ясно представить себе и разъяснить всем, что мы готовы пойти на эти крайние меры...»

«...если мы будем вынуждены сделать это в интересах всеобщего мира».

Этот образец лицемерия следует иметь в виду, читая газеты, которые используют, например, такие звучные фразы, как «создание ситуаций силы» против Советского Союза, что означает окружение СССР воздушными базами для атомных бомбардировщиков.

Это неверно. Если Советский Союз содержит оккупационные войска, то это является оккупацией совершенно законной и совершенно мирной. Бирнс употребляет фразу «угроза миру» умышленно, с тем чтобы придать своим последующим действиям через Организацию Объединенных наций видимость законности.

Излагая далее эту надуманную дискуссию между им самим и воображаемым собеседником, Бирнс придает ей видимость чего-то реального и заставляет читателя солидаризироваться с ним в борьбе против Советского Союза, который якобы занимается обструкцией.

Каждый американец сразу же согласится с этим — да, не следует начинать ничего такого, чего не можешь довести до конца. Но Бирнс провоцирует не какой-нибудь кулачный бой, а атомную войну. Может быть, это как раз то, чего мы вообще не хотим доводить до конца или даже начинать. Но заметьте, каким мудрым он выглядит, рассматривая этот вопрос со всех сторон, разглагольствуя о «ситуации, которая может возникнуть», давая понять, что она может и не возникнуть, но он просто должен заглядывать вперед.

Не беспокойтесь, говорит Бирнс, в действительности нам не придется воевать. Этим утверждением всегда прикрываются реакционеры. Не беспокойтесь, говорил Макартур, китайцы не будут воевать. Заметьте также, что Советский Союз «вынуждает» нас прибегнуть к войне. Мы собираемся на них напасть, но они в этом виноваты.

Под этим подразумевается предъявление ультиматума Советскому Союзу: Убирайтесь, не то мы будем стрелять — «пойдем на крайние меры». Фраза «крайние меры», как уже разъяснялось, означает войну.

Во всем мире был мир, когда Бирнс писал эти слова. Чтобы сохранить этот мир, заявил Бирнс, давайте начнем войну.

